

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83

2

Москва
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83 № 2

Апрель—Май—Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 Г.

МОСКВА
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 83 Issue 2

April—May—June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2023

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910018738-4

«КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ» КАК ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЕГИПЕТСКОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

Текст Dendara IX, 152.15 упоминает два эпитета бога Хора Бехдетского: *km nhh* «конец вечности» и *n mrh=f* «бессмертный», — в которых категория «вечности» противопоставляется «бессмертию». Данное исследование содержит лексикографический и контекстуальный обзор источников о божественном эпитете *km nhh* «конец вечности». Комментарий ставит целью проследить эволюцию форм и значений глагольной формулы *r km nhh / r km dt* «пока не завершится вечность» вплоть до ее превращения в теологическую категорию. Именная форма *km nhh* «конец вечности» засвидетельствована лишь в Dendara IX, 152.15 и в Edfou VII, 270.1. Эти тексты впервые отождествляют бога с началом и концом вечности, хотя, как правило, он характеризуется как «начало и конец» богов. Кроме того, термин *km* «итог» в титуле *km nhh* показывает бога не просто абстрактным пределом вечности, а силой, которая уничтожает вечность как негативную стихию. История титула *km nhh* «конец вечности» является примером трансформации элемента мифологической риторики в теологическое понятие, противопоставляющее время пространству вечной жизни.

Ключевые слова: позднеегипетская религия, древнеегипетская эсхатология, мифология бога Хора, Дендара

‘THE END OF ETERNITY’ AS A THEOLOGICAL CATEGORY IN THE EGYPTIAN ESCHATOLOGY

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН. Статья начата в начале сентября 2020 г., отправлена в редакцию ВДИ 21.02.2022. Автор выражает глубокую признательность Д.О. Сычеву и А.А. Ильину-Томичу за неоценимую помощь в ходе работы над статьей.

The text Dendara IX, 152.15 mentions two epithets of Horus of Behdet: *km nhh* ‘end of eternity’ and *n mrh=f* ‘immortal’, where the category of ‘eternity’ is opposed to ‘immortality’. The present study contains a lexicographical and contextual review of the sources on the divine epithet *km nhh* ‘end of eternity’. The commentary aims to trace the evolution of forms and features of the verbal formula *r km nhh / r km dt* ‘until eternity ends (until the end of eternity)’ up to its transformation into a theological category. The nominal form *km nhh* ‘end of eternity’ is attested only in Dendara IX, 152.15 and Edfou VII, 270.1. These texts for the first time identify the god with the beginning and the end of *eternity*, although he is usually characterized as ‘the beginning and the end’ of the *gods*. In addition, the term *km* ‘total’ in the title *km nhh* ‘end of eternity’ shows the god not just as an abstract limit of eternity, but as a force that destroys eternity as a negative element. The history of the title *km nhh* ‘end of eternity’ is an example of transformation of a feature of mythological rhetoric into a theological concept that opposes time to space of eternal life.

Keywords: late Egyptian religion, Ancient Egyptian eschatology, mythology of Horus, Dendara

ВВЕДЕНИЕ: ОБ ЭПИТЕТАХ БОГА В DENDARA IX, 152.13–15

В храмовых текстах Греко-римской эпохи приводятся обширные описания функций бога в пространстве космоса, богов и людей. В них, в частности, речь идет о времени и степени его воздействия на волю, жизнь и действия бога-универсума, соответствии пределов вечности с божественной субстанцией, сущности бессмертия как бытия за границами времени, гибели богов, воплощающей конец развития вселенной. Концепт демиурга (*km³ / shpr wnnt / jht nbt* «творца всего сущего» и др.) является лишь отдельным аспектом универсальной доктрины божества-абсолюта как стержневой фигуры пространства, в котором рождаются и умирают боги. Центральное место среди источников о нем занимают эпитеты *h3t ntrw hpr hr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии», которые содержатся в описаниях деятельности Хора в разных ипостасях.

Как известно, эпитет *h3t ntrw* «начало богов» в поздних текстах (начиная с IV в. до н.э.) сочетался в основном с двумя фразами: либо с *hpr hr-s3* «возникающий после», либо с *phwj psdt* «конец Эннеады», поэтому его можно считать открывающим тезисом в связках двух классических антитез¹, характеризующих бога как абсолют, «Альфу и Омегу» мироздания. Отношения бога и времени внутри этих антитез распадаются, таким образом, на космогонический и эсхатологический аспекты, из которых конец времен является главным объектом данного исследования как теологическая концепция.

В первой части этой работы² были подвергнуты анализу 8 текстов, которые, за исключением Стелы сатрапа, 10–11 (*Urk.* II, 18.3), почти не содержат иных эсхатологических мотивов в блоках божественных эпитетов. Оставшиеся тексты 9–11, напротив, приводят дополнительные данные о божестве в конце времен, поэтому

¹ Сочетание *h3t ntrw hpr(w) m-h3t* «начало богов, возникающих вначале», известное из текстов в Эсне (Esna II, 117.3; варианты: Esna II, 163.16; III, 232.6 (108); VI, 507), не является антитезой, так как эпитет *hpr(w) m-h3t* «возникающие вначале» характеризует богов, а не Хора.

² Bogdanov 2022, 5–31.

Текст 9. Dendara IX, 152.13–15³, которому посвящено дальнейшее повествование, содержит четыре эпитета в форме двух антитез, представляющих божество как воплощение границ жизни богов и конца времени. Они являются частью комментария к сцене подношения царем Хору Бехдетскому эликсира *h_{rw}*-^{с4}. Эпитеты *h3t ntrw hpr hr-s3* принадлежат Хору Бехдетскому:

³ Датируется временем правления Клеопатры VII Филопатора. Схематический набросок сцены: Dendara IX, pl. 879.

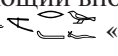
⁵ Еще в текстах Древнего и Среднего царств была сформулирована разница значений близких лексем *snd* / *nrw* при определении характера военных действий, которые вело государство: «страх»-*snd* перед царем внушали внутренним врагам при подавлении мятежа (употреблялось, например, в выражении *snd n pr nswt* «страх перед государством»: Bogdanov 2005, 10, прим. 53), а «ужас»-*nrw* перед Хором (т.е. царем) его полководцы внушали чужеземным странам, когда осуществляли экспансию. Эти отношения отразились, в частности, в двух эпитетах военачальников: *dd snd nswt* (*pdwt*-9) «внушающий страх перед царем (народом девяти луков)» (Kanawati, Evans 2016, 25, pl. 4, 82a; см. также *Pyr.* 197b; *Wb.* IV, 183.17–20; Hannig-Lexica 4, 1167: выражение *dj(w) snd* «устрашение» в I Переходный период означало карательные походы внутри страны) и (*w*)*dd nrw hr (m h3swt)* «распространяющий ужас перед Хором (среди чужеземцев)» (*Wb.* II, 278.2; Jones 2000, 1009 (3739); глагол *wdj* «класть» с дополнением *nrw* остается еще в эпоху Нового царства, хотя уже в Текстах саркофагов он меняется на глагол *rdj* «давать», который при XIX династии полностью вытесняет *wdj* из этого сочетания).

⁶ В связке *nb snd ʕ nrw* «владыка страха, ужас пред которым велик» эпитет *ʕ nrw* (*Wb.* II, 278.4; *LGG* II, 30–32) построен по модели *nfr(t)-hr* «прекрасноликий / прекрасноликая» с адвербиальным предикатом *ʕ* перед *nrw*. Здесь и далее эпитеты типа *nfr(t)-hr* понимаются как разновидность имперфектной относительной формы с имплицитным субъектом и переводятся, как правило, с переносом роли синтаксического субъекта на второй компонент эпитета, например: *dd3 jw3w* «жирно-скотный» > «тот, чей скот жирён», *ʕ3 mrt* «многочелядный» > «тот, у кого много челяди», *m3ʕ hrw* «правогласный» > «тот, чей голос правдив», и т.п. (ср. Jansen-Winkel 1994, 51–75; 1996, 225–226, § 381–383); в новоегипетском эта конструкция вводится относительным прилагательным *ntj(t)* «тот/та, кто есть» и замыкается местоимением-суффиксом =*f/ʕs* «чей», например: *ʕ3wt w3wt* (эпитет Атона) > *p3 ntj n3 ʕ3w n3j=f w3wt* (эпитет Шу) «тот, чьи пути многочисленны» (*Urk.* VI, 125.3–4 = Altmann 2010, 101–102).

⁷ Сетх фигурирует под псевдонимом *nhs* (*Wb.* II, 287.14–17; изначально – «гиппопотам», ср. *LGG* IV, 269: «зверь Сетха»). Это имя встречается в поздних текстах, и его не следует путать с эпитетом *nhz* «пробудившийся» (Hornung 1963, II, 22 (49), 103 (3); *LGG* IV, 267–269), который применялся к покойнику, оказавшемуся в преисподней. Об эпитете *wnp nhs* «пронзающий Сетха»: Wilson 1997, 234; *LGG* II, 403–404.

убивая Злокозненного⁸ и защищаясь от врагов⁹, он — начало богов, возникающий впоследствии, конец вечности, бессмертный».

Аттестация построена по следующей синтаксической модели: 1) псевдоглагольная конструкция *wnn* А + эпитеты В + *hr* + инфинитивы от глаголов *wnr* «пронзать» — *hwj* «бить» — *jrj* «делать» + 2) адвербиальное именное предложение *sw m* + эпитеты С. В результате получается обстоятельственная конструкция: «покуда (или поскольку) А (является и действует) как В, он (находится в положении) С».

Пример Dendara IX, 152.13–15 важен тем, что здесь известная формула *ḥ3t ntrw ḥpr hr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии» дополняется уникальным сочетанием *km nḥḥ n mrḥ=f* «конец вечности — бессмертный»; так образуется связка двух антитез: «начало — последний» и «конец — непрерывный». Вторая антитеза преобразована из формул вечного существования: *r km nḥḥ* «пока не завершится вечность» и *n mrḥ* «непрерывно / не истлевающая»: первая из них стала номинацией божества как воплощения конца вечности, а вторая превратилась в именной эпитет, отрицающий возможность гибели бога, став образцом применения апофатки как метода осознания метафизической (неразделимой изнутри и неразрывной во времени) сущности божественного бытия, т.е. бессмертия. Так оба глагольных образования превратились в уникальные титулы, которые не характеризуют действия бога, а номинируют саму его сущность как субъекта. Элементарный грамматический анализ этих фраз позволит раскрыть особенности процесса превращения стандартных глагольных формул в божественные имена в теологических текстах. Первая часть исследования посвящена анализу божественного титула *km nḥḥ* «конец вечности», вторая часть — эпитета *n mrḥ=f* «бессмертный».

1. ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМУЛА (*r*) *km nḥḥ* «ПОКА НЕ ЗАВЕРШИТСЯ ВЕЧНОСТЬ» И ЕЕ ВАРИАНТЫ

Выражение (*r*) *km nḥḥ* / (*r*) *km ḏt* «пока не завершится вечность» широко употреблялось в значении «навсегда, навсегда» в конце разных ритуальных или юридических постановлений по традиции, восходящей к древнему клише *ḏt r nḥḥ* «навсегда и навсегда». Оно встречается в текстах с чередованием разных терминов для вечности: со времен Нового царства в форме (*r*) *km ḏt*¹⁰ и в форме (*r*) *km nḥḥ* — с III Переходного периода¹¹. Сочетание *r km nḥḥ* / *r km ḏt* нельзя считать именной формой «до конца

⁸ Имя *nbḏ* «злокозненный» — еще один псевдоним Сетха (*LGG* IV, 199–201). Эпитет *hwj nbḏ* «убивающий злокозненного» отмечен в Dendara XI, 83.13 (*LGG* V, 59).

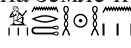
⁹ К выражению *jrj mkt=f/nht=f r sbjw(=f)* «защищаться / держать оборону от (своих) врагов»: Dendara II, 153.5; см. также Cauville 1999, 234–235: «qui fait sa protection contre les ennemis»; варианты (в том числе со словами *ḥftjw/rkḳw* «противники», а также от лица богини, в женском роде): Dendara I, 47.9; 48.14; 51.13; 114.3; II, 148.9; III, 70.4; IV, 31.1; 140.1; Edfou VII, 274.4; с реконструкцией: Kom Ombo 194.4 (de Morgan *et al.* 1895, 148); Deir Chelouit I, 40.11. Пространная форма эпитета: *nḥf ḥw(j) t3 jrj mkt r sbjw* «он тот, кто защищает страну и держит оборону от врагов»: Leitz 1995, 31–32 (34. Dekade).

¹⁰ Древнейший пример: *KRI* V, 24.2 (5-й год правления *r^c-msj-sw* III).

¹¹ Древнейший случай с *nḥḥ* отмечен в составе формулы *r km nḥḥ ḏt* «до конца двух вечностей» на стеле *wr 3 n(j) m^c* «великого князя народа *m^c*» *ššnk*, в будущем — основателя XXII династии (Cairo JdE 66285, стк. 9: *JWIS* I, 160. Конец XXI династии). См. также Jansen-Winkel 1996, 177.

вечности», оно употреблялось только как глагольная форма (*r*) *sdm=f* «пока не завершится вечность»¹², субъектом в которой выступает *nḥḥ / dt* «вечность»¹³. Сравнительно ранняя эпитафия на кубоиде *nḥt=f-mwt* (A) / *dd-dḥwtj-jw=f-ḥ* (B) использует эту конструкцию в форме *r km n=f nḥḥ* «пока для него не завершится вечность»¹⁴:

h3 jmj mn wj n n tšj r km <n>=n nḥḥ n(j) rmt «ах, если бы нам можно было остаться, не разлучаясь, пока (для) нас не завершится человеческая вечность».

Сочетание *nḥḥ n(j) rmt* «человеческая вечность» уникально, это понятие объединяет время жизни на земле и посмертное существование. Кроме того, пример *r km <n>=n nḥḥ n(j) rmt* «пока (для) нас не завершится человеческая вечность» имеет дативное дополнение, что подчеркивает глагольный характер формулы. К ней известна и параллель *km n=f/s nḥḥ* «для него/нее завершится (все), когда (завершится) вечность», которая встречается в нескольких текстах Эдфу также как инверсивный вариант распространенного оборота *r km nḥḥ* «пока не завершится вечность». Ее синтаксис исключительно сложен — можно сказать, что действующие лица в этой фразе поменялись ролями: конверб стал именной конструкцией, а субъект сам стал объектом сравнения. Обычные гарантии существования субъекта или объекта «до конца вечности» здесь подверглись поэтической обработке, с ломкой грамматической структуры и вплетением в контекст сравнения с постоянством Солнца и вселенной. Приведу наиболее показательные образцы.

Edfou VIII, 53.15–16 (о вечности завещания или описи имущества *jmjt-pr*):

dd-mdw jn dḥwtj ʕ ʕ ... sphr gnwt n(j)t jt=f swd jmj(t)-pr n nb=s dd=s rḥ km n=s nḥḥ jnj <n=s> phwj n(j) dt «изречение Тота Дважды величайшего¹⁵... составившего анналы своего отца и передавшего завещание его владельцу; оно незыблемо — (незыблем и) Ра, для него завершится (все) — (завершится и) вечность, <ему придет конец> — (это будет и) конец вечности»¹⁶.

¹² Слово *km* в этом выражении понимается именно как глагол «завершаться» и в словарях (*Wb.* V, 130.2; Wilson 1997, 1086), и в прочей научной литературе. Встречающийся перевод именной конструкцией «до конца вечности» чаще всего является не ошибкой грамматической интерпретации, а простой стилистической вольностью.

¹³ Ср. написание *n 3b r km{tj} dt* «беспрерывно, пока не кончится вечность» на жертвеннике *hr-ms*: ex-Guimet D3 = Louvre E 19956 (URL: collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010009425; дата обращения: 23.04.2023). Датировка: рубеж царствований Птолемея III и IV. Ахмим.

¹⁴ Cachette de Karnak T 35 = Cairo JdE 91720, правая сторона, стк. 4: Jansen-Winkeln 1987, 240 (Abb. 3), 243, 252–253 (Anm. 28–29: Карл Янзен-Винкельн представил местоимение-суффикс 1 л. pl. *n* «мы» как субъект в конструкции *km=n nḥḥ*, хотя, на мой взгляд, здесь сочетание *<n>=n* «для нас» высечено гаплографически, а субъектом все равно остается *nḥḥ* «вечность»); *JWIS* II, 150. Эпитафия составлена сыном владельца статуи, *hr-z3-st* (C), после его смерти, при Осорконе III. Параллель: Dendara III, 116.10: *n tšj=s r=f km dt* «она не разлучится с ним, (пока не) кончится вечность» (здесь вместо конверба *n tšj* «неразлучно» употребляется форма *n sdm=f*).

¹⁵ Или «Дважды великого»; собственно, «Великого и Великого», так как греческого эквивалента Тот *Дисмегист* для имени *dḥwtj ʕ ʕ* не существовало, см. Quaegebeur 1986, 531–532; *LGG* II, 15.

¹⁶ Ср. Kurth 1998b, 99: «Ihre Dauer ist (die des) Re, ihre (zeitliche) Vollendung (die der) Neheh-Ewigkeit, <ihre> (zeitliche) Bestimmung die Grenze der Djet-Ewigkeit».

Edfou VIII, 5.15–6.2 (о вечности пилона):

(*sb3 šps ...*) ... *dd=s r^c km n=s nh^h jnj [n]=s phwj [nj] dt* «(величественная дверь ...) она незыблема — (незыблем и) Ра, для нее (все) завершится — (завершится и) вечность, а настигнет ее конец — (это будет) конец вечности»¹⁷.

Edfou VIII, 15.1–2 (о вечности пилона):

(*sb3 šps ...*) *dd=s pt km n=s t3 jnj n=s drwj dt* «(величественная дверь...) она незыблема — (незыблемо и) небо, когда для нее (все) завершится — (пропадет и) земля, а когда ее настигнет конец — (это будет и конец) вечности»¹⁸.

Последний пример уточняет грамматику фраз в этом перечне гарантий вечного существования в параллельных текстах. Здесь в первой части предложения срок существования пилона вырван из границ вечности и помещен в пространство жизни вселенной: предмет существует даже не до конца вечности, а до конца мира вообще, до апокалипсиса. Сравнения с вечностью неба и с гибелью земли в Edfou VIII, 15.1–2 явно взаимосвязаны как антитезы; следовательно, должна быть сходной и грамматика параллельных фраз, где «небо» и «земля» заменены на «Солнце» и «вечность».

В. Вайткус¹⁹ понимает фразы с гарантиями вечности пилона как номинальные именные предложения с повтором начальных элементов, выраженных субстантивированными причастиями. И впрямь, на первый взгляд эти фразы смоделированы как аппозиции именных предложений с эллипсом имени (А) во второй части: А (n) NN.1 = (А) NN.2, например: *dd=s r^c* «оно незыблемо — (незыблем и) Ра». Тем не менее, приняв форму именной аппозиции, все предложения в перечне остались обстоятельственными, следовательно, А является глагольным предикатом в обеих частях сопоставления имен.

Еще сложнее сравнение конца события с концом времени выражено в панегирике царю Птолемею X Александру I, который возвещает ему вечное правление²⁰:

jsw hr=f hr r3-^cwj=f m k3t mnht km n=f nh^h m nswt dt m bjtj nswjt n(jt) r^c hn^c jtm «воздаяние ему за его подвиги в добродетельном труде — (в том, что когда) у него закончится век как царя Верхнего Египта и вечность как царя Нижнего Египта — (это будет и конец) царствования Ра и Атума».

Здесь простая формула о царствовании «до конца вечности» заменена длинной риторической фразой о том, что оно закончится одновременно с владычеством Ра и Атума. Конструкция с глаг. *km* «заканчиваться», казалось бы, представлена в форме *s_{dm}=f* с двумя субъектами, однако в реальности это вновь именная аппозиция: А *n=s* (NN.1) = (А) NN.2, где А — глагольный предикат, т.е. обе ее части (А NN) являются номинальной формой *s_{dm}=f*. Четкой последовательности событий в таком сочетании фраз нет: синтаксический строй именных предложений ставит субъектом вторую часть аппозиции с эллипсом предиката: *km n=f*

¹⁷ Ср. Kurth 1998b, 9–10. Аналогичный пример, лучше сохранившийся: Edfou IV, 328.9–10.

¹⁸ Ср. Kurth 1998b, 30: «Ihre (der Tür) Dauer ist (die des) Himmels, ihre (zeitliche) Vollendung ist die (der) Erde, ihre (zeitliche) Bestimmung ist die [Grenze] der Djet-Ewigkeit».

¹⁹ Kurth 1998b, 10, Anm. 3.

²⁰ Edfou VI, 9.11–12; ср. Kurth 2014, 13.

nḥḥ ... nswjt n(jt) r^c ḥn^c jtm «царствование Ра и Атума — (то, что завершится, когда) для него завершится вечность ...».

Из всего перечня наиболее ясна грамматика предложения *dd=s r^c* — «(пока не-зыблем) Ра — и она незыблема»²¹ в Edfou VIII, 6.1 и 53.16. Синтаксическая схема *A n=s (NN.1) = (A) NN.2* сохраняется и в предложении *jnj n=s drwj dt / jnj n=s phwj n(j) dt* «конец вечности — это (тот конец), что ее настигает», где субъект представлен генитивным сочетанием *drwj dt / phwj n(j) dt* «конец вечности», а его ядро, *drwj / phwj* «предел/конец», из предикативной части именного сопоставления *jnj n=s* «то, что ее настигает» удалено. Нетрудно заметить, что формулировки *jnj n=s drwj dt / jnj n=s phwj n(j) dt* «когда ее настигнет [конец] — (это будет) конец вечности» являются инверсиями распространенного божественного эпитета *jnj phwj n(j) ḥntj* «тот, кто достигает конца времен»²²; в гарантиях вечного существования объекта во всех примерах из Edfou VIII действие выполняет второй субъект, т.е. объект (пилон или завешание) не достигает конца времен, напротив, его самого не минует разрушение, лишь когда закончится вечность²³.

²¹ Царские «солнечные» имена IV династии и позже моделировались по аналогичной схеме, как аппозиция «именной *sdm=f* — именной *sdm=f*» с эллипсом глагольного предиката перед синтаксическим субъектом во второй части предложения, например: *dd=f-r^c* — «(незыблем) Ра — незыблем он», *ḥ^cj=f-r^c* — «(восходит) Ра (на небе) — восходит он (на престол)». Чтение царских имен Древнего царства — одна из сложнейших проблем, и я исхожу из тезиса, что царское имя как предложение всегда представляло собой именную аппозицию, как и в так называемых хоровых именах (например, *hr mddw* «Хор избранный», *hr ḥpr* «Хор воплощенный»); соответственно, именно Ра (или *k3=f* «его Ка» — крайне редко встречающееся в староегипетской частной антропонимике обозначение отца ребенка в противовес обычному обозначению самого ребенка — *k3=j* «мой Ка») выступал синтаксическим субъектом, с действием которого отождествлялось состояние царя, выраженного либо местоимением-суффиксом 3 л. sg. (например, в имени *wsr-k3=f*), либо понятием *k3* «двойник» (например, в имени *nfr-k3-r^c*). Царские «солнечные» имена Древнего царства не совпадали по грамматике с похожими антропонимами частных лиц (например, *dd=f-r^c* не соответствует модели имени *hr-dd=f* «Хор — он незыблем», где *dd=f* является эпекзегезой, ср. Gundacker 2014, 62, 73), поэтому последние не подходят как сравнительный материал для грамматического анализа царских имен (хотя личные имена для интерпретации царских широко используются в науке, см., например, Gundacker 2013, 37–42).

²² Основные источники: *Wb.* I, 536.19; *LGG* I, 374. Выражение *jnj drw* «достигать границ» применительно к вечности встречается, например, в надписи на статуе Cairo TN 31/5/25/10, стк. 2–3: *(r) km dt jn drw=s hr-tp t3* «(пока не) закончится вечность и не будет достигнута ее граница на земле» (Jansen-Winkel 1999, 126–127, Abb. 5; *JWIS* II, 210), а также в *P. Cairo* CG 58032, 8–9 и *P. Cairo* CG 58033, 7–8: *jnj drw n(j) nḥḥ* «достигающий границ вечности» (*JWIS* I, 131, 144; см. Assmann 1999, 321); все эти тексты относятся ко временам XXII–XXIII династий.

²³ Выражение *jnj drw* (*Wb.* I, 91.2–3) часто используется как синоним *jnj phwj* «достигать предела» (Lorton 1974, 73–76; Galán 1995, 128–132; *Pyr.* 416a–b; Hannig-Lexica 5, 2847; ср. *Wb.* I, 536.18) и «положить конец» (самый ранний пример: стела Cairo JdE 71901, стк. 2–3; Galán 1994, 65–66 (fig. 1), 70; Omar 2008, 72–74: *jnj drw rswt nḥsjwt* «положивший конец нубийским мятежам»; поздние источники: Wilson 1997, 1240–1241; *LGG* I, 383; Kurth 2014, 484, Anm. 4; ср. *Wb.* I, 536.19; *LGG* I, 375). Еще одно значение *jnj drw* применительно к понятиям — «полностью постичь (сущность

Синтаксический анализ этой фразы позволяет лишний раз подчеркнуть глагольный характер предиката *km* в именной аппозиции *km n=f/s nhh* с «вечностью» *nhh* в качестве синтаксического субъекта: «(завершится) вечность — (вот тогда) завершится (все) и для него/нее», также построенной по модели *A n=f/s (NN.1) = (A) NN.2*. В отличие от обычных фраз с формулой *r km nhh* «пока не завершится вечность», где объект помещен в мифологический процесс жизни вселенной, поэтические антитезы отказываются от гарантий существования объекта «до конца вечности» и вписывают его в общий сюжет о гибели всего сущего, который является реальной границей времени. Иными словами, отсчет жизни объекта, взятого для сравнения, инвертируется, ведется с конца; акцент в описании пределов его существования смещается на символы времени: вечность, Солнце, небо и земля — именно они становятся субъектами и гарантом развития, в момент прекращения которого гибнет и объект (например, пилон).

Все поэтические фразы с дативным дополнением рождены из глагольной формулы *r km nhh* «пока не завершится вечность». Лирическим является и эпитет *km nhh* «конец вечности» в Dendara IX, 152.15, однако здесь он представляет собой именной вариант разных глагольных форм.

вещи)» / «достичь предела (в науке, доблестях или добродетелях)» — засвидетельствовано в текстах со времен XII династии; см., например, 1) Поучение Птаххотепа Р 55, 57 (Žába 1956, 20); 2) Стела BM EA 141 [562], стк. 5 (Budge 1912, pl. 24); 3) Поучение Аменемхета I, 10с (*jn.j.n=j (r/hr) drw (m) hpšwt m hpš=j m hprw=j* «то, что я достиг совершенства в завоеваниях, значит, что взятое мною силой — это то, что я (сам в себе) воплощаю»); Adrom 2006, 62; ср. Buchberger 1993, 503; к значению глагола *hpš* «завоевывать, брать силой, покорять» см. *Wb.* III, 270.8; примеры: Kurth 2012, 80; Admonitions 1.6: *mj hr hpš* «давай возьмем силой!» (Enmarch 2005, 21); вопреки сомнениям отдельных исследователей (см., например, Enmarch 2008, 68–69), глагол *hpš* «покорять» отмечен еще на старо- и среднеегипетском лексическом материале: Grunert 2011, 130; Hannig-Lexica 5, 1873; к этой аттестации примыкают: 4) *Urk.* IV, 1959.6 (*jn.j drw n nht* «достигший предела в победах») и 5) Эпитет гиксосского царя ʿ3-wsr-rʿ *jppj* на вазе из Альмунькара (*jn.j b3w=f drw nhtw* «чье могущество достигло пределов в победах»: Radró, Molina 1986, 519, 521; Helck 1995, 2); 6) *Urk.* IV, 1438.16 и др. См. также Guksch 1994, 218, 248; Kucharek 2010, 241. Сходные мотивы звучат и в поэтической декларации *абсолютной праведности* покойного из серии exegé monumentum на статуе Cairo JdE 36967: *jn.j.n=j drww=j n s3h=tn shpr=j n=j ʿhʿw m mnhw* «я достиг своих пределов для вашей литургии, создав себе сокровищницу добродетелей» (Jansen-Winkel 1995, 172–173, Abb. 3, Taf. 3–4; *JWIS* II, 448). Вероятно, и апофатический эпитет Амуна в *P. Leiden* I 344, vso, II.8: *jwtj jn.j drw=f* «тот, чьи границы недостижимы» (Zandee 1992, I, 120–121; III, Taf. 2, 22; ср. *LGG* I, 158: «Der Unerreichbare») выбран для того, чтобы охарактеризовать его как трансцендентного бога. Интертекст *P. Berlin* P. 3049, IX.3 (Gülden 2001, 52, 54) вкладывает в эпитет Амуна-Ра уже другой смысл: *nrpj n rʿ nb n jn.j drw=f* «тот, кто омолаживается каждый день, тот, кому нельзя положить конец (т.е. бессмертный)». Все эти примеры показывают широкий разброс значений выражений *jn.j drw* / *jn.j phwj*, почти синонимичных, если не считать того, что *phwj* обозначают только крайние пределы, а *drw* — любые границы площади по периметру, в том числе начальные.

2. ИМЕННАЯ ФОРМА *km nhh* «КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ»

Этот титул бога имеет один²⁴ грамматический аналог²⁵: эпитет *km(w) nhh* «ведущие учет вечности», которым награждается пара змееголовых богов с именами *ḥꜥ(w) nfr* «хорошая жизнь» и *rnnt nfrt* «счастливая судьба» в Edfou VII, 270.1–2²⁶:

st m b3w ḥnhw nw ntrw [km(w)] nhh jrj(w) drw dt «они — живые души богов, подводящие [итоги] века, устанавливающие границы вечности»²⁷.

На основании этого пассажа ядро эпитета *km nhh* в Dendara IX, 152.15 понято в LGG VII, 288 как part. perf. act.: «Der die *nhh*-Zeit vollendet». Однако здесь оно не может быть дополнением «завершающий вечность» к эпитету *hpr hr-s3* «возникающий впоследствии». В подобных эпитетах ядро выражается причастием от глагола 2-rad. causativum *skm* «завершать»: *skm ḥꜥ(=f)* «завершающий (свою) жизнь», *skm dt* «завершающий вечность»²⁸; глагол же *km* в сочетании с хронологическими терминами чаще имеет значение «завершаться», реже — «завершать»²⁹; оба восходят к общему значению *km* «учитывать, считать». В разных контекстах место грамматического субъекта, «завершающего» действие, изменчиво; например, фраза «его жизнь сочтена» может быть прочитана и как *km n=f ḥꜥw* «жизнь для него закончена», и как *km.n=f ḥꜥw* «он закончил свою жизнь». Однако в сочетании с *nhh/dt* «вечностью» субъектом предиката *km* «завершаться» всегда выступает «вечность»³⁰,

²⁴ Эпитет *km dt* в гимне Хнуму-Па (Esna III, 263.24; правление Антонина Пия) следует читать как *km3 dt* «созидающий вечность» (так же: Esna V, 370: «qui créa l'éternité»; LGG VII, 206–207: *km3 dt* «Der die *dt*-Zeit erschafft»; иначе: Zandee 1992, II, 698: «der die Dauer vollendet (*km dt*)»). Этот эпитет засвидетельствован для разных богов со времен Нового царства. В текстах позднптолемеевского и римского периодов знак *km3* «бумеранг» мог читаться как *km*, и наоборот, знак *km* «чешуя крокодила» — как *km3* (Derchain-Urtel 1999, 90–92; Kurth 2007, 277 (17): *km = km3*, 296 (26): *km3 = km*); в Esna III, 263.24 отмечен как раз второй случай.

²⁵ Титул Осириса в Edfou V, 366.10, возможно, надо читать *hk3 km(t) n nhh* «правитель Египта навечно» (так — Cauville 1983, 142). Вторая версия: «правитель, завершающий вечность»? (ср. Kurth 2014, 625, Anm. 4: *hk3 km nhh*). Третья — вариант обычного титула «правитель вечности» (LGG V, 513; Kurth 2019, 696: «<Der Herrscher> der Ewigkeit»). Как бы то ни было, *km nhh* здесь не является именным эпитетом.

²⁶ См. также Kurth 2004, 507; Waitkus 2008, 273; Gill 2019, I, 428. Датировка: Птолемей X Александр I.

²⁷ Эти боги являлись воплощениями счастливой вечной жизни древних богов некрополя Бехдета после их похорон, что и отражено в приведенной характеристике; см. также Edfou IV, 254.9; 284.6: *rnprt=sn nhh dt* «две вечности — их возраст» (иное чтение: LGG IV, 350); Edfou VII, 269.8; Kurth 2004, 506, Anm. 9; Waitkus 2008, 280–282.

²⁸ В загадочном эпитете Осириса на стеле начальника трубачей (*hrj dd m šnb*) по имени *p3-dj(w)-jnj-hrt* конца Ливийского периода (?) : *nb nhh skm dt* «владыка вечности, завершающий вечность» (Coll. Feuillet de Conches: Legrain 1890, 202; ср. LGG VI, 663; см. также Dendara XI, 140.4). Стандартное сочетание эпитетов *skm.n=f dt jnj.n=f phwj (nj) hntj* «тот, кто завершает вечность, тот, кто достигает конца времен» (Edfou IV, 105.9; Dendara XIII, 76.11; Philä Photo Berlin 290; см. Kertmann 2019, 42, 67–68, 107, 176) обнаруживает интертекстуальность с Edfou VII, 270.1–2.

²⁹ Ср. *Wb.* V, 129.13–130.2; Chantraine 2020, 227–228, 255.

³⁰ Мнимое исключение — Edfou III, 87.11: *ḥꜥ=f nhh m hk3 hwt bjk km=f dt m nswt msn* «его жизнь — вечность, когда он правитель обители сокола, его служба — век, когда он царь

т.е. *km nhh* значит «завершается вечность», а не «завершать вечность». Только в Edfou VII, 270.1 и в Dendara IX, 152.15 действующими лицами и воплощениями конца вечности оказываются божества. При этом сочетание *km nhh* «конец вечности» в Dendara IX, 152.15 выделено как самостоятельный эпитет, где *km* является не субстантивированным причастием «завершающий», а понятием «итог»³¹, которое

Месена (Эдфу)» (период царствования Птолемея VIII Эвергета II); здесь *km* является термином «служба», букв. «исполнение»: *Wb.* V, 130.4; Edfou VII, 156.11 (где *km* явно значит «служба», ибо соответствует термину *wnwt* «час, урочная служба» в параллельных текстах Edfou V, 217.6, 293.3; VIII, 38.4); Egberts 1995, I, 319, n. 10; Kurth 2004, 283; иначе: Gutbub 1986, 399–400: «alors que son temps de vie est l'éternité comme souverain du Château du Faucon (nom d'Edfou), et qu'il accomplit la durée comme roi de Mése»; Kurth 1994, 124: «dessen Lebenszeit die Ewigkeit ist als Herrscher im Haus-des-Falken, der die Unendlichkeit vollendet als König von Mesen (Edfu)». Лексема *km* «служба, служить» часто не замечается исследователями, которые предпочитают переводить ее традиционно, в исходном значении *km* «исполнение, завершать». Хотелось бы затронуть некоторые исключительно важные (но далеко не единственные) примеры такого рода. 1) В гимне Амуну на стеле *swtj* и *hr* времен *jmn-htp* III периодической службой (*km*) названа способность глаз видеть лишь днем (BM EA 826, 6–7: *Urk.* IV, 1944.15–18): *km.n=k wnwt grh mjtt gsgs.n=k sw n hpr 3bw m k3t=k jrt nb(t) m33=sn jm=k nn km=sn hft htp hm=k* «равным образом, ты собираешь в целое и часы ночи, поделив ее так, чтобы не было остановки в твоих трудах; все глаза видят (только) благодаря тебе, и они не функционируют (т.е. закрыты), пока почивает твое величество». К переводу см. Barucq, Daumas 1980, 188, n.e): «il n'y a plus leur activité»; иное понимание значения слова *km* в этом тексте, от глаг. *km* «заканчивать»: Assmann 1999, 211 (89): «Jedes Auge, sie sehen durch dich, nichts können sie zu Ende bringen, wenn Deine Majestät untergeht», и многие другие. Параллели к первой части, о разделе и суммировании ночных часов: Книга мертвых, гимн BD 15C (Assmann 1971, 4, 6–7, 13–14, 19; Mosher 2016, 333–344); здесь встречается также выражение *km.n.k mj nt^c.k* «ты служишь так, как ты учредил» (иначе: Assmann 1971, 13: «du... machst sie vollzählig entsprechend deiner Aufgabe»; Mosher 2016, 333, 336, 341, 344: «you have completed like your custom»). Сочетание *jrt nb(t)* «каждое око» часто служит метафорой понятия «человечество» (*Wb.* I, 107.3–4; Grässler 2017, 289–291), однако здесь эта метафора, наоборот, обыгрывает исходное значение слова «глаз»: *jrt nb(t) ... nn km=sn* «все глаза... не функционируют», т.е. все люди спят, пока спит само божество. 2) Именной дериват *kmw* «служащий по режиму», букв. «режимный» от лексемы *km* в значении «служба по режиму» отмечен в P. Louvre N3292, K.8–11 (Nagel 1929, 55–56, pl. 4. Ливийская эпоха): *hnnj (=hnzj?) jwjt shn kmw n wrd n=f phrr 3 hpt sjn nmwt m d3j nwt* «странствующий без отдыха, служащий по режиму без усталости, стремительный, чьи взмахи весел широки, чье движение быстро, когда он переплывает небо». Обычно *kmw* в этом тексте понимают как «завершитель», см. Nagel 1929, 56: «qui l'achève sans se lasser»; Assmann 1999, 136: «Vollender, der nicht müde wird»; Quirke 2013, 524: «completer without any tiring»; LGG VII, 286–287. Параллели к данному фрагменту, где Ра во время плаванья по небу представлен в образе неутомимого моряка, крайне разнообразны (Valloggia 1991, 133–135, 135, n. i); Kertmann 2019, 210–212; а также Dendara III, 116, 125–126; о покойном: BD 109 и 149, и др.), но аналог с титулом *kmw* «служащий по режиму» больше нигде не встречается.

³¹ *Wb.* V, 128.8–11. Термин *km* «итог, польза, прибыль» встречается в источниках со времен IV династии (Posener-Kriéger 1976, 212–213, 684 (index); Hannig-Lexica 4, 1359; Hannig-Lexica 5, 2578; Posener-Kriéger, Demichelis 2004, Tav. 42 (P. Geb. V, vso, B.6); Posener-Kriéger et al. 2007, 413–416; Tallet 2017, 104–106, fig. 6–9 (P. Ouadi el-Jarf H)), в частности, в составе бухгалтерского термина *km-gm(j)* «итог по факту», букв. «найденный итог» (Hannig-Lexica 4, 1359; Posener-Kriéger et al. 2007, 414–415, pl. 62Ab, 66Ab, 83A, 85G; Ali 2021, 111–112, fig. 3, a–b).

как наименование для бога само по себе нестандартно. Фактически эпитет *km nhh* «конец вечности» в Dendara IX, 152.15 является антонимом *h3t nhh* «начало вечности», превратившись в подобие понятий *phwj nhh/dt* «пределы вечности» (в длину) или *drw nhh/dt* «границы вечности» (во все стороны), *hmtj nhh* «срок вечности», *hmtj 3w* «срок времени», и т.п., однако все эти сочетания никогда не употреблялись как эпитеты самого божества, поскольку оно не могло воплощать образ предела времени. Равным образом, оба компонента ключевой антитезы «Альфа и Омега» времени (*h3t nhh* «начало вечности» и *phwj dt* «конец вечности») также никогда не являлись титулами бога, т.е. он не мог быть символом времени, тождественным ему. Полная хронологическая формула *h3t n(jt) nhh phwj dt* «начало вечности, конец вечности» появляется в ассоциации с Новым годом (*wp-rnpt*)³² при *jmn-htp* II, а компонент *h3t nhh* в том же контексте встречается чуть раньше — при его отце *dhwtj-ms(j)* III³³. Данный компонент использовался также в формулах, провозглашающих начало эпохи благоденствия: *h3t nhh szp dt / 3wt-jb* «начало вечности, обретение вечности / радости»³⁴. В одном случае³⁵ это сочетание иногда расценивается как эпитет бога Атума³⁶, однако при ближайшем рассмотрении оно вновь оказывается хронологической формулой: *jw=k mn.tw h3t.jt m h3t n(j) t3w nbw mj jt=k jtm h3t nhh szp dt jmn dr zS(=f) n=k r 3rjt n(jt) nbw jwnw mtnw hr st3-st=s* «Ты поставлен и коронован правителем всех стран, как твой отец Атум. Начало вечности и обретение вечности»³⁷ — вот

³² *Urk.* IV, 1417.5; другие источники: Schott 1990, 292; Kruchten 1981, 22; Leitz 1994, I, 11; Fukaya 2019, 120; см. также Servajean 2010, 18–19.

³³ *Urk.* IV, 1272.7. Свидетельства о *h3t nhh* «начале вечности»: Schott 1990, 292–293; Luft 2010, 366; Fukaya 2019, 82–83, 235; *JWIS* II, 40 (Fragment B.1); см. также надпись на стеле *sn-nfr* (фрагмент Kraków MNK XI-984: *Urk.* IV, 597.13; Luft 2010, 345, 358, 362, Fig. 10, Taf. 4), содержащую смесь слов «вечность» и «миллионы»: *h3tt nhh > h3tw m h3tw sdw 33 wrt* «начало вечности > великого множества миллионов праздников хвоста».

³⁴ *KRI* I, 41.10; 46.2; II, 363.2, 398.15; Schott 1990, 292–293. Об этой формуле: Spalinger 1990, 290–292.

³⁵ *KRI* IV, 29.6–8. Датировка: *mrj.n-ptj*. Храм Тота в Гермополе.

³⁶ Fairman, Grdseloff 1947, 25; *LGG* V, 16; VII, 116; Hsu 2017, 353.

³⁷ Понятие *szp dt* «обретение вечности» соответствует началу вечности, дополняя и поясняя понятие *h3t nhh* «исток вечности»; оно известно в вариантах *szp nhh*, *szp nhh dt* (Fairman, Grdseloff 1947, 25; *KRI* VI, 540.8; Meeks 1982, 153 (79.1593); ср. *Wb.* IV, 532.17) и др. Действие *szp nhh* «обретать вечность» в поздних текстах согласуется с проведением границ вечности в процессе его творения; см., например, Edfou I, 307.8: *rdj=j szp=k nhh jnj=k drw=f* «я сделаю так, чтобы ты начинал вечность и проводил его границы». Обычно выражение *jnj drw* значит «положить конец» или «достигать пределов», однако в Edfou I, 307.8 *jnj drw* называет начальное действие, открытие вечности, а не его завершение. Об этом свидетельствуют параллели в Edfou II, 37.3 и *Urk.* VIII, 81e (S. 67) = Clère 1961, pl. 26: *rdj=j szp=k nhh hmt(t)=k dt* «я сделаю так, чтобы ты начинал век и планировал вечность», где выражение *hmt dt* «планировать вечность» связано, в свою очередь, с предвосхищением грядущих событий (*Wb.* III, 285.6; Klotz 2006, 167, 170; в гимне из Хибиса в честь Амуна-Ра встречается сочетание *wpj.n=f nhh hmt.n=f dt* «открывший век, запланировавший вечность»: Klotz 2006, 298, pl. 10.32, где *hmt dt* «планировать вечность» вновь заменяет *jnj drw* «проводить границы»). Все эти фразы описывают в разных формах действия в процессе сотворения времени, причем *jnj drw* означает фиксацию пределов вечности как при его открытии, так и по завершении.

когда я написал для тебя (завещание?) в зале правосудия владык Гелиополя, нанеся текст в его сокровенном месте»³⁸. Эти последние примеры показывают, что начальный и конечный пределы вечности (*ḥ3t n(jt) nḥḥ pḥwj ḏt*) не считались совокупной божественной сущностью.

Итак, бог не именовался началом и концом *вечности*, которой он управлял; во всех известных эпитетах из серии фразеологизмов на сюжет «бог как Альфа и Омега» он характеризуется как начало и конец *богов* — именно их появление и смерть точно определяют пределы времени и вечности, заключенные в субстанции самого бога-абсолюта. Типичным сложным эпитетом, характеризующим бога как «Альфу и Омегу» мироздания, является сочетание *ḥ3t nṯrw pḥwj psḏt* «начало богов — конец Эннеады»³⁹, в котором оба компонента являются именными фразами. Иными словами, фигура божества намеренно лишена ориентиров на пути развития вселенной, в совокупности составляющих *вечность*; элементы этого процесса воплощаются в *богах* как движущей силе, механизме времени, а их гибель является индикатором конца времен. Напротив, в Dendara IX, 152.15, после стандартного сочетания *ḥ3t nṯrw ḥpr ḥr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии», фиксирующего границы существования *богов* в течение жизни Хора, стоит титул *km nḥḥ* «итог вечности», который содержит уникальную и парадоксальную идею отождествления бога с концом *времени* как такового. Судя по параллели Edfou VII, 270.1, в сочетании [*km(w)*] *nḥḥ* может быть выражена и функция богов — титулы *km(w) nḥḥ jrj(w) ḏrw ḏt* «подводящие итоги века, устанавливающие границы вечности» показывают их не просто абстрактным пределом вечности, конечной точкой процесса, а силой, которая прекращает вечность как все изменяющую, а значит, негативную для жизни стихию.

История сочетания *km nḥḥ* «конец вечности» иллюстрирует этапы эволюции повествовательной мифологической фразеологии от хронологических формул до номинаций божества. Этот процесс тянулся все I тыс. до н.э. В Dendara IX, 152.15 выведен один из его итогов: представление о месте бога в вечности (*бытие бога длится до конца вечности*) инвертируется в концепт бога, завершающего течение времени (*вечность сама включена в жизнь бога*). Так формула о конце вечности превращается в теологическую категорию, определяющую пересечение границ существования вселенной и бытия бога.

Примыкающий к титулу *km nḥḥ* «конец вечности» эпитет *n mrḥ=f* «бессмертный» должен стать предметом очередного этюда по эсхатологической фразеологии текста Dendara IX, 152.13–15.

³⁸ Обычно *ṣt3-st* «место, которое скрыто» упоминается в источниках как священный курган Эннеады в Гелиополе, засаженный деревьями-*jšdw* (Klotz 2006, 118–119; ср. *Wb.* IV, 552.7–8, 553.9–10; *LGG* VII, 136), однако в цитируемом фрагменте имеется в виду некое «сокровенное место» зала правосудия. См. также Kitchen 2003, 24.

³⁹ Kurth 1998a, 875–877 (a, c–g). *LGG* III, 99 [1–5]; добавить: Athribis IV, L 3, 65.10 (I, 262; II, 198); в поэтическом контексте: Esna III, 319.14, содержащий параллель к Гимну 1 главы BD15A, из которой следует, что «начало богов» соответствовало восходу, а «конец Эннеады» — закату Солнца.

Литература / References

- Adrom, F. 2006: *Die Lehre des Amenemhet*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 19). Turnhout.
- Ali, M. Sh. 2021: Old Kingdom Fragmentary Papyri from Saqqara: Is the Cartouche There Indeed That of Cheops? In: Ph. Collombert, P. Tallet (eds.), *Les archives administratives de l'Ancien Empire*. (Orient & Méditerranée, 37). Leuven–Paris–Bristol, 107–116.
- Altmann, V. 2010: *Die Kultfrevel des Seth. Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk. VI)*. (Studien zur spätägyptischen Religion, 1). Wiesbaden.
- Assmann, J. 1971: Zwei Sonnenhymnen der späten XVIII. Dynastie in thebanischen Gräbern der Saitenzeit. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 27, 1–33.
- Assmann, J. 1999: *Ägyptische Hymnen und Gebete: übersetzt, kommentiert und eingeleitet*. 2. Auflage. (Orbis Biblicus et Orientalis). Freiburg im Üechtland–Göttingen.
- Barucq, A., Dumas, F. 1980: *Hymnes et prières de l'Égypte ancienne*. (Littératures anciennes du Proche-Orient, 10). Paris.
- Bogdanov, I.V. 2005: [Evidence on *smdt* in the Middle Kingdom Sources]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 3–13.
- Богданов, И.В. Свидетельства о *smdt* в египетских источниках Среднего царства. *ВДИ* 3, 3–13.
- Bogdanov, I.V. 2022: [Theological Antithesis “Beginning of the Gods, the One Who Comes into Being Afterwards” in the Late Egyptian Texts (Texts 1–8)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 82/1, 5–31.
- Богданов, И.В. Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах (тексты 1–8). *ВДИ* 82/1, 5–31.
- Buchberger, H. 1993: *Transformation und Transformat. Sargtextstudien I*. (Ägyptologische Abhandlungen, 52). Wiesbaden.
- Budge, E.A.W. 1912: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc., in the British Museum*. Part II. London.
- Cauville, S. 1983: *La théologie d'Osiris à Edfou*. (Bibliothèque d'étude, 91). Le Caire.
- Cauville, S. 1999: *Dendara II. Traduction*. (OLA, 88). Leuven.
- Cauville, S. 2020: *Dendara. Catalogue des dieux et des offrandes*. (OLA, 290). Leuven–Paris–Bristol.
- Chantraine, G. 2020: *Éléments de la terminologie du temps en égyptien ancien. Une étude de sémantique lexicale en diachronie*. (Lingua Aegyptia, Studia Monographica, 21). Hamburg.
- Clère, P. 1961: *La Porte d'Évergète à Karnak*. 2e partie. *Planches*. (MIFAO, 84). Le Caire.
- De Morgan, J., Bouriant, U., Legrain, G., Jéquier, G., Barsanti, A. 1895: *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique*. Première série. *Haute Égypte*. T. 2. *Kom Ombos*. Pt. I. Vienne.
- Derchain-Urtel, M.Th. 1999: *Epigraphische Untersuchungen zur griechisch-römischen Zeit in Ägypten*. (Ägypten und Altes Testament, 43). Wiesbaden.
- Egberts, A. 1995: *In Quest of Meaning: A Study of the Ancient Egyptian Rites of Consecrating the Meret-Chests and Driving the Calves*. Vol. I–II. (Ägyptologische Uitgaven, 8). Leiden.
- Enmarch, R. 2005: *The Dialogue of Ipuwer and the Lord of All*. Oxford.
- Enmarch, R. 2008: *A World Upturned: Commentary on and Analysis of The Dialogue of Ipuwer and the Lord of All*. Oxford.
- Fairman, H.W., Grdseloff, B. 1947: Texts of Hatshepsut and Sethos I inside Speos Artemidos. *Journal of Egyptian Archaeology* 33, 12–33.
- Fukaya, M. 2019: *The Festivals of Opet, the Valley, and the New Year: Their Socio-Religious Functions*. (Archaeopress Egyptology, 28). Oxford.
- Galán, J.M. 1994: The Stela of Hor in Context. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 21, 65–79.
- Galán, J.M. 1995: *Victory and Border: Terminology Related to Egyptian Imperialism in the XVIIIth Dynasty*. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 40). Hildesheim.
- Gill, A.-K. 2019: *The Hieratic Ritual Books of Pawerem (P. BM EA 10252 and P. BM EA 10081) from the Late 4th Century BC*. Pt. I–II. (Studien zur spätägyptischen Religion, 25). Wiesbaden.
- Grässler, N. 2017: *Konzepte des Auges im alten Ägypten*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 20). Hamburg.
- Grunert, St. 2011: Danse macabre: ein altägyptischer «Totentanz» aus Saqqara. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 40, 113–136.

- Guksch, H. 1994: *Königsdienst. Zur Selbstdarstellung der Beamten in der 18. Dynastie.* (Studien zur Archäologie und Geschichte Ägyptens, 11). Heidelberg.
- Gülden, S.A. 2001: *Die hieratischen Texte des P. Berlin 3049.* (Kleine ägyptische Texte, 13). Wiesbaden.
- Gundacker, R. 2013: Die Eigennamen der Könige der IV. Dynastie. Ihre Struktur und Bedeutung gemäß ägyptischen und griechischen Graphien. *Lingua Aegyptia* 21, 35–130.
- Gundacker, R. 2014: Die Namen #Substantiv – *šdm=f#* im Alten Reich. Über die onomasiologische Vielfalt hinter der graphischen Einheit. *Lingua Aegyptia* 22, 61–144.
- Gutbub, A. 1986: A propos de quelques textes dogmatiques concernant la dédicace du temple et sa prise de possession par la divinité à Edfou. In: *Hommages à François Daumas.* T. II. Montpellier, 389–407.
- Helck, W. 1995: *Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie. Nachträge.* (Kleine ägyptische Texte, 6/2). Wiesbaden.
- Hornung, E. 1963: *Das Amduat: die Schrift des verborgenen Raumes.* T. I–II. (Ägyptologische Abhandlungen, 7). Wiesbaden.
- Hsu, Sh.-W. 2017: *Bilder für den Pharao. Untersuchungen zu den bildlichen Ausdrücken des Ägyptischen in den Königsinschriften und anderen Textgattungen.* (Probleme der Ägyptologie, 36). Leiden–Boston.
- Jansen-Winkel, K. 1987: Drei Gebete aus der 22. Dynastie. In: J. Osing, G. Dreyer (Hrsg.), *Form und Mass: Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987.* (Ägypten und Altes Testament, 12). Wiesbaden, 238–253.
- Jansen-Winkel, K. 1994: Exozentrische Komposita als Relativphrasen im älteren Ägyptisch: Zum Verständnis der Konstruktion *nfr hr* „mit schönem Gesicht“. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 121/1, 51–75.
- Jansen-Winkel, K. 1995: Neue biographische Texte der 22./23. Dynastie. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 22, 169–194.
- Jansen-Winkel, K. 1996: *Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit.* (Ägypten und Altes Testament, 34). Wiesbaden.
- Jansen-Winkel, K. 1999: Ein Amunpriester in Memphis. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 27, 123–139.
- Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom.* Vol. I–II. (BAR International Series, 866/1–2). Oxford.
- Kanawati, N., Evans, L. 2016: *Beni Hassan.* Vol. III. *The Tomb of Amenemhat.* (ACE: Reports, 40). Oxford.
- Kertmann, J. 2019: *Im Fahrwasser des Sonnengottes: eine Studie zum Darreichen der Morgen- und Abendbarke in den ägyptischen Tempeln griechisch-römischer Zeit.* (Studien zur spätägyptischen Religion, 28). Wiesbaden.
- Kitchen, K.A. 2003: *Ramesside Inscriptions, Translated & Annotated: Translations.* Vol. IV. *Merenptah & the Late Nineteenth Dynasty.* Malden (MA)–Oxford.
- Klotz, D. 2006: *Adoration of the Ram: Five Hymns to Amun-Re from Hibis Temple.* (Yale Egyptological Studies, 6). New Haven.
- Kruchten, J.-M. 1981: *Le décret d'Horemheb: traduction, commentaire épigraphique, philologique et institutionnel.* (Université libre de Bruxelles, faculté de philosophie et lettres, 82). Bruxelles.
- Kucharek, A. 2010: *Altägyptische Totenliturgien.* Bd. IV. *Die Klagelieder von Isis und Nephthys in Texten der Griechisch-Römischen Zeit.* (Supplemente zu den Schriften der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, 22). Heidelberg.
- Kurth, D. 1994: *Treffpunkt der Götter: Inschriften aus dem Tempel des Horus von Edfu.* Zürich–München.
- Kurth, D. 1998a: «Alpha kai o-mega»: über eine Formel in den ägyptischen Tempelinschriften griechisch-römischer Zeit. In: W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems (eds.), *Egyptian Religion: The Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur.* Part II. (OLA, 85). Leuven, 875–882.
- Kurth, D. 1998b: *Edfou VIII. Die Inschriften des Tempels von Edfu.* Abt. I. Übersetzungen. Bd. I. Wiesbaden.
- Kurth, D. 2004: *Edfou VII. Die Inschriften des Tempels von Edfu.* Abt. I. Übersetzungen. Bd. II. Wiesbaden.
- Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische: eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken.* Bd. I. Hützel.

- Kurth, D. 2012: Die Inschriften auf den Stöcken und Stäben des Tutanchamun. In: H. von Beinlich (Hrsg.), „Die Männer hinter dem König“: 6. Symposium zur ägyptischen Königsideologie. Iphofen, 16.–18. Juli 2010. Wiesbaden, 67–86.
- Kurth, D. 2014: *Edfou VI. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. Übersetzungen. Bd. III. Gladbeck.
- Kurth, D. 2019: *Edfou V. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. Übersetzungen. Bd. IV/1. Hützel.
- Legrain, G. 1890: Une stèle de Thénî. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 13, 201–202.
- Leitz, Chr. 1994: *Tagewählerei: das Buch ḥ3t nhḥ ph.wy dt und verwandte Texte*. Bd. I–II. (Ägyptologische Abhandlungen, 55). Wiesbaden.
- Leitz, Chr. 1995: *Altägyptische Sternuhren*. (OLA, 62). Leuven.
- Lorton, D. 1974: *The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts Through Dyn. XVIII*. Baltimore–London.
- Luft, U. 2010: Die Stele des *sn-nfr* in Deir el-Bersha und ihr Verhältnis zur Chronologie des Neuen Reiches. In: Z. Hawass, J.H. Wegner (eds.), *Millions of Jubilees: Studies in Honor of David P. Silverman*. Vol. I. (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte, 39). Le Caire, 333–374.
- Meeks, D. 1982: *Année lexicographique: Égypte ancienne*. T. III. 1979. Paris.
- Mosher, M. Jr. 2016: *The Book of the Dead, Saite Through Ptolemaic Periods: a Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes*. Vol. I. *BD spells 1–15*. (Saite Through Ptolemaic Books of the Dead Studies, 1). North Charleston (SC).
- Nagel, G. 1929: *Un papyrus funéraire de la fin du Nouvel Empire [Louvre 3292 (inv.)]*. (BIFAO, 29). Le Caire.
- Omar, M. 2008: *Aufrührer, Rebellen, Widersacher. Untersuchungen zum Wortfeld „Feind“ im pharaonischen Ägypten. Ein lexikalisch-phraseologischer Beitrag*. (Ägypten und Altes Testament, 74). Wiesbaden.
- Padró, J., Molina, F. 1986: Un vase de l'époque des Hyksos trouvé à Almuñécar (Province de Grenade, Espagne). In: *Hommages à François Daumas*. T. II. Montpellier, 517–524.
- Posener-Kriéger, P. 1976: *Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakai (Les papyrus d'Abousir). Traduction et commentaire*. T. I–II. (Bibliothèque d'étude, 65). Le Caire.
- Posener-Kriéger, P., Demichelis, S. (Hrsg.) 2004: *I papiri di Gebelein: scavi G. Farina 1935*. (Studi del Museo Egizio di Torino: Gebelein, 1). Torino.
- Posener-Kriéger, P., Verner, M., Vymazalová, H. 2007: *Abusir X. The Pyramid Complex of Raneferef: The Papyrus Archive*. Prague.
- Quaeghebeur, J. 1986: Thot-Hermès, le dieu le plus grand! In: *Hommages à François Daumas*. T. II. Montpellier, 525–544.
- Quirke, St. 2013: *Going Out in Daylight – prt m hrw. The Ancient Egyptian Book of the Dead: Translation, Sources, Meaning*. (GHP Egyptology, 20). London.
- Schott, S. 1990: *Bücher und Bibliotheken im Alten Ägypten. Verzeichnis der Buch- und Spruchtitel und der Termini technici*. Wiesbaden.
- Servajean, Fr. 2010: L' « héritier du temps ». À propos de l'épithète *jw'w nhḥ*. *Égypte Nilotique et Méditerranéenne* 3, 1–22.
- Spalinger, A. 1990: A Remark on Renewal. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 17, 289–294.
- Tallet, P. 2017: Du pain et des céréales pour les équipes royales: le grand papyrus comptable du Ouadi el-Jarf (papyrus H). *NeHeT* 5, 99–117.
- Valloggia, M. 1991: Le Papyrus Bodmer 103: un abrégé du Livre des Morts de la Troisième Période Intermédiaire. *Cahiers de recherches de l'Institut de Papyrologie et Égyptologie de Lille* 13, 129–136.
- Waitkus, W. 2008: Die Heiligen Schlangen von Edfu. In: W. Waitkus (Hrsg.), *Diener des Horus. Festschrift für Dieter Kurth zum 65. Geburtstag*. (Aegyptiaca Hamburgensia, 1). Gladbeck, 265–282.
- Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. (OLA, 78). Leuven.
- Žába, Z. 1956: *Les maximes de Ptahhotep*. Prague.
- Zandee, J. 1992: *Der Amunhymnus des Papyrus Leiden I 344, verso*. Bd. I–III. (Collections of the National Museum of Antiquities at Leiden, 7). Leiden.

Список сокращений / Abbreviations

- Athribis IV — Leitz, Chr., Mendel, D. *Athribis IV: der Umgang L 1 bis L 3*. Bd. I–II. (Temples, 14). Le Caire, 2017
- Dendara I — Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. I. Le Caire, 1934
- Dendara II — Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. II. Le Caire, 1934
- Dendara III — Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. III. Le Caire, 1935
- Dendara IV — Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. IV. Le Caire, 1935
- Dendara IX — Dumas, F. *Le Temple de Dendara*. T. IX. Fasc. I. Texte. Fasc. II. Planches. Le Caire, 1987
- Dendara XI — Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XI. Fasc. I–II. Le Caire, 2000
- Dendara XIII — Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XIII. 2e éd. numérique. Texte revu et corrigé. Fasc. I–II. Le Caire, 2020
- Deir Chelouit I — Zivie, Chr.M. *Le temple de Deir Chelouit*. I. 1–55. *Inscriptions du propylône et de la porte du temple*. (PIFAO). Le Caire, 1982
- Edfou I — Rochemonteix, M. de, Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. I. Fasc. 1–4. 2e éd. (MMAF, 10). Le Caire, 1984–1987
- Edfou II — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. II. Fasc. 1–2. 2e éd. (MMAF, 11). Le Caire, 1987–1990
- Edfou III — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. III. Réédition. (MMAF, 20). Le Caire, 2009
- Edfou IV — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. IV. Réédition. (MMAF, 21). Le Caire, 2009
- Edfou V — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. V. Réédition. (MMAF, 22). Le Caire, 2009
- Edfou VI — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VI. Réédition. (MMAF, 23). Le Caire, 2009
- Edfou VII — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VII. Réédition. (MMAF, 24). Le Caire, 2009
- Edfou VIII — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VIII. Réédition. (MMAF, 25). Le Caire, 2009
- Esna II — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. II. Textes (nos. 1–193). Réédition. Le Caire, 2012
- Esna III — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. III. Textes (nos. 194–398). Le Caire, 1968
- Esna V — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. V. Les fêtes religieuses d'Esna aux derniers siècles du paganisme. Le Caire, 1962
- Esna VI — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. VI. Nos. 473–546. Dessins des scènes par L. Mé-nassa. Le Caire, 1975
- Hannig-Lexica 4 — Hannig, R. *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein, 2003
- Hannig-Lexica 5 — Hannig, R. *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 5). Mainz am Rhein, 2006
- JWIS I — Jansen-Winkel, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil I. Die 21. Dynastie. Wiesbaden, 2007
- JWIS II — Jansen-Winkel, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil II. Die 22.–24. Dynastie. Wiesbaden, 2007
- KRI — Kitchen, K.A. (ed.), *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. Vol. I–VI. Oxford, 1975–1983
- LGG — Leitz, Chr. (Hrsg.), *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VII. Leuven–Paris–Dudley, 2002
- Pyr. (PT) — Sethe, K. *Die altägyptischen Pyramidentexte*. Bd. I–IV. Leipzig, 1908–1922; Allen, J.P. *A New Concordance of the Pyramid Texts*. Vol. I–VI. Providence, 2013
- Urk. II — Sethe, K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. (Urkunden des Ägyptischen Altertums, II.1–3). Leipzig, 1904–1916

-
Urk. IV	–	Helck, W. (Hrsg.), <i>Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17–22.</i> (Urkunden des aegyptischen Altertums, IV). Berlin, 1955–1958
Urk. VI	–	Schott, S. <i>Urkunden mythologischen Inhalts.</i> (Urkunden des Ägyptischen Altertums, VI.1–2). Leipzig, 1929–1939
Urk. VIII	–	Firchow, O. (Hrsg.) <i>Thebanische Tempelinschriften aus griechisch-römischer Zeit. Aus dem Nachlass von Kurt Sethe.</i> (Urkunden des Ägyptischen Altertums, VIII.1). Berlin, 1957
Wb.	–	Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), <i>Wörterbuch der ägyptischen Sprache.</i> Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

DOI: 10.31857/S032103910022122-7

СЛОВА СИДУРИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ АККАДСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Р. М. Нуруллин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: rmnurullin@hse.ru

ORCID: 0000-0003-0884-4315

Статья посвящена отрывку из старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше, известному по Таблице Мейсснера–Милларда. В статье анализируется поэтическое устройство этого отрывка и рассматривается вопрос о том, может ли он считаться вставкой в текст Эпоса о Гильгамеше.

Ключевые слова: Эпос о Гильгамеше, аккадский язык, поэтика аккадской литературы

SIDURI'S SPEECH: TOWARDS THE ART OF AKKADIAN POETRY

Rim M. Nurullin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: rmnurullin@hse.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 18-18-00503

This paper deals with a passage from an Old Babylonian Gilgamesh tablet (the Meissner–Millard tablet). The paper attempts a poetic analysis of the passage and addresses the question of its possible foreign origin within the Epic of Gilgamesh.

Keywords: Gilgamesh Epic, Akkadian language, Akkadian poetics

Данные об авторе. Рим Маратович Нуруллин – старший преподаватель Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья написана при поддержке РНФ в рамках проекта № 18-18-00503.

Илье Сергеевичу Смирнову,
с благодарностью

Отрывок из Эпоса о Гильгамеше, которому посвящена наша статья, по праву считается одним из наиболее выдающихся образцов аккадской поэзии. Интересующие нас строки относятся к старовавилонской версии Эпоса. Они известны сегодня благодаря так называемой Таблице Мейсснера–Милларда¹. Текст таблички повествует о странствиях Гильгамеша в поисках вечной жизни. Его содержание примерно соответствует X таблице канонической («ниневийской») версии Эпоса. После долгих скитаний Гильгамеш оказывается на краю света, где он одного за другим встречает бога солнца Шамаша, богиню-кабатчицу Сидури и лодочника Уршанаби. Последний переправляет Гильгамеша через воды смерти и привозит его к Утнапишти, вавилонскому прообразу библейского Ноя, у которого герой Эпоса надеется узнать секрет бессмертия. Шамаш и Сидури, напротив, пытаются убедить Гильгамеша в тщетности его поисков. Речь Шамаша состоит всего из двух стихов: «Гильгамеш! Куда ты стремишься? / Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»² Слова Сидури начинаются теми же двумя стихами³, однако на сей раз за ними следует насчитывающий тринадцать строк отрывок⁴, который и составляет предмет нашей статьи. Ниже мы приводим оригинальный текст этого отрывка и его перевод в издании И. М. Дьяконова⁵:

³ <i>inūma ilū ibnū awīlūtam</i>	«Боги, когда создавали человека,
⁴ <i>mūtam iškunū ana awīlūtīm</i>	Смерть они определили человеку,
⁵ <i>balāṭam ina qātīšunu išṣabtū</i>	Жизнь в своих руках удержали.
⁶ <i>atta Gilgāmeš lū mali karaška</i>	Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
⁷ <i>urrī u mūši ḥitattu atta</i>	Днем и ночью да будешь ты весел,
⁸ <i>ūmišam šukun ḥidūtam</i>	Праздник справляй ежедневно,
⁹ <i>urrī u mūši sūr u mēlil</i>	Днем и ночью играй и пляши ты!
¹⁰ <i>lū ubbubū šubātūka</i>	Светлы да будут твои одежды,
¹¹ <i>qaqqadka lū mesi mē lū ramkāta</i>	Волосы чисты, водой омывайся,
¹² <i>šubbi šehram šābitu qātika</i>	Гляди, как дитя твою руку держит,
¹³ <i>marḥītum liḥtaddām ina sūnika</i>	Своими объятьями радуй супругу ⁶ —

¹ Сохранилось два фрагмента этой таблички. Оба фрагмента были найдены в ходе грабительских раскопок и, предположительно, происходят из Сиппара (Телль-Абу-Хабба, см. George 2003, I, 272). Первый из них, находящийся сегодня в коллекции Переднеазиатского музея, был впервые опубликован Б. Мейсснером в 1902 г. (Meissner 1902; следует также упомянуть повторное издание этого фрагмента Т. Г. Пинчесом, см. Pinches 1903). Второй фрагмент, хранящийся в Британском музее, был отождествлен А. Р. Миллардом (Millard 1964). Современное издание обоих фрагментов было подготовлено Э. Джорджем (George 2003, I, 272–286; в работе Джорджа Таблица Мейсснера–Милларда сокращенно обозначается как «OB VA+BM»).

² George 2003, I, 276: i 7'–8'; перевод И. М. Дьяконова (Diakonoff 1961, 56).

³ George 2003, I, 278: iii 1–2.

⁴ George 2003, I, 278: iii 3–15.

⁵ Diakonoff 1961, 64–65.

⁶ В позднейших версиях своего перевода Дьяконов переводит аккад. *marḥītum* «жена, супруга» в этой строке как «подруга» (Diakonoff 1973, 206; 1981, 175).

¹⁴ *annāma šīm[ti awilūtīm(?)]*Только в этом суд[ба⁷ человека(?)]!¹⁵ *ša baḫu[m(?) ...]*То, что живо[й(?)...]⁸.

Широкий интерес к этим строкам привлекла заметка немецкого востоковеда-семитолога Х. Гримме, опубликованная вскоре после выхода в свет издания Мейсснера⁹. Гримме показал, что слова Сидури находят ряд примечательных параллелей в следующем пассаже из Книги Экклезиаста:

Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевают елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости (Эккл 9: 7–10, Синодальный перевод).

Как и в речи Сидури, главный мотив в этом пассаже — *carpe diem*. В обоих случаях он оттенен напоминанием о неизбежности смерти. Между двумя отрывками есть и менее тривиальные совпадения. В одном и том же порядке в них говорится о насыщении пищей, чистоте одежды и волос и о любви к жене. Вслед за этим дается завершающая сентенция: «Только в этом суд[ба человека(?)]», «потому что это — доля твоя в жизни...»¹⁰. Заметка Гримме положила начало неослабевающему по сей день интересу к словам Сидури со стороны исследователей Ветхого Завета и историков литературы. До сих пор не утихает дискуссия о том, мог ли отрывок из Эпоса послужить источником стихов в Книге Экклезиаста. В рамках настоящей статьи невозможно проследить весь ход этой дискуссии. Ниже мы изложим только две недавние гипотезы.

Неясным остается вопрос о том, как интересующие нас строки из Эпоса о Гильгамеше могли стать известны автору Книги Экклезиаста. Как уже было сказано, слова Сидури сохранились только на табличке, представляющей старовавилонскую версию Эпоса¹¹. Они не были включены в каноническую версию I тыс. до н.э. Впрочем, даже каноническая версия едва ли могла быть знакома автору библейского текста. Книга Экклезиаста — одна из самых поздних в Ветхом

⁷ В этом месте мы отступаем от перевода Дьяконова («Только в этом дело человека!»), который основан на устаревшем чтении поврежденного слова в середине строки как *ši-pir* (*šiprum* «дело»). Вслед за Джорджем (George 2003, I, 284) мы восстанавливаем *ši-i[m-ti]* (*šimtum* «судьба»).

⁸ Эта строка не учтена в переводе Дьяконова. Мы читаем последний частично сохранившийся знак как *um* (*ša¹ ba-al-tu₂-u[m...]*, см. George 2003, I, 284) и видим здесь прилагательное *baḫum* «живой». В рамках альтернативной трактовки для поврежденного знака не предлагается никакого отождествления, а *ba-al-tu₂* понимается как форма статива от глагола *balāḫum* «жить»: *ša baḫu* «тот, кто жив» (George 2003, I, 278–279).

⁹ Grimme 1905.

¹⁰ Подробнее об этом см. Grimme 1905, 433; Tigay 1993, 252; Samet 2015, 378–379 (ссылки на дальнейшую литературу см. *ibid.*, 378, n. 12).

¹¹ Тот факт, что фрагмент, опубликованный Миллардом, поступил в Британский музей в числе табличек из Сиппара, значительная часть которых относится ко времени правления последних царей I династии Вавилона (см. George 2003, I, 272, n. 131–132 со ссылками на дальнейшую литературу), позволяет с известной долей осторожности датировать Таблицу Мейсснера—Милларда XVII в. до н.э.

Завете. Предположительно, она была написана в эллинистический период¹². В это время аккадская литература не имела сколько-нибудь широкого распространения вне Вавилонии. Важно, однако, отметить, что Эпос о Гильгамеше был известен на территории Палестины в более раннюю эпоху, а именно во времена Амарнской переписки, когда аккадский язык имел на Ближнем Востоке статус, близкий к лингва франка, и произведения клинописной литературы изучались в писцовых школах далеко за пределами Месопотамии. Об этом свидетельствует найденный в Мегиддо фрагмент клинописной таблички с отрывком из Эпоса¹³. Возможно, Эпос о Гильгамеше оставался известен в Палестине и после эпохи поздней бронзы. Можно допустить, что он был переведен на некий западносемитский язык¹⁴. Согласно одной гипотезе, автор Книги Экклезиаста был знаком с его переложением на арамейский¹⁵. У истоков арамейской версии, в свою очередь, должна была стоять некая доканоническая редакция Эпоса, сохранившая речь Сидури¹⁶. Нет необходимости специально подчеркивать недоказуемость этой гипотезы: никаких свидетельств о существовании арамейского Эпоса о Гильгамеше до нас не дошло¹⁷. Следует, однако, признать, что сама идея о том, что автор Книги Экклезиаста в том или ином виде знал Эпос о Гильгамеше, имеет под собой определенные основания. Помимо параллели со словами Сидури, в Книге Экклезиаста, как кажется, заметны и другие следы влияния Эпоса¹⁸. В частности, весьма убедительно сопоставление образа второе скрученной веревки, посредством которого описывается несокрушимость двух вступивших в союз людей в Эккл 4 : 9–12, с тождественным образом в пассаже из V таблицы Эпоса о Гильгамеше, где также говорится о непобедимости двух сплоченных друзей¹⁹.

Другая точка зрения принадлежит К. ван дер Тоорну²⁰. Он признает, что образ скрученной второе веревки и пассаж из девятой главы Книги Экклезиаста в конечном счете восходят к месопотамской традиции, однако, по его мнению, речь не идет о заимствовании из Эпоса о Гильгамеше. Согласно исследователю, оба отрывка из Эпоса представляют собой изначально независимые произведения, относящиеся к малым

¹² См. работы, указанные в Rudman 1999, 48, n. 5, а также недавнюю статью Н. Самет (Samet 2021).

¹³ George 2003, I, 339–347; Horowitz *et al.* 2006, 102–105. Данные петрографического и нейтронно-активационного анализа показывают, что табличка, по всей вероятности, была изготовлена в Гезере (Goren *et al.* 2009), откуда она еще в древности была перевезена в Мегиддо (*ibid.*, 771).

¹⁴ Аналогично тому, как он был переведен на хурритский и хеттский языки (George 2003, I, 24; Beckman 2019).

¹⁵ См., в частности, Tigay 1993, 255; Lambert 1995, 41–42; Samet 2015, 386–389.

¹⁶ В этой связи интересно наблюдение Джорджа, согласно которому версия Эпоса, представленная табличкой из Мегиддо, далеко отстоит от канонической версии и, вероятно, восходит к некоей старовавилонской редакции (George 2003, I, 342–343).

¹⁷ См. критическое отношение к этой гипотезе в van der Toorn 2001, 512.

¹⁸ Samet 2015.

¹⁹ Samet 2015, 381–382. См. реконструкцию этого пассажа в al-Rawi, George 2014, 78: 75–80, а также его перевод в George 2020, 39. Отрывок из V таблицы, в свою очередь, восходит к пассажи из шумерской поэмы «Гильгамеш и Хувава» (Samet 2015, 379–381).

²⁰ Van der Toorn 2001.

жанрам фольклора. Они были включены в Эпос, но продолжали существовать и вне его²¹. Ван дер Тоорн полагает, что оба произведения были некогда переняты египетской литературной традицией и стали известны автору Книги Экклезиаста через ее посредство²². Эта гипотеза, складывающаяся сразу из нескольких допущений, кажется нам менее вероятной, чем предыдущая²³. Интересен, однако, поднятый ван дер Тоорном вопрос о том, могут ли слова Сидури быть инородной вставкой в текст Эпоса о Гильгамеше. К этому вопросу мы вернемся в заключительной части статьи.

Эпикуреизм слов Сидури находит многочисленные параллели среди литературных памятников древнего Ближнего Востока и античности²⁴. Ниже мы ограничимся лишь несколькими наиболее существенными для нашей статьи примерами. В шумерской литературе мотив *carpe diem* явственно присутствует в двух коротких поэтических произведениях, известных сегодня под названиями «Баллада о прежних правителях» и «Ничто не ценно». В последнем случае речь в действительности идет о группе текстов, обычно начинающихся стихами «Ничто не ценно, (но) жизнь должна быть сладкой! / Когда человек не владеет богатством? (Когда) богатством человек владеет?»²⁵ Дальнейшие строки разных версий этого произведения, как правило, имеют между собой мало общего²⁶. В одной из версий за первыми двумя стихами следует напоминание о неизбежности смерти: «Смерть — удел человека. / Своей участи никто не избегнет»²⁷. «Баллада о прежних правителях» сохранилась как в месопотамской версии Старовавилонского периода, так и в более поздней двуязычной версии, известной по копиям из Угарита и Эмара (сиро-месопотамская версия)²⁸. Кроме того, из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии до нас дошел фрагмент с отрывком из месопотамской версии I тыс. до н.э.²⁹ Как и речь Сидури, «Баллада о прежних правителях» начинается с упоминания о вынесенном богами решении: «По воле (букв. вместе с) Энки начертаны предначертания, / По замыслу богов распределены жребии». Далее говорится о легендарных царях прошлого, подобные которым уже не рождаются. Ни один из этих царей не сумел избежать смерти. Своей быстротечностью человеческая жизнь

²¹ Van der Toorn 2001, 512 («traditional sayings, incorporated in the epic, but circulating in other contexts as well»).

²² Van der Toorn 2001, 513–514.

²³ Критическую оценку этой гипотезы см. также в Alster 2005, 291, п. 26.

²⁴ См., например, вторую главу Книги Премудрости Соломона и многочисленные параллели к содержащимся в ней образам и мотивам, собранные в издании Д. Уинстона (Winston 1979, 111–123). Вероятно, в наиболее лаконичном виде мотив *carpe diem* выражен в Книге Исаяи: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!» (Ис 22 : 13, Синодальный перевод).

²⁵ Интерпретация второго стиха остается неясной (Alster 2005, 269, 271).

²⁶ Alster 2005, 266–287. Практически все таблички с разными версиями этого произведения датируются Старовавилонским периодом (большинство происходит из Ниппура). Исключение составляет среднеавилонская табличка из Вавилона, содержащая первые три стиха версии «С» (Bartelmus 2016, 324).

²⁷ Alster 2005, 273.

²⁸ Alster 2005, 288–319. Издание сиро-месопотамской версии см. также в Cohen 2013, 129–150. Переиздание манускриптов из Угарита см. в Arnaud 2007, 142–148.

²⁹ Alster 2005, 320–322.

подобна «мгновению ока»³⁰. Жизнь, в которой нет света, ничем не лучше смерти³¹. Взамен одного дня радости настанут 36000 лет (т.е. бесконечные годы) тишины³². Сиро-месопотамская версия включает стихи, призывающие отринуть тоску и печаль³³ и наслаждаться застольем (богиня пива Сираш должна радоваться человеку, как своему собственному сыну³⁴). Только в этом предназначение человека³⁵.

Среди памятников древнеегипетской литературы ближе всего к словам Сидури стоят песни арфистов (прежде всего ряд песен, относящихся к эпохе Нового царства)³⁶. Из них наибольшее сходство с отрывком из Эпоса (а также с Эккл 9 : 7–10) обнаруживает «Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой»³⁷. Ниже мы приводим отрывок из этого произведения в переводе А.А. Ахматовой³⁸:

Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями
Из жертв богов.

Наличие указанных параллелей определило несколько односторонний интерес к словам Сидури. Этот отрывок обсуждается прежде всего в контексте сравнительной истории литературы³⁹. Между тем, как мы постараемся показать ниже, слова Сидури заслуживают внимания сами по себе как образец чрезвычайно искусно сложенного поэтического текста. Работы, в которых интересующие нас строки рассматривались бы с точки зрения их самостоятельной художественной ценности, практически отсутствуют. Можно указать только серию статей Ц. Абуша, опубликованных в 1993 г.⁴⁰ В них содержится ряд любопытных наблюдений над поэтическим устройством пассажа, которые будут отмечены нами ниже. В целом, однако, эти работы в большей степени направлены

³⁰ Шум. *igi-ni-îgin-na*, аккад. *tūrti īni*, букв. «поворот глаза» (см. Cohen 2013, 142, ad l. 9).

³¹ *nam-til₃ nu-zalag-ga ugu nam-uš₂-a-kam a-ba-am₃ bi₂-in-diri-ga* «Чем превосходит смерть жизнь, которая не залита светом?» (Alster 2005, 303–304: 19).

³² *niġ₂-saġ-il₂-la u₄ ša₃-hul₂-la l-am₃ niġ₂-me-ġar mu 36000-am₃ in-ak* «Взамен одного дня радости на 36000 лет настанет тишина» (Alster 2005, 304: 20).

³³ *sikip kuššid nissāti miš qūlāti* «Отринь (и) гони (от себя) печаль, не замечай тоску» (Alster 2005, 316: 21, здесь и далее мы следуем аккадскому переводу).

³⁴ *Siraš kīma mārī liriška* «Пусть Сираш радуется тебе, как (своему) сыну» (Alster 2005, 317: 23).

³⁵ *annūm-ma iṣurtu ša amilutti* «Только это — предназначение человека» (Alster 2005, 317: 24).

³⁶ Lichtheim 1945; Wente 1962.

³⁷ Fox 1977. Фокс отвергает предлагавшуюся прежде датировку этого произведения эпохой Среднего царства (см., в частности, Lichtheim 1945, 191–192, 209) и относит время его сочинения к периоду Амарны (Fox 1977, 400–403).

³⁸ Akhmatova 1973.

³⁹ Библиография, посвященная сравнению речи Сидури с Эккл 9 : 7–10, чрезвычайно обширна. Ссылки на наиболее важные работы см. в van der Toorn 2001 и Samet 2015. Сопоставление слов Сидури с «Балладой о прежних правителях» см. в Lambert 1995, 41–42 и Alster 2005, 294–295. Анализ интересующего нас отрывка из Эпоса о Гильгамеше в свете параллелей из древнеегипетской литературы см., например, в Lichtheim 1945, 210–211; Assmann 1989, 23–25.

⁴⁰ Abusch 1993a; 1993b; 1993c.

на выявление в речи Сидури неких глубинных смыслов и реконструкцию гипотетических ранних версий Эпоса о Гильгамеше⁴¹. Трудно не согласиться с Э. Джорджем в том, что многие из сделанных Абушем выводов основаны на далеко не очевидном прочтении текста и часто не выдерживают критики⁴².

Цель нашей статьи, главным образом, состоит в поэтическом анализе слов Сидури в Таблице Мейсснера—Милларда. Мы разбиваем этот отрывок на строфы и обсуждаем как внутреннее устройство каждой строфы, так и их взаимосвязь друг с другом. Особое внимание мы уделяем фигуре параллелизма (*parallelismus membrorum*)⁴³ и средствам звуковой выразительности. Также мы делаем некоторые предварительные наблюдения над ритмическим устройством отрывка.

Ниже мы приводим слова Сидури, разделенные на пять строф. Для каждой строфы дается отдельная нумерация стихов. В дальнейшем мы будем ссылаться на строки из этого отрывка, обозначая римской цифрой номер строфы, арабской — номер стиха внутри строфы. Рядом с каждым стихом мы сначала указываем число содержащихся в нем фонетических слов (в транскрипции они отделены друг от друга косыми чертами)⁴⁴, а затем — количество составляющих его слогов. В случае со стихами, складывающимися из двух полустиший (цезура между ними обозначена двумя косыми чертами), в скобках уточняется число слогов в каждом из полустиший⁴⁵. Разбирая

⁴¹ Так, по мнению Абуша, на основании диалога Гильгамеша и Сидури в Таблице Мейсснера—Милларда можно реконструировать древнюю версию Эпоса о Гильгамеше, в которой отсутствовал Утнапишти. Сопоставляя Сидури с Калипсо в «Одиссее», Абуш полагает, что в этой версии Гильгамеш надеялся обрести бессмертие, женившись на Сидури (Abusch 1993a). См. критику этой гипотезы в George 2003, I, 273, n. 137.

⁴² George 2003, I, 274, n. 138.

⁴³ Следуя А. Берлин, мы последовательно различаем звуковой, грамматический (морфологический и синтаксический), лексический и семантический параллелизм (Berlin 1985; см. также Kharitonova 2019, 18–21).

⁴⁴ В аккадском языке фонетическое слово может состоять из ударной словоформы и относящихся к ней клитик (предлоги, энклитические местоимения, частицы *lū*, *-ma* и др.). См., например, West 1997, 176; Lambert 2013, 22–23. Кроме того, одно ударение может нести генитивное («сопряженное») сочетание (West 1997, 177; Lambert 2013, 23). По-видимому, два члена сопряженного сочетания (*status constructus*) составляли единую акцентную группу только в том случае, если эта группа состояла не более чем из пяти слогов. В противном случае каждое слово имело собственное ударение (Nurullin *et al.* 2019, 177–179; ср. Lambert 2013, 25). Кроме того, общим ударением могли быть объединены сочетания из двух словоформ, соединенных союзом *u* (West 1997, 176–177, 178, n. 10; Lambert 2013, 23; см. также ниже прим. 56).

⁴⁵ Мы придерживаемся традиционной точки зрения, согласно которой аккадский стих относится к тонической (акцентной) системе стихосложения (см., например, George 2003, I, 162–165; Jiménez 2017, 72–76). Как правило, один стих содержит три или четыре ударных слова. В то же время в аккадской поэзии заметна определенная тенденция к силлабической урегулированности, до сих пор слабо изученная. Так, согласно наблюдению Э. Хименеса, в образующих два полустишия 4-ударных стихах второе полустишие, как правило, силлабически менее свободно, чем первое, и насчитывает от 5 до 7 слогов (Jiménez 2017, 73, 226, 281). Помимо этого, между сегментами поэтического текста (стихами или полустишиями), объединенными

отдельные строфы, мы глосслируем аккадский текст и по возможности переводим его дословно⁴⁶.

I	¹ <i>inūma / ilū // ibnū / awilūtam</i>	4	11 (5+6)
	² <i>mūtam / iškunū / ana awilūtīm</i>	3	11
	³ <i>balāṭam / ina qātīšunu / iṣṣabtū</i>	3	12
II	¹ <i>atta / Gilgāmeš // lū mali / karaška</i>	4	11 (5+6)
	² <i>urri (/) u mūšī / ḥitattu / atta</i>	3?	10
	³ <i>ūmišam / šukun / ḥidūtam</i>	3	8
	⁴ <i>urri (/) u mūšī (/) sūr (/) u mēlil</i>	3?	9
III	¹ <i>lū ubbubū / ṣubātūka</i>	2	8
	² <i>qaqqaḍka / lū mesi // mē / lū ramkāta</i>	4	11 (6+5)
IV	¹ <i>ṣubbi / šeḥram // šābitu / qātīka</i>	4	10 (4+6)
	² <i>marḥūtum / liḥtaddām / ina sūnīka</i>	3	11
V	¹ <i>annāma / šīm[ti / awilūtīm(?)]</i>	3?	9?
	² <i>ša balṭu[m(?) ...]</i>	?	?

Прежде чем приступить к анализу отдельных строф, укажем композиционный прием, посредством которого слова Сидури образуют внутри Эпоса отчетливо обособленный отрывок. Речь идет о кольцевом обрамлении (инклюзии), которое состоит в том, что слова и словосочетания в строфе I обнаруживают близкие звуковые и лексические параллели в двух заключительных строфах. Сочетание презентативной частицы *anna* «вот» с фокусной частицей *-ma* (*annā-ma*)⁴⁷ в V 1 выступает в качестве паронима союза *inūma* «когда» (I 1). Дважды повторенное в первой строфе *awilūtum* «человечество» (I 1, 2), по всей видимости, было употреблено также в V 1⁴⁸. Лексема *balāṭum* «жизнь» (I 3) составляет пару с производным от того же глагольного корня прилагательным *balṭum* «живой» (V 2)⁴⁹. Наконец, слова *ina qātīšunu iṣṣabtū* «в своих руках удержали» (I 3) находят отражение в *šābitu qātīka* «державший тебя за руку» (IV 1). Вполне вероятно, несохранившееся окончание строки V 2 также содержало лексемы, перекликающиеся с начальной строфой (например, слово *mītum* «мертвый»).

параллелизмом, нередко соблюдается изосиллабизм или приблизительное слоговое равенство (парисон). Многочисленные примеры подобного рода можно найти в работе А.П. Харитоновой (Kharitonova 2019).

⁴⁶ Глоссированный текст предназначен исключительно для удобства читателей, незнакомых с аккадским языком, и не претендует на исчерпывающий грамматический анализ. В частности, мы не отмечаем глагольные породы. Вместо этого в строке глоссирования дается значение глагола в соответствующей породе. Для обозначения грамматических категорий используются сокращения, следующие лейпцигской системе правил глоссирования (URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>; дата обращения: 01.04.2023).

⁴⁷ Kouwenberg 2012, 38.

⁴⁸ В пользу восстановления в конце строки V 1 слова *awilūtum*, принимаемого сегодня большинством переводчиков Эпоса, можно привести близкую параллель из сиромесопотамской версии «Баллады о прежних правителях»: *annūm-ma iṣurtum ša amilutti* «Только это — предначертание человека» (Alster 2005, 317: 24).

⁴⁹ О чтении начала строки V 2 см. выше прим. 8.

СТРОФА I

*inūma il-ū ibnū awīlūt-am
mūt-am iškunū ana awīlūt-im
balāṭ-am ina qāt-ī-šunu iṣṣabtū*

когда бог.М-NOM.PL создавать.PRET.3PL.М человечество.Ф-ACC.SG
смерть.М-ACC.SG устанавливать.PRET.3PL.М для человечество.Ф-GEN.SG
жизнь.М-ACC.SG в рука.Ф-OBL.DU-их хватать.PRF.3PL.М

Когда боги создали человека,
Смерть они определили для человека,
Жизнь в своих руках удержали.

Первая строфа представляет собой миниатюрный мифологический зачин и четко отделяет интересующий нас отрывок от предыдущего текста⁵⁰. В то же время связь с ним сохраняется благодаря слову *balāṭum* «жизнь», которое появляется как в последней строке терцета, так и в непосредственно предшествующем ему стихе (*balāṭam ša tasahḫuru lā tutta* «жизнь, которую ты ищешь, ты не найдешь»). Можно сказать, что *balāṭum* служит своего рода звеном, которое позволяет богине-кабатчице перейти от слов, обращенных непосредственно к Гильгамешу, к назиданию, касающемуся каждого человека⁵¹.

В противоположность строфам II–IV, где мы встречаем формы волитивных наклонений, первая строфа содержит глаголы в изъявительном наклонении: две формы претерита (*ibnū* «они создали», *iskunū* «они определили») и замыкающая строфу форма перфекта (*iṣṣabtū* «они схватили»)⁵².

Первая строка трехстишия содержит четыре ударных слова и, таким образом, ритмически обособлена от последующих двух строк, каждая из которых насчитывает по три икта.

Первая и вторая строки терцета не образуют выраженного грамматического параллелизма (можно отметить только морфологически тождественные формы претерита *ibnū* и *iskunū*, каждая из которых расположена в середине предложения), однако связаны друг с другом через лексические и звуковые повторы. Обе строки завершаются словом *awīlūtum* «человечество» (эпифора). Начало второй строки созвучно окончанию первой: ...*awīlūtam* / *mūtam*... (стык). За исключением словоформы *mūtam* «смерть», все слова в первых двух строках начинаются на гласные звуки (*i* или *a*)⁵³ и, кроме того, перекликаются друг с другом благодаря ассонансу на гласные *i* и *u*: *inūma ilū ibnū awīlūtam* / *mūtam iškunū ana awīlūtim*.

⁵⁰ Со слов *inūma ilū* «когда боги», открывающих трехстишие, начинаются многие аккадские мифы. Ср. прежде всего первую строку старовавилонской версии «Сказания об Атрахасисе»: *inūma ilū awīlum* «Когда боги, подобно людям» (Lambert, Millard 1969, 42).

⁵¹ Сходным образом форма мн.ч. слова *ūtum* «день», встречающаяся в стихах 300–301 X таблицы канонической версии Эпоса о Гильгамеше, связывает отвлеченное наставление Утнапишти о смерти с его предшествующими словами, прямо обращенными к Гильгамешу (Nurullin 2020, 559).

⁵² О «замыкающей» роли перфекта в старовавилонской нарративной поэзии см. Cohen 2006, 60–62 («chain-ending function»); Loesov 2004, 117–118, n. 77 («compositional (text-structural) use of *iptaras*... used to round up a piece of narrative»); 174 («narrative “compositional” perfect»).

⁵³ Аллитерация на гласный в стихе I 1 отмечена в Hecker 1974, 139.

Вторая и третья строки объединены грамматическим и лексическим параллелизмом. Слова *mūtum* «смерть» и *balāṭum* «жизнь» образуют антитетический параллелизм, который подчеркивается тем, что оба слова вынесены в начало предложения и играют роль прямого дополнения. Окончание третьей строки в обратном порядке повторяет порядок слов конца второй (хиазм): глагол (*iškunū*) — предложная группа (*ana awilūtīm*) || предложная группа (*ina qātīšunu*) — глагол (*iṣṣabtū*).

СТРОФА II

atta Gilgāmeš lū mali karaš-ka
urr-ī u mūš-ī ḥitattu atta
ūmišam šukun ḥidūt-am
urr-ī u mūš-ī sūr u mēlil

ты Гильгамеш PREC быть.полным.STAT.3SG.M желудок.M.SG-твой
 день.M-OBL.PL и ночь.M-OBL.PL непрерывно.веселиться.IMP.2SG.M ты
 ежедневно устанавливать.IMP.2SG.M веселье.F-ACC.SG
 день.M-OBL.PL и ночь.M-OBL.PL кружить.IMP.2SG.M и играть.IMP.2SG.M

Ты же, Гильгамеш, — пусть будет полон твой желудок,
 Днями и ночами веселись ты,
 Ежедневно устраивай веселье,
 Днями и ночами пляши и играй!

Тема четверостишия — веселье и праздник. Строки II 1, 4 и II 3, 4 соотносятся между собой как частное и общее. Окаймляющие катрен строки описывают конкретные действия, из которых складывается праздник: пир (II 1), пляски и игры (II 4). Два внутренних стиха говорят о праздничном веселье в целом⁵⁴.

Благодаря повторенному дважды тоническому местоимению *atta* «ты» (II 1, 2) и переходу от форм прошедшего времени изъявительного наклонения к волитивным глагольным формам далекое мифическое прошлое, описываемое в первой строфе, резко сменяется настоящим. Связь с предыдущей строфой, как кажется, поддерживается через повтор глагола *šakānum* «устанавливать»: боги «определили» (*iškunū*) человеку смерть; помня об этом, люди должны проводить жизнь в радости и веселье (*šukun ḥidūtam* «устраивай праздник»)⁵⁵.

Так же, как и первая строка строфы I, строка II 1 содержит на один икт больше, чем последующие стихи⁵⁶, и не связана с ними грамматическим параллелизмом. Форма статива с частицей *lū* (*lū mali* «пусть будет полон») в II 1 противопоставлена формам повелительного наклонения в II 2–4.

⁵⁴ Abusch 1993b, 5–6, 13; ср. также Kharitonova 2019, 83.

⁵⁵ Примеры употребления слова *ḥidūtum* «веселье» в значении «праздничное веселье, праздник» см. в CAD H 183b; ANw. 345a.

⁵⁶ Мы полагаем, что слова *urrī u mūšī* «днями и ночами» в II 2 и 4 составляют одну акцентную группу. Ср. примеры, собранные в Lambert 2013, 23 (в частности, сочетание *urra u mūša* «днем и ночью» *ibid.*, 56: 109). Возможно, одним ударением также объединено сочетание *sūr u mēlil* «пляши и играй» в II 4 (ср. *i'ir alik* «Иди, отправляйся!» *ibid.*, 76: 11; в West 1997, 178, п. 10 эти две глагольные формы трактуются как единая акцентная группа, ср., однако, Lambert 2013, 26, sub 3/2). В таком случае стих II 4 содержит только два икта. Нельзя, впрочем, исключать, что и *sūr u mēlil*, и *urrī u mūšī* содержат по два ударения. Тогда строфа состоит из трех 4-ударных стихов (II 1, 2, 4) и одного 3-ударного (II 3).

Первые две строки соединены лексическим повтором местоимения *atta* «ты» в начале II 1 и в конце II 2 (эпаналепсис)⁵⁷. Лексический повтор усилен кольцевым консонансом на согласный *t*: *atta...* / *...hitattu atta*⁵⁸. Помимо этого, весь катрен скреплен консонансом на *m* и *š*, который присутствует в первой половине каждого стиха: *...Gilgāmeš...* / *...mūši...* / *ūmišam šukun...* / *...mūši...*⁵⁹

Вторая и третья строки образуют семантико-синтаксический параллелизм. Сочетание *urrī u mūši* «днями и ночами» составляет семантическую и синтаксическую параллель с *ūmišam* «ежедневно» (вынесенные в начало предложения адвербиальный аккузатив и наречие). Фраза *hitattu atta* «непрестанно веселись ты» связана синонимическим параллелизмом с *šukun hidūtam* «устраивай веселье». Кроме того, строки II 2–3 объединяет повтор дериватов от глагольного корня *hdū* «веселиться»: *hitattu* «непрестанно веселись» (императив породы Gtn) и *hidūtum* «веселье, праздник». Отметим также звуковой параллелизм *u mūši* || *ūmišam* (упоминавшийся выше консонанс на *m-š* дополнен созвучием на начальный *u*) и скопление дентальных в конце обоих стихов: *hitattu atta* || *hidūtam*.

Четвертая строка состоит из двух синтаксически параллельных сегментов (внутристрочный параллелизм). Каждый из них содержит по две словоформы, связанные соединительным союзом *u*. В обоих случаях речь идет об устойчивых лексических парах: «день» и «ночь»⁶⁰, «плясать» и «играть»⁶¹. Половины стиха также скрепляет консонанс на *r* и *m* и ассонанс на *u*: *urrī u mūši sūr u mēlil*. В середине строки полуступиши образуют стык из двух щелевых сибилантов: *...mūši sūr...*⁶²

Последний стих катрена отличается от трех предыдущих отчетливым убыстрением ритма. Мы наблюдаем последовательность одно- и двухсложных словоформ, соединенных союзом *u*. Возможно, такое отрывистое звучание (своего рода стаккато) имеет иконическое значение и передает ритм праздничного танца⁶³. Любопытно также отметить, что, в отличие от стихов II 1–3, в II 4 нет ни одного взрывного звука. Стих содержит только сонорные и щелевые согласные.

⁵⁷ Hecker 1974, 144–145.

⁵⁸ Вслед за М. П. Штреком мы полагаем, что форму *hi-ta-at-tu* (повелительное наклонение породы Gtn глагола *hadūm* «веселиться») следует объяснять дистантной ассимиляцией: *hitattu* < *hitaddu* (Streck 2007, 409). Ср. George 2003, I, 284, где для знака TU предлагается неупотребительное в старовавилонский период архаическое чтение *du₂*: *hi-ta-ad-du₂*.

⁵⁹ Ср. Abusch 1993b, 13, n. 15, где отмечается «аллитерация *ūmišam* и *mūši*» в II 2–3.

⁶⁰ Примеры на сочетание слов *urru* «день» и *mūšum* «ночь» см. в CAD M₂ 294–295 и CAD U 243–244.

⁶¹ Эти два глагола встречаются в паре в лексических списках (см. примеры, собранные в CAD M₂ 16a). См. также следующий пассаж из младовавилонского гимна Иштар: [*eḫlu*] *u ardatu isūrū i[mmellū]* «Юноша и девушка плясали и играли» (Lambert 1982, 194: 3).

⁶² В Таблице Мейсснера–Милларда, написанной на северной разновидности старовавилонского диалекта (George 2003, I, 272, n. 133), аккадская фонема /s/ регулярно передается серией знаков S (в частности, *sūr* «пляши» записано как *su-ur*), что, очевидно, указывает на ее щелевое произношение ([s] < [tʰ], ср. Kogan 2011, 88).

⁶³ Ср. Kharitonova 2019, 83.

Заключительная строка вбирает в себя элементы трех предшествующих строк и служит своего рода кодой четверостишия⁶⁴. С первой строкой ее связывает звуковой параллелизм *lū mali* || *u mēlil*. Как и вторая строка, П 4 начинается с сочетания *urri u mūšī* (лексическая анафора). Две формы повелительного наклонения *sūr* и *mēlil* составляют морфологическую параллель с формами *hitattu* (П 2) и *šukun* (П 3). Глаголы *sārum* «кружиться; плясать» и *mēlulum* «играть» образуют смысловой параллелизм с *hitaddūm* «непрестанно веселиться» (*hadūm* Gtn) и с выражением *hidūtām šakānum* «устраивать (праздничное) веселье»: гипонимы «плясать» и «играть» противопоставлены гиперонимам «веселиться», «праздновать»⁶⁵. Сходный ряд известен по лексическому списку Izi, где шумерский составной глагол *e-ne du₁₁* «развлекаться»⁶⁶ последовательно приравнивается в аккадской колонке к *mēlulum*, *sārum* и *riāšum* «радоваться»⁶⁷.

СТРОФА III

lū ubbub-ū šubāt-ū-ka

qaqqad-ka lū mesi mē lū ramk-āta

PREC чистить. STAT-3PL.M одежда. M-NOM.PL-твой

голова. M.SG-твой PREC мыть. STAT.3SG.M вода. M.OBL.PL PREC купаться. STAT-2SG.M

Пусть будут очищены твои одежды,

Твоя голова пусть будет вымыта, водой пусть ты будешь омыт.

Куплет объединен темой чистоты. Наиболее заметную роль в нем играет лексико-морфологический параллелизм *lū ubbubū* «пусть будут очищены» || *lū mesi* «пусть будет вымыт» || *lū ramkāta* «пусть ты будешь омыт» (как и в предыдущей строфе, мы наблюдаем переход от третьего лица ко второму). Все три глагольные формы представляют собой сочетание статива с пожелательной частицей *lū*. Глаголы *ubbubum* «чистить» (*ebēbum* D) и *mesūm* «мыть» составляют устойчивую лексическую пару⁶⁸. В качестве пары к глаголу *ramākum* «мыться, купаться» обычно выступает *pašāšum* «умащать»⁶⁹, однако известны также примеры на сочетание этого глагола (в породах D и Dt) с *ebēbum* D и Dt и *mesūm* Dt⁷⁰.

⁶⁴ Мы используем музыкальный термин «кода» применительно к поэзии вслед за Дж. Блэком (Black 1998, 108, 169).

⁶⁵ Как отмечает Харитоновна (Kharitonova 2019, 83), за пределами нашего пассажа параллелизм *mēlulum* || *hadūm* также встречается в молитве Ашшурнацирапала I богине Иштар: *limmellū bēlū par[ši(?)...] / liḥdu libbašunu [...]* «Пусть играют участники обр[яда(?)...] / Пусть веселится их сердце [...]» (KAR 107: 50–51; см. Ebeling 1918, 60; Foster 2005, 332; CAD M₂ 16b).

⁶⁶ Attinger 1993, 468–474; 2021, 287.

⁶⁷ MSL 13, 184: 34–36. Глагол *riāšum* «радоваться» синонимичен глаголу *hadūm* «веселиться» и образует с ним устойчивую пару в рамках параллелизма (см. примеры, собранные в CAD H 26a; CAD R 211).

⁶⁸ Kharitonova 2019, 84. См. следующие два пассажа, где эти глаголы распределены между параллельными полустихиями: *imsi malēšu ubbiba tillēšu* «Он вымыл свои волосы, вычистил свои наряды» (George 2003, I, 618: 1); *amsi qātīya ubbiba zumrī* «Я вымыл свои руки, очистил свое тело» (Abusch 2016, 184: 114).

⁶⁹ См., например, *mē ellūti rammik šamna tāba puššiš* «Омой (его) чистой водой, умасти благовонным маслом» (Lapinkivi 2010, 22: 128).

⁷⁰ См. прежде всего следующий пассаж из сборника заклинаний Šurpu: *ūtallil ūtabbib urtammik umtessi uzz[akki]* «Он вымылся, очистился, выкупался, омылся, обелился»

В противоположность двум предыдущим строфам, первые стихи которых содержат по четыре икта, строфа III начинается со стиха, состоящего всего из двух ударных слов⁷¹. По-видимому, строка III 1 ритмически сопоставима с последней строкой второй строфы, которая, как было отмечено выше, возможно, также несет только два ударения (см. прим. 56). Кроме того, между II 4 и III 1 соблюдается примерное слоговое равенство (9 и 8 слогов соответственно). Наконец, два стиха сближает ассонанс на *u*: *urrī u mūšī sūr u mēlil* || *lū ubbubū šubātūka*.

Строфа III связана с первым стихом предшествующего катрена (II 1) грамматическим параллелизмом. Морфология и синтаксис строки III 1 довольно точно копируют второе полустиишие строки II 1 (статив с частицей *lū* — субъект действия — местоименный суффикс 2 л. ед. ч. м.р.): *lū mali karaška* «пусть будет полон твой желудок» || *lū ubbubū šubātūka* «пусть будут очищены твои одежды» (отличие состоит в граммеме числа). Еще более близкую параллель с *lū mali karaška* составляет первое полустиишие III 2: *qaqqadka lū mesi* «твоя голова пусть будет вымыта» (отличие в порядке слов). Помимо практически тождественного грамматического устройства, эти сегменты объединяет лексический параллелизм *karšum* «желудок» || *qaqqadum* «голова» (части тела). Кроме того, они равны по числу слогов (по шесть в каждом).

Вторая строка куплета сцеплена с предшествующим четверостишием рядом созвучий: *lū mali* (II 1) и *u mēlil* (II 4) перекликаются с *lū mesi mē lū*; как и в II 4, в середине стиха III 2 присутствует слог, состоящий из сибиланта и гласного *i* (*urrī u mūšī sūr u mēlil* || *qaqqadka lū mesi mē lū ramkāta*); словоформа *mesi* в первом полустиишии III 2 содержит отзвук консонанса на *m* и *š*, который встречается в первой половине каждого стиха строфы II; в форме *ramkāta* слышен отголосок пронизывающего последний стих второй строфы консонанса на *r* и *m*. Как будет показано ниже, звуковой облик строки III 1 находит отражение в IV 1. Таким образом, на уровне фонетического параллелизма строфа III оказывается своего рода мостом между II и IV строфами. Отдельно следует упомянуть связующее строфы I, III и IV созвучие *iššabtū* (I 3) || *šubātūka* (III 1) || *šābitu* (IV 1).

(Reiner 1958, 43: 83). Глаголы *ubbubum* и *rummukum* встречаются в паре в лексическом списке Erimḫuš (MSL 17, 75: 185–186), а также в позднем шумеро-аккадском заклинании (мы приводим только аккадский текст): *mē rummuku mešrētīšu ubbubu* «Омыться водой, очистить члены своего тела» (Borger 1973, 165: i 52). Ср., наконец, примеры на сочетание выражения *mē ramākum* «мыться водой» с прилагательным *ebbum* «чистый» (как и в Таблице Мейсснера–Милларда, корень *’-b-b* употреблен по отношению к одежде): *šarru mē irammuk šubāt nēpeše ebba iltabbaš* «Царь омоется водой и облачится в чистое ритуальное одеяние» (Zimmern 1901, 130: 35–36); *mē artamuk ebbūti attaši* «Я омылся водой и надел чистое» (Parpola 1993, 143: 7’).

⁷¹ О редких для аккадской поэзии 2-ударных стихах см. Hecker 1974, 109–111. В Таблице Мейсснера–Милларда есть еще несколько примеров такого рода: *izzaqqaram ana Gilgāmeš* «Он говорит Гильгамешу» (George 2003, I, 276: i 6’; краткий вариант формулы, вводящей прямую речь, см. *ibid.*, 163); *attillam-ma kalu šanātīm* «Я буду лежать все годы» (*ibid.*, 276: i 12’; *kalu šanātīm*, вероятно, объединено общим ударением; ср. сочетание *kala lumnu* «всё зло», образующее единую акцентную группу в «Вавилонской теодицее», см. West 1997, 177–178); *ul addiššu ana qebērim* «Я не дал его похоронить» (George 2003, I, 278: ii 6’); *ša aššuram šadī* «Я тот, кто кружил по горам» (*ibid.*, 280: iv 10).

Рассмотрим теперь подробнее внутреннее устройство куплета. Каждый из колонов-полустуший второго стиха с некоторыми вариациями копирует грамматическую структуру первого. Можно сказать, что строка III 1 дает начало первому полустушию строки III 2, а из него, в свою очередь, вырастает второе полустушие⁷², при этом в процессе «роста» между параллельными сегментами накапливается все большее число отличий. Различия между первым стихом и начальным колоном III 2 незначительны: обратный порядок слов (хиазм), разница в грамматическом числе. Порядок слов во втором колоном тот же, что и в первом, однако в остальном конец стиха заметно отличается от его начала (и еще в большей степени от III 1). Третье лицо сменяется вторым. Субъект действия теперь выражен суффиксом при глаголе (*ramk-āta*), а освободившееся перед глагольной формой место занимает обычный для глагола *ramākum* объект *mē* «водой». Речь идет о своего рода компенсации, благодаря которой колоны остаются соизмеримыми: поддерживается двухчленная структура имя–глагол (ср. глагол–имя в III 1), и, как следствие, между полустушиями соблюдается изотонизм (строка III 1 также насчитывает два икта) и парисон (6 + 5 слогов, ср. 8 слогов в III 1).

Строки куплета сшиты друг с другом повтором сочетания велярного согласного с гласным *a*: *lū ubbubū šubātūka* / *qaqqadka lū mesi mē lū ramkāta*. Оба стиха имеют сходное окончание: *...šubātūka* / *...ramkāta* (хиастический повтор согласных *t-k* || *k-t*, конечный гласный *a*). Помимо упомянутого выше ассонанса на *u*, в III 1 отчетливо различим консонанс на *b*: *lū ubbubū šubātūka*. Созвучия в III 2 выстроены симметрично. Их расположение можно передать схемой ABCBA. Стих обрамлен ассонансом на *a* (*qaqqadka... ramkāta*) и звуковым повтором *qaqqadka... ramkāta*. Внутри стиха присутствует звуковой хиазм *...lū mesi mē lū...*⁷³ Элементу «С» схемы соответствует слог *si* в середине строки.

СТРОФА IV

šubbi šeḫr-am sābitu qāt-ī-ka
marḫīt-um liḫtaddām ina sūn-ī-ka

глядеть.IMP.2SG.M ребенок.M-ACC.SG держать.PTCP.M.SG рука.F-GEN.SG-твой
 супруга.F-NOM.SG непрерывно.веселиться.PREC.3SG.VEN в лоно.M-GEN.SG-твой

Гляди на ребенка, держащего тебя за руку.

Супруга пусть радуется на твоём лоне.

Четвертая строфа посвящена теме семьи. Двустушие не образует выраженного грамматического параллелизма. Оба стиха содержат формы волитивного наклонения: императив *šubbi* «гляди» и прекатив *liḫtaddām* «пусть непрерывно радуется» (отметим переход от второго лица к третьему, противоположный смене третьего лица вторым в строфах II и III). Лексическую параллель составляют слова *šeḫrum* «ребенок» и *marḫītum* «супруга». Словесный параллелизм усилен хиастическим звуковым повтором: *šeḫram* || *marḫītum*. Строки завершаются сходным образом: лексема со значением части тела (*qātum* «рука» и *sūnum* «лоно»), снабженная показателем генитива, и следующий за ней местоименный суффикс *-ka*

⁷² Другие примеры на параллелизм между неравными сегментами поэтического текста (стихами и полустушиями) в Эпосе о Гильгамеше см. в Kharitonova 2019, 290–301.

⁷³ Kharitonova 2019, 85. См. также примеры в Hecker 1974, 140.

«твой». Соответственно, куплет скреплен гомеотелевтоном: *qātīka* || *sūnīka*. По-видимому, неслучаен также тот факт, что второе слово каждой строки оканчивается сочетанием гласного *a* и согласного *m*: *ṣeḥram* || *liḥtaddām* (внутренняя рифма)⁷⁴. В первом стихе различима аллитерация на *ṣ*⁷⁵ и — шире — консонанс на *ṣ-b*: *ṣubbi ṣeḥram ṣābitu qātīka*. Стих IV 2 содержит консонанс на *ḥ-t*: *marḥītum liḥtaddām*...⁷⁶

По отношению к предыдущим двум строкам строфа IV выступает в качестве коды, соотносясь с ними на грамматическом, лексическом и фонетическом уровнях. С предшествующим куплетом строфу IV роднит грамматическая рифма *-ka*, вызывающая в памяти повтор слогов *ka* и *qa* в III 1–2. Помимо этого, строка IV 1 соединена звуковым параллелизмом с III 1: *ṣubbi ṣeḥram ṣābitu qātīka* || *lū ubbubū ṣubātūka*. Как было отмечено выше, *ṣābitu qātīka* (IV 1) и *ṣubātūka* (III 1) также образуют удаленную параллель с *iṣṣabtū* в конце стиха I 3 (*ṣābitu* и *iṣṣabtū* составляют часть охватывающего весь отрывок инклюзии). Согласные *r* и *m* в словоформах *ṣeḥram* (IV 1) и *marḥītum* (IV 2) звучат отголоском консонанса на *r-m* в II 4 (ср. также *ramkāta* в III 2). Кроме того, строфы II и IV сближает повтор дериватов от глагольного корня *ḥ-d-ū*: *liḥtaddām* (IV 2) || *ḥitattu* (II 2) || *ḥidūtam* (II 3). Отметим также, что IV строфа восстанавливает нарушенную в III строфе закономерность, заключающуюся в том, что в начале строфы 4-ударный стих сменяется 3-ударным⁷⁷.

Форма повелительного наклонения *ṣubbi* (IV 1) составляет грамматическую параллель с императивами во II строфе. Прекатив *liḥtaddām* (IV 2) может быть сопоставлен с формами статива, предваренными пожелательной частицей *lū*, во II и III строфах. Пожелание в третьем лице начинается (II 1) и завершает (IV 2) мотив *saḡre diem* в речи Сидури. Строки II 1 и IV 2 также сближает сходное окончание: слово, обозначающее часть тела, и следующий за ним местоименный суффикс *-ka* «твой» (*karaš-ka* «твой желудок» || *ina sūnī-ka* «на твоём лоне»). По-видимому, правомерно говорить о несколько неявном внутреннем (малом) инклюзии, которое обрамляет строфы, воспевающие наслаждение жизнью. В данном случае рамочная конструкция создается посредством удаленного (дистантного) грамматического и лексического параллелизма. Ср. значительно более ясно обозначенное большое (внешнее) инклюзии, основанное на лексических и звуковых повторах (см. выше).

СТРОФА V

annā-ma šīm[ti awīlūt-im(?)]

ša balṭ-u[m(?)]...

вот-FOC судьба.F.SG человечество.F-GEN.SG

REL живой.M-NOM.SG [...]

Только в этом судь[ба человека(?)].

То, что живо[й(?)]...

⁷⁴ Следует признать, что значение вентива при глаголе *ḥitaddām* остается неясным. Возможно, показатель вентива *-am* был добавлен к глагольной форме прежде всего ради создания звукового повтора.

⁷⁵ Hecker 1974, 139.

⁷⁶ Вероятно, редкое литературное слово *marḥītum* «супруга» было выбрано по созвучию с соседней словоформой.

⁷⁷ Генитивное сочетание *ṣābitu qātīka* насчитывает шесть слогов и, таким образом, несет два ударения (см. прим. 44).

Текст пятой строфы существенно поврежден. В то время как для первого стиха существует довольно убедительное восстановление (см. прим. 48), предложить сколько-нибудь надежную реконструкцию для второй строки двустипия не представляется возможным. Соответственно, неясным остается внутреннее устройство куплета.

Заключительное двустипие отчетливо отделено от предыдущих строф. Презентативная частица *annā* «вот», подкрепленная показателем фокуса *-ta*, обрывает мотив *carpe diem* и вводит завершающую речь Сидури сентенцию⁷⁸. Именное предложение в V 1 создает контраст с глагольными предложениями во всех предшествующих строках отрывка.

Как было отмечено выше, последняя строфа (отчасти также строфа IV) содержит ряд лексических и фонетических сходжений с первой. Кроме того, как отмечает Джордж, в V строфе вновь появляется тема рока⁷⁹. Эта тема сначала звучит в I 2 («(Боги) определили человеку смерть»), а затем подхватывается в V 1 словом *šimtum* «судьба»⁸⁰.

* * *

Попробуем обобщить сделанные выше наблюдения над поэтическим устройством речи Сидури. Строфы в этом отрывке связаны между собой посредством грамматического, лексического и звукового параллелизма. Параллельные сегменты могут как располагаться по соседству друг с другом, так и быть разделенными одним или несколькими стихами⁸¹. Так, последняя строка второй строфы и первая третьей сцеплены ассонансом на *u*. С другой стороны, между образующими звуковой параллелизм строками III 1 и IV 1 стоит строка III 2, а грамматически параллельные сегменты *lū mali karaška* (II 1) и *lū ubbubū šubātūka* (III 1) отделены друг от друга тремя стихами⁸².

Параллелизм также скрепляет стихи внутри строф. Как для внутрострофного, так и для межстрофного параллелизма характерна тенденция избегать монотонности: повтор, как правило, сопровождается вариациями (см., например, соотношение между III 1 и полустипиями III 2)⁸³. Слабый грамматический параллелизм

⁷⁸ Сходным образом завершаются «Баллада о ранних правителях» и составляющий параллель со словами Сидури пассаж из Книги Экклезиаста (см. выше).

⁷⁹ «[T]his line alludes to the function given to man by the gods at his creation, and thus the couplet rounds off Šiduri's homily by returning to the subject matter which introduced it» (George 2003, I, 284).

⁸⁰ Ср. конец X таблицы канонической версии Эпоса о Гильгамеше, где упоминается собрание богов, определяющее «судьбу» (*šimtum*) человека и обрекающее его на скоротечную земную жизнь и бесчисленные дни в мире мертвых (George 2003, I, 696–698: 319–322; Nurullin 2020, 563–565).

⁸¹ Удаленный (дистантный) параллелизм, частным случаем которого можно считать инклюзию (ср. Pardee 1988, 187; Heim 2013, 31–32). Примеры удаленного параллелизма в Эпосе о Гильгамеше см. в Kharitonova 2019, 271–289.

⁸² Подобного рода близкие и удаленные параллели между фрагментами аккадского поэтического текста хорошо известны (см., например, Nurullin 2020, 561–563). Их выявляют не только в поэзии, но и в царских надписях (см. прежде всего Nurowitz 1994).

⁸³ О вариативности, присущей параллелизму в разных литературных традициях, см. Jakobson 1966, 423–427.

может быть компенсирован средствами звуковой выразительности и лексическими повторами. Так, строка I 1 имеет мало грамматических параллелей с последующей строкой, однако сшита с ней рядом созвучий, а также лексической эпифорой *awilūtum* || *awilūtim*. То же можно сказать о первой строке II строфы, которая через слово *atta* соединена со стихом II 2 и перекликается с II 4 созвучием *lū mali* || *u mēlil*.

Обратимся теперь к проблеме выделения строфы в аккадской поэзии. Как справедливо замечает У. Лэмберт, единственная несомненная структурная единица аккадской поэзии — стихотворная строка⁸⁴. Строфика до сих пор систематически не изучена. Исследования в этой области ограничены наблюдениями над строфическим делением того или иного произведения или поэтического отрывка⁸⁵. Все еще не выработаны строгие критерии, позволяющие уверенно разбивать поэтический текст на строфы. Строфы аккадской поэзии не образуются ни посредством определенных схем рифмовки⁸⁶, ни благодаря чередованию метрических размеров⁸⁷. В известной степени исследователи аккадской поэзии вычленяют строфы, руководствуясь интуицией. Подчас деление носит субъективный характер⁸⁸. Как правило, строфа скреплена параллелизмом и/или представляет собой законченное смысловое целое. Сохранились таблички, в которых строфы отделены друг от друга горизонтальными чертами. В этих текстах строфы складываются из двух или четырех стихов⁸⁹. Не подлежит, однако, сомнению тот факт, что во многих произведениях аккадской литературы также встречаются изолированные строки (моностихи), трехстишия и пятистишия⁹⁰. Правомерно провести параллель с ветхозаветной поэзией, где преобладают двустишия (биколонны), однако наряду с ними употребительны и строфы, состоящие из большего числа колонов⁹¹. Вероятно, как и в поэтических книгах Ветхого Завета, трехстишие в аккадской поэзии могло играть структурообразующую роль, маркируя начало или конец завершенного по смыслу отрывка⁹². Этот вопрос, однако, нуждается в дополнительном исследовании.

Согласно Джорджу, текст Эпоса о Гильгамеше строится главным образом из четверостиший, которые, в свою очередь, слагаются из куплетов⁹³. Джордж признает, что

⁸⁴ Lambert 2013, 17.

⁸⁵ См., например, Dietrich 1992 («Баллада о прежних правителях»; ср. Alster 2005, 292, n. 29); George 2010 («Ассирийская элегия»); Jiménez 2017, 226–227 («Сборник о тополе»), 281 («Спор между пальмой и виноградом»).

⁸⁶ В аккадской поэзии рифма встречается лишь sporadически (см. Wasserman 2003, 157–172).

⁸⁷ Попытки выявить в аккадской поэзии акцентные или квантитативные размеры до сих пор не имели успеха (West 1997; Jiménez 2017, 72, n. 189).

⁸⁸ Jiménez 2017, 226. Ярким примером служат начальные строки вавилонской поэмы о сотворении мира «Энума элиш», которые по-разному разбиваются на строфы ее переводчиками (см. Kämmerer, Metzler 2012, 55–72; Lambert 2013, 28–30).

⁸⁹ Lambert 2013, 28.

⁹⁰ См., например, Jiménez 2017, 226–227, 281.

⁹¹ Watson 1984, 160–200.

⁹² О такой функции триколона в библейской поэзии см., например, Watson 1984, 183; Alter 1985, 35–36. Ср. трехстишие в начале речи Сидури, а также трехстишие, оканчивающее «Ассирийскую элегию» (George 2010, 212–213).

⁹³ George 2003, I, 163.

в Эпосе также встречаются терцеты, однако рассматривает их скорее как исключение из правила⁹⁴. Действительно, разбиение текста Эпоса на группы, состоящие из четного числа стихов (куплеты и катрены), во многих случаях представляется оправданным. В то же время есть примеры, когда подход Джорджа оказывается недостаточно гибким и механическое деление на двустистишия и четверостишия не кажется удачным. К числу таких примеров относится и разбираемый нами отрывок из Таблицы Мейсснера—Милларда. К выделяемому нами начальному трехстишию Джордж присоединяет непосредственно предшествующую ему строку: *balātam ša tasahḫuru lā tutta* «Жизнь, которую ты ищешь, ты не найдешь»⁹⁵. Эта строка, однако, образует тесное единство с предыдущей: *Gilgāmeš ēš tadāl* «Гильгамеш, куда ты стремишься?» В пользу этого наглядно свидетельствует тот факт, что ранее обе строки появляются в Таблице Мейсснера—Милларда в качестве реплики Шамаша (см. выше)⁹⁶. Кроме того, стих *balātam ša tasahḫuru lā tutta* не связан с последующими тремя стихами ни семантико-синтаксическим, ни звуковым параллелизмом. Его роднит с ними только слово *balātum* «жизнь» (см. выше). Мы согласны с Джорджем в том, что за мифологическим зачином (строфа I) следует четверостишие (строфа II). Наиболее спорный момент предложенного нами разбиения на строфы — вычленение строф III и IV (два куплета). По мнению Джорджа, речь идет еще об одном катрене⁹⁷. В таком случае строфы образуют симметричную структуру: два внутренних четверостишия и обрамляющие их начальный терцет и замыкающий куплет (наша строфа V). Но входящие в этот предполагаемый катрен куплеты не содержат выраженного грамматического параллелизма и далеко отстоят друг от друга по смыслу (тема чистоты и тема семьи). Если строфы III и IV действительно складываются в четверостишие, они объединены прежде всего звуковым параллелизмом (повтор слога *ka*; сходный фонетический облик стихов III 1 и IV 1; созвучие *ramkāta* || *šeḫram* в III 2 и IV 1). Аналогичным образом, на уровне отдельной строфы строки, которые не образуют явного грамматического параллелизма с другими строками, могут быть скреплены с ними рядом созвучий (см. выше).

Вернемся теперь к вопросу о том, могут ли слова Сидури в Таблице Мейсснера—Милларда восходить к некоему самостоятельному произведению. Прежде всего нужно подчеркнуть, что интересующий нас отрывок нельзя считать механической вставкой, резко выделяющейся на фоне остального текста. Исследователи Эпоса неоднократно отмечали близкие параллели между речью Сидури и предшествующей ей репликой Гильгамеша⁹⁸. Гильгамеш рассказывает богине-кабатчице о скорби, которая охватила его после смерти Энкиду, о своем страхе перед смертью и поисках вечной жизни⁹⁹. Речь Сидури представляет собой непосредственный ответ на слова Гильгамеша и во многом перекликается с ними. Так, антитезой стиху *urri u mūši elišu abki*

⁹⁴ См., в частности, George 2010, 212–213.

⁹⁵ George 2003, I, 165; 2012, 236; 2020, 194.

⁹⁶ George 2003, I, 276: i 7'–8'. Ср. Abusch 1993a, 1, где два стиха, открывающие речь Сидури, объединены с последующими тремя (наша строфа I) в пятистишие, и Moran 1995, 2329 (шестистишие; к пяти стихам присовокуплена строка, вводящая прямую речь Сидури).

⁹⁷ George 2003, I, 165; 2012, 236; 2020, 194. Так же в Abusch 1993a, 1. Ср. Moran 1995, 2329 (пятистишие; к этим четырем стихам добавлена первая строка V строфы).

⁹⁸ Tigay 1982, 50–51; Abusch 1993a; 1993b.

⁹⁹ George 2003, I, 276–278: ii 0'–13'.

«Днями и ночами над ним я плакал»¹⁰⁰ выступает *urrī u mūšī ḥitattu atta* «Днями и ночами веселись ты!» (II 2). Сочетание *šimātu awilūtīm* «судьба людей» (т.е. смерть)¹⁰¹ находит отражение в *š[mti awilūtīm]* (V 1). Появляющиеся в реплике Гильгамеша слова *balāṭum* «вечная» жизнь» и *mūtum* «смерть»¹⁰² вновь возникают в строфе I.

Таким образом, слова Сидури составляют неотъемлемую часть той старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше, которая представлена Таблицей Мейсснера–Милларда¹⁰³. В то же время нам представляется вероятным, что у истоков речи Сидури стоит изначально независимое произведение, отчасти переработанное и органично влившееся в текст Эпоса. Мы относим это гипотетическое произведение к жанру, который с известной долей осторожности можно сопоставить с застольными («анакреонтическими») песнями греческой лирики¹⁰⁴. Предположить наличие такого жанра в литературе Древней Месопотамии позволяют обсуждавшиеся выше шумерские произведения «Ничто не ценно» и «Баллада о прежних правителях». Отметим, что последнее из них рассматривается рядом исследователей как образец застольной лирики¹⁰⁵. Возможно, из песен подобного рода были также почерпнуты следующие два отрывка из надписей Ашшурбанапала¹⁰⁶, которые обнаруживают определенное сходство со словами Сидури: *lū ašbāta ašar maškanīka akul akalu šiti kurunnu ningūtu šukun nu'id ilūtī* «Оставайся в своем жилище. Ешь пищу, пей вино, справляй праздник, чти мою божественность»¹⁰⁷; *gimir ummānīya... ūtu u mūšu šitkunū ningūta* «Все мое войско... день и ночь справляло праздник»¹⁰⁸ (употребленное в обоих отрывках слово *ningūtu* «радостные песнопения; праздник» — близкий синоним *hidūtu* «веселье; праздник» в отрывке из Эпоса).

В завершение статьи мы хотим привести примечательную прозаическую параллель к речи Сидури из сочинения по гемеорологии, известного сегодня как «Гемеорология Ташриту»¹⁰⁹:

¹⁰⁰ George 2003, I, 278: ii 5'.

¹⁰¹ *illik-ma ana šimātu awilūtīm* «(Энкиду) ушел к судьбе людей» (George 2003, I, 278: ii 4').

¹⁰² *ištu warkīšu ul uta balāṭam... mūtam ša ātanaddaru auu-āmur* «После него я не нашел жизни... Да не увижу я смерть, которой непрестанно страшусь!» (George 2003, I, 278: ii 10', 13').

¹⁰³ О существовании в старовавилонский период нескольких версий Эпоса о Гильгамеше см. George 2003, I, 22.

¹⁰⁴ Генетическую связь с застольными песнопениями предполагают также в случае с древнеегипетскими песнями арфистов (Lichtheim 1945, 179–180, 207–210; Fox 1977, 396–397, n. 14, 16; 1982, 270–271; Assmann 1989, 20, см. также с. 24, где слова Сидури описываются как «ein Stück sumerischer (sic) Gelagepoesie»).

¹⁰⁵ Wilcke 1988, 139 («Trinklied»), см. также (с некоторыми оговорками) Alster 2005, 290–297 («drinking song»). Ср. Lambert 1995, 41–42.

¹⁰⁶ О поэтических вкраплениях в надписях новоассирийских правителей см., например, Renger 1990.

¹⁰⁷ Novotny, Jeffers 2018, 70: 61–63.

¹⁰⁸ Streck 1916, 266: 11.

¹⁰⁹ См. Labat 1939, 174–176: 41–46; Hulin 1959, 52: 53–55; Casaburi 2000, 21–22: 72–77; Livingstone 2013, 188–189: 39–44. Название «Гемеорология Назимарутташа», предложенное для этого произведения в работе Ливингстона, следует признать неудачным (см. Jiménez, Adalı 2015, 155–156).

U₄.8.KAM₂ *ūm*(U₄) *hi-du-te ša*₂ ^d*Enlil*(BAD) *šarru*(MAN) *kabtu*(IDIM) *rubū*(NUN) *ūtebbēbū*(DADAG)^{mes} *qānī*(ŠU) *limsi*(LUH)^{si} *lītebbib*(DADAG) *inib*(GURUN)^{si} *kiri*(KIRI₆) *bīs*(E₂)-*su limalli*(SA₃)^{li} *hi-du-ta liš-kun ana sinništī*(MUNUS) *aḫīti*(BAR)^{ti} *lā*(NU) *illak*(DU)^{ak} *a-na ša at-tu-šu*₂-*ma li-lik ūma*(U₄) *šu*(BI)-*a-tu*₄ *sinništā*(MUNUS)-*šu*(BI) *zikara*(NITA) *ir-ri*

Восьмой день (месяца Ташриту) — это день праздника Энлиля¹¹⁰. (В этот день) царь, вельможа и князь очищаются¹¹¹. (Человеку) следует омыть руки и очиститься. Пусть он наполнит свой дом плодами сада¹¹² и устроит праздник. Ему не следует идти к чужой женщине. Пусть он идет к своей (жене)¹¹³. В этот день его жена (букв. женщина)¹¹⁴ зачнет¹¹⁵ мальчика.

Как и речь Сидури, этот пассаж объединяет в себе темы праздника, чистоты, пира и семьи. С отрывком из Эпоса его также роднит ряд параллелей на уровне лексики и фразеологии: ср. *šukun ḫidūtam* «устрой праздник» (II 3) и *ḫidūta liškun* «пусть он устроит праздник»; *lū ubbubū šubātūka / qaqqadka lū mesi...* «пусть будут очищены твои одежды, твоя голова пусть будет вымыта...» (III 1–2) и *qātī limsi lītebbib* «пусть он вымоет руки и очистится»; *lū mali karaška* «пусть будет полон твой желудок» (II 1) и *inib kirī bīssu limalli* «пусть он наполнит свой дом плодами сада» (в обоих случаях, по всей видимости, речь идет о праздничном пире). На наш взгляд, сходство между двумя отрывками едва ли может быть случайным. Можно предположить, что этот раздел «Гемерологии Ташриту» содержит аллюзию на слова Сидури в Эпосе о Гильгамеше, однако, как было отмечено выше, младовавилонская версия Эпоса о Гильгамеше их не сохранила¹¹⁶. Не менее вероятным поэтому представляется, что составитель «Гемерологии Ташриту» положил в основу предписания материал из некоей застольной песни, один из вариантов которой в свое время был использован в Таблице Мейсснера—Милларда.

¹¹⁰ В KAR 147 rev. 24 и CTN 4, 58: 53 имя бога записано логограммой ^dBAD, которая может передавать как имя Энлиля, так и имя Эа (так эта логограмма прочитана в Hulin 1959, 52: 53 и Casaburi 2000, 26: 72). В пользу первого чтения свидетельствует KAR 177 rev. iii 41, где это имя записано числовым знаком ^d50 (= *Enlil*).

¹¹¹ Издатели этого текста предлагают для логограммы DADAG^{mes} чтение *lītebbibū* «Пусть (царь, вельможа и князь) очистятся». В таком случае в этом разделе «Гемерологии Ташриту» содержатся два отдельных предписания: одно для царя, вельможи и принца, другое для простого человека (см. CAD E 7b). В свете того, что в других разделах этого произведения подобное противопоставление не встречается (все предписания обращены к обычному человеку), мы предлагаем видеть за этой логограммой форму презенса (*ūtebbēbū* «они очищаются»). Тогда речь идет о пояснительной ремарке.

¹¹² Вслед за Hulin 1959, 52, n. 56 мы читаем знак, который поврежден во всех трех сохранивших это место манускриптах, как GURUN (= *inbu* «плод»).

¹¹³ Чтение *ša at-tu-šu*₂-*ma* «его собственная (жена)» (Hulin 1959, 52: 55; Casaburi 2000, 22: 77; CAD A₁ 211a; ср. CAD A₂ 514a и CAD E 325b, где знак, предшествующий слову *attu*, ошибочно прочитан как DAM = *aššatu* «жена») следует предпочесть чтению *ra-at-tu-šu*₂-*ma* в Labat 1939, 176: 45 («femme qu'il aime») и Livingstone 2013, 189: 44 («his beloved»).

¹¹⁴ Сочетание MUNUS BI можно также прочесть как *sinništū šī* «эта женщина».

¹¹⁵ Чтение NITA *ir-ri* «она зачнет мальчика» (Hulin 1959, 52: 55; Casaburi 2000, 22: 77; CAD E 325b) следует предпочесть чтению *us*₂-*sa-ri* в Labat 1939, 176: 46 («cette femme deviendra grosse») и Livingstone 2013, 189: 43 («he will make that woman pregnant»).

¹¹⁶ Нельзя, впрочем, совсем исключать возможность того, что составитель «Гемерологии Ташриту» был знаком с некоей версией Эпоса, которая, в отличие от канонической, включала в себя речь Сидури.

Если это предположение верно, гипотетический источник слов Сидури и пассажира из «Гемерологии Ташриту» должен был содержать тот же набор тем, что и два разобранных нами отрывка: праздник, чистота и застолье в кругу семьи¹¹⁷.

Литература / References

- Abusch, T. 1993a: Gilgamesh's Request and Siduri's Denial. Part I. The Meaning of the Dialogue and Its Implications for the History of the Epic. In: M.E. Cohen, D.C. Snell, D.B. Weisberg (eds.), *The Tablet and the Scroll: Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo*. Bethesda, 1–14.
- Abusch, T. 1993b: Gilgamesh's Request and Siduri's Denial. Part II. An Analysis and Interpretation of an Old Babylonian Fragment about Mourning and Celebration. *Journal of the Ancient Near Eastern Society* 22/1, 3–17.
- Abusch, T. 1993c: Mourning the Death of a Friend: Some Assyriological Notes. In: B. Walfish (ed.), *The Frank Talmage Memorial Volume*. Pt. I. Haifa, 53–62.
- Abusch, T. 2016: *The Magical Ceremony Maqlû: A Critical Edition*. (Ancient Magic and Divination, 10). Leiden–Boston.
- Akhmatova, A.A. 1973: [Song Which is in the House of King Antef, Written in front of the Harpist]. In: I. Braginskiy (ed.), *Poeziya i proza Drevnego Vostoka* [Poetry and Prose of the Ancient East]. Moscow, 100–101.
- Ахматова, А.А. (пер.). Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой. В сб.: И. Брагинский (ред.), *Поэзия и проза Древнего Востока*. М., 100–101.
- Al-Rawi, F.N.H., George, A.R. 2014: Back to the Cedar Forest: The Beginning and End of Tablet V of the Standard Babylonian Epic of Gilgameš. *Journal of Cuneiform Studies* 66, 69–90.
- Alster, B. 2005: *Wisdom of Ancient Sumer*. Bethesda.
- Alter, R. 1985: *The Art of Biblical Poetry*. New York.
- Arnaud, D. 2007: *Corpus des textes de bibliothèque de Ras Shamra-Ougarit (1936–2000) en sumérien, babylonien et assyrien*. (Aula Orientalis. Supplementa, 23). Sabadell.
- Assmann, J. 1989: Der schöne Tag. Sinnlichkeit und Vergänglichkeit im altägyptischen Fest. In: W. Haug, R. Warning (Hrsg.), *Das Fest*. (Poetik und Hermeneutik, 14). München, 3–28.
- Attinger, P. 1993: *Éléments de linguistique sumérienne. La construction de du₁₁/e/di «dire»*. (Orbis Biblicus et Orientalis, Sonderband). Freiburg–Göttingen.
- Attinger, P. 2021: *Glossaire sumérien-français: principalement des textes littéraires paléobabyloniens*. Wiesbaden.
- Bartelmus, A. 2016: *Fragmente einer großen Sprache: Sumerisch im Kontext der Schreiberausbildung des kassitenzeitlichen Babylonien*. Bd. I. (Untersuchungen zur Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie, 12/1). Boston–Berlin.
- Beckman, G. 2019: *The Hittite Gilgamesh*. (Journal of Cuneiform Studies Supplemental Series, 6). Atlanta.
- Berlin, A. 1985: *The Dynamics of Biblical Parallelism*. Bloomington.
- Black, J. 1998: *Reading Sumerian Poetry*. Ithaca.
- Borger, R. 1973: Die Weihe eines Enlil-Priesters. *Bibliotheca Orientalis* 30/3–4, 163–176.
- Casaburi, M.C. 2000: The Alleged Mesopotamian «Lent»: The Hemerology for Tešritu. *Studi Epigrafici e Linguistici sul Vicino Oriente Antico* 17, 13–29.
- Cohen, E. 2006: The Tense-Aspect System of the Old Babylonian Epic. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 96/1, 31–68.
- Cohen, Y. 2013: *Wisdom from the Late Bronze Age*. (Society of Biblical Literature: Writings from the Ancient World, 34). Atlanta.
- Diakonoff, I.M. 1961: *Epos o Gil'gameshe («O vse vidavshem»)* [The Epic of Gilgamesh («About the One Who Saw All»)]. Moscow–Leningrad.
- Дьяконов, И.М. *Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»)*. М. – Л.

¹¹⁷ Строфа IV, как кажется, выдает изначальную инородность слов Сидури в Таблице Мейсснера–Милларда, так как, кроме этого места, в Эпосе нигде не говорится о жене и детях Гильгамеша.

- Diakonoff, I.M. 1973: [«About the One Who Saw All». By Sin-leqe-unninni, the Magician]. In: I. Braginskiy (ed.), *Poeziya i proza Drevnego Vostoka* [Poetry and Prose of the Ancient East]. Moscow, 166–220.
- Дьяконов, И.М. (пер.). «О все выдавшем». Со слов Син-леке-уннинни, заклинателя. В сб.: И. Брагинский (ред.), *Поэзия и проза Древнего Востока*. М., 166–220.
- Diakonoff, I.M. 1981: [«About the One Who Saw All». By Sin-leqe-unninni, the Magician. The Epic of Gilgamesh]. In: I.M. Diakonoff, V.K. Afanas'eva (eds.), *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo: literatura Vavilonii i Assirii* [I Will Reveal to You a Hidden Word: The Literature of Babylonia and Assyria]. Moscow, 122–194.
- Дьяконов, И.М. (пер.). «О все выдавшем». Со слов Син-леке-уннинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше. В сб.: И.М. Дьяконов, В.К. Афанасьева (сост.), *Я открою тебе сокровенное слово: литература Вавилонии и Ассирии*. М., 122–194.
- Dietrich, M. 1992: «Ein Leben ohne Freude...». Studie über eine Weisheitskomposition aus den Gelehrtenbibliotheken von Emar und Ugarit. *Ugarit-Forschungen* 24, 9–29.
- Ebeling, E. 1918: *Quellen zur Kenntnis der babylonischen Religion*. Heft 1. (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 23/1). Leipzig.
- Foster, B.R. 2005: *Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature*. Bethesda.
- Fox, M.V. 1977: A Study of Antef. *Orientalia* 46/4, 393–423.
- Fox, M.V. 1982: The Entertainment Song Genre in Egyptian Literature. *Scripta Hierosolymitana* 28, 268–316.
- George, A.R. 2003: *The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. I–II. Oxford.
- George, A.R. 2010: The Assyrian Elegy: Form and Meaning. In: S.C. Melville, A.L. Slotsky (eds.), *Opening the Tablet Box. Near Eastern Studies in Honor of Benjamin R. Foster*. (Culture and History of the Ancient Near East, 42). Leiden–Boston, 203–216.
- George, A.R. 2012: The Mayfly on the River: Individual and Collective Destiny in the Epic of Gilgamesh. *KASKAL. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico* 9, 227–242.
- George, A.R. 2020: *The Epic of Gilgamesh: The Babylonian Epic Poem and Other Texts in Akkadian and Sumerian*. 2nd ed. London.
- Goren, Y., Mommsen, H., Finkelstein, I., Na'aman, N. 2009: A Provenance Study of the Gilgamesh Fragment from Megiddo. *Archaeometry* 51/5, 763–773.
- Grimme, H. 1905: Babel und Koheleth-Jojachin. *Orientalistische Literaturzeitung* 8, 432–438.
- Hecker, K. 1974: *Untersuchungen zur akkadischen Epik*. (Alter Orient und Altes Testament, Sonderreihe). Kevelaer–Neukirchen-Vluyn.
- Heim, K.M. 2013: *Poetic Imagination in Proverbs. Variant Repetitions and the Nature of Poetry*. Winona Lake.
- Horowitz, W., Oshima, T., Sanders, S.L. 2006: *Cuneiform in Canaan: Cuneiform Sources from the Land of Israel in Ancient Times*. Jerusalem.
- Hulin, P. 1959: A Hemerological Text from Nimrud. *Iraq* 21/1, 42–53.
- Hurowitz, V.A. 1994: *Inu Anum širum: Literary Structures in the Non-Juridical Sections of Codex Hammurabi*. (Occasional Publications of the Samuel Noah Kramer Fund, 15). Philadelphia.
- Jakobson, R. 1966: Grammatical Parallelism and Its Russian Facet. *Language* 42/2, 399–429.
- Jiménez, E. 2017: *The Babylonian Disputation Poems. With Editions of the Series of the Poplar, Palm and Vine, the Series of the Spider, and the Story of the Poor, Forlorn Wren*. (Culture and History of the Ancient Near East, 87). Leiden–Boston.
- Jiménez, E., Adali, S.F. 2015: The 'Prostration Hemerology' Revisited: An Everyman's Manual at the King's Court. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 105/1, 154–191.
- Kämmerer, T.R., Metzler, K.A. 2012: *Das babylonische Welterschöpfungsepos Enūma eliš*. (Alter Orient und Altes Testament, 375). Münster.
- Kharitonova, A.P. 2019: *Semantiko-sintaksicheskij parallelizm v akkadskom Epose o Gilgameshe*. [Semantico-Syntactic Parallelism in the Akkadian Epic of Gilgamesh]. Bachelor thesis. Moscow.
- Харитонов, А.П. Семантико-синтаксический параллелизм в аккадском Эпосе о Гильгамеше. Выпускная квалификационная работа. М.
- Kogan, L. 2011: Proto-Semitic Phonetics and Phonology. In: S. Weninger (ed.), *The Semitic Languages: An International Handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 36). Berlin–Boston, 54–151.

- Kouwenberg, N.J.C. 2012: Spatial Deixis in Akkadian: Demonstrative Pronouns, Presentative Particles and Locational Adverbs. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 102/1, 17–75.
- Labat, R. 1939: *Hémérologies et ménologies d'Assur*. Paris.
- Lambert, W.G. 1982: The Hymn to the Queen of Nippur. In: G. van Driel, Th.J.H. Krispijn, M. Stol, K.R. Veenhof (eds.), *Zikir šumim: Assyriological Studies Presented to F.R. Kraus on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Leiden, 173–218.
- Lambert, W.G. 1995: Some New Babylonian Wisdom Literature. In: J. Day, R.P. Gordon, H.G.M. Williamson (eds.), *Wisdom in Ancient Israel: Essays in Honour of J.A. Emerton*. Cambridge, 30–42.
- Lambert, W.G. 2013: *Babylonian Creation Myths*. (Mesopotamian Civilizations, 16). Winona Lake.
- Lambert, W.G., Millard, A.R. 1969: *Atra-ḥasis: The Babylonian Story of the Flood*. Oxford.
- Lapinkivi, P. 2010: *The Neo-Assyrian Myth of Ištar's Descent and Resurrection*. (State Archives of Assyria Cuneiform Texts, 6). Winona Lake.
- Lichtheim, M. 1945: The Songs of the Harpers. *Journal of Near Eastern Studies* 4/3, 178–212.
- Livingstone, A. 2013: *Hemerologies of Assyrian and Babylonian Scholars*. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology, 25). Bethesda.
- Loesov, S. 2004: T-Perfect in Old Babylonian: The Debate and a Thesis. *Babel und Bibel* 1, 83–181.
- Meissner, B. 1902: *Ein altbabylonisches Fragment des Gilgamešepos*. (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 7). Berlin.
- Millard, A.R. 1964: Gilgameš X: A New Fragment. *Iraq* 26/2, 99–105.
- Moran, W. 1995: The Gilgameš Epic: A Masterpiece from Ancient Mesopotamia. In: J.M. Sasson (ed.), *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. IV. New York, 2327–2336.
- Novotny, J., Jeffers, J. 2018: *The Royal Inscriptions of Ashurbanipal (668–631 BC), Aššur-etel-ilāni (630–627 BC), and Sîn-šarra-iškun (626–612 BC), Kings of Assyria*. Pt. I. (The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period, 5/1). University Park.
- Nurullin, R. 2020: On Birth, Death and Gods in the Epic of Gilgameš: Two Notes on the Standard Babylonian Version. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millennium: Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebern timer*. (Cuneiform Monographs, 50). Leiden–Boston, 546–568.
- Nurullin, R., Roudik, N., Molina, M., Sideltsev, A., Skulacheva, T. 2019: The Most Ancient Verse in the World (Sumerian, Akkadian, Hittite): Quantitative Analysis. In: P. Plecháč, B.P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel, R. Kolár (eds.), *Quantitative Approaches to Versification*. Prague, 173–182.
- Pardee, D. 1988: *Ugaritic and Hebrew Poetic Parallelism. A Trial Cut* (ʿnt I and Proverbs 2). (Supplements to Vetus Testamentum, 39). Leiden.
- Parpola, S. 1993: *Letters from Assyrian and Babylonian Scholars*. (State Archives of Assyria, 10). Helsinki.
- Pinches, T.G. 1903: Gilgameš and the Hero of the Flood. *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology* 25, 113–122, 195–201.
- Reiner, E. 1958: *Šurpu: A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations*. (Archiv für Orientforschung, Beiheft, 11). Graz.
- Renger, J. 1990: “Versstrukturen” als Stilmittel in den Inschriften Sargons II von Assyrien. In: T. Abusch, J. Huehnergard, P. Steinkeller (eds.), *Lingering over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran*. (Harvard Semitic Studies, 37). Atlanta, 425–437.
- Rudman, D. 1999: A Note on the Dating of Ecclesiastes. *Catholic Biblical Quarterly* 61/1, 47–52.
- Samet, N. 2015: The Gilgameš Epic and the Book of Qohelet: A New Look. *Biblica* 96/3, 375–390.
- Samet, N. 2021: Linguistic Dating of the Book of Qohelet: A New Angle. *Vetus Testamentum* 71/3, 430–447.
- Streck, M. 1916: *Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Nineveh's*. II. Teil. *Texte. Die Inschriften Assurbanipals und der letzten assyrischen Könige*. (Vorderasiatische Bibliothek, 7/2). Leipzig.
- Streck, M.P. 2007: Beiträge zum akkadischen Gilgameš-Epos. *Orientalia* 76/4, 404–423.
- Tigay, J.H. 1982: *The Evolution of the Gilgameš Epic*. Philadelphia.
- Tigay, J.H. 1993: On Evaluating Claims of Literary Borrowing. In: M.E. Cohen, D.C. Snell, D.B. Weisberg (eds.), *The Tablet and the Scroll: Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo*. Bethesda, 250–255.

-
- Van der Toorn, K. 2001: Echoes of Gilgamesh in the Book of Qohelet? A Reassessment of the Intellectual Sources of Qohelet. In: W.H. van Soldt (ed.), *Veenhof Anniversary Volume: Studies Presented to Klaas R. Veenhof on the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday*. (Publications de l'Institut Historique-Archéologique Néerlandais de Stamboul, 89). Leiden, 503–514.
- Wasserman, N. 2003: *Style and Form in Old-Babylonian Literary Texts*. (Cuneiform Monographs, 27). Leiden–Boston.
- Watson, W.G.E. 1984: *Classical Hebrew Poetry: A Guide to Its Techniques*. (Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series, 26). Sheffield.
- Wente, E.F. 1962: Egyptian “Make Merry” Songs Reconsidered. *Journal of Near Eastern Studies* 21/2, 118–128.
- West, M.L. 1997: Akkadian Poetry: Metre and Performance. *Iraq* 59, 175–187.
- Wilcke, C. 1988: Die Sumerische Königsliste und erzählte Vergangenheit. In: J. von Ungern-Sternberg, H. Reinau (Hrsg.), *Vergangenheit in mündlicher Überlieferung*. Stuttgart, 113–140.
- Winston, D. 1979: *The Wisdom of Solomon: A New Translation with Introduction and Commentary*. (The Anchor Bible, 43). Garden City.
- Zimmern, H. 1901: *Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Die Beschwörungstafeln Šurpu, Ritualtafeln für Wahrsager, Beschwörer und Sänger*. (Assyriologische Bibliothek, 12). Leipzig.

DOI: 10.31857/S032103910019908-1

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ РАННИЙ ИСТОРИК СИМОНИД КЕОССКИЙ?

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

В одной из статей византийского лексикона «Суда» упоминается историк-генеалог Симонид Кеосский (это единственное свидетельство о нем), причем сказано, что он был внуком одноименного лирического поэта и жил в V в. до н.э., до Пелопоннесской войны. Обычно этот писатель признается реальной личностью. Ф. Якоби во «Фрагментах греческих историков» связал с ним семь фрагментов — два с уверенностью и пять в качестве «спорных и сомнительных». Р. Фаулер в «Ранней греческой мифографии» считает Симонида-внука автором только двух фрагментов, однако и он не отрицает его историчности, хотя соглашается, что в сведениях о нем имеются несообразности (один из фрагментов имеет евгемеристический характер, в другом фигурируют домашние павлины — все это более характерно для сочинений времени эллинизма). В статье рассматриваются все семь фрагментов и предпринимается попытка доказать, что мифограф V в. до н.э. Симонид, внук поэта, не существовал; часть фрагментов, атрибуированных ему Якоби, следует отнести к лирику, а часть — к малоизвестному эллинистическому автору Симониду Младшему (дедом которого поэт, конечно, не мог быть), упоминаемому в «Естественной истории» Плиния. Также в статье приводятся примеры и других ошибочных сведений о ранних греческих историках, которые в изобилии можно найти в лексиконе «Суда».

Ключевые слова: Симонид Кеосский, раннее историописание, лирическая поэзия, генеалогия, мифография, фрагменты, «Суда»

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

DID THE EARLY HISTORIAN SIMONIDES OF CEOS EVER EXIST?

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

The Byzantine lexicon *Suda* in one of its entries mentions Simonides of Ceos, a historian and genealogist, who was, according to this sole testimony about him, a grandson of the lyric poet of the same name and lived in the fifth century BC, before the Peloponnesian War. This writer is usually believed to be a real person. F. Jacoby in the *Fragmente der griechischen Historiker* ascribes to him seven fragments, two with certainty and five as ‘questionable and doubtful’. R. Fowler in the *Early Greek Mythography* considers Simonides the grandson to be the author of only two fragments, but still does not deny his historicity, although he agrees that there are some incongruities in the evidence (one of the fragments is of Euhemeristic character, in another fragment peacocks appear as poultry – things that are more usual in the Hellenistic period). The article analyzes all seven fragments and makes an attempt to prove that the fifth century BC mythographer Simonides, the poet’s grandson, never existed; some of the fragments ascribed to him by Jacoby should be attributed to the lyricist, while others – to the little-known Hellenistic author Simonides the Younger (whose grandfather of course could not be the poet) mentioned in Pliny’s *Natural History*. Some other examples of abundant gross errors in *Suda*’s entries on early Greek historians are also cited in the article.

Keywords: Simonides of Ceos, early historical writing, lyric poetry, genealogy, mythography, fragments, *Suda*

Симонид Кеосский — имя очень громкое в истории древнегреческой культуры. Поэт, которому оно принадлежало (его жизнь традиционно датируют 556/555–469/468 гг. до н.э.), из лириков позднеархаического и раннеклассического времени по масштабу таланта и уровню мастерства уступал, пожалуй, лишь Пиндару. Но зато превосходил его по широте спектра жанровых форм, которыми пользовался: если Пиндар сосредоточился на хоровой мелике, то Симонид, помимо нее, также активно подвизался на поприще элегии и близкой к ней эпиграммы¹.

Симонид особенно прославился уже ближе к концу своей долгой жизни, став, по сути, главным певцом подвигов эллинов в Греко-персидских войнах². Подлинной сенсацией оказались относительно недавно опубликованные папирусные фрагменты написанной элегическим дистихом поэмы о Платейской битве (они

¹ Об эпиграммах и эпитафиях Симонида см. Rawles 2018; Bravi 2019. Правда, известно, что относительно многих эпиграмм, приписывавшихся ему в античности (в том числе самых знаменитых — марафонских, фермопильских, саламинских), ныне большинством исследователей отрицается авторство Симонида. Надежно это зафиксировал, как минимум, для надписи на надгробии прорицателя Мегистия, погибшего при Фермопилах, еще такой ранний автор, как Геродот (Hdt. VII. 228).

² Ср. Boedeker 2021, 1334: «the poet of the Persian Wars».

дали повод ввести формулировку «новый Симонид»³). Как автор стихов на исторические темы, этот писатель с полным основанием может считаться одним из предтеч Геродота⁴, а его творчество — трактоваться в контексте становления исторической мысли у эллинов. Тем не менее перед нами все-таки не историк, а поэт, интересовавшийся историей (как и, например, дядя Геродота эпик Паниасид, который, следует полагать, повлиял на племянника своими произведениями⁵).

Однако здесь в первую очередь речь пойдет не о лирике Симониде (хотя он и появится еще в дальнейшем). Есть одно очень позднее свидетельство, согласно которому существовал и другой Симонид (внук лирика), занимавшийся генеалогической мифографией, подобно Акусилаю Аргосскому, Гекатею Милетскому, Ферекиду Афинскому, Гелланику Лесбосскому и другим древнейшим историкам. Соответственно, он должен быть причислен к той же когорте представителей раннего греческого историописания.

Свидетельство, о котором идет речь, ожидаемо содержится в лексиконе «Суда»⁶ (Suid. s. v. Σιμωνίδης Κεῖος): «Симонид Кеосский. Согласно некоторым, внук по материнской линии (θυγατρίδοῦς) предыдущего⁷, который носил прозвище Меликерт⁸. А жил он до пелопоннесских событий⁹. И написал “Генеалогию” в трех книгах, “Изобретения”¹⁰ в трех книгах»¹¹.

Что касается времени жизни персонажа, о котором идет речь (будем называть его пока Симонидом Младшим), то в словарной статье приводится достаточно определенная датировка — до Пелопоннесской войны, т.е. до 431 г. до н.э. Датировка эта, возможно, основывается на каких-то данных, известных лексикографу, но может быть и плодом простых логических калькуляций с его стороны, что

³ Boedeker, Sider 2001; Kowerski 2005; Scanlon 2015, 13–14.

⁴ Сравнительный анализ некоторых свидетельств Симонида и Геродота см. в Flower 1998b; Boedeker 2001; Vannicelli 2007.

⁵ Паниасид написал поэмы «Гераклия» (или «Гераклиада») и «Ионика» (то есть, собственно, «Ионийские дела»). Тема последней определяется в словаре «Суда» так: «дела, связанные с Кодром и Нелеем и с ионийскими колониями» (Suid. s. v. Πανύσσις). Иными словами, речь в ней шла о миграции ионийцев в Малую Азию; этот сюжет впоследствии весьма занимал и самого Геродота. О Паниасиде как поэте см. Passa 2019.

⁶ Ожидаемо — потому что автор (или авторы) этого словаря, судя по всему, специально интересовался ранними историками, включив в него статьи о многих из них.

⁷ То есть поэта Симонида, которому была посвящена предшествующая статья «Суды» (точнее даже несколько статей).

⁸ Меликерт в мифологии — морской бог-мальчик, сын Ино и Афаманта (в основе образа, видимо, лежит финикийский бог Мелькарт). Из структуры данной фразы неясно, какой из двух Симонидов носил это прозвище. Но выше, в статье о Симониде-поэте в «Суде», читаем, что оно относилось именно к нему. В «Лексиконе греческих личных имен» прозвище ошибочно отнесено к внуку (LGPNI, 407).

⁹ То есть до Пелопоннесской войны.

¹⁰ Или «Находки». В оригинале — Εὐρήματα.

¹¹ Σιμωνίδης Κεῖος· θυγατρίδοῦς κατὰ τινὰς τοῦ προτέρου, ὃς ἐπεκλήθη Μελικέρτης· γέγονε δὲ πρὸ τῶν Πελοποννησιακῶν· καὶ γέγραφε Γενεαλογίαὺς ἐν βιβλίοις τρισὶν· Εὐρήματα ἐν βιβλίοις τρισὶν.

представляется нам более вероятным. И действительно, если Симонид Младший был сыном дочери лирика Симонида, то он должен быть на 45–60 лет моложе его. Соответственно, родился он либо в конце VI в. до н.э., либо в самом начале V в. до н.э. (как другой ранний историк — Гелланик¹²). Исходя из нормальной для тех времен продолжительности человеческой жизни (абстрагируясь от таких исключений, как тот же Гелланик, достигший 90-летнего возраста), можно было предположить, что весь жизненный путь этого историка протек до начала великой схватки между Спартой и Афинами.

О трактате «Изобретения», или «Находки» (Εὐρήματα), больше сказать решительно ничего невозможно. Что же касается сочинения, названного в «Суде» первым, прежде всего отметим, что не очень обычно употребление в названии труда слова «Генеалогия» в единственном числе — ожидалось бы скорее «Генеалогии». Поэтому Ф. Якоби во «Фрагментах греческих историков» именно так и воспроизводит его заголовок¹³. Впрочем, Р. Фаулер в статье об этом Симониде во втором томе своего свода фрагментов ранних мифографов замечает¹⁴, что, может быть, ничего странного тут и нет: ведь встречаем же названия «Истории» и «История»¹⁵.

Больше ни одного свидетельства о Симониде Младшем Якоби не приводит (процитированный пассаж из «Суды» фигурирует у него как свидетельство Simonid. *FGrHist.* 8. T1 — первое и единственное). Зная поразительную скрупулезность выдающегося немецкого исследователя, можно быть уверенным, что оно действительно является единственным. Притом происходит оно, напомним, из очень позднего источника, к тому же из такого, который, скажем прямо, часто не блистает надежностью (см. ниже).

Симонид, в частности, не появляется в знаменитом перечне древнейших греческих историков, приводимом Дионисием Галикарнасским (Dion. Hal. *De Thuc.* 5), — при том, что в перечень этот включены как раз авторы, жившие «до Пелопоннесской войны», а именно так, как мы видели, датирован Симонид в «Суде». Пропуск имени Симонида Дионисием, впрочем, может еще ни о чем не говорить: его список не является исчерпывающим, в нем отсутствуют и некоторые другие, более значимые фигуры¹⁶ — Ферекид Афинский, Дионисий Милетский, Антиох Сиракузский (хотя двух из этих троих — Ферекида и Антиоха — галикарнасский ритор хорошо знал и использовал их труды в своем другом, главном произведении — «Римских древностях»).

¹² Обоснование даты рождения Гелланика (497/496 г. до н.э.) см. в Surikov 2021a, 848–852.

¹³ Jacoby 1995a, 159.

¹⁴ Fowler 2013, 729.

¹⁵ Труды Гекатея и Ферекида Афинского, судя по всему, назывались «Истории». Труд Геродота в западной литературе фигурирует обычно как «Истории», в российской — как «История», что, пожалуй, вернее: в первой его фразе читаем ἱστορίης (ед. ч.) ἀπόδεξις ἦδε. Об этой фразе см. Pelliccia 1992; Bakker 2002.

¹⁶ А в то же время входящий в перечень Амелесагор Халкедонский должен быть из него исключен. Как давно уже показал Ф. Якоби (Jacoby 1949, 219–220), трактат, ходивший под его именем и выдававшийся за сочинение древнего писателя, представлял собой фальсификат эллинистического времени.

Как бы то ни было, почти полное молчание источников все-таки настораживает. Оговорим еще, что в «Естественной истории» Плиния Младшего в числе источников автора дважды (Plin. *NH.* I. 6; VI. 183) назван Симонид Младший (Simonides minor). Но из контекста совершенно ясно, что речь идет о некоем эллинистическом историке¹⁷, от которого не дошло ни одного фрагмента. Он никак не может быть тождественным внуку лирика Симонида и во «Фрагментах греческих историков» значится под отдельным номером (*FGrHist.* 669).

Следует отметить, что и в современной литературе имя Симонида обычно обходится таким же молчанием. В общих работах по древнегреческому (или античному в целом) историописанию о нем, как правило, вообще нет упоминаний¹⁸. Более того, нет их и в монографии Л. Пирсона, специально посвященной ранним ионийским историкам¹⁹. Аналогична ситуация со справочными изданиями: мы не увидим статей о Симониде Младшем ни в «Малом Паули», ни в «Новом Паули», ни даже (почти невозможно поверить!) в колоссальном «основном» Паули (RE), где, казалось бы, можно найти абсолютно все.

Что уж говорить о специальных исследованиях! Р. Фаулер в «Ранней греческой мифографии» (в ней Симониду уделено две страницы²⁰) имеет обыкновение приводить исчерпывающую библиографию по каждому из авторов, включенному им в свой корпус. Но в данном случае и он может указать только на комментарий А. Парадизо в электронном издании Brill's New Jacoby²¹, да еще на маленькую заметку²², предмет которой — собственно, даже не Симонид как таковой, а один из фрагментов, атрибутированных ему Феликсом Якоби (Simonid. *FGrHist.* 8. F3). Конечно, имеется еще и старый комментарий самого Якоби²³, тоже очень небольшой.

Одним словом, перед нами какая-то ускользающая личность. Хочется даже сказать, проблематичная. В данной статье мы попытаемся рассмотреть вопрос (кажется, никогда еще не ставившийся) о том, существовал ли такой историк-мифограф на самом деле. Ф. Якоби верил (сознательно употребляем именно это слово) в его существование, как видно из самого того факта, что он поместил Симонида в первый том *FgrHist.* (под номером 8, между софистом Полом Акрагантским и Анаксимандром Милетским Младшим, о котором см. ниже). За знакомым уже нам свидетельством из «Суды» приведены два фрагмента, отнесенные издателем к сочинению «Генеалогии».

¹⁷ Ф. Якоби предположительно датирует его первой половиной III в. до н.э. (Jacoby 1958, 282). С датированием эпохой эллинизма солидарен и Р. Фаулер (Fowler 2013, 729).

¹⁸ Тщетно мы искали такие упоминания, например, в Momigliano 1990; Luce 1997; Marincola 2007; Pitcher 2009; Scanlon 2015; Matijašić 2018 (что интересно, о лирике Симониде в книгах такого рода как раз нередко пишется — именно из-за его исторической поэзии). Лишь единожды нам улыбнулась удача: в труде О. Лендле «Введение в греческое историописание: от Гекатея до Зосима», поскольку автор стремился дать максимально полную сводку данных, обнаружился один абзац о Симониде Младшем (Lendle 1992, 265).

¹⁹ Pearson 1975.

²⁰ Fowler 2013, 729–730.

²¹ Paradiso 2007.

²² Poltera 1998.

²³ Jacoby 1995b, 478–479.

Но, строго говоря, ссылок именно на этот труд в цитирующих источниках нет (поэтому Фаулер в своем издании обозначил их как «Фрагменты без указания на сочинение»²⁴), просто их автор назван «генеалогом Симонидом».

Simonid. *FGrHist.* 8. F1 = *Et. Magn.* p. 479, 47: «Итонидай и Итонией Афина называется у фессалийцев — по городу Итону. А генеалог Симонид говорит, что было две дочери Итона — Афина и Иодама, которые, соревнуясь в го плитском искусстве, вступили в распрю друг с другом, и Иодама была убита Афиной»²⁵. Необычность этого варианта мифа заключается в том, что Афина в нем оказывается не богиней, а смертной женщиной, фессалийской царевной (или имеется в виду какая-то другая Афина, отличная от богини?). О. Лендле считает, что здесь Симонид предстает перед нами как предшественник Евгемера²⁶. Однако встретить очеловечивающий богов евгемеризм (пусть даже с приставкой «прото-») в столь раннюю эпоху (до Пелопоннесской войны) было бы в высшей степени необычно²⁷. В те времена неортодоксальные толкователи мифов (например, Феаген Регийский²⁸) прибегали еще не к евгемеризму, а к аллегоризму.

Simonid. *FGrHist.* 8. F2 = *Schol. Apoll. Rhod.* II. 866 (к словам: «Анкею... / Его родила Посейдону близ вод Имбросийских / Астипалея»): «Потому что сыном Посейдона и Астипалеи, дочери Феника, был самосец Анкей, который управлял кораблем («Арго». — *И. С.*) после кончины Тифия; и генеалог Симонид дает такую же его родословную, как Аполлоний»²⁹. Речь здесь идет о том, что кормчий аргонавтов Тифий (Тифис) скончался на обратном пути, в стране мариандинов, и его преемником стал Анкей. В отличие от «странностей» предыдущего фрагмента здесь все стандартно, как отмечает и сохранивший его схолиаст. Информативным фрагмент назвать трудно; каких-либо датирующих признаков он тоже не содержит.

²⁴ Fowler 2007, 368.

²⁵ Ἰτωνίς καὶ Ἰτωνία ἡ Ἀθηνᾶ εἶρηται παρὰ τοῖς Θεσσαλοῖς, ἀπὸ τινος πόλεως Ἰτωνος. Φησὶ δὲ ὁ γενεαλόγος Σιμωνίδης Ἰτώνου θυγατέρα γενέσθαι δύο, Ἀθηνᾶν καὶ Ἰοδάμαν, ἃς ἐξηλωκυίας τὴν ὀπλομαχικὴν εἰς ἔριν τὴν εἰς ἀλλήλας χωρῆσαι, ἀναιρεθῆναι τε τὴν Ἰοδάμαν ὑπὸ τῆς Ἀθηνᾶς.

²⁶ Lendle 1992, 265.

²⁷ В специальном исследовании о Евгемере и евгемеризме отмечается (Winiarczyk 2013, 48–70, 123–125), что подобные взгляды сложились в связи с появлением прижизненных культов выдающихся лидеров, что начинается у греков только с периода поздней классики (первый случай — Лисандр: Flower 1998a; Muccioli 2005). Среди фрагментов Гекатея Милетского у Якоби, правда, есть один отчетливо евгемеристического содержания (Hecat. *FGrHist.* 1. F35 bis). Но этот фрагмент (лучше сказать «фрагмент») «сохранен» (скорее выдуман) не античным автором, а итальянским эрудитом XVI в. Натале Конти. Р. Фаулер (Fowler 2007, XXXIII; 2013, 735–737), думается, совершенно прав в своем отказе включать произвольные фантазии Конти в число достоверных фрагментов Гекатея. Хотя итальянец нередко на него «ссылается», просто нелегко, чтобы тогда еще был каким-то образом доступен для цитирования гекатеевский трактат.

²⁸ Shichalin 1999, 30.

²⁹ ὅτι Ποσειδῶνος καὶ Ἀστυπалаίας τῆς Φοίνικος ὁ Σάμιος Ἀγκαῖος ἦν παῖς, ὃς ἐκυβέρνα τὴν ναῦν μετὰ τὴν Τίφυος τελευτήν, καὶ Σιμωνίδης ὁ γενεαλόγος ὁμοίως τῷ Ἀπολλωνίῳ γενεαλογεῖ.

Далее Ф. Якоби помещает два фрагмента, относимые им к категории спорных и сомнительных (Р. Фаулер их исключает, считая никоим образом не принадлежащими «генеалогу Симониду»). Simonid. *FGrHist.* 8. F3 = *Schol. Apoll. Rhod.* I. 763 (к словам «Фрикс миниец»): «Миниец — житель Иолка: ведь Иолк населяли минийцы, как говорит Симонид в “Смеси”». А может быть, здесь он так назван потому, что был орхоменянином: ведь многие говорят, что Афамант (который был отцом Фрикса. — И. С.) жил в Орхомене»³⁰. «Смесь» здесь — один из возможных вариантов перевода заголовка (Σύμμιχτα). Обратим внимание на то, что в «Суде» (свидетельство T1) такое произведение историка Симонида не указано. Р. Фаулер замечает³¹, что названия такого рода более характерны для литературы эпохи эллинизма; так могли озаглавить изданный в Александрии сборник стихов Симонида-поэта. О. Польшера³² вообще исправляет здесь «Симонид» на «Селевк» (эллинистический автор, II в. до н.э.).

Источник следующего фрагмента (Simonid. *FGrHist.* 8. F4 = *Aet. Libr. med.* XIII. 90) — труд «Врачебные книги» Аэтия (Аэция) Амидского, ранневизантийского (VI в.) медика. Якоби дал отрывок из него в латинском переводе XVI в., но впоследствии стал известен греческий оригинал, и мы поэтому переводим именно по нему (текст приведен в «Ранней греческой мифографии» Фаулера в связи с Ферекидом, который тоже упоминается в данном пассаже³³). Сам пассаж пространен, содержит ссылки на целый ряд авторов, и далее следует только та его часть, которая имеет отношение к теме нашей статьи.

«Симонид говорит, что павлин, чувствуя присутствие яда, приходит на это место, кричит, машет крыльями и рассыпает яд из сосудов или же выкапывает, если яд находится под землей. А Аристодем³⁴ сообщает, что ихневмон, содержащийся в доме, распознает яды, вылитые под землю. Ферекид же рассказывает, что попугай-самец подстерегает, обнаруживает и обвиняет по имени тех, кто делает или вносит в дом подобные вещи»³⁵.

Здесь упомянут некий Симонид, но не указано, что это именно «генеалог Симонид», как во фрагментах F1 и F2. Казалось бы, абсолютно ничто не мешает атрибутировать пассаж Симониду-поэту. Впрочем, Р. Фаулер считает³⁶, что это и вовсе какой-то совсем другой, более поздний Симонид, поскольку, как ранее

³⁰ Μινυήιος ὁ Ἰώλκιος· τὴν γὰρ Ἰωλκὸν Μινύαι οἰκοῦν, ὥς φησι Σιμωνίδης ἐν Συμμίκτοις. Δύναται δὲ καὶ ἀντὶ τοῦ Ὀρχομένιος· πολλοὶ γάρ φασιν ἐν Ὀρχομένῳ οἰκῆσαι τὸν Ἀθάμαντα.

³¹ Fowler 2013, 729.

³² Poltera 1998.

³³ Fowler 2007, 362–363.

³⁴ Историк и мифограф эпохи позднего эллинизма.

³⁵ Σιμωνίδης φησὶ τὸν ταῶν προγόνωντα φαρμακείαν γεγεννημένην ἐλθεῖν εἰς τὸν τόπον καὶ βοᾷν καὶ πτερύσσεσθαι καὶ ἀποσκεδαννύειν ἀπὸ τῶν ἀγγείων τὴν φαρμακείαν, ἣ ἀνορύσσειν ἐάντερ ὑπάρχη κατὰ γῆς ἢ φαρμακεία. Ἀριστόδημος δὲ φησι τὸν ἰχνεύμονα ἐν οἰκείᾳ τρεφόμενον τὰς κατὰ γῆς κεχυμένας φαρμακείας ἐπιγινώσκειν. Φερεκύδης δὲ ἱστορεῖ τὸν ἄρσενά ψιττακὸν τηρεῖν καὶ ἐλέγχειν καὶ κατηγορεῖν ὀνομαστί τῶν ποιοούντων ἢ εἰσφερόντων ἐν τῇ οἰκείᾳ τὰ τοιαῦτα.

³⁶ Fowler 2013, 730.

заметил А. Парадизо³⁷, павлины в V в. до н.э. были еще очень редки в Греции, а у Аэтия здесь говорится о «животных, обыкновенно содержащихся в доме».

Конечно, подобный аргумент не назовешь очень сильным: редки — не значит неизвестны. Кстати, не можем не вспомнить о том, что как раз в V в. до н.э. павлинов содержал в своем хозяйстве афинянин Пириламп³⁸ — видный политический деятель, друг Перикла (Plut. *Pericl.* 13), впоследствии отчим Платона. Он привез их из Персии, где был с дипломатической миссией³⁹. Птицы эти действительно воспринимались как настолько экзотические, что привлекали всеобщее внимание, люди из других городов приезжали в Афины специально для того, чтобы на них посмотреть. Пириламп и впоследствии его сын Демос завели даже своеобразный бизнес — продавали яйца и птенцов.

Известен судебный процесс по делу о павлинах (насколько можно судить, некий Эрасистрат пытался украсть их у Демоса), для которого написал речь оратор Антифонт. От нее дошло несколько фрагментов, которые интересны в плане отношения к этой «восточной диковинке» в тогдашней Греции (Афиней, кстати, замечает, что в речи даже само слово «павлин» не употребляется, а говорится о «пестрых птицах», Athen. IX. 397c). Вот парочка таких фрагментов. «А по новолуниям приходил любой желающий; в остальные же дни, если кто-то и придет, желая посмотреть, — не позволено, кто бы это ни оказался. И это не вчера и не позавчера началось, а больше тридцати лет назад» (Antiph. fr. 57 Blass — Thalheim). «Оценивали же самца и самку в тысячу драхм» (Antiph. fr. 58 Blass — Thalheim).

В addenda к первому тому «Фрагментов греческих историков» Якоби добавил Симониду еще три фрагмента. Впрочем, их крайняя сомнительность тоже налицо, как мы сейчас увидим (соответственно, Р. Фаулер и их не включил в свой корпус).

Simonid. *FGrHist.* 8. F5 = Plut. *Lycurg.* 1. 8: «...Коль скоро⁴⁰ и поэт Симонид говорит, что не Евном — отец Ликурга, а Пританид — отец и Ликурга, и Евнома; большинство совсем не так излагает их родословную»⁴¹. Речь идет о родословной знаменитого спартанского законодателя Ликурга, о том, являлся ли персонаж с характерным именем Евном («благозаконный») его отцом или братом. Что послужило для немецкого ученого поводом приписать пассаж Симониду Младшему, хотя у Плутарха прямо сказано «поэт Симонид»? Аналогичное свидетельство содержится также в схолиях к Платону (*Schol. Plat. Resp.* 599d), автором которых оно взято либо из Плутарха, либо из общего с Плутархом источника. Но там, в схолиях, пропущено слово «поэт» перед «Симонид». Это и дало Якоби основание допустить возможность того, что Плутарх (или его промежуточный источник) ошибся и приписал информацию, взятую из Симонида-историка, Симониду-поэту как фигуре несравненно более известной. А схолиаст, дескать, пользовался правильным текстом.

³⁷ Paradiso 2007.

³⁸ Nails 2002, 258.

³⁹ О персидских связях Пирилампа см. Bivar 1998, 4–9.

⁴⁰ Перед этими словами лакуна.

⁴¹ ...ἐπεὶ καὶ Σιμωνίδης ὁ ποιητὴς οὐκ Εὐνόμου λέγει τὸν Λυκοῦργον πατρός, ἀλλὰ Πρυτάνιδος καὶ τὸν Λυκοῦργον καὶ τὸν Εὐνομον, οἱ πλεῖστοι σχεδὸν οὐχ οὕτω γενεαλογοῦσιν.

Таким образом, Ф. Якоби применил здесь принцип *lectio difficilior*. Но уместен ли он здесь? Не думаем. В данном случае ход мысли исследователя больше напоминает натяжку, вызванную желанием привязать к «генеалогу Симониду» хоть немного больше материала. А. Парадизо, комментируя фрагмент, встает на точку зрения Якоби и пытается обосновать ее. По его словам, хотя лирик Симонид часто упоминает генеалогические детали, «нигде в сохранившихся фрагментах его сочинений мы не найдем другой пример такой генеалогической конструкции, длинной, сложной и обогащенной историческими деталями»⁴². Р. Фаулер резонно возражает, что не такая-то уж и сложная перед нами конструкция — не сложнее, чем многие, встречающиеся, скажем, в стихах Пиндара⁴³.

Simonid. *FGrHist.* 8. F6 = *Gnomol. Vat. Gr.* 1144: «Симонид называл Гесиода садовником, а Гомера плетельщиком венков: первого — как того, кто насадил предания о богах и героях, второго же — как того, кто из этих преданий сплел венок “Илиады” и “Одиссеи”»⁴⁴. Источник фрагмента — «Ватиканский гномологий», византийский памятник XIV в., сборник изречений знаменитых людей. И опять же мы, как и Р. Фаулер⁴⁵, не видим в отрывке ничего такого, что побуждало бы отрывать его от поэта Симонида и передавать какому-то иному носителю этого имени.

Наконец, последний фрагмент, папирусный, представляет собой, видимо, обрывки каких-то схолиев, сохранившиеся чрезвычайно плохо. Simonid. *FGrHist.* 8. F7 = *P. Giessen* 307v: «...На Трою (?)... Акусилай⁴⁶ лжет, а правду говорит об этом Гелланик... 53 года и у... в Авлиду, итак... [...]ия⁴⁷ стала в самом деле... 45 затем... несправедливости Аякса... Аякса... илионяне богини... им же... Симонида... чтобы не очень... священную ветвь... заговорили... Геру, называемую угрюмой... в Птерию прежде... Птерией же называется сто[лица?]... в Птерию... в Каруссу же отплыл... те, что в Персиде, и те, что в другом месте... Прежде, чем увидит священную ветвь, там ведь афинянам... Нерассудительности (?) Афина... от Эксоны⁴⁸ там...».

Имя Симонида появляется здесь в отрывочном и потому совершенно неясном контексте. Собственно, опять же ни из чего не следует, что это именно историк Симонид, а не поэт Симонид. Полагаем, Якоби сделал такое заключение, исходя из того, что остальные упоминаемые во фрагменте авторы, Акусилай и Гелланик, являются историками-мифопоэтами, а не поэтами. Но согласимся, что это не слишком весомый довод. Вообще говоря, из всего пассажа можно вразумительно вычитать только одну мысль, причем не имеющую отношения к Симониду: что автор этих строк доверяет Гелланику больше, чем Акусилаю.

⁴² Paradiso 2007.

⁴³ Fowler 2013, 730.

⁴⁴ Σιμωνίδης τὸν Ἡσίοδον κηπουρὸν ἔλεγε, τὸν δὲ Ὅμηρον στεφανηπλόκον, τὸν μὲν ὡς φυτεύσαντα τὰς περὶ θεῶν καὶ ἡρώων μυθολογίας, τὸν δὲ ὡς ἐξ αὐτῶν συμπλέξαντα τὸν Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσεΐας στέφανον.

⁴⁵ Fowler 2013, 730.

⁴⁶ Нередко в источниках в таком (ионийском) написании фигурирует имя Акусилая Аргосского — древнейшего греческого историка (VI в. до н.э.).

⁴⁷ Поскольку тут упоминается Авлида, похоже, что речь идет об Ифигении.

⁴⁸ Эксона — аттический дем.

* * *

Итак, для Ф. Якоби Симонид Младший — автор семи фрагментов, Р. Фаулер оставляет его автором только двух. Фаулер, однако, все же не атетирует этого Симонида из числа ранних мифографов, хотя и не отрицает, что и в свидетельстве о нем, и во фрагментах имеются несообразности (в частности, смущают его, конечно, и выражение «согласно некоторым» в «Суде», и вышеупомянутый евгемеризм фрагмента F1). Позиция ученого такова: коль скоро лексикограф сообщает, что был генеалог Симонид, который при этом являлся внуком поэта Симонида, нам не остается никакого другого выбора, кроме как принять свидетельство источника⁴⁹.

Но почему же не остается ничего иного? Есть и другая возможность — отвергнуть свидетельство источника. Если бы у нас во всех случаях была только опция «принять», нам пришлось бы, например, принять, что географ и историк Скилак Кариандский, писавший в конце VI — начале V в. до н.э., полемизировал с Полибием, ибо это сказано в «Суде». Приведем соответствующую статью.

Suid. s.v. Σκύλαξ: «Скилак. Кариандиец (Карианды — это город в Карии, близ Галикарнасса); математик и знаток музыки⁵⁰. [Написал:] “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”, “События при Гераклиде, царе милассян⁵¹”, “Очерк земли”, “Возражение на “Историю” Полибия”». Перед нами грубейший анахронизм, который, между прочим, нельзя объяснить и тем, что в статье может иметься в виду Псевдо-Скилак — неизвестный автор, чей перипл начал с определенного момента циркулировать под названием «Перипла Скилака». Этот памятник сохранился полностью⁵², и он датируется IV в. до н.э. — временем тоже заведомо более ранним по сравнению с творчеством Полибия.

Приведенный пример полной несообразности является далеко не единственным в «Суде». Причем как раз в тех статьях этого словаря, которые посвящены ранним историкам, много серьезных ошибок. Укажем еще на некоторые.

Suid. s.v. Ἑλλάνικος Μιλήσιος: «Гелланик Милетский. Историк. Написал “Описание земли” и “Истории”». Никакого Гелланика Милетского не было. Был Гелланик Лесбосский, или Митиленский, но здесь имеется в виду не он. Из указания на названия трудов ясно, что речь идет о Гекатее Милетском. Он здесь, таким образом, смешан с Геллаником, и на свет появилась некая гибридная фигура.

Теперь возьмем статью о самом Гекатее. Suid. s.v. Ἑκαταῖος: «Гекатей, сын Гегесандра, милетянин. Жил (γέγονε) во времена Дария, царствовавшего после Камбиса, тогда же, когда и Дионисий Милетский, около 65-й олимпиады (520/519—517/516 гг. до н.э. — И. С.). Историограф. А Геродот Галикарнасский пользуется им, будучи моложе. И Гекатей был слушателем Протагора. Он первый

⁴⁹ Fowler 2013, 729.

⁵⁰ Или искусств в целом. Эта характеристика (как и данная перед ней) применительно к автору периода поздней архаики отдает некоторым анахронизмом.

⁵¹ Милассы (чаще Миласы) — город в Карии. Названный тут Гераклид, несомненно, должен быть отождествлен с карийским военачальником Гераклидом, сыном Ибаноллия, из Милас, которого упоминает Геродот (Hdt. V. 121). Таким образом, в этом историческом сочинении Скилака речь шла о событиях 490-х годов до н.э. А свое знаменитое плавание из Индии в Египет он предпринял (по приказу Дария I) в 510-х годах до н.э.

⁵² Наиболее подробно о нем см. Shipley 2011.

издал историю в прозе, а первое прозаическое сочинение — Ферекид (Сиросский. — И. С.). Ведь сочинения Акусилая считаются неподлинными».

Тут перед нами целая россыпь «ляпов». Сразу бросается в глаза, что учителем Гекатея назван Протагор, который на самом деле родился тогда, когда Гекатея либо уже не было в живых, либо он был глубоким старцем. Возможно, конечно, что Гекатей Милетский спутан здесь со своим тезкой, историком Гекатеем Абдерским, Протагор ведь был родом тоже из Абдер. Но и тогда верной информации не получаем, ибо Гекатей Абдерский, автор рубежа IV–III вв. до н.э., напротив, гораздо моложе Протагора.

Далее, совершенно напрасно с Гекатеем, работавшим в последней четверти VI в. до н.э., синхронизирован его земляк Дионисий. У последнего имелся труд «События после Дария» в пяти книгах, который, по определению, был создан позже 486 г. до н.э., а судя по немалому количеству книг — изрядное время спустя. Стало быть, Дионисий Милетский однозначно принадлежал к следующему поколению. Тут, по всей видимости, налицо путаница со значениями перфектных форм глагола ὑγυνομαι⁵³.

Отметим также, что в этой статье «Суды» сочинение Акусилая Аргосского — историка еще более древнего, чем Гекатей, — признается неподлинным, в то время как в статье о самом Акусилае (Suid. s.v. Ἀκουσίλαος) его аутентичность отнюдь не отрицается. Это не ошибка, в строгом смысле слова, но внутреннее противоречие. Кстати, Акусилая там охарактеризован как «аргосец из города Керкады, находящегося вблизи Авлиды», и это тоже вызывает недоуменные вопросы: Авлида, а стало быть, и Керкада находились в Беотии, отнюдь не в Арголиде.

Продолжим коллекционировать неточности (хотя «неточности», пожалуй, будет слишком мягким выражением) в свидетельствах «Суды» о ранних представителях историописания. Suid. s.v. Φερεκίδης: «Ферекид, афинянин. Он старше сиросца...». Опять неверные сведения. С Ферекидом Сиросским мы встречаемся в середине VI в. до н.э. (он, согласно античной традиции, был учителем Пифагора), а с Ферекидом Афинским — во второй четверти V в. до н.э.⁵⁴

Suid. s.v. Ἑλλάνικος: «...Гелланик с Геродотом жил у Аминты, царя македонян (παρὰ Ἀμύντῃ τῇ Μακεδόνων βασιλεῖ)». Невозможный факт: Аминта I правил на рубеже VI–V вв. до н.э., а затем Аминта II — уже в начале IV в. до н.э. Визит, о котором здесь говорится, судя по всему, имел место в царствование Александра I⁵⁵.

Suid. s.v. Χάρων: «Харон. Лампсакиец, сын Пифокла, родившийся⁵⁶ при первом Дарии, в 79-ю олимпиаду...». Упомянутая здесь олимпиада приходится на 464/463–461/460 гг. до н.э., когда в Персии правил уже внук «первого Дария». Как говорится, комментарии излишни.

⁵³ Surikov 2021b, 29–30.

⁵⁴ В «Хронике» Евсевия его акме отнесено к 81-й олимпиаде (Pherec. *FGrHist.* 3. T6), то есть к хронологическому отрезку 456/455–453/452 гг. до н.э.

⁵⁵ Vasilev 2016.

⁵⁶ Или «живший» (причастие γενόμενος здесь можно понять как в том, так и в другом смысле).

Suid. s.v. Ἐάνθος: «Ксанф, сын Кандавла. Лидиец из Сард, историк, живший⁵⁷ во времена падения Сард». И вновь хронологическая несусразица. Как бы ни понимать здесь γεγονώς — как «живший» или как «родившийся», — все равно ничего не выходит, если под падением Сард имеется в виду взятие города Киром Великим в 546 г. до н.э. (а других вариантов нет). Во фрагментах Ксанфа Лидийского встречаются упоминания об Артаксерксе I (Xanth. *FGrHist.* 765. F12) и о философе Эмпедокле (Xanth. *FGrHist.* 765. F33), что исключает любые датировки творчества историка, уводящие в VI в. до н.э., и заведомо переносит его в более позднее время, в следующее столетие, причем даже отнюдь не в его начало, а, как минимум, в середину⁵⁸.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы понять: в источнике, изобилующем подобными погрешностями, вполне мог появиться и «лишний» Симонид Кеосский — дублет поэта Симонида Кеосского. Вообще говоря, когда встречаешь таких вот тезок, поневоле подозреваешь удвоение одной личности и хочется применить «бритву Оккама». Тем более что Симонида в античности, случалось, действительно удваивали (возможно, из-за объема и разнообразия его творческого наследия — не верилось, что все это мог написать один человек). Приведем воистину удивительное сообщение, содержащееся в таком известном памятнике, как эпиграфическая «Паросская хроника», созданная в 260-х годах до н.э. Запись датирована архонтством Аристиды (489/488 г. до н.э.).

Marm. Par. *FGrHist.* 239. A49: «Симонид, дед (πάππος) поэта Симонида, и сам бывший поэтом, победил в Афинах». «Дед» здесь настолько неожиданно, даже абсурдно, что Якоби ставит сгих при πάππος, никак не комментируя это в аппарате⁵⁹. И действительно, в указанном здесь году самому Симониду было под семьдесят; о каком еще его деде, живущем, и даже побеждающем в состязаниях, может быть речь? Ранее того Виламовиц⁶⁰ предложил исправить здесь «деда» на «внука» (θυγάτριδός или υἱδός), и относительно недавно его осторожно поддержал Фаулер⁶¹, оговорив, впрочем, что нет уверенности в тождестве этого внука с генеалогом Симонидом (тем более что в тексте однозначно говорится о поэте, а не о прозаике).

У нас же подобная операция, признаться, вызывает сильные сомнения. Во-первых, эмендация очень тяжела. Во-вторых, в хронологии концы с концами не сходятся: у человека, близящегося к семидесяти годам, вряд ли мог быть (учитывая обыкновение греков жениться в тридцатилетнем возрасте или около того) взрослый внук, уже одерживающий победы на ниве своей деятельности. Думаем, что имеем дело с ошибкой, победил же в Афинах в этом году сам знаменитый лирик Симонид Кеосский: тогда его талант и слава были в полном расцвете, и с его биографией данный факт как раз согласовывался бы прекрасно. Кстати, в записи

⁵⁷ Или «родившийся» (в оригинале γεγονώς).

⁵⁸ Дионисий Галикарнасский относит Ксанфа к младшей группе древнейших историков (Dion. Hal. *De Thuc.* 5). В то же время отмечается, что он был старше Геродота и повлиял на него (Xanth. *FGrHist.* 765. T5, со ссылкой на Эфора). Впрочем, разница в возрасте между двумя авторами, видимо, была небольшой, и можно считать их современниками (не случайно их часто сравнивают, например, Mehl 2004).

⁵⁹ Jacoby 1962, 999.

⁶⁰ Wilamowitz-Moellendorff 1913, 139.

⁶¹ Fowler 2007, 368.

этого года «Паросская хроника» допускает и другие ошибки: далее сказано, будто бы тогда же, в архонтство Аристида, «умирает Дарий, а Ксеркс, его сын, воцаряется», в то время как на самом деле это произошло позже.

Вернемся к «генеалогу Симониду», которого, повторим, мы склонны считать дублетом. Нам могут возразить, что, борясь подобным образом с дублетами, можно, как выражаются, перегнуть палку в противоположную сторону. Ведь было же, что ни говори, два Анаксимандра Милетских. Помимо знаменитейшего философа архаической милетской школы, ученика Фалеса, существовал историк-мифогграф этого имени (*FGrHist.* 9). В «Суде» он эксплицитно назван Анаксимандром Младшим (ὁ νεώτερος: *Suid.s.v.* Ἀναξίμανδρος Ἀναξίμανδρου). Этот автор жил и писал во второй половине V — начале IV в. до н.э.⁶² Думаем, можно не сомневаться в том, что он имел какое-то отношение к тезке-философу, являясь, видимо, его потомком, принадлежа к тому же роду, — безусловно, знатному, как свидетельствует само их имя, редкое и в высшей степени аристократично звучащее, с древним корнем ἀναξ-.

Если бы мы стали применять «бритву Оккама» к двум Анаксимандрам, мы уничтожили бы совершенно реального писателя. Однако тут перед нами случай совершенно иного рода. Во-первых, об Анаксимандре Младшем сообщает целый ряд источников, причем надежных и гораздо более близких по времени к классической Греции, нежели византийский лексикон. Среди них даже Ксенофонт (*Xen. Symp.* 3. 6), а также Плиний Старший (*Plin. NH.* I. 4), Диоген Лаэртский (*Diog. Laert.* II. 2). О Симониде же Младшем, как мы видели, имеется только одинокое, ничем не подкрепленное свидетельство «Суды». А этот памятник, как мы показывали выше, уж точно нельзя назвать непогрешимым в плане фактологической достоверности.

Во-вторых, мифографические пассажи, дающиеся в источниках со ссылкой на Анаксимандра Милетского, не могут быть отнесены к натурфилософу VI в. до н.э., написавшему только трактат «О природе», в котором никакой мифографии не было. Помимо прочего, Анаксимандр Младший создал труд о пифагорейских символах, а Анаксимандр Старший жил раньше Пифагора. Таким образом, здесь путаница была просто невозможна.

В случае же с «дедом и внуком Симонидами» дело обстоит так. В большей части фрагментов, автором которых Якоби считал Симонида-генеалoga (F2, F3, F5, F6, F7), нет ровно ничего такого, что решительно препятствовало бы атрибутировать их Симониду-поэту, которому они, как представляется, и принадлежат. У последнего было немало стихов с упоминанием и мифологических, и исторических сюжетов и персонажей.

Остаются фрагменты F1 (евгемеристического характера) и F4 (о павлинах), которые отнести к лирику затруднительно — но точно так же затруднительно отнести их к мифографу V в. до н.э., ибо многое говорит об их более позднем происхождении. И тут самое время вспомнить о некоем раннеэллинистическом авторе Симониде Младшем, которого мимоходом упоминает Плиний (об этом говорилось ближе к началу нашей статьи). Скорее всего эти фрагменты — именно из его

⁶² О нем см. Fowler 2013, 630–631.

сочинений. А этот Симонид внуком поэта быть, понятно, никак не мог, но в те поздние времена, когда составлялся лексикон «Суда», его могли, по совпадению имен, превратно счесть таковым (причем, обратим внимание, не без колебаний, на что указывает выражение «согласно некоторым») и, соответственно, передвинуть на хронологической шкале поближе к мнимому деду — в V век до н.э. (а заодно сделать кеосцем, каковым он, возможно, и не являлся). Ту же традицию, что «Суда», похоже, отражают лексикон «Большой Этимологик» (фрагмент F1) и схолии к Аполлонию Родосскому (фрагмент F2), где фигурирует «генеалог Симонид». В действительности же такого историка-генеалога раннеклассической эпохи, как мы заключаем, просто не существовало, он был в результате вышеуказанного квипрокво искусственно создан византийскими учеными мужами.

Литература / References

- Bakker, E.J. 2002: The Making of History: Herodotus' *Historiēs Apodexis*. In: E.J. Bakker, I.J.F de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 3–32.
- Bivar, A.D.H. 1998: [Plato and Mithraism]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 3–18.
- Бивар, А.Д.Х. Платон и митраизм. *ВДИ* 2, 3–18.
- Boedeker, D. 2001: Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea. In: D. Boedeker, D. Sider (eds.), *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford, 120–134.
- Boedeker, D. 2021: Simonides of Ceos. In: C. Baron (ed.), *The Herodotus Encyclopedia*. Vol. III. P–Z. Hoboken, 1333–1334.
- Boedeker, D., Sider, D. (eds.) 2001: *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford.
- Bravi, L. 2019: Simonides of Ceos and Epigram in Classical Greece. In: Chr. Henriksen (ed.), *A Companion to Ancient Epigram*. Hoboken, 249–263.
- Flower, M.A. 1998a: Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult. *Classical Quarterly* 38/1, 123–134.
- Flower, M.A. 1998b: Simonides, Ephorus, and Herodotus on the Battle of Thermopylae. *Classical Quarterly* 48/2, 365–379.
- Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography*. Vol. I. *Texts and Introduction*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.
- Jacoby, F. 1949: *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.
- Jacoby, F. (Hrsg.) 1958: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 3. *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie)*. C. Autoren ueber einzelne Laender. Bd.I. *Aegypten – Geten*. Leiden.
- Jacoby, F. (Hrsg.) 1962: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 2. *Zeitgeschichte. B. Spezialgeschichten, Autobiographien und Memoiren, Zeittafeln*. Nachdruck. Leiden.
- Jacoby, F. (Hrsg.) 1995a: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 1. *Genealogie und Mythographie. A. Vorrede. Text. Addenda. Konkordanz*. Nachdruck des Neudruckes von 1957. Leiden–New York–Köln.
- Jacoby, F. (Hrsg.) 1995b: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 1. *Genealogie und Mythographie. a. Kommentar. Nachträge*. Nachdruck des Neudruckes von 1957. Leiden–New York–Köln.
- Kowerski, L.M. 2005: *Simonides on the Persian Wars: A Study of the Elegiac Verses of the "New Simonides"*. New York–London.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Luce, T.J. 1997: *The Greek Historians*. London–New York.
- Marincola, J. (ed.) 2007: *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I–II. Oxford.
- Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography. Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin–Boston.

- Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus. Proceedings of an International Conference held at the Foundation Anastasios G. Leventis, Nicosia, September 2003 and organized by the Foundation Anastasios G. Leventis and the Faculty of Letters, University of Cyprus*. Nicosia, 337–348.
- Momigliano, A. 1990: *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley.
- Muccioli, F. 2005: Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. II. *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 199–213.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Paradiso, A. 2007: Simonides (ὁ γενεαλόγος). In: I. Worthington (ed.), *Jacoby Online*. URL: <https://scholarlyeditions.brill.com/bnjo/>; accessed on: 26.04.2023.
- Passa, E. 2019: Empedocles in the West, Panyassis in the East: Doric and Hexameter Poetry in the Classical Age. In: E. Passa, O. Tribulato (eds.), *The Paths of Greek: Literature, Linguistics and Epigraphy. Studies in Honour of Albio Cesare Cassio*. Berlin–Boston, 107–124.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Reprint of the 1939 ed. Westport.
- Pelliccia, H. 1992: Sappho 16, Gorgias' *Helen*, and the Preface to Herodotus' *Histories*. In: F.M. Dunn, T. Cole (eds.), *Beginnings in Classical Literature*. Cambridge, 63–84.
- Pitcher, L. 2009: *Writing Ancient History: An Introduction to Classical Historiography*. London–New York.
- Poltera, O. 1998: Von Seleukos to Simonides und zurück: Simon. PMG 540. *Museum Helveticum* 55/3, 129–130.
- Rawles, R. 2018: Simonides on Tombs, and the 'Tomb of Simonides'. In: N. Goldschmidt, B. Graziosi (eds.), *Tombs of the Ancient Poets: Between Literary Reception and Material Culture*. Oxford–New York, 51–68.
- Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography*. Oxford.
- Shichalin, Y.A. 1999: *Antichnost' – Evropa – istoriya* [Antiquity – Europe – History]. Moscow. Шичалин, Ю.А. *Античность – Европа – история*. М.
- Shipley, G. 2011: *Pseudo-Skylax's Periplus: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary*. Bristol.
- Surikov, I.E. 2021a: [Towards the Chronology of the Life and Work of the Historian Hellanicus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/4, 837–862.
- Суриков, И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
- Surikov, I.E. 2021b: [Forgotten Historian, Dionysius of Miletus]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of History] 20, 22–35.
- Суриков, И.Е. Забытый историк Дионисий Милетский. *Метаморфозы истории* 20, 22–35.
- Vannicelli, P. 2007: To Each his Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. II. Oxford, 315–321.
- Vasilev, M.I. 2016: The Date of Herodotus' Visit to Macedonia. *Ancient West and East* 15, 31–51.
- Wilamowitz-Moellendorf, U. von 1913: *Sappho und Simonides: Untersuchungen über griechische Lyriker*. Berlin.
- Winiarczyk, M. 2013: *The Sacred History of Euhemerus of Messene*. Berlin–Boston.

DOI: 10.31857/S032103910019357-5

AMPHORA TRACEABILITY IN THE ROMAN WEST:
RECOGNITION OF PATTERNS OF COMMERCIAL
CONNECTIVITY IN THE ROMAN EMPIRE THROUGH
THE APPLICATION OF NETWORK SCIENCE
TO AMPHORIC EPIGRAPHY

Jordi Pérez González¹, Arnau Lario Devesa², José Remesal Rodríguez³

¹*University of Girona, Girona, Spain*
^{2,3}*University of Barcelona, Barcelona, Spain*

¹*E-mail:* jordi.perezgonzalez@udg.edu ²*E-mail:* arnaulario@gmail.com ³*E-mail:* remesal@ub.edu

¹*ORCID:* 0000-0001-5039-3883 ²*ORCID:* 0000-0003-2090-6240 ³*ORCID:* 0000-0003-1474-3123

Academic research within the humanities has recently witnessed a notable rise in new technologies and in many cases applied to the already ongoing or completed projects. The CEIPAC (Corpus of Amphoras with Latin Epigraphy) has partnered with professionals from other disciplines in a multi-disciplinary effort to collect and manage large amounts of data relating to amphorae and their epigraphic history. Following this research approach, the

Authors. Jordi Pérez González – Researcher of ‘Juan de la Cierva-Formación’ at the Department of History and Art History at the University of Girona, Spain. Arnau Lario Devesa – Technical Researcher at the Departament of Prehistory, Ancient History and Archaeology at the University of Barcelona, Spain. José Remesal Rodríguez – Professor of Ancient History at the Departament of Prehistory, Ancient History and Archaeology at the University of Barcelona, Spain.

Jordi Pérez González received funding from Juan de la Cierva-Formación-2019 (Agencia Estatal de Investigación (Ministerio de Ciencia e Innovación) REF: FJC2019-040688-I, Ministerio de Universidades en el marco del Programa Estatal de Promoción del Talento y su Empleabilidad en I+D+i, Subprograma Estatal de Movilidad, del Plan Estatal de Investigación Científica y Técnica y de Innovación 2017–2020 (José Castillejo, REF: CAS21/00332) and Grup de Recerca en Arqueologia, Prehistòria i Història Antiga (GRAPHA, 2021SGR-00884). Arnau Lario Devesa and José Remesal Rodríguez received funding from the Production and distribution of food during the Roman Empire: Economics and political dynamics (EPNet Project, ERC-2013-ADG 340828, Ex Hispania in Imperium. Interdependencia provincial y dinámicas socioeconómicas de la producción y comercio de alimentos en el Alto Imperio (PID2021-123951NB-I00) and Dinàmiques socioeconòmiques del món rural romà: formes d’habitat i cultura material al litoral central català (II) (CLT009/22/000073). The funders had no role in study design, data collection and analysis, decision to publish, or preparation of the manuscript.

members and partners of the research group have been able to acquire a better understanding of the processes of private and public olive oil and wine distribution across the Roman Empire, with special attention to the Empire's Western provinces. This paper represents the culmination of more than seven years of research and aims to present its conclusions to a broad scholarly audience, while also encouraging others to use Data Science in historical and archaeological research.

Keywords: network science, archaeology, Roman Empire, amphora, food supply

ОТСЛЕЖИВАЕМОСТЬ АМФОРНОЙ ТАРЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: УСТАНОВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ПОМОЩЬЮ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА АМФОРНЫХ КЛЕЙМ

Х. Перес Гонсалес¹, А. Ларио Девеса², Х. Ремесаль Родригес³

¹ Университет Жироны, Жирона, Испания

^{2, 3} Барселонский университет, Барселона, Испания

¹ E-mail: jordi.perezgonzalez@udg.edu ² E-mail: arnaulario@gmail.com ³ E-mail: remesal@ub.edu

В гуманитарной науке последних лет стало заметно появление и использование новых технологий, которые начали применяться как в текущих, так и в уже завершенных исследовательских проектах. Среди таких проектов оказался и корпус CEIPAC (Corpus of Amphoras with Latin Epigraphy), сотрудничающий с представителями других дисциплин с целью сбора и анализа наибольшего количества данных об амфорах и их истории через анализ амфорной эпиграфики. Междисциплинарный подход позволил исследователям лучше понять, как в Римской империи по частным и государственным каналам происходило распространение оливкового масла и вина. Особое внимание при этом исследователи уделили западным провинциям империи. Данная статья представляет результат более чем семи лет исследований и ставит своей целью познакомить с выводами авторов широкое научное сообщество. В то же время авторы стремятся показать, как data science может быть использована в исторических и археологических исследованиях.

Ключевые слова: сетевой анализ, археология, Римская империя, амфоры, торговля

1. INTRODUCTION

1.1. Network Science Studies in Ancient History and Archeology

Over the past few decades, archaeological sciences have forged ever closer and more frequent relationships with a wide range of disciplines, some of them very different in terms of methodology and fields of knowledge. Nowadays, it is common knowledge that archaeology uses analysis techniques based on physics, chemistry, and geology to establish the age, provenance or other characteristics of all types of material evidence. In general, collaboration with specialists within the STEM disciplines is usually relegated to a very specific phase of the investigation, ideally located

between the collection of material evidence and before attempting an intellectual synthesis of putting the pieces together and extrapolating conclusions.

The rise of data science opens the door to all types of structured information to be subjected to the application of a variety of statistical techniques and machine learning, allowing patterns to be extracted and classifications to be proposed. Meanwhile, the language of complexity, which emerged during the 1970s, has been doing a slow yet valuable job, building bridges between diverse fields of knowledge, and is beginning to also establish itself as a widely used tool in archaeology. The two paths are not mutually exclusive but are based on quite opposite assumptions. Of all the sciences of complexity, network science, a specialty that studies complex relational data, is becoming more prevalent in archaeology, albeit with some difficulties. Network science, or complex network science, emerges from studies carried out in different disciplines and, in short, is made up of a formalism, an analysis toolbox, and an abundance of concrete results¹. A complex network is nothing more than a mathematical representation of a system in which the components are mapped into abstract objects called nodes (or vertices) and the connections that unite them into links (or edges), regardless of the nature of either. From here on, network science forgets the concrete reality of the system under examination and works with abstract objects. This is why formalism is the common denominator of any research, theoretical or applied, ascribable to this branch of complexity sciences. The typical procedure foresees that, after building the mathematical representation of the system, a characterization of it is carried out by means of the computation of metrics defined expressly for it. Which metrics are most appropriate depends on the context. The most basic ones include the mean number of links per node (degree), the mean minimum length of the path separating two nodes in terms of number of links (average shortest path length), the fraction of closed triangles present in the network with respect to the total of those that could exist (grouping coefficient) and other similar metrics. In the majority of archaeological studies, nodes are representations of the context, i.e. the archaeological evidence, which can be grouped together according to their relative location². But what happens when we work with geographically scattered or decontextualized remains, such as amphora types or ceramic compositional groups? In this case, cluster analysis algorithms can help to classify or group objects based on their individual properties³.

The application of network analysis in archaeology has not been standardized as an integral part of this field of knowledge, but has nonetheless become quite widespread⁴, especially over the last decade, with a growing number of publications in specialized journals.

Although complexity sciences as a whole, and network sciences in particular, have great potential to overcome the rigidity of traditional multidisciplinary in the interactions between STEM disciplines and archaeological sciences, in practice, the obstacles

¹ Prigano *et al.* 2022.

² Prignano *et al.* 2019.

³ Prignano, Lozano *et al.* 2017.

⁴ There are several overviews of network approaches in archaeology and Roman economy studies: Ahnert *et al.* 2020; Brown 2020; Brughmans, Peeples 2017; 2018; 2020; 2023; Brughmans *et al.* 2014; 2016; Caro *et al.* 2020; Donnellan 2020; Graham, Weingart 2015; Knappett 2021; Remesal, Pérez 2022; Scheidel 2014; Verhagen *et al.* 2019.

obviously do not disappear simply because this overcoming is theoretically possible⁵. For archaeological data to enter the virtuous circuit of network science, the road is by no means smooth. Knowledge of the discipline is necessary, because deep understanding is achieved not only from the new data available, but also with all the previous knowledge of the context, to which must be added a strong specific motivation directed at a certain case of study, assuming a strong initial investment of time and the risk of failure. The ambitious initiative set up by the CEIPAC re-search group at the University of Barcelona aims at developing such interdisciplinary links against a continuous background⁶. The main objective of the EPNet and ERC Advanced grant project ‘Production and Distribution of Food during the Roman Empire: Economic and Political Dynamics’ was to set up an innovative framework for investigating the political and economic mechanisms that characterised the dynamics of the commercial trade system during the Roman Empire⁷. The latter subject offers a particularly interesting case-study for two major reasons. Firstly, it constitutes a political, economic and social framework that which diverse cultures through conquest, whilst simultaneously using complex social integration initiatives to cope with this diversity. Secondly, the empire represented a system in which a dynamic economy was developed, along with its own mechanisms of interconnection and interdependency.

The core of our research lies in the study of the geographical origins of the products that were transported in the amphorae, economic transactions, and the social positions of and relationships between those who were involved in the trade. The epigraphic record constitutes a body of evidence which has guided this research⁸, especially through stamps⁹, graffiti¹⁰ and *tituli picti*¹¹.

1.2. Amphorae trade in the Roman West Frontiers

The first researchers of the *limes* did not pay much attention to the amphorae, despite the fact that Dressel, the father of Roman amphorology, published a synthesis of his results in German over a century ago¹². Half a century later, Nesselhauf drew attention to the need to study the amphoras found in the Roman frontier area¹³. Modern studies of amphorae in the Germanic *limes* area began with the works of Heukemes and Ettlingen¹⁴ and became more intense following the appearance in 1986 of the work of Remesal, *La annona militaris*, as well as his later work in 1997¹⁵. At the same time, the work

⁵ Prignano, Morer, Díaz-Guilera 2017; Brughmans *et al.* 2019.

⁶ Remesal, Aguilera *et al.* 2015.

⁷ Remesal, Díaz-Guilera *et al.* 2015.

⁸ Prignano, Lozano *et al.* 2017; 2019; Fulminante *et al.* 2017; Martín-Arroyo *et al.* 2017; Morer *et al.* 2020.

⁹ Remesal 1986; Rubio-Campillo *et al.* 2017; Moros 2021; Mataix 2019.

¹⁰ Rodríguez Almeida 1990; 1993; Berni 2019; Ozcáriz *et al.* 2020.

¹¹ Dressel 1894; Rodríguez Almeida 1989; 1994; Aguilera 2000; 2007; Remesal, Aguilera 2014; Mataix 2018; Pérez 2014.

¹² Dressel 1878; 1894; 1899.

¹³ Nesselhauf 1960; 1964.

¹⁴ Heukemes 1958; Ettlingen 1977.

¹⁵ Remesal 1986; 1997.

Fig. 1. Geographical distribution. Visualization in Roman Open Data of the geographical distribution of stamped amphorae registered in the CEIPAC database (Data source: <http://ceipac.ub.edu>; ROD: <https://romanopendata.eu>). Distribution of 1290 geographical entities of the Roman Empire from the CEIPAC database. Each point represents one archaeological site. Map created using data from Roman Open Data

of Martin-Kilcher¹⁶, Schallmayer¹⁷, Shüpbach¹⁸, Hanel¹⁹, Baudoux²⁰, Ehmig²¹ and Wiegels²² served as a basic reference for researchers involved in studying the supply of food contained in amphorae to the military stationed on the Roman borders. Here one may refer to the works of Funari²³, Carreras²⁴, Pons²⁵, Van den Berg²⁶, Berni²⁷, González Cesteros²⁸, Marimon²⁹, and Bermúdez³⁰, as well as Remesal himself³¹.

Among the amphorae known in the *limes* area, the Baetican olive oil containers, Dressel 20, are those which offer the greatest opportunities for studying³². They are present in most military camps and are the amphorae with which the greatest amount of epigraphic data is associated (fig. 1).

¹⁶ Martin Kilcher 1987.

¹⁷ Schallmayer 1983.

¹⁸ Shüpbach 1983.

¹⁹ Hanel 1994; 1998.

²⁰ Baudoux 1992; 1996.

²¹ Ehmig 2003; 2007.

²² Wiegels 2000.

²³ Funari 1996.

²⁴ Carreras 2000; Carreras, Funari 1998; Carreras, van den Berg 2017.

²⁵ Pons 2009.

²⁶ Van den Berg 2014.

²⁷ Berni 2017.

²⁸ González Cesteros 2014.; González Cesteros, Berni 2018.

²⁹ Marimon 2017.

³⁰ Bermúdez Lorenzo 2017; 2021.

³¹ Remesal 2018c.

³² Remesal 2001; 2011.

The choice of amphoric type is not fortuitous; during the first three centuries AD, the Guadalquivir and Genil Rivers were used as an export route for the amphorae carrying olive oil produced in the province of Baetica, which was sent to many areas of the Roman Empire, especially the Western *limes* and Rome³³. Today it is in Rome and in particular Monte Testaccio, a Roman age state landfill³⁴, where more information has been recovered. The unusual conditions of preservation in this site have allowed for a better understanding of a system of stamps, graffiti and *tituli picti* that is far more elaborate than any other known amphora type.

The majority of the studied amphorae were stamped on one or both of their handles with a short sequence of letters and/or symbols, mostly describing one or more *tria nomina* of individuals who were tied to the trade of that product. However, it remains difficult to assess what was the role of this person in the process of production, filling and transporting of the amphora³⁵. As they are not unique, these codes can be found in different and usually mutually distant places, so they seem a reliable *proxy* for studying the long-range commercial relations in the ancient world³⁶.

2. MATERIALS AND METHODS

2.1. Amphorae data

The long-lasting Roman tradition of stamping amphorae has been widely used by researchers to identify trade and ownership patterns for decades, but mostly it has been applied on a local or provincial scale³⁷. We use this proxy to establish links between sites in the Western part of the Roman Empire by comparing the similarity of stamps found across thousands of archaeological sites.

The data used for our research come from the Corpus of amphorae with Latin epigraphy compiled by the CEIPAC, which currently contains more than 52,000 entries. The Corpus, which has been online since 1995, is currently being migrated to an ontological system, so that, through the use of metadata, we can interrelate several databases to increase our knowledge and the linking of several aspects of our research. This allows you to recognize the same person in various types of registrations, allowing you to know other businesses, family members and social relevance³⁸. The data used in this paper comes from the open access Roman Open Data database (ROD)³⁹, which is linked to the traditional CEIPAC database, the largest collection of excavated and published amphora epigraphy fragments in the Roman Empire. These fragments have been found at 1680 geographical entities across the Roman territory and belong to 3658 discovery sites

³³ Aguilera 2002

³⁴ Dressel 1878; Rodríguez Almeida 1984; Aguilera 2002; Remesal 2011; 2018d.

³⁵ Aguilera 2012.

³⁶ Rubio-Campillo, Montanier *et al.* 2018; Coto-Sarmiento, Rubio-Campillo 2021.

³⁷ Bermúdez Lorenzo 2021; Carreras 2000; Carreras, Funari 1998; Carreras, van den Berg 2017; Ehmig 2003; 2007; Funari 1996; González Cesteros, Berni 2018; Mataix 2018; Marimon 2017; Mongardi 2018; Martin Kilcher 1987; Pons 2009; Remesal 1986; 1997; van den Berg 2014.

³⁸ E.g. Aguilera 2020.

³⁹ Calvanese *et al.* 2015; 2016; Mosca *et al.* 2015; Palacín *et al.* 2020; Pérez, Bermúdez 2020; Bermúdez *et al.* 2021.

from 39 modern countries, including provincial / regional, territorial and urban divisions. To this total 347 different amphora types can be added.

Similarly, we only take into account the presence or absence of an epigraphic object on a site. Although the volume of marked objects of each production is still unknown and its meaning is debated, the quantitative volume of merchandise and the typological diversity of the ROD data can be significant for learning about the distribution and origin of the food consumed.

2.2. Theoretical approaches to the Network in the EPNet project

The first element to assess is the node, the choice of which poses an initial problem, as there is more than one scale (namely local and global). To solve this issue and homogenise the data, a scale needs to be chosen. Normally, nodes in archaeological contexts are contexts or attributes of contexts grouped together according to their context. In our case, we consider amphoric types or ceramic compositional groups which distinguish a continuous spectrum of differences.

Connections are the other main part of a complex system, and in our case they present a broader repertoire of issues. The link between one node and another depends on their interpretation, since what defines the meaning of a connection is the research hypothesis. In this case, since direct observation is out of the question, the links need to be inferred. Nodes are thus social groups associated with places and connections are interactions defined by concrete processes, in our case the trade on olive oil.

Although theoretical approaches might indicate otherwise, it is expected that some groups of archaeological sites (clusters) are more similar to each other than to any other node in the complex system. Those groups can then be analysed as a community, so the interactions between “similarity groups” are visible in the physical expression of the complex system. We chose to measure the similarity between these sites by means of the Brainerd-Robinson (BR) coefficient because its definition is intuitive and it was developed within archeology specifically for comparing assemblages in terms of the proportions of types or other categorical data. BR is a city-block metric of similarity that is calculated as:

$$BR(i, j) = 200 - k = 100 \left(\sum_k |P_{ik} - P_{jk}| \right)$$

Eq. Brainerd-Robinson coefficient⁴⁰

where, for all categories (k), P is the total percentage in assemblages i and j . This provides a scale of similarity from 0–200 where 200 denotes a perfect similarity and 0 a total absence of similarity. We chose this system because its definition is intuitive, and it was specifically developed within archaeology for comparing assemblages in terms of the proportions of types or other categorical data.

We first tested our approach to the network science on our main case study, the Germanic provinces, and the broadest geographical area possible, the entire Roman empire. In these cases, rather than similarity, it was dissimilarity which was used to analyse the datasets. The dissimilarity between two sites was based on the number of stamp codes which were present on one location and absent on the other one. This was quantified

⁴⁰ Robinson 1951.

with the Jaccard distance⁴¹. The distance between the sets of codes c_i and c_j as collected in a pair of sites i and j is defined as the ratio between the number of codes found in both sites and the number of codes which are found in at least one site, as can be represented in the following equation:

$$D_{Jaccard}(i, j) = 1 - \frac{|c_i \cap c_j|}{|c_i \cup c_j|}$$

Eq. Jaccard distance

The Jaccard distance is bounded between 0 (in which the sites have exactly the same stamp codes) and 1 (in which the sites do not share any code). The average distance was close to 1 as most of the sites had a small number of unique stamps⁴².

In the case of the Monte Testaccio, another system was used regarding the traceability of the amphorae and its content: the asymmetric index.

The modified asymmetric index from A to B is defined as:

$$O_{A \rightarrow B} = 2 \frac{S_A}{N_A} \sum_{i=1}^k \min(Q_{iA}, Q_{iB})$$

From B to A , this presents itself analogously as:

$$O_{B \rightarrow A} = 2 \frac{S_B}{N_B} \sum_{i=1}^k \min(Q_{iA}, Q_{iB})$$

Eq. Asymmetric index

$O_{A \rightarrow B}$ indicates the superposition of A with B and $O_{B \rightarrow A}$ the superposition of B with A . k denotes the number of existing boxes and S_A (or S_B) the quantity of objects of the class A (or B), where there are objects of the class B (or respectively A). In other words, when we are looking for an association of a certain *titulus pictus* A with a stamp B , S_A corresponds to the number of *tituli* A that have appeared in the boxes where we have found the stamp B . N_A denotes the total number of objects of the class A found in the excavation. Q_{iA} denotes the quotient between the number of objects A in the box i and the total number of objects of both classes A and B in all the boxes where they coincide. Q_{iB} and N_B are defined similarly⁴³.

The following example shows the idea of this index. Let us consider an excavation where it has been found the object A and the object B in the following form.

A A B		A	
		A	A
B A		A	
	B A	B A	
			A B

The objects are classified in different boxes. One can observe in this example that B is found with A , but A is not found always with B . In this case, $O_{A \rightarrow B} = 6/11$ and $O_{B \rightarrow A} = 10/11 = 0.91$. B coincides with A almost in its totality, for reaching that 100% it is necessary another object B in the left box placed at the top.

⁴¹ Jaccard 1901.

⁴² Rubio-Campillo, Montanier *et al.* 2018.

⁴³ Ruiz *et al.* 2018.

3. RESULTS

3.1. Case studies

Four examples are proposed to test whether the inclusion of *Network Science studies in Epigraphy and Archeology* offers productive results.

1. The first has to do with the analysis in Big Data format of the epigraphy of olearian amphorae distributed on a *continental* level, and especially in the western Roman Empire.

2. The second example offers a *provincial* vision to visualize its intraprovincial distribution.

3. The third case analyzes *local productions*, in this case of wine amphorae produced in the vicinity of the Llobregat river (Barcelona, Catalonia, Spain) and the question of productive links.

4. The fourth case has to do with an archaeological survey, that of the *Monte Testaccio*, where it is tested whether there is a possibility of linking epigraphs.

For the development of the networks of the first three study cases, the Brainerd-Robinson coefficient is applied and for the particular case of Monte Testaccio, the Asymmetric index is applied.

3.1.1. Continental level: a group effort

The first of the case studies analyzed has been possible thanks to the cumulative (and decades-long) effort of amassing thousands of data, with the publication of Remesal's book on *annona militaris*⁴⁴, in which a catalogue of the materials from the Roman provinces Germania was included, in 1986 representing a starting point. Years later, new materials from the region were incorporated in Remesal's second monograph⁴⁵ without alteration initial hypotheses⁴⁶, and in parallel the digital corpus of CEIPAC was created⁴⁷. The digital corpus was the ideal place for the union of the later investigations dedicated to the study of other Roman territories. In this connection, it is also worth highlighting various studies which correspond to the research principles of our group, such as Funari and Carreras for Roman Britain, Pons in Mauretania Tingitana, Garrote and Marimon in Gallia Narbonensis and in Gallia Lugdunensis respectively, Bermúdez in Raetia, and the works of Berni and Moros on places of production⁴⁸.

The hypothesis advanced in 1986 about the existence of the Atlantic route as a way of supplying food for the army on the north-western Roman border⁴⁹, was mathematically reaffirmed by the work of Rubio *et al.* 2018a; 2018b. Observations in unpublished network built from all the stamps on Dressel 20 olearian amphorae offer very similar results. As a result, the groupings of materials by similarity in these networks show how the settlements of the same province or region share similar epigraphs. Here we have applied

⁴⁴ Remesal 1986.

⁴⁵ Remesal 1997.

⁴⁶ Remesal 2018b.

⁴⁷ Remesal 2012.

⁴⁸ Barea *et al.* 2008; Bermúdez Lorenzo 2021; Carreras 2000; Carreras, Funari 1998; Funari 1996; Garrote 2016; Berni 2008; 2021; Marimon 2017; Moros 2021; Pons 2009; Remesal, Moros 2019.

⁴⁹ Remesal 1986.

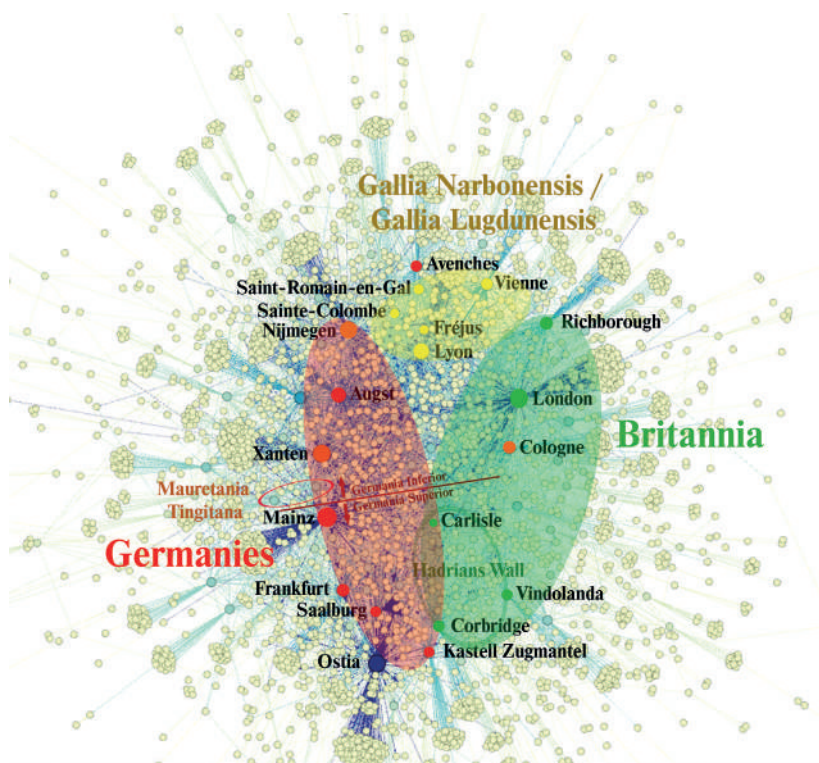

Fig. 2. Roman Empire trade areas. Network built with more than 10,000 stamps on Dressel 20 olive oil amphorae, excluding Rome and Golfe-de-Fos from the sample. Provincial consumer groups are indicated in colors. Network created using data from Supporting Information

the classical construction developed in several of our EPNET works, such as the ‘Places of Findind’ and ‘Epigraphy’⁵⁰. The blue nodes represent a place and the white nodes represent the various types of stamps (fig. 2), where the size of the link is proportional to the number of elements (stamps) in it. Similarly, the size of the nodes representing the places is proportional to the number of stamps found in these locations⁵¹.

In order to adapt the data to the question raised here, we have filtered all the stamps on the Dressel 20 amphorae outside their place of production, ignoring the materials found in the Roman province of Baetica (see Supporting Information for Dressel 20 epigraphy). This allows us to focus the results on distribution and not on production⁵². Thus, the network generated includes the configuration of more than 16,000 stamps. First, the visualization of the information confirms the existence of several related communities through larger nodes which show the existence of stamps with the same reading, together with epigraphic singularities found in specific places, which generates subgroups associated with a single place. In parallel to these sets of stamps, there are a number of

⁵⁰ Prignano, Morer *et al.* 2017; Pérez *et al.* 2018.

⁵¹ Pérez *et al.* 2019.

⁵² Berni 2008; Bourgeon 2021; González Tobar 2020; Moros 2021.

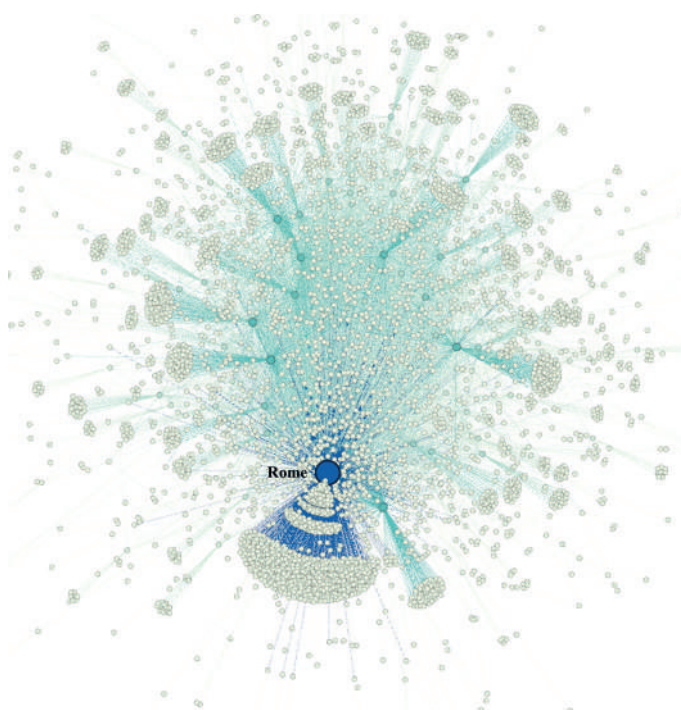

Fig. 3. Roman Empire amphora distribution. Network built with more than 16,000 stamps on Dressel 20 type oleary amphorae. The consumer capital of Rome is indicated. Network created using data from Supporting Information

peripheral nodes which show a certain tendency towards isolation compared to the general macro-structure. We might explain this either because they are places with few epigraphic samples, or because they possess a certain geographic isolation, or because they preserve epigraphs that are difficult to read or incomplete due to their lamentable state of conservation or high degree of fragmentation.

The results obtained show one hub which is greater than the rest and with greater connectivity to the rest of the community, namely the city of Rome (fig. 3). Given this, it is crucial to understand the capital as the most important olive oil consumption center. We may also include here the large amount of data pertaining to the excavations at the Monte Testaccio state landfill⁵³, to which we will return later, as a second filter on the data, whilst ignoring a third of the sample (more than 6500 stamps) in order to assess the regional groupings as a more balanced network. Certainly, Rome as the imperial capital concentrated products from all regions. However, the existence of Monte Testaccio shows that there was a state intention to store olive oil in the Tiberian port region to support the roman population. On the other hand, the distribution of olive oil throughout the West and

⁵³ Remesal 2019.

in particular, on the Rhineland-Danubian frontiers show the extent to which the State was concerned with supplying Rome with a basic food product in the Roman diet⁵⁴.

Consequently, the resulting network is more compact and allows us to observe in finer detail the existence of binding epigraphic sets between the various regions of the Roman Empire. This trend agrees with the presence of a series of places which seem to act as centers in the distribution of these territories or provincial hubs⁵⁵. Among them the following places stand out: Avenches, Augst, Corbridge, Frankfurt am Main, Fréjus, Cologne, London, Lyon, Mainz, Nijmegen, Ostia, Saalburg, Saint-Romain-en-Gal, Sainte-Colombe, Vienne, Vindolanda and Zugmantel. In these cases, if we added the information related to the Roman provinces, we could visualize the different groupings caused by the regional structures of distribution and food consumption. Leaving aside the node of the place of Ostia, as a port city linked to Rome, the communities would be divided between both Germanias, the Superior (Avenches, Augst, Frankfurt, Mainz, Saalburg and Zugmantel) and Inferior (Cologne, Nijmegen and Xanten), Britannia (London, Corbridge and Vindolanda) and Gallia Narbonensis (Fréjus) and Lugdunensis (Lyon, Saint-Romain-en-Gal, Sainte-Colombe and Vienne). This case study would generate very similar patterns to those already highlighted in Rubio *et al.* 2018a; 2018b. There the results confirm that the provincial structure played a relevant, if not decisive, role in the organization of the olive oil trade to the border provinces. Particularly important is the pattern of similarities between the Atlantic provinces (Britannia, Germania Inferior, Germania Superior and Mauretania) and the supply route that would have the Rhone as its driving axis (cf. fig. 2).

From the case presented, there are two scales for testing the similarity in the patterns from which the previous hypothesis was derived. At a macro level, if we group together the provinces⁵⁶ that we could refer to as Atlantic (Germania's, Britannia and Mauretania Tingitana) on the one hand, and the Gallic provinces, structured by the Rhone River (Narbonensis and Lugdunensis), on the other hand, we would see that there is a clear difference between both structures, which associate more with each other than as a whole. At the same time, a detailed vision allows some characteristics of these communities to be highlighted. For example, in the grouped data of both Germanias we might differentiate between the Inferior and the Superior and in Roman Britain set we can point out the community linked to Hadrian's Wall. Perhaps this has to do with the temporary flows of distribution or the specialized consumption of certain producing regions in Baetica. It is also very possible that imperial administration promoted the supply of the various border areas based on their activity, a policy often linked to a war economy⁵⁷.

Once the inscriptions have been temporarily contextualized and assuming the finiteness of each lot of stamps, we can perceive differences between the materials found in Germania Inferior and Superior. This could be related to the border activity itself: the former relates to an earlier conquest during the first century AD, while the latter shows

⁵⁴ Remesal 1986; 1997; 2011; 2018c.

⁵⁵ Milgram 1967.

⁵⁶ On spatial networks, see e.g. Donnellan 2020. On ceramic distribution networks, e.g. Brughmans, Poblome 2016. About the Distribution Patterns, also see RGZM Mainz on terra sigillata: <https://www1.rgzm.de/transportroutes>.

⁵⁷ Remesal 2018c.

great activity during the second century AD before the abandonment of the frontier at the entrance of the cross-border towns⁵⁸. These findings could be extended to explain very homogeneous sets of materials on the northern borders of Britannia⁵⁹ or in Mauretania⁶⁰, which were probably the result of the need in the supply of specific moments or specialization in the importation of amphorae produced in particular potteries. This would also help to make sense of the relationship of Mauretania Tingitana with the rest of the Atlantic provinces⁶¹.

At the same time, there are some noticeable exceptions in the network of some of these hubs that are only understood by their hybridization in the supply routes or by sharing common temporary spaces. For example, places such as Cologne⁶² in Germania Inferior have more in common with places such as London (Britannia)⁶³, perhaps because they share a similar dynamics in the development of food (in this case, olive oil) during the conquest and the period of stabilization⁶⁴. Along these lines, we believe that the greater similarity between places like Avenches or Augst, south of Germania Superior, and Gallia than with the rest of the Germania Superior settlements can be interpreted as reflecting their place in a common supply network. This supply route would have the Rhone as its driving axis for reaching the centre of Europe or for other products in the first decades of the Roman expansion. Hence, the network shows some similarity to the materials found in the area of Gaul where the Rhone runs or its vicinity⁶⁵.

3.1.2. A provincial approach

The mapping of provincial networks from the epigraphy found there originated from the interdisciplinary research conducted within the framework of EPN⁶⁶. The central objective of these networks was to understand the evolution of the connectivity which characterised each province in the final phase of the amphorae's traceable history. The method developed above by the network scientists provided the project's historians and archaeologists with an easy-to-use tool for analyzing large data sets as never before. Although it is an adaptation of the existing tools in Network Science to a particular case and data, it deals with characteristics that can easily be found in other case studies in Classical Studies⁶⁷.

As in the previous network, the categories analyzed are related to the stamps and their places of discovery. From Prignano, Lozano *et al.* 2017, a total of four provincial networks have been developed in order to analyze their data and validate the method. The first three

⁵⁸ Remesal 1986; 1997.

⁵⁹ Ayllón *et al.* 2019.

⁶⁰ Pons, Berni 2002; Pons, Pérez 2018.

⁶¹ Rubio-Campillo, Bermúdez *et al.* 2018; Rubio-Campillo, Montanier *et al.* 2018; Pons, Pérez 2018.

⁶² Remesal 1997; 2018c; Mayer 2016.

⁶³ Funari 1996; Carreras, Funari 1998.

⁶⁴ Remesal, Bermúdez 2021.

⁶⁵ Rubio-Campillo, Bermúdez *et al.* 2018; Rubio-Campillo, Montanier *et al.* 2018; Coto-Sarmiento, Rubio-Campillo 2021.

⁶⁶ Prignano, Lozano 2020.

⁶⁷ Prignano, Lozano 2020.

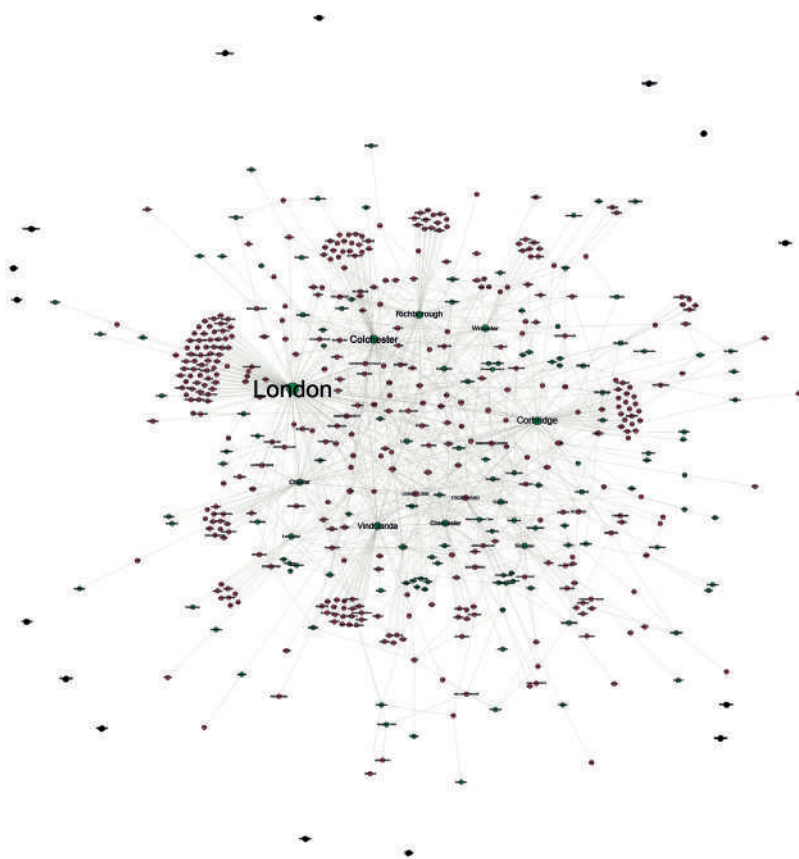

Fig. 4. Consuming Roman Britain. Consumption and distribution network of nearly 2000 stamps on Dressel 20 olive oil amphorae in the Roman province of Britannia. In green the reception places and in pink the stamps represented. Network created using data from Supporting Information. For the rest of the cases see the same file

have focused on the frontier zones of Germania Superior, especially the Roman forts of the northern section, between the Rhine and Main rivers, of Germania Inferior⁶⁸, and of Mauretania Tingitana⁶⁹. Finally, a comparison between the results in Britannia and in these three provinces were made (fig. 4), together with a detailed mapping of the northern frontiers of the province, with Hadrian's Wall and the Antonine Wall serving as receiving centers for Baetican olive oil⁷⁰ (see Supporting Information for all).

Again, the temporality of the stamps, as well as their origin, are features which help to understand the exposed results. Although the conquest and stabilization of the territory that later became the province of Germania Inferior was earlier than that of its

⁶⁸ Remesal 2018a.

⁶⁹ Pons, Pérez 2018.

⁷⁰ Morvan *et al.* 2017; Ayllón *et al.* 2019; Pérez 2019; 2022.

eastern homonymous counterpart, Germania Superior, it is normal that stamped amphorae share intra-provincial features more than extra-provincial features. These waves of warfare on the borders required imperial supervision, in order to meet the needs of each moment. The Germania Inferior network, with its greater presence of materials between the Julio-Claudian and Flavian-Trajan periods, shows a compact situation as well as heterogeneous results. On the one hand, a solid network appears to connect these places, headed by Colonia Ulpia Traiana (Xanten), Nijmegen and Cologne, which had greater military capacity and which were better known for their excavations, but on the other hand there are a large number of stamps that are only found in one of these places⁷¹. The existence of some stamps with a greater presence and concomitants between the various places may suggest a greater specialization in the distribution of oil controlled by one or more certain agents than is currently unknown in the limes, as long as it is accepted that they are the characters reflected in the beta *tituli picti* of these amphorae.

In this connection, the similarity between the provincial networks is remarkable, even highlighting certain singularities such as those observed in the Germania Superior network, where there is a greater link between the places of Saalburg, Zugmantel (Orlen) and Frankfurt am Main-Nida-Hedderheim than with Mainz. Perhaps this fact can be understood as a result of the greater proximity between the first camps, which stood on the front line of the border, as opposed to the place of Mainz, whose nucleus had a greater epigraphic presence in the border rear and which could have been part of a different supply network. This hypothesis has already been defended in the particular case of the Britain limes at Hadrian's Wall by Ayllón *et al.* 2019, who propose that the places of Vindolanda, Carlisle and Colchester, located in the stanegate, perhaps acted as centers of consumption and distribution of the first border line⁷². In the case of both borders, whenever possible, the river directed the supply to the interior, while at the same time acting as a natural border: on one side was the river Rhine (Tac. *Ann.* 2.6.2)⁷³ and on the other the isthmus of the Tyne-Solway rivers (for Hadrian's Eall)⁷⁴ and Forth-Clyde (Antonine Wall)⁷⁵.

Furthermore, the war activity in these regions can be distinguished through the proposed networks thanks to the homogeneity of the epigraphy found there. For example, the grouping of stamps found on the Mauretanian, Rhenish or northern borders of Roman Britain is clear and allows one to distinguish between the supply of both walls in this last province and their different chronological uses, which perhaps relates to logistics directed during a period of growing conflict⁷⁶. It must also be borne in mind that we know the date of the founding and disappearance of the camps despite the fall of many sections of the limes, which can help us to attribute a post-quem and ante-quem date to the amphorae. On the other hand, amphorae can help us to date various chronological moments between these two extremes.

⁷¹ Remesal 2018a.

⁷² Ayllón, Pérez 2014; Ayllón *et al.* 2019.

⁷³ Remesal 2018c.

⁷⁴ Ayllón *et al.* 2019.

⁷⁵ Pérez 2022.

⁷⁶ Ayllón *et al.* 2019; Pérez 2022.

3.1.3. *Local production.*

The third case study focused on understanding, through the construction of networks, the productive links of several of the best-known wine amphora types in the province of Hispania Citerior (Tarraconensis). From the north-east of the peninsula come about 2700 stamped amphoras that are recorded in more than 160 publications of the last 70 years⁷⁷. Among these stand out the amphoras Pascual 1, Dressel 2–4 Tarraconense vel Dressel 3–2, as well as the Oberaden 74⁷⁸. This corpus offers many possibilities for mapping the production and consumption of wines made in the region, but the high percentage of finds in the territory itself, numbering close to 60%, compels us to pay special attention to its production organization chart. Continuing with the construction of epigraphic networks, a mapping of the potteries located throughout the Maresme region and the mouth of the Llobregat river was proposed, focusing on the deposits of Castellbisbal, Papiol and Sant Vicenç del Horts (see S2).

The elaborated network shows a very unequal distribution of the stamps and little or no variability between the different places where they were produced. In other words, the stamps presented in each pottery-site are different and the network does not indicate a connection between the various centers. Hence, we surmise that the producers are very independent from each other (for networks and data, see Supporting Information). The analysis of the network helps to understand the organization chart of these workshops. Comparing it with the study of the massive oil productions of the Dressel 20 type in Baetica, the results show certain similarities but highlight the independence of each pottery site, which had its own sealing system⁷⁹ or punctual connections⁸⁰.

At the same time, regardless of the meaning of these stamps and their relationship between pottery sites, it would be interesting to replicate the study with the graffiti found in the region, which can help us better understand the phases of the workshops and the question of the existence or not of a mobile collective of artisans among the various potteries⁸¹.

3.1.4. *The archaeological excavation of Monte Testaccio (Rome)*

The last case study focuses on the materials found in the excavations of Monte Testaccio (in Rome). Monte Testaccio is located in the plain below the Aventine Hill, is currently 50m high by 1km in perimeter and is the remainder of a state amphora dump (1st–3rd century AD) (see S3). It contains the remains of the amphorae in which the olive oil bought by the Roman state or received as taxes arrived in Rome and which served to keep prices stable in the city's markets⁸². This subsidized olive oil served, along with the grain that was distributed in part without cost, to oppose as much as possible the uprisings of the population⁸³. It therefore represents a particularly significant example insofar as it is a state dump

⁷⁷ Palacín 2018; 2022; Palacín *et al.* 2020; Martín i Oliveras *et al.* 2022.

⁷⁸ Roman Amphorae: A Digital Resource. URL: <http://archaeologydataservice.ac.uk>; accessed on: 13.05.2023.

⁷⁹ Rubio-Campillo *et al.* 2017; Coto-Sarmiento *et al.* 2018; Coto-Sarmiento, Rubio-Campillo 2021.

⁸⁰ Moros 2014; 2019; 2021.

⁸¹ Berni, Miró 2013; Berni, Revilla 2008; Miró Canals 2020.

⁸² Aguilera 2002.

⁸³ Remesal 2011.

of oil amphorae in the port area of the old imperial capital, where there is neither land nor well-defined strata but only amphoras and more amphoras⁸⁴. In recent excavations, an artificial system has been excavated, whose soundings have been divided into sections of 1 m² from which materials of 20 by 20 centimeters can be extracted⁸⁵.

The statistics produced so far quantify the origin of these amphoras from the Baetica province, in particular those of the Dressel 20 type, by about 85%. The accumulated knowledge allows us to ensure that the shipments of olearian amphorae, which one day left together from Baetica, arrived, at least in part, together as far as Rome. Once emptied in the port area reserved for it, we have proposed that these amphoras were uploaded to the landfill in sets of four on the back of a cavalry (when empty, these amphoras weigh about 30 kilos each; 120 kilos is a standard load for a cavalry). After being off-loaded at the ceramic dump, they were broken right there to take advantage of the space used while others were used to build the walls, as if it were a stepped pyramid. As a rule, it is common to find fragments that sometimes join within our artificial strata and sometimes with fragments of other neighboring strata. Thus, the knowledge of the formation of the mount allows us to state that the natural strata have a power similar to the maximum diameter of our amphorae (about 60 cm). Since we excavated 20 by 20 centimeters, at least three of our levels should correspond to one of the natural strata. However, since we do not normally find these walls, we compare the materials of each of the strata with two upper strata or as many lower ones so that we can establish relationships theoretically between the materials of the strata defined by us, and thereby determine which ones correspond to a “natural stratum” of Monte Testaccio.

In addition to the stamps, there are also graffiti *ante cocturam* and the painted inscriptions known in scholarship as *tituli picti*. The latter inform us of the tare of the amphora (alpha), the net weight of the olive oil content (gamma), the name of the person responsible for the commercialization or transport of the amphote (beta), and the customs-fiscal control where the fiscal district in Baetica is indicated from which the amphora was issued, confirmation of the content, those involved in the control and the date of the year of commercialization of the amphora (delta). This allows us to possess an abundant series of documents that are dated with precision (a rare fact in the documentation of the Roman world). Our efforts since 1989 have been to unite the maximum number of fragments of the same amphora in order to recompose the greatest amount of information contained in them, and thereby know as much as possible about the traceability of the distributed object⁸⁶.

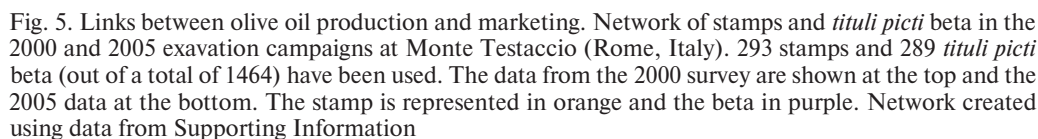
So far we have represented in our publications the relative positions of the stamps and *tituli picti* found in each of our surveys. By mapping our surveys in the form of a network, we hope to apply new methods in order to better relate our various materials and establish a better correlation between our materials. To do this, we have selected the surveys of the years 2000 and 2005⁸⁷, where we will apply the asymmetric index mentioned above.

⁸⁴ Pérez *et al.* 2018

⁸⁵ Blázquez *et al.* 1994; Blázquez, Remesal 1999; 2001; 2003; 2007; 2010; 2014.

⁸⁶ Pérez *et al.* 2018; Ruiz *et al.* 2018.

⁸⁷ Blázquez, Remesal 2014.

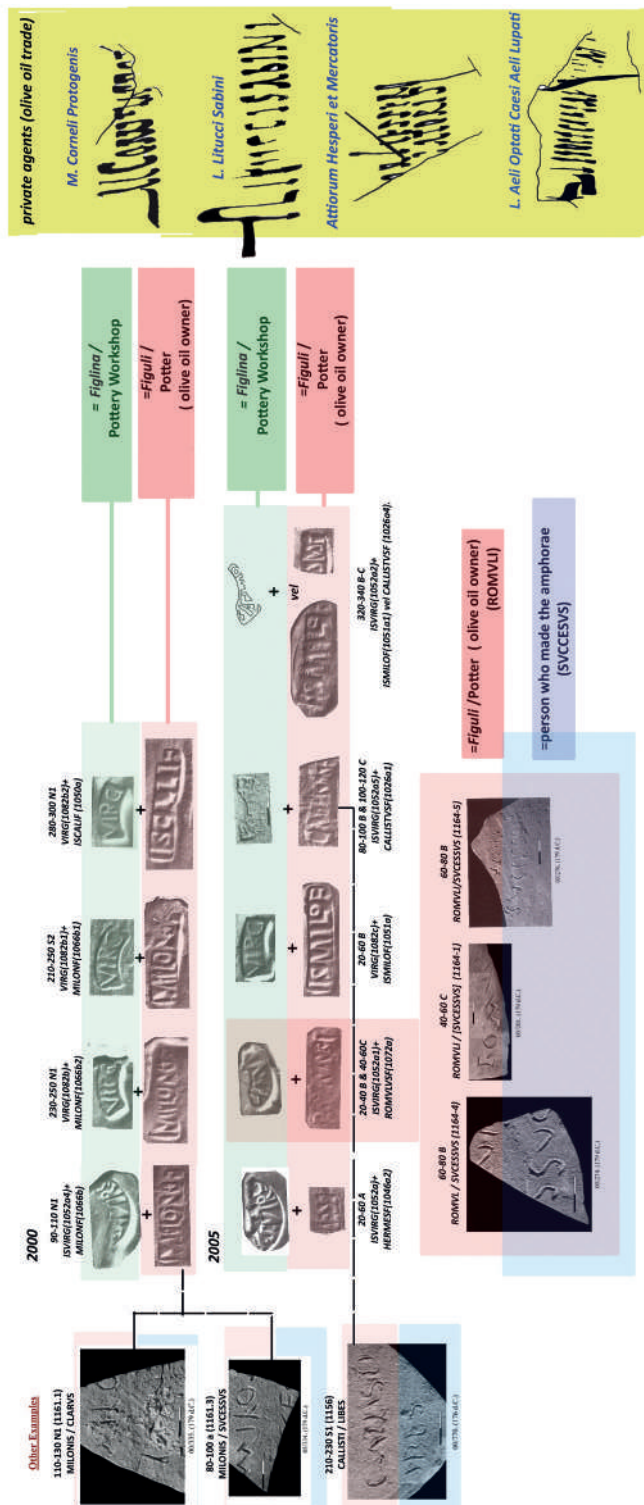

Fig. 6. Proposed traceability of Figlina Virginensia (years 174, 176–179 AD). Representation of a probable producer organization chart and the commercial distribution of private agents based on the network of similarities. The pottery is found in Villar de Brenes (Brenes, Spain) in the Roman province of Betica, and was discovered in the excavations of the years 2000 and 2005 in Monte Testaccio with dates from the years 174, 176–179 AD (Blázquez, Remsal 2014). Network created using data from Supporting Information

The construction of a network of different types of inscriptions formed by stamps (in orange) and *tituli picti* beta (in purple) reveals the similarity between the various groupings of epigraphs (fig. 5). At first glance we can already see the existence of groups of stamps from the same place in Baetica, a pottery center known as *Figlina Virginensia*. In this connection, the ISVIRG, ISMILOF or MILONF (year 2000) or ISVIRG, HERMES, MILONF or ISMILOF (2005) stamps were produced during the second productive phase of the workshop (here represented by the years 174, 176–179 AD) and their distribution throughout the capital could be assumed to be extensive. Along with this community of stamps a series of characters (in the amphora position known since H. Dressel as *beta*) also appear that could once be part of the same object (for the results of the surveys of the 1993, 1997, 2007 and 2010 publications, see Supporting Information).

Without the need to develop the productive organization chart of *Figlina Virginensia*, which is widely known⁸⁸, and setting aside the combination of the message divided into stamps by their *cognomina* and toponyms⁸⁹, the association of the characters who are believed to have made these amphorae are represented in a set of unique graffiti from the workshop, where the name of the amphorae appears in the second line and the orders of the *figuli* / potter (olive oil owner) in stamp. To all this we can now add, thanks to the proposed method, the link with several of these agents in *beta* who were dedicated to the commercialization or distribution of amphorae in *Virginensia* (fig. 6), which included *M. Corneli Protogenis* (2000 and 2005), *L. Litucci Sabini* (2005), *Attiorum Hesperii* and *Mercatoris* (2000) and *L. Aeli Optati Caesi Aeli Lupati* (2005). A proposal on its traceability is given below:

4. DISCUSSION AND CONCLUSION

In 1986, Remesal proposed that since Augustus there had been an organized military supply system for the administration of the empire. This led him to a more general study of the Roman annony system, and how it influenced not only the economic evolution of the empire, but also its political evolution⁹⁰. Thus, the imperial administration did not need large amounts of cash to cover the tax and supply needs of the state structures, among which was the army, and thanks to accepting the interprovincial food supply, it covered part of their needs. According to his calculations, the state retained two thirds of the salary assigned to the soldiers, and thus the army in fact functioned, economically, with a much lower volume of cash than theoretically calculated⁹¹.

The results presented here are surprisingly similar to the theoretical models of appraisal and coinage flows by Keith Hopkins (further developed by John K. Davies) for the Roman Empire, who displayed this model graphically with a simplified diagram of three circles, one within the other, symbolising geographic space divided into regions, which derive their significance from political spheres: ‘centre’, ‘middle zone’ and ‘periphery’

⁸⁸ Berni 2008; Pons, Berni 2002; Pons, Pérez 2018.

⁸⁹ Moros 2021.

⁹⁰ Remesal 1986.

⁹¹ Remesal 2011.

or ‘frontier’⁹². For this, we must understand the supply of olive oil as a tax-exchangeable product, where Baetica must be recognized as a producing province of the middle zone, destined to first supply the food needs of the citizens of the capital of the Empire – the centre – to control its political influence, and then the borders – the periphery – where thousands of soldiers secured the Roman territory. Rome, like all empires, benefited from exploiting the resources of the territories they conquered, integrating them as producing and consuming provinces.

For this reason, the study of the amphorae material offers a new perspective: the survival of the limes depends on the supplies that arrived from other provinces⁹³. The task that we have set ourselves to present here is to delimit the following: which provinces, and at what time, formed the base of support for the limes; what relations were established between the different provinces; how they were related to each other; what role the imperial power played in the relations between the various provinces; and how each of them influenced the political evolution of the empire.

Supporting information

Source code and datasets are available under Open licenses and can be freely accessible from
URL: <http://dataverse.csuc.cat/privateurl.xhtml?token=48398465-858f-4013-8701-537c8a99462a>;
accessed on: 13.05.2023.
DOI: <https://doi.org/10.34810/data138>; accessed on: 13.05.2023.

References

- Aguilera Martín, A. 2000: Los *tituli picti* delta del convento astigitano en el primer tercio del s. III d.C. In: *Congreso Internacional Ex Baetica Amphorae. Conservas, aceite y vino de la Bética en el Imperio Romano (Écija y Sevilla, 17 al 20 de Diciembre de 1998)*. Ecija, 1231–1240.
- Aguilera Martín, A. 2002: *El monte Testaccio y la llanura subaventina. Topografía ‘extra portam Trigeminam’*. Roma.
- Aguilera Martín, A. 2007: Evolución de los *tituli picti* delta de las ánforas Dressel 20 entre mediados del siglo I y mediados del siglo III. In: M. Mayer, G. Baratta, A. Guzmán (eds.), *Acta XII Congressus Internationalis Epigraphiae Graecae et Latinae (Barcelona, 3–8 Septembris 2002)*. Vol. 1. Barcelona, 15–22.
- Aguilera Martín, A. 2012: La normalisation de l’épigraphie amphorique. Les *tituli picti* des amphores Dressel 20. In: M.A. Fuchs, R. Sylvestre, C. Schmidt Heidenreich (eds.), *Inscriptions mineures: nouveautés et réflexions. Actes du premier colloque Ductus (19–20 juin 2008, Université de Lausanne)*. Bern, 135–143.
- Aguilera Martín, A. 2020: *Lucius Vibius Polyanthus*, salsamentario, oleario y sevro augustal en Corduba. In: V. Revilla Calvo, A. Aguilera Martín, Ll. Pons Pujol, M. García Sánchez (eds.), *Ex Baetica Romam: homenaje a José Remesal Rodríguez*. (Col·lecció Homenatges, 58). Barcelona, 585–604.
- Ahnert, R., Ahnert, S.E., Nicole Coleman, C., Weingart, S.B. 2020: *Network Turn. Changing Perspectives in the Humanities*. Cambridge.
- Ayllón Martín, R., Pérez González, J. 2014: Oro líquido en los confines del mundo romano: la ruta del aceite bético desde las figlinae hasta el Muro de Adriano. In: J.M. Álvarez, T. Nogales, I. Rodà (eds.), *XVIII CIAC: Centro y periferia en el mundo clásico / Centre and Periphery in the Ancient World. S. 7. Las vías de comunicación en Grecia y Roma: rutas e infraestructuras. Communication Routes in Greece and Rome: Routes and Infrastructures*. Mérida, 759–763.

⁹² Hopkins 1980; Hopkins, Kelly 2018; Davies 2005; Jogman 2018.

⁹³ Remesal 2018c.

- Ayllón Martín, R., Pérez González, J., Remesal Rodríguez, J. 2019: Olive Oil at the Border of the Roman Empire. Stamps on Baetican Dressel 20 Found on the Tyne-Solway Isthmus. *Marburger Beiträge zur Antiken Handels, Wirtschafts- und Sozialgeschichte* 36, 167–216.
- Barea Bautista, J.S., Barea Bautista, J.L., Solís Siles, J., Moros Díaz, J. 2008: *Figlina Scalensia: Un centro productor de ánforas Dressel 20 de la Bética*. Barcelona.
- Baudoux, J. 1992: Production d'amphores dans l'Est de la Gaule. In: F. Laubenheimer (ed.), *Les amphores en Gaule: production et circulation. Table ronde internationale, Metz, 4–6 octobre 1990*. CNRS, Ministère de la Culture et de la Communication, Service Régional de l'Archéologie de Lorraine. Besançon, 59–70.
- Baudoux, J. 1996: *Les amphores du nord-est de la Gaule*. Paris.
- Bermúdez Lorenzo, J.M. 2017: *Raetia: las relaciones socioeconómicas de una provincia romana centroeuropea con las provincias mediterráneas*. Barcelona.
- Bermúdez Lorenzo, J.M. 2021: *Economía de Raetia (s. I–III d.C.). Epigrafía anfórica*. (Instrumenta, 76). Barcelona.
- Bermúdez Lorenzo, J., Pérez González, J., Aguilera Martín, A., Rull Fort, G. 2021: Roman Open Data: a Data Visualization & Exploratory Interface for the Academic Training of University Students. In: *CEUR Workshop Proceedings*. Vol. 3129. *CINAIC 2021: Proceedings of the International Conference of Innovation, Learning and Cooperation 2021*. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-3129/>; accessed on: 13.05.2023.
- Berni Millet, P. 2008: *Epigrafía anfórica de la Bética. Nuevas formas de análisis*. (Instrumenta, 29). Barcelona.
- Berni Millet, P. 2017: Amphorae-Epigraphy: Stamps, Graffiti and *Tituli Picti* from Roman Nijmegen. In: C. Carreras, J.H. van den Berg (eds.), *Amphorae from the Kops Plateau (Nijmegen): Trade and Supply to the Lower-Rhineland from the Augustan Period to AD 69/70*. (Archaeopress Roman Archaeology, 20). Oxford, 185–282, 289–343.
- Berni Millet, P. 2019: Calendar Graffiti on Dressel 20 Amphoras. Asiaticus: Another Paradigmatic Case with a New Find from Brijuni (Croatia). In: T. Bezeczky (ed.), *Amphora Research in Castrum Villa on Brijuni Island*. (Archäologische Forschungen, 29). Wien, 125–145.
- Berni Millet, P. 2021: Producción anfórica en Hispania. La evolución de la epigrafía. In: W. Broekaert, A. Delattre, E. Dupraz, M.J. Estarán Tolosa (eds.), *L'épigraphie sur céramique. L'instrumentum domesticum, ses genres textuels et ses fonctions dans les sociétés antiques*. (Hautes Études du Monde Greco-Romain, 60). Genève, 19–39.
- Berni Millet, P., Miró i Canals, J. 2013: Dinámica socioeconómica en la Tarraconense Oriental a finales de la República y comienzos del Imperio. El comercio del vino a través de la epigrafía anfórica. In: J. López Vilar (ed.), *Actes del 1er Congrés Internacional d'Arqueologia i Món Antic. Govern i Societat a la Hispània Romana. Novetats epigràfiques. Homenatge a Géza Alföldy, Tarragona, 29–30 de novembre i 1 de desembre de 2012. Tarraco Biennal*. Tarragona, 63–83.
- Berni Millet, P., Revilla Calvo, V. 2008: Los sellos de las ánforas de producción tarraconense: representaciones y significado. In: A. López Mullor, X. Aquilué Abadías (eds.), *La producció i el comerç de les àmfores de la província Hispania Tarraconensis. Homenatge a Ricard Pascual i Guasch (Barcelona, 17 i 18 de novembre de 2005)*. Barcelona, 95–111.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 1999: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) I*. (Instrumenta, 6). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2001: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) II*. (Instrumenta, 10). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2003: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) III*. (Instrumenta, 14). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2007: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) IV*. (Instrumenta, 24). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2010: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) V*. (Instrumenta, 35). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2014: *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) VI*. (Instrumenta, 47). Barcelona.
- Blázquez Martínez, J.M., Remesal Rodríguez, J., Rodríguez Almeida, E. 1994: *Excavaciones Arqueológicas en el Monte Testaccio (Roma). Memoria de la Campaña de 1989*. Madrid.

- Bourgeon, O. 2021: *La production d'amphores à huile dans la vallée du Genil (Ier-Ve s. ap. J.-C.). Contribution à l'histoire socio-économique de la Bétique romaine*. (Instrumenta, 78). Barcelona.
- Brown, K. 2020: *The Routledge Companion to Digital Humanities and Art History*. New York.
- Brughmans, T., Collar, A., Coward, F. 2016: *The Connected Past Challenges to Network Studies in Archaeology and History*. Oxford.
- Brughmans, T., Hanson, J., Mandich, M., Romanowska, I., Rubio-Campillo, X., Carrignon, S., Collins-Elliott, S., Crawford, K., Daems, D., Fulminante, F., de Haas, T., Kelly, P., Moreno Escobar, M., Paliou, E., Prignano, L., Ritondale, M. 2019: Formal Modelling Approaches to Complexity Science in Roman Studies: A Manifesto. *Theoretical Roman Archaeology Journal* 2 (1), 4.
- Brughmans, T., Keay, S., Earl, G. 2014: Introducing Exponential Random Graph Models for Visibility Networks. *Journal of Archaeological Science* 49, 442–454.
- Brughmans, T., Peeples, M.A. 2017: Trends in Archaeological Network Research: A Bibliometric Analysis. *Journal of Historical Network Research* 1/1, 1–24.
- Brughmans, T., Peeples, M.A. 2018: Network Science. In: S.L. López Varela (ed.), *The Encyclopedia of Archaeological Sciences*, 1–4. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781119188230.saseas0402>; accessed on: 11.05.2023.
- Brughmans, T., Peeples, M.A. 2020: Spatial Networks. In: M. Gillings, P. Hacıgüzeller, G. Lock (eds.), *Archaeological Spatial Analysis. A Methodological Guide*. New York.
- Brughmans, T., Peeples, M.A. 2023: *Network Science in Archaeology*. Cambridge.
- Brughmans, T., Poblome, J. 2016: Roman Bazaar or Market Economy? Explaining Tableware Distributions through Computational Modelling. *Antiquity* 90/350, 393–408.
- Calvanese, D., Mosca, A., Remesal Rodríguez, J., Rezk, M., Rull, G.A. 2015: 'Historical Case' of Ontology-based Data Access. In: G. Guidi, R. Scopigno, J. Carlos Torres, H. Graf, F. Remondino, L. Duranti, P. Brunet, S. Hazan, J.A. Barceló (eds.), *Digital Heritage 2015 September 28 – October 2*. Vol. 2. Granada, 291–298.
- Calvanese, D., Liuzzo, P., Mosca, A., Remesal Rodríguez, J., Rezk, G., Rull, G. 2016: Ontology-based Data Integration in EPNet: Production and Distribution of Food During the Roman Empire. *Engineering Applications of Artificial Intelligence* 51, 212–229.
- Caro, J., Díaz-de la Fuente, S., Ahedo, V., Zurro, D., Madella, M., Galán, J.M., Izquierdo, L.R., Santos, J.I., del Olmo, R. 2020: *Terra Incognita: Libro blanco sobre transdisciplinariedad y nuevas formas de investigación en el Sistema Español de Ciencia y Tecnología*. Burgos.
- Carreras, C. 2000: *Economía de la Britannia romana: la importación de alimentos*. (Instrumenta, 8). Barcelona.
- Carreras, C., Funari, P.P.A. 1998: *Britannia y el Mediterráneo: Estudios sobre el abastecimiento de aceite bético y africano en Britannia*. (Instrumenta, 5). Barcelona.
- Carreras, C., van den Berg, J.J.H. 2017: *Amphorae from the Kops Plateau (Nijmegen): Trade and Supply to the Lower-Rhineland from the Augustan Period to AD 69/70*. (Archaeopress Roman Archaeology, 20). Oxford.
- Coto-Sarmiento, M., Rubio-Campillo, X. 2021: Correction to: The Tracing of Trade. Exploring the Patterns of Olive Oil Production and Distribution from Roman Baetica. *Archaeological and Anthropological Sciences* 13, 1–15.
- Coto-Sarmiento, M., Rubio-Campillo, X., Remesal Rodríguez, J. 2018: Identifying Social Learning between Roman Amphorae Workshops through Morphometric Similarity. *Journal of Archaeological Science* 96, 117–123.
- Davies, J.K. 2005: Linear and Nonlinear Flow Models for Ancient Economies. In: J.G. Manning, I. Morris (eds.), *The Ancient Economy. Evidence and Models*. Stanford, 127–156.
- Donnellan, L. 2020: *Archaeological Networks and Social Interaction*. New York.
- Dressel, H.A.E.F. 1878: Ricerche sul monte Testaccio. *Annali dell'Istituto di Corrispondenza Archeologica* 50, 118–192.
- Dressel, H.A.E.F. 1894: Inschriften aus dem Bonner Provinzialmuseum: Eine Amphora aus Spanien mit lateinischen Inschriften. *Bonner Jahrbuch* 95, 61–87.
- Dressel, H.A.E.F. 1899: *Corpus inscriptionum Latinarum*. Vol. XV. *Inscriptiones urbis Romae Latinae. Instrumentum domesticum*. Pars 2. Fasc. 1. *Adjectae sunt tabulae duae amphorarum et lucernarum formas exprimentes*. Berlin.
- Ehmig, U. 2003: *Der Römischen Amphoren aus Mainz*. (Frankfurter Archäologische Schriften, 4). Möhnesee.

- Ehmig, U. 2007: *Die romischen Amphoren im Umland von Mainz*. (Frankfurter Archäologische Schriften, 5). Wiesbaden.
- Ettlingen, E. 1977: Aspects of Amphora Typology Seen from the North. In: *Méthodes classiques et méthodes formelles dans l'étude des amphores. Actes du colloque de Rome, 27–29 mai 1974*. Rome, 9–16.
- Fulminante, F., Prignano, L., Morer, I., Lozano, S. 2017: Coordinated Decisions and Unbalanced Power. How Latin Cities Shaped Their Terrestrial Transportation Network. *Frontiers in Digital Humanities* 4, 1–14.
- Funari, P.P.A. 1996: *Dressel 20 Inscriptions from Britain and the Consumption of Spanish Olive Oil. With a Catalogue of Stamps*. Oxford.
- Garrote Sayó, E. 2016: *La presència de l'oli bètic a la Gallia Narbonensis*. Barcelona.
- González Cesteros, H. 2014: *Ánforas hispanas en la Germania Inferior antes de la formación de la provincia (20 a.C.–69 d.C.)*. Tarragona.
- González Cesteros, H., Berni Millet, P. 2018: *Roman Amphorae in Neuss. Augustan to Julio-Claudian Contexts*. (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery, 12). Oxford.
- González Tobar, I. 2020: *La production d'amphores à huile dans le Conventus Cordubensis (Province de Bétique, Espagne) à l'époque romaine. Nouvelles perspectives socio-économiques*. Montpellier–Córdoba.
- Graham, S., Weingart, S. 2015: The Equifinality of Archaeological Networks: an Agent-Based Exploratory Lab Approach. *Journal of Archaeological Method and Theory* 22, 248–274.
- Hanel, N. 1994: Amphorenstempel aus Gross-Gerau. *Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte* 13/2, 122–143.
- Hanel, N. 1998: Die Amphoren aus den Ausgrabungen von 1927/28 in flottenlager Köln-Marienburg (Alteburg). *Kölner Jahrbuch* 31, 417–425.
- Heukemes, B. 1958: Datación de algunas marcas de ánforas españolas. *Archivo Español de Arqueología* 31, 197–198.
- Hopkins, K. 1980: Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B.C.–A.D. 400). *Journal of Roman Studies* 70, 101–125.
- Hopkins, K., Kelly, Ch. (eds.) 2018: *Sociological Studies in Roman History*. Cambridge.
- Jaccard, P. 1901: Étude comparative de la distribution florale dans une portion des Alpes et des Jura. *Bulletin de la Société vaudoise des sciences naturelles* 37/142, 547–579.
- Knappett, C. 2021: Networks in Archaeology. In: R. Light, J. Moody (eds.), *The Oxford Handbook of Social Networks*. Oxford, 443–466.
- Marimon Ribas, P. 2017: *Entre el Mediterráneo y el limes germánico: el río Ródano como factor de comunicación e integración económica*. Barcelona.
- Martín-Arroyo Sánchez, D.J., Prignano, L., Morer, I., Rull, G., García Sánchez, M., Díaz-Guilera, A., Remesal Rodríguez, J. 2017: The Wine Trade of Roman Crete: Construction of Onomastic and Geographical Networks. In: J. Velaza (ed.), *Insularity, Identity and Epigraphy in the Roman World*. Cambridge, 177–194.
- Martin-Kilcher, S. 1987: *Die römischen Amphoren aus Augst und Kaiseraugst. Ein Beitrag zur römischen Handels- und Kulturgeschichte, 1: Die Südspanischen Ölamphoren*. (Forschungen in Augst, 7/1). Augst.
- Martín i Oliveras, A., Palacín Copado, C., Pérez González, J. 2022: Analysis Tools for the Study of the Amphorae Productions from the Northeast of Hispania Citerior Tarraconensis. A First Approach from EPNET Project. In: J. Remesal Rodríguez, J. Pérez González (eds.), *Arqueología y Técnica. Métodos formales, nuevos enfoques / Archaeology and Techne. Formal Methods, New Approaches*. Oxford, 67–97.
- Mataix Ferrándiz, E. 2018: *Explaining the Commerce of Roman Mediterranean Ports: The Evidence from 'scripta commercii' and Law*. Southampton.
- Mataix Ferrándiz, E. 2019: Rethinking the Roman Epigraphy of Merchandise: a Metapragmatic Approach. *Maarav* 23/1, 177–205.
- Mayer, D. 2016: Stempel auf Amphoren aus Köln. *Kölner Jahrbuch* 49, 309–366.
- Milgram, S. 1967: The Small-World Problem. *Psychology Today* 1/1, 61–67.
- Miró Canals, J. 2020: Barcino Augustea y Julio-Claudia. Dinámica socio-económica de la producción y el comercio del vino layetano. *Spal* 29/2, 205–234.
- Mongardi, M. 2018: Firmissima et splendidissima populi romani colonia. *L'epigrafia anforica di Mutina e del suo territorio*. (Instrumenta, 62). Barcelona.

- Morer, I., Cardillo, A., Díaz-Guilera, A., Prignano, L., Lozano, S. 2020: Comparing Spatial Networks: A 'One Size Fits All' Efficiency-driven Approach. *Physical Review E* 101/4, 1–12.
- Moros Díaz, J. 2014: La intervención severiana en la producción del aceite bético. In: J.M. Blázquez Martínez, J. Remesal Rodríguez (eds.), *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) VI*. (Instrumenta, 47). Barcelona, 773–859.
- Moros Díaz, J. 2019: *Análisis epigráfico de los sellos olearios béticos hallados en centros de producción: el caso de la zona productora de la Scalensia*. Barcelona.
- Moros Díaz, J. 2021: *Organización productiva de las ánforas olearias béticas Dressel 20 (ca. 30–270 d.C.). Un modelo de análisis e interpretación de los sellos del instrumentum domesticum*. (Instrumenta, 77). Barcelona.
- Morvan, M., Pérez González, J., Prignano, L., Morer, I., Remesal Rodríguez, J. 2017: *War Economy. Food Supply beyond the Wall. An Amphorae Stamps Network. UBICS Founding Symposium. Universitat de Barcelona (12 de juny de 2017)*. URL: <http://hdl.handle.net/2445/146872>; accessed on: 13.05.2023.
- Mosca, A., Remesal Rodríguez, J., Rezk, M., Rull, G. 2015: Knowledge Representation in EPNet. In: T. Morzy, P. Valduriez, L. Bellatreche (eds.), *New Trends in Databases and Information Systems. ADBIS. Communications in Computer and Information Science*. New York, 427–437.
- Nesselhauf, H. 1960: Zwei Bronzeurkunden aus Munigua. *Madridrer Mitteilungen* 1, 142–154.
- Nesselhauf, H. 1964: Sex. Iulius Possessor. *Madridrer Mitteilungen* 5, 180–184.
- Ozcáriz Gil, P., Pérez González, J., Heredero Berzosa, J. 2020: The Logistics of Marking in the Baetic Amphoras. The Use of Numerals in the Organizational Systems of Ceramic Productions. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 26/2, 231–247.
- Palacín Copado, C. 2018: *Estudio de la comercialización y distribución del vino del noreste de la Tarraconense en el limes germanicus y Britannia (s. I a.C. – I d.C.)*. Madrid.
- Palacín Copado, C. 2022: Vinos, redes de comercio y consumo. El caso Tarraconense: evidencias y problemáticas. In: F.N. Silva, J.M. Bermúdez Lorenzo, J. Pérez González (eds.), *Historia Antigua en diálogo. Humanidades Digitales e innovaciones metodológicas*. Oxford, 218–234.
- Palacín Copado, C., Pérez González, J., Rull Fort, G. 2020: Epigrafía anfórica i roman open data: Les àmfores del litoral central de Catalunya com a cas d'estudi. *Laietania: Estudis d'història i d'arqueologia de Mataró i del Maresme* 21, 97–132.
- Pérez González, J. 2014: La base de datos on-line del Ceipac. *Los tituli picti. Ar@cne* 190, 1–28.
- Pérez González, J. 2019: Olive Oil Beyond the Wall: Stamps on Baetican Dressel 20 found on the Forth-Clyde Isthmus. In: S. Günther, T. Mattern, R. Rollinger, K. Ruffing, C. Schäfer (eds.), *Marburger Beiträge zur antiken Handels-, Wirtschafts- und Sozialgeschichte*. Band 36. Rahden, 167–216.
- Pérez González, J. 2022: Olive Oil Beyond the Wall: Stamps on Baetican Dressel 20 Found on the Forth-Clyde Isthmus. In: J. Remesal Rodríguez, J. Pérez González (eds.), *Arqueologia y Tèchne. Mètodes formals, nous enfocaments / Archaeology and Techne. Formal Methods, New Approaches* (Access Archaeology). Oxford, 121–145.
- Pérez González, J., Bermúdez Lorenzo, J.M. 2020: Acelerando los estudios de epigrafía anfórica. Herramientas de análisis para su visualización. *Publicaciones de la Asociación Argentina de Humanidades Digitales (PublicAAHD)* 1, e003. URL: <https://revistas.unlp.edu.ar/publicaahd/article/view/13772/13038>; accessed on: 13.05.2023.
- Pérez González, J., Lario, A., Palacín Copado, C., González Vázquez, M., Aguilera Martín, A., Remesal Rodríguez, J. 2019: Visualizing Consumption: Food Distribution Networks and Pottery Production. *UBICS Day 2019. Universitat de Barcelona (18 de juny de 2019)* [poster]. Available from: <http://hdl.handle.net/2445/147017>.
- Pérez González, J., Morvan, M., Prignano, L., Morer Zapata, I., Díaz-Guilera, A., Bermúdez Lorenzo, J.M., Remesal Rodríguez, J. 2018: Reconstruir lo roto. Un método para vincular entre sí las inscripciones del Testaccio. In: J. Remesal Rodríguez, V. Revilla Calvo, J.M. Bermúdez Lorenzo (eds.), *Cuantificar las economías antiguas. Problemas y métodos / Quantifying Ancient Economies. Problems and Methodologies*. (Instrumenta, 60). Barcelona, 251–280.
- Pons Pujol, L. 2009: *La Economía de la Mauretania Tingitana (s. I–III d.C.). Aceite, vino y salazones*. (Instrumenta, 34). Barcelona.
- Pons Pujol, L., Berni Millet, P. 2002: La *figlina Virginensis* y la Mauretania Tingitana. In: M. Khanoussi, P. Ruggeri, C. Vismara (eds.), *L'Africa romana. Lo spazio marittimo del Mediterraneo occidentale*:

- geografia storica ed economia: atti del XIV convegno di studio Sassari, 7–10 dicembre 2000*. Roma, 1541–1570.
- Pons Pujol, Ll., Pérez González, J. 2018. La presencia del aceite bético en Mauretania Tingitana. Nuevos métodos de análisis. *Studia Antiqua et Archaeologica* 24/2, 279–302.
- Prignano, L., Lozano, S. 2020: Hacia una ciencia de redes de los objetos que quedaron: una aproximación transdisciplinaria. In: J. Caro, S. Díaz-de la Fuente, V. Ahedo, D. Zurro, M. Madella, J.M. Galán Ordax, L.R. Izquierdo Millán, J.I. Santos Martín, R. del Olmo Martínez (eds.), *Terra Incognita: Libro blanco sobre transdisciplinariedad y nuevas formas de investigación en el Sistema Español de Ciencia y Tecnología*. Barcelona, 101–109.
- Prignano, L., Lozano, S., Fulminante, F., Díaz-Guilera, A. 2017: The Weird, Wired past. The Challenges of Applying Network Science to Archaeology and Ancient History. In: J. Remesal Rodríguez (ed.), *Economía romana. Nuevas perspectivas*. (Instrumenta, 55). Barcelona, 125–148.
- Prignano, L., Morer, I., Díaz-Guilera, A. 2017: Wiring the Past: A Network Science Perspective on the Challenge of Archeological Similarity Networks. *Frontiers in Digital Humanities* 4. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2017.00013/full>; accessed on: 13.05.2023.
- Prignano, L., Morer, I., Fulminante, F., Lozano, S. 2019: Modelling Terrestrial Route Networks to Understand Inter-polity Interactions (Southern Etruria, 950–500 BC). *Journal of Archeological Science* 105, 46–58.
- Remesal Rodríguez, J. 1986: *La Annona Militaris y la Exportación de Aceite Bético a Germania*. Madrid.
- Remesal Rodríguez, J. 1997: *Heeresversorgung und die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen der Baetica und Germanien-Corpus der in Deutschland gefundenen Stempeln auf Amphoren der Form Dressel 20*. (Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg, Band 42). Stuttgart.
- Remesal Rodríguez, J. 2001: *Oleum Baeticum*. Consideraciones y propuestas para su estudio. In: G.C. García (ed.), *Congreso Internacional Ex Baetica Amphorae. Conservas, aceite y vino de la Bética en el Imperio Romano (Écija y Sevilla, 17 al 20 de Diciembre de 1998)*. Écija, 373–392.
- Remesal Rodríguez, J. 2011: *La Bética en el concierto del Imperio Romano*. Madrid.
- Remesal Rodríguez, J. 2012: Corpus versus Catalog, propuestas sobre una vieja cuestión. In: M.E. Fuchs, R. Sylvestre, C.S. Heidenreich (eds.), *Inscriptions mineures: nouveautes et reflexions. Actes du premier colloque Ductus (19–20 juin 2008, Université de Lausanne)*. Bern–Berlin–Bruxelles–Frankfurt am Main–New York–Oxford–Wien, 83–93.
- Remesal Rodríguez, J. 2018a: Las ánforas olearias béticas Dressel 20. In: J. Remesal Rodríguez (ed.), *Colonia Ulpia Traiana (Xanten) y el Mediterráneo. El comercio de alimentos*. (Instrumenta, 63). Barcelona, 275–420.
- Remesal Rodríguez, J. 2018b: El valor estadístico de la epigrafía sobre ánforas Dressel 20. In: J. Remesal Rodríguez, V. Revilla Calvo, J.M. Bermúdez Lorenzo (eds.), *Cuantificar las economías antiguas. Problemas y métodos / Quantifying Ancient Economies. Problems and Methodologies*. (Instrumenta, 60). Barcelona, 215–236.
- Remesal Rodríguez, J. (ed.) 2018c: *Colonia Ulpia Traiana (Xanten) y el Mediterráneo. El comercio de alimentos*. (Instrumenta, 63). Barcelona.
- Remesal Rodríguez, J. 2018d: El monte Testaccio (30 años de investigación). *Tribuna d'Arqueologia* 2015–2016, 72–87.
- Remesal Rodríguez, J. 2019: Monte Testaccio. Un archivo único. In: J. Remesal Rodríguez, V. Revilla Calvo, D.J. Martín-Arroyo, A. Martín i Oliveras (eds.), *Paisajes productivos y redes comerciales en el Imperio Romano / Productive Landscapes and Trade Networks in the Roman Empire*. (Instrumenta, 65). Barcelona, 11–28.
- Remesal Rodríguez, J., Aguilera Martín, A. 2014: Los ‘tituli picti’. In: J.M. Blázquez Martínez, J. Remesal Rodríguez (eds.), *Estudios sobre el monte Testaccio: Roma: VI*. (Instrumenta, 47). Barcelona, 39–414.
- Remesal Rodríguez, J., Aguilera Martín, A., García Sánchez, M., Martín-Arroyo Sánchez, D.J., Pérez González, J., Revilla Calvo, V. 2015: Centro para el Estudio de la Interdependencia Provincial en la Antigüedad Clásica (CEIPAC). *Pyrenae* 46/1, 245–275.
- Remesal Rodríguez, J., Bermúdez Lorenzo, J.M. 2021: La presencia de sellos sobre ánforas Dressel 20 en Londinium-Camulodunum y Mogontiacum: un análisis cuantitativo-comparativo y sus dinámicas comerciales derivadas. *Gerión. Revista de Historia Antigua* 39/1, 125–147.
- Remesal Rodríguez, J., Díaz-Guilera, A., Rondelli, B., Rubio, X., Aguilera, A., Martín-Arroyo, D.J., Mosca, A., Rull, G. 2015: The EPNet Project. Production and Distribution of Food during the

- Roman Empire: Economics and Political Dynamics. In: S. Orlandi, R. Santucci, V. Casarosa, P.M. Liuzzo (eds.), *Information Technologies for Epigraphy and Cultural Heritage Proceedings of the First EAGLE International Conference*. Rome, 455–464.
- Remesal Rodríguez, J., Moros Díaz, J. 2019: Los negocios de *Caius Iuuentius Albinus* en la Bética. *Journal of Roman Archaeology* 32, 224–249.
- Remesal Rodríguez, J., Pérez González, J. (eds.) 2022: *Arqueología y Técnica. Métodos formales, nuevos enfoques / Archaeology and Techne. Formal Methods, New Approaches*. Oxford.
- Revilla, V. 2007: La epigrafía anfórica de la Tarraconense: algunas consideraciones sobre significado y métodos de análisis. In: M. Mayer (ed.), *Acta XII Congressus Internationalis Epigraphiae Graecae et Latinae, Barcelona, 2002*. Barcelona, 1183–1192.
- Robinson, W.S. 1951: Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits. *American Antiquity* 16/4, 293–301.
- Rodríguez Almeida, E. 1984: *Il Monte Testaccio. Ambiente, storia, materiali*. Rome.
- Rodríguez Almeida, E. 1989: *Los Tituli picti de las Anforas Olearias de la Betica: Tituli picti de los Severos y de la Ratio Fisci*. Madrid.
- Rodríguez Almeida, E. 1990: Su alcuni curiosi graffiti anforari dal Monte Testaccio. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma* 93, 35–40.
- Rodríguez Almeida, E. 1993: Graffiti e produzione anforaria della Betica. In: W.V. Harris (ed.), *The Inscribed Economy. Production and Distribution in the Roman Empire in the Light of Instrumentum Domesticum*. Ann Arbor, 95–107.
- Rodríguez Almeida, E. 1994: Scavi sul Monte Testaccio: novità dei Tituli picti. In: *Epigrafia della produzione e della distribuzione. Actes de la VIIe Rencontre franco-italienne sur l'épigraphie du monde romain (Rome, 5–6 juin 1992)*. Rome, 111–131.
- Rubio-Campillo, X., Bermúdez Lorenzo, J.M., Montanier, J.M., Moros Díaz, J., Pérez González, J., Rull, G., Remesal Rodríguez, J. 2018: Provincias, sellos e hipótesis nulas: la identificación de rutas de comercio a través de medidas de distancia cultural. In: J. Remesal Rodríguez, V. Revilla Calvo, J.M. Bermúdez Lorenzo (eds.), *Cuantificar las economías antiguas. Problemas y métodos*. (Instrumenta, 60). Barcelona, 237–250.
- Rubio-Campillo, X., Coto-Sarmiento, M., Pérez-Gonzalez, J., Remesal Rodríguez, J. 2017: Bayesian Analysis and Free Market Trade within the Roman Empire. *Antiquity* 91/359, 1241–1252.
- Rubio-Campillo, X., Montanier, J.M., Rull, G., Bermúdez Lorenzo, J.M., Moros Díaz, J., Pérez González, J., Remesal Rodríguez, J. 2018: The Ecology of Roman Trade. Reconstructing Provincial Connectivity with Similarity Measures. *Journal of Archaeological Science* 92, 37–47.
- Ruiz, D., Pérez González, J., Prignano, L., Morer, I., Aguilera, A., Remesal, J. 2018: Rebuild Broken Amphoras in the Testaccio (II). *UBICS Day 2018. Universitat de Barcelona (18 de juny de 2018)*. [online]. URL: <http://hdl.handle.net/2445/147000>; accessed on: 13.03.2023.
- Schallmayer, E. 1983: Römische Okkupationslinien in Obergermanien und Raetien. Zur chronologischen Typologie der Amphoren. In: J.M. Blázquez Martínez, J. Remesal Rodríguez (eds.), *Producción y comercio de aceite en la Antigüedad. Segundo Congreso Internacional (Sevilla, 24–28 febrero 1982)*. Madrid, 281–336.
- Scheidel, W. 2014: The Shape of the Roman World: Modelling Imperial Connectivity. *Journal of Roman Archaeology* 27, 7–32.
- Schüpbach, S. 1983: Avenches: Contribution à la connaissance de la chronologie des estampilles sur les amphores à huile de Bétique. In: J.M. Blázquez Martínez, J. Remesal Rodríguez (eds.), *Producción y comercio del aceite en la Antigüedad: IIe congreso, Séville, 1982*. Madrid, 349–390.
- van den Berg, J.J.H. 2014: Amphora Stamps from Fectio (Vechten, NL). In: J.M. Blázquez Martínez, J. Remesal Rodríguez (eds.), *Estudios sobre el Monte Testaccio (Roma) VI* (Instrumenta, 47). Barcelona, 683–724.
- Verhagen, P., Joyce, J., Groenhuizen, M.R. (eds.) 2019: *Finding the Limits of the Limes. Modelling Demography, Economy and Transport on the Edge of the Roman Empire*. New York.
- Wiegels, R. 2000: *Lopodunum II. Inschriften und Kultdenkmäler aus dem römischen Ladenburg am Neckar*. Stuttgart.

DOI: 10.31857/S032103910022271-1

TERRITORIUM: СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ В ГОРОДАХ ИСПАНИИ V–VII вв.

О. В. Ауров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: olegaurov1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0755-9902

В статье на материале истории сельской округи (*territorium*) городов римской Испании V–VII вв. рассматривается проблема преемственности форм социальной организации, сложившихся в рамках античных муниципальных общин. Особое внимание уделено эволюции понятийной системы. Подчеркивается, что деструктивные процессы V–VII вв., следствием которых стало исчезновение ключевых муниципальных институтов (курий, народных собраний, магистратур), практически не затронули *territorium*. В условиях, когда место гражданской общины полисного типа окончательно заняла община церковная, унаследовавшая ряд черт и функций римской муниципальной организации, округа-*territorium* сохранила прежний облик, административные функции и уклад экономической и социальной жизни, в том числе формы освоения пространства и организации системы землевладения, а также традицию собраний (*conventus*) сельских жителей (*vicini*). Деятельность таких собраний являлась естественным следствием коллективизма, свойственного муниципальной организации: процесс принятия решений должен был обязательно происходить публично (*publice*). Распространение христианства стало дополнительным фактором, способствовавшим укреплению этой традиции. Ситуацию не изменило и расселение варваров, которые достаточно органично вписались в позднеримскую систему землевладения и социальной организации в качестве новой военной элиты.

Ключевые слова: *territorium*, римская Испания, муниципий, *vicini*, Великое переселение народов, сельская община, *conventus*

Данные об авторе. Олег Валентинович Ауров – кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Российского государственного гуманитарного университета.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

TERRITORIUM: A STUDY IN THE HISTORY OF THE MUNICIPAL SYSTEM IN THE CITIES OF HISPANIA, 5th–7th CENTURIES

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia**E-mail: olegaurov1@yandex.ru**Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
grant no. 075-15-2022-326*

The article is devoted to the history of rural area (*territorium*) of the cities of Roman Hispania of the fifth – seventh centuries AD with a special attention to the evolution of the terminology and to the continuity of social institutions formed in the system of ancient municipal communities. It is emphasized that the destructive processes of the fifth – seventh centuries and the disappearance of the main municipal institutions (*curiae, comitia, magistracies*) did not touch the *territorium*. In the situation of replacement of the Roman municipal community by the ecclesiastical community the *territorium* preserved its ancient configuration, administrative functions and the forms of economic and social life, including the forms of space development, land property organization and meetings (*conventus*) of the rural population (*vicini*). The activity of these *conventus* was a natural consequence of the municipal collectivism, which requires that the decision-making process had to be done publicly (*publice*). The spread of Christianity with its collectivistic values became an additional factor which increased this tendency. The Barbarian settlement in the fifth century did not change the situation, since the Barbarians fitted into the Late Roman system of landowning and into the social organization of Roman Hispania like a new military elite.

Keywords: territorium, Roman Hispania, municipium, vicini, the Great Migrations period, rural community, conventus

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Это исследование посвящено истории *territorium* – сельской округи городов римской Испании V – начала VIII в. Следует подчеркнуть, что характерная для полисной системы власть города над его сельской округой, составлявшей с ним единое целое в административном плане, сохранялась в городах Испании на протяжении длительного периода: всего Средневековья и далее, вплоть до конца Раннего Нового времени, – и окончательно ушла в прошлое лишь во второй трети XIX в.¹ Вопрос о том, в какой степени эта реалья испанской городской жизни может быть связана с античным прошлым Пиренейского полуострова, активно обсуждается по меньшей мере с XVIII в., когда он был впервые поставлен в трудах эрудитов², определивших испанские средневековые институты городского управления как «муниципальные», и продолжен в исследованиях медиевистов XIX–XX вв.

¹ Yurchik *et al.* 2014, 349–351.

² См., например, de Asso y del Rio, de Manuel y Rodríguez, I–XXV.

Естественным образом основное внимание последних было сосредоточено на эпохе V — начала VIII в., переломном периоде в истории испанских провинций Западной Римской империи, преемниками которой на Пиренейском полуострове и в Юго-Западной Галлии стали Тулузское (418–507) и Толедское (507–711/720) королевства вестготов. И хотя в современной литературе окончательно восторжествовали представления о прямой преемственности римского и вестготского периодов испанской истории³, об истории конкретных институтов, в том числе об исторических судьбах римских муниципальных учреждений в Испании, до сих пор продолжается активная дискуссия. Наиболее крайние точки зрения зафиксированы в работах, с одной стороны, романистов (историков права) XIX в.⁴, а с другой — их оппонентов-«германистов» (Э. Перес Пужоль⁵, Э. де Инохоса⁶, К. Санчес-Альборнос и др.). Так, Санчес-Альборнос уверенно констатировал окончательную гибель муниципальных учреждений к концу вестготской эпохи⁷.

Не претендуя на полное и окончательное решение всего этого комплекса проблем, затрону лишь один из аспектов, связанный с системой понятий, частью которой стал латинский термин *territorium* в его историческом развитии. С. Мартен, достаточно подробно рассмотревшая использование этого термина в вестготскую эпоху, изначально исходит из представления о ранней гибели муниципального самоуправления в городах Испании и не касается его истории⁸. Между тем уязвимость этого подхода состоит прежде всего в том, что период IV–VI вв. вовсе не был временем тотального упадка испанских городов: в то время как одни города испытывали кризис, другие сохраняли свое значение, а подчас и процветали⁹. Рассматривая период VI–VII вв. как прямое продолжение периода Поздней античности в широком смысле¹⁰, сторонники этой точки зрения уделяют значительное внимание проблеме преемственности системы местного управления, а также роли церковных учреждений в городе и его округе как преемника муниципальных институтов¹¹. При этом, однако, непосредственного внимания проблеме изменений в системе власти в рамках *territorium* (в отличие от собственно города) не уделяется, и вопрос остается открытым. Настоящая работа призвана заполнить этот пробел.

2. СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА (TERRITORIUM) И ГОРОДА РИМСКОЙ И ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ ДО КОНЦА VII в.

Прежде всего, факт неразрывной связи понятия *territorium* с гражданской общиной римского времени явствует уже из определения, данного в середине II в.

³ См., например, Collins 2005; Díaz *et al.* 2007; Sanz Serrano 2009, 143–599; Arce 2017.

⁴ См., например, Herculano 1875, 25–170; 1911, 187–188.

⁵ Pérez Pujol 1896, 259–318.

⁶ Hinojosa y Naveros 1903.

⁷ Sánchez-Albornoz 1965, 615–637; 1966; 1971, 113–130.

⁸ Martín 2003, 26, 32–40. См. также Salvador Ventura 1990, 409–422; Martí 1995, 37–83; Lauwers 2008, 23–65.

⁹ Díaz 2000, 10.

¹⁰ Brown 1971.

¹¹ Díaz 2000, 25–35; García Moreno 1999, 7–23.

римским юристом Секстом Помпонием: «Territorium — это совокупность полей в пределах какой-либо гражданской общины; некоторые говорят, что это слово названо так оттого, что магистраты данного места в пределах его границ обладают правом изгнания (*terrendi*), то есть правом удалять кого-либо (отсюда)» (пер. Л.Л. Кофанова)¹². На тесную связь *territorium* с муниципальной организацией римского времени указывает и красноречивое соседство приведенного определения в отрывке из «Пособия» (*Enchiridium*) Помпония с такими понятиями, как *incola* (местный житель, лицо, обладающее местным гражданством), *munus publicum* (общественная повинность), *advena* (чужак, пришлый человек), *decuriones* (декурионы), но в первую очередь, разумеется, *urbs* и *oppidum* (*D.* 50. 16. 239. 2–7). Очевидно, что в конечном итоге все они связаны с институтом муниципия-*civitas*, на что обращается внимание и в литературе по проблеме¹³.

Отсутствие понятия *territorium* в текстах муниципальных законов (в том числе муниципального закона Флавиев, который в 70 г.н.э. был пожалован городам испанской провинции Бетики¹⁴), вероятно, свидетельствует о том, что в период создания Помпонием его «Пособия» слово еще только утверждалось в римском правовом лексиконе. Но по прошествии нескольких десятилетий, в конце II — первой трети III в., этот процесс уже, несомненно, завершился. К этому времени слово *territorium* прочно вошло в лексикон римских юристов¹⁵. Самый поздний пример такого рода отмечается в сочинении юриста Аврелия Аркадия Харизия, современника императора Диоклетиана¹⁶. К этому времени исследуемое понятие прочно утвердилось и в императорском законодательстве¹⁷. Постановления IV — начала VI в. адресованы по преимуществу должностным лицам восточных провинций Империи¹⁸; две конституции — проконсулу Африки¹⁹.

¹² *D.* 50. 16. 239. 8 (Pomp. *l.s. enchir.*): “Territorium” est universitas agrorum intra fines cuiusque civitatis: quod ab eo dictum quidam aiunt, quod magistratus eius loci intra eos fines terrendi, id est summovendi ius habent.

¹³ Curchin 1985, 327–343; 1990, 118; Kulikowski 2010, 14; Rodríguez Gutiérrez 2019, 158–187.

¹⁴ См., например, об этом González, Crawford 1986, 147–253; Torrent 2017, 153–242.

¹⁵ *D.* 2. 1. 20 (Paul. 1 *ad ed.*); 10. 1. 7 (Modest. 11 *pandect.*); 30. 41. 5 (Paul. 21 *ad Sab.*); 47. 12. 3. 4 (Ulp. 25 *ad ed.*); 50. 12. 8 (Ulp. 3 *de off. cons.*); 50. 15. 4. 2 (Ulp. 3 *de cens.*).

¹⁶ *D.* 50. 4. 18. 25 (Arc. Charis. *l.s. de muner. civil.*).

¹⁷ *C. X.* 40. 3 (sine anno, Impp. Diocletianus et Maximianus AA. Alexandro); *CTh.* XIII. 1. 18 (30.06.400, Arcad. et Honor.).

¹⁸ *C. X.* 40. 3 (s.a., Impp. Diocletianus et Maximianus AA. Alexandro); XI. 59. 1 (s.a., Imp. Constantinus A. Capetrino); XI. 59. 7. 2 (a. 386, Impppp. Gratianus, Valentinianus, Theodosius, Arcadius AAAA. Cynegio pp.); XI. 58. 4 (a. 393, Impppp. Theodosius, Arcadius et Honorius AAA. Rufino pp.); VIII. 11. 12 (a. 396, Impp. Arcadius et Honorius AA. Caesario pp.); X. 77. 1 (a. 409, Impp. Honorius et Theodosius AA. Anthemio pp.); XI. 60. 2 (a. 423, Impp. Honorius et Theodosius AA. Asclepiodoto pp. et consuli ordinario); I. 5. 8. 4 (a. 455, Impp. Valentinianus et Marcianus AA. Palladio pp.); I. 3. 28. 4 (a. 468, Leo A. Nicostrato pp.); XI. 70. 6 (a. 480?, Imp. Zeno A. Aeliano pp.); II. 58. 2. 10 (a. 531, Imp. Iustinianus A. Iuliano pp.); VIII. 14. 7 (a. 532, Imp. Iustinianus A. Iohanni pp.).

¹⁹ *C. X.* 32. 53 (a. 412, Impp. Honorius et Theodosius AA. Eucharis proconsuli Africae); XI. 59. 16 (a. 429, Impp. Theodosius et Valentinianus AA. Celeri proconsuli Africae).

Испанские материалы этого времени явно свидетельствуют о том, что определение *territorium*, данное Секстом Помпонием, соответствовало реалиям не только восточных, но и западных провинций империи. Так, в эдикте вестготского короля Эвриха (476 г.), составленном по образцу эдиктов префектов претория Галлий²⁰, *territorium* как неотъемлемая часть *civitas* фигурирует в связи с фиксацией результатов разделов земель между готами и испано-римлянами (*CodEur.* 304)²¹.

Определяющая роль *territorium* в организации землевладения горожан и жителей округа прослеживается и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют самые разнообразные источники. В частности, в королевском законодательстве информацию такого рода содержит закон *LI. X. 1. 7*, изданный не позднее конца VI в., а потому маркированный авторами кодификации как «древний» (*antiqua*). О том же говорят и данные документов (главным образом, дарственных) середины — второй половины VI в. из собрания пиренейского монастыря св. Мартина в Асане. Из них следует, что, несмотря на изъятие значительных фондов муниципальных земель в результате разделов между вестготами и испано-римлянами²², муниципальная хора с расположенными в ее пределах усадьбами-*villae*²³ в целом не претерпела существенных изменений. Несколько позднее (в начале VII в.) в языке вестготских формул именно к *territorium* привязано местонахождение земельных владений, которое надлежало обозначить в тексте завещания²⁴. В самом конце VII в. в соборных постановлениях мы видим *territorium* в сходном контексте, в одном ряду с расположенными в его пределах сельскими поселениями — *villul(a)e* и *vici*²⁵.

С учетом сказанного вполне естественным выглядит тот факт, что и у Исидора Севильского в начале VII в. *territorium* — это пространство с четкими границами, обозначенными на местности бороздами — точно так же, как и пределы расположенных в этих границах частных владений²⁶. Четкость этих границ — одна из причин, объясняющих использование отсылки к соответствующим *territoria* для локализации не только мест расположения земельных участков, но и пределов юрисдикции властных учреждений.

²⁰ D'Ors 1960, 6–8. Здесь и далее ссылки на эдикт Эвриха (*CodEur*) приводятся по этому изданию.

²¹ Текст закона дошел лишь в виде разрозненных отрывков. В «Книге приговоров» его заменил закон *LI. X. 1. 8 (Antiqua)*. Здесь и далее *Liber iudiciorum sive Lex Visigothorum* используется в издании К. Цеймера (Zeumer 1902, 33–456).

²² См., например, D'Ors 1960, 173–184.

²³ См., например, *Chart. Visigoth. d'Asán*. Doc. 1 (23.12.522); Doc. 2 (29.09.551); Doc. 4 (04.02.576); Doc. 6 (13.12.586). Здесь и далее документы этого монастыря приводятся по: Martin, Larrea Conde 2021. См. также: García Moreno 1989, 263–266.

²⁴ См., например, Isid. *Etym.* XV. 15. 1.

²⁵ См., например, *Conc. Tolet.* XII (a. 681) (Vives *et al.* 1963, 383; здесь и далее соборные постановления приводятся по этому изданию).

²⁶ Isid. *Etym.* XIV. 5. 22 : *Territorium autem vocatum quasi tauritorium, tritum bubus et aratro. Antiqui enim sulco ducto et possessionum et territoriorum limites designabant.*

3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ TERRITORIUM ВЕСТГОТСКОЙ ЭПОХИ:
ТЕНДЕНЦИЯ К «ХРИСТИАНИЗАЦИИ» ВЛАСТИ

Значимость *territorium* как ключевого элемента «географии власти» (С. Мартен) в вестготский период четко прослеживается в королевском законодательстве, где сельская округа выступает как территория, в пределах которой действовал целый ряд должностных лиц. При этом уже законы первых десятилетий VII в. свидетельствуют о росте влияния епископата на местные судебные и фискальные институты, что в полной мере соответствовало общей тенденции к христианизации власти и ее роли в процессе эволюции античной гражданской общины полисного типа и ее превращения в общину церковную во главе с епископом, унаследовавшим ряд значимых полномочий римских магистратов²⁷.

Показательно, в частности, что издавая постановление, касающееся статуса рабов-христиан, проданных или отпущенных на волю их хозяевами-иудеями, король Сисебут (612–621) адресует его не только судьям-*iudices* (т.е. по существу всем категориям светских должностных лиц), но и епископам, главам местных христианских общин, причем последние, в отличие от первых, частично названы поименно: «Агапию, Цицилию и другому Агапию». Наряду с судьями, архиереи выступают в качестве должностных лиц, облеченных полномочиями в сфере судопроизводства, тогда как сфера их действия определяется пределами *territoria* конкретных населенных пунктов. В законе перечислены их названия, которые хорошо известны и по эпиграфическим источникам²⁸.

В рамках *territorium* осуществлялось не только судопроизводство, но и налогообложение, о чем прямо говорит Исидор Севильский²⁹. В полном соответствии с этим закон его старшего современника, короля Реккареда Католика (586–601), сообщает о взимании в границах *territorium* анноны, одного из главных платежей как периода поздней античности, так и указанного времени³⁰. В связи с взысканием анноны в соответствующем контексте фигурируют также десятник, сотник и тысяцкий (тиуфад), изначально — должностные лица, наделенные командными полномочиями в королевском войске, а также комит города, представлявший в нем королевскую власть³¹.

Отдельная проблема — роль *territorium* как судебного округа, сферы действия должностных лиц, наделенных судебными полномочиями. Тем более что в системе управления, не знавшей деления власти на исполнительную и судебную, судебными полномочиями разного уровня как в римскую, так и в вестготскую эпоху наделялись едва ли не все должностные лица, *ex officio* обладавшие

²⁷ См., например, Martin 2003, 191–203; Kulikowski 2010, 215–255, 287–298; Birkin 2020, 144–150.

²⁸ *LI. XII. 2. 13* (Sisebut.). См. также *LI. II. 2. 7* (Chind.). Zeumer 1902, 418, n. 4–12.

²⁹ Isid. *Etym.* XVI. 18. 7: *Tributa vero, eo quod antea per tribus singulas exigebantur, sicuti nunc per singula territoria*; *LI. IX. 2. 1* (Antiqua); IX. 2. 3–5 (Antiquae). См. также об этом García Moreno 1974a, 24–25.

³⁰ *LI. XII. 1. 2* (Recc.).

³¹ *LI. IX. 2. 1* (Antiqua); IX. 2. 3 (Antiqua); IX. 2. 4 (Antiqua); IX. 2. 5 (Antiqua).

сколь-нибудь значимыми административными и/или военными прерогативами: от короля³² до комита города и тиуфада³³.

Territorium как область осуществления властных полномочий различных категорий iudices, т.е. как судебный округ, упоминается в королевских законах с конца V — конца VI в. (так называемые Antiquae) до конца VII столетия — времени правления короля Эрвигия (680–687)³⁴ и его преемника Эгики (687–700/701)³⁵. Причем в ранний период в ряде случаев эти должностные лица фигурируют наряду с комитами городов (представителями короля в городе) как их подчиненные, викарии³⁶. Иных видимых изменений механизмов власти на уровне города не фиксируется до середины — второй половины VII в.³⁷

Вероятно, эти изменения накапливались постепенно и проявились лишь начиная с периода правления короля Хиндасвинта (642–653)³⁸, последнего, в чьем законодательстве еще упоминаются куриалы³⁹. Законы этого короля, в которых фигурируют iudices и territorium, не содержат видимых новаций по сравнению с материалами предшествующего периода. Но еще несколькими десятилетиями ранее, в конце V — конце VI в., когда издавались Antiquae, как в королевском законодательстве⁴⁰, так и в соборных постановлениях⁴¹ наметилась крепнущая тенденция к сосуществованию в пределах городской округи властных (и судебных) полномочий iudices и епископов.

Последние, будучи главами местных общин-епархий, изначально объединявших население города (к этому времени уже полностью или почти полностью христианское), в конце VI в. законом короля Реккареда по своим полномочиям фактически заменили народные собрания горожан и жителей округи. Вместе с тем, церковная община еще долго сохраняла генетическую связь с традициями муниципальной жизни римского времени. Среди прочего отмеченная тенденция проявлялась в самом участии епископов в ежегодном избрании муниципальных магистратов, нумерариев и дефенсоров⁴², регламентируемом упомянутым законом короля Реккареда⁴³. Правда, иных примеров такого рода источники не упоминают, а другие свидетельства укрепления авторитарных начал в характере епископской власти в VI в. и вытеснения в тот же период местной гражданской общины (populus) из сферы принятия решений отсутствуют. Тем не менее,

³² См., например, Marongiu 1953, 677–715; Krinitsyna 2010, 8–27.

³³ См., например, Martin 2003, 151–159, 161–165.

³⁴ *LI*. IV. 4. 1 (Antiqua); IV. 4. 4. (Antiqua); IX. 1. 6 (Antiqua); II. 1. 18 (Chind.); II. 2. 7 (Chind.); II. 4. 5 (Chind.); VI. 3. 7 (Chind.); XII. 1. 2 (Recc.); XII. 3. 7 (Ervigius).

³⁵ См., например, *LI*. II. 1. 7 Nov. (Egica).

³⁶ *LI*. III. 6. 1 (Antiqua); VII. 1. 5 (Antiqua).

³⁷ Эту дату указывает и С. Мартен: Martin 2003, 175–191.

³⁸ *LI*. II. 1. 18 (Chind.); II. 2. 7 (Chind.); II. 4. 5 (Chind.).

³⁹ *LI*. V. 4. 19 (Chind.; *De non alienandis privatorum et curialium rebus*).

⁴⁰ *LI*. XII. 3. 2 (Ervig.); XII. 3. 25 (Ervig.); XII. 3. 26 (Ervig.); XII. 3. 27 (Ervig.); XII. 8. 12 (Ervig.).

⁴¹ См., например, *Conc. Tolet.* III (a. 589). Can. 16; *Conc. Tolet.* VI (a. 638). Can. 7.

⁴² О статусе и функциях этих магистратов см. Isid. *Etym.* IX. 4. 19; *LI*. XII. 1. 2 (Recc.). См. также Sánchez-Albornoz 1971, 34–35, 60–61.

⁴³ *LI*. XII. 1. 2 (Recc.).

судя по содержанию рассматриваемой нормы, именно «народ» выступал в данном случае в качестве слабой стороны, нуждавшейся в поддержке со стороны короля-законодателя, в частности потому что мандата гражданского общества оказывалось явно недостаточно для защиты народных избранников от вымогательства со стороны назначенных королем и комитом города местных судей (что бы в данном случае ни понималось под *iudex*).

На этом фоне епископ, обладавший все более широкими полномочиями и значительной духовной властью над паствой, в качестве защитника мира и порядка на местах выглядел фигурой более предпочтительной. Тем более что практика передачи должностному лицу права действовать вместо гражданского коллектива (но в его интересах) была вполне обычной и для римской эпохи. Политический опыт античности дает немало соотносимых моделей организации власти: от передачи императору полномочий народа посредством «царского закона»⁴⁴ до прямого вмешательства императора или патронов местных гражданских общин в выборы местных магистратов и *сооптатио* корпуса декурионов (естественно, мотивированного общей пользой горожан и их высшими интересами)⁴⁵. Эти замечания тем ближе к обсуждаемой проблематике, что не только в VI в., но и в первой половине VII в. *de facto* епископ все еще во многом воспринимался как муниципальный магистрат, избираемый народом и/или клиром, во многом занявший место уходящего в прошлое сословия куриалов в системе муниципального управления.

Попытки отодвинуть народ от выборов архиерея предпринимались неоднократно, в частности постановлением II Бракарского собора (572 г.), которое пыталось сделать эту функцию монопольным правом епископов соответствующей провинции. Согласно этой норме архиереи должны были совершать не только рукоположение епископа в сан (*ordinatio*), но и его выборы (*electio*)⁴⁶. Следует, однако, напомнить, что Бракарская провинция как в римское, так и в свевско-вестготское время оставалась относительно мало урбанизированным регионом с менее прочными, чем в Южной Испании (римской Бетике), традициями муниципального управления⁴⁷. В то же время уроженец испанского Юга, Исидор Севильский, председательствовавший на созванном по его инициативе IV Толедском соборе (633 г.) более чем через 60 лет после II Бракарского собора, вновь подтвердил требование избрания епископа народом (*populo*) и клиром соответствующего города. И хотя одновременно предусматривалось одобрение такого избрания епископом главного города провинции (митрополитом) с согласия всех ее епископов, тем не менее само по себе стремление севильского прелата сохранить право паствы (*populus*) участвовать в выборах своих епископов представляется очевидным⁴⁸.

Этот фактический статус епископа как высшего (а с определенного момента также и единственного и пожизненного) магистрата в городе подтверждается еще и тем, что закон Речесвинта, впоследствии измененный и дополненный

⁴⁴ *Deo auctore*, 7: *lege antiqua, quae regia nuncupabatur, omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem.*

⁴⁵ Curchin 1990, 26, 65–66, 78–80.

⁴⁶ *Conc. Bracc.* II (a. 572). Can. 1–2 (Vives *et al.* 1963, 86).

⁴⁷ См., например, об этом Kulikowski 2010, 9, 35, 71, 188.

⁴⁸ *Conc. Tolet.* IV (a. 633). Can. 19.

Эрвигием⁴⁹, предоставил ему право смещать *iudices* в случаях их злоупотреблений своей властью. О том же, но уже применительно к другому аспекту статуса епископа как преемника традиции римских магистратов, свидетельствует и введенное законом короля Вамбы (672–680) от 23 декабря 675 г. наказание архиереев за присвоение ими части собранных платежей с церковного имущества (*rei taxatio*) под предлогом истечения 30-летнего срока давности владения этим имуществом, ранее полученным от верующих в качестве дарения. Речь шла о запрете присваивать средства, предназначенные для использования в интересах общины-епархии, в частности для содержания мужских и женских монастырей⁵⁰. Тем самым нарушались нормы 7 и 22 канонов Агдского собора (506 г.), распространявшие на церковные владения принцип неотчуждаемости, ранее действовавший применительно к недвижимому имуществу городских общин⁵¹.

Очевидно, что ближе к концу VII в., по мере исчезновения муниципальных владений и слияния их остатков с недвижимым имуществом Церкви, именно епископы окончательно брали в свои руки то, что осталось от обязанностей, ранее исполнявшихся магистратами-нумерариями в фискальной сфере. Напомню, что именно с этой сферой Исидор Севильский вполне обоснованно связывал как функции последних, так и (что еще важнее) главное предназначение муниципальных учреждений⁵². И эту характеристику следует распространить на всю область административной и судебной деятельности в пределах *territorium*, где ближе к концу VII в. епископ действовал не только наряду с комитом, представляющим в городе королевскую власть⁵³, но и самостоятельно⁵⁴, все более уверенно рассматривая свои властные полномочия в пределах хоры как прямое продолжение растущей папской власти над городом. Соответственно, уже в начале VI в. епископы воспринимали население округа как неотъемлемую часть своей паствы⁵⁵ наряду с горожанами; это сохранялось и в дальнейшем. К концу же VII в. (судя, в частности, по законодательству короля Эрвигия) *territorium* окончательно обрело выраженный церковный характер и стало обозначением загородной территории епархии как места служения клира⁵⁶.

4. TERRITORIUM И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ И ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ ДО НАЧАЛА VIII в.

В качестве еще одного важного аспекта преемственности *territorium* вестготского времени с античными муниципальными учреждениями следует выделить его связь с провинциальной организацией Вестготского королевства, все еще сохранявшей ключевые характеристики территориально-административного деления

⁴⁹ *LI*. II. 18 (Recc.).

⁵⁰ *LI*. IV. 5. 6 (Wamba).

⁵¹ *Conc. Agath.* (a. 506). Can. 7, 22 (Martínez Díez, Rodríguez 1984, 123, 129).

⁵² *Isid. Etym.* IX. 4. 19; 21; 22; *Diff.* I. 338 (371).

⁵³ *LI*. IX. 1. 21 (Egica).

⁵⁴ *LI*. VI. 5. 13 (Recc.); III. 5. 4 (Chind.); II. 1. 30 (Ervig.); XII. 3. 20 (Ervig.).

⁵⁵ См., например, обращение отцов II Толедского собора к христианам Паленсии: *Conc. Tolet.* II (a. 527) (Vives *et al.* 1963, 46).

⁵⁶ *LI*. XII. 3. 26 (Ervig.). См. также Lauwers 2008, 23–65; Poveda Arias 2019, 9–24.

римского времени⁵⁷. Пожалуй, особенно ярко эта черта проявляется в документе, изданном королем Леовигильдом в апреле 572 г. и адресованном епископу Аквилину⁵⁸, где речь идет о дарении соответствующей кафедре 50 солидов из доходов королевского фиска с владений прелата в пределах territoria Тарраконской провинции. Очевидно, что в данном случае вестготский король, именуемый «Флавием», выступает в качестве преемника римских императоров в той же мере, в какой его фиск обладает преемственностью по отношению к императорскому фиску⁵⁹. Судя по данным королевского законодательства конца VI—VII вв., отмеченная тенденция сохранялась и при преемниках Леовигильда, вплоть до конца VII столетия, а возможно, даже до начала VIII в. включительно⁶⁰. Ту же картину фиксируют и постановления толедских соборов, как провинциальных, так и поместных (общегосударственных)⁶¹.

Отмеченная выше связь провинциального деления вестготской эпохи с системой провинций римского времени достаточно четко прослеживается и на уровне понятий. В частности, помимо деления провинций на муниципальные округа, сохранялись и следы римских судебных округов—conventus, учрежденных в период Ранней империи и применительно к испанским провинциям фигурирующих, в частности, в соборных постановлениях завершающего периода истории Поздней империи (конец IV — конец V вв.)⁶². Этот термин, пусть и в несколько ином значении⁶³, мы и спустя столетие встречаем как в «Этимологиях» Исидора Севильского (который, среди прочего, обращал внимание на связь conventus и territorium муниципия⁶⁴), так и в канонах соборов второй трети VII в. Правда, в последних conventus упоминаются уже в связи с церковной администрацией, обозначая область, на которую распространяется юрисдикция епископа или митрополита⁶⁵, т.е. епархию. Так, например, в 35-м каноне IV Толедского собора, регламентирующем спорные права епископств на принадлежность вновь построенного храма (базилики), conventus как территория юрисдикции епископа

⁵⁷ Martin 2003, 72–82.

⁵⁸ Аквилин, упоминаемый в постановлениях III Толедского собора (589 г.), был епископом Аусы (современный Вик). См. García Moreno 1974b, 201.

⁵⁹ См., например, *Chart. Visigoth. d'Asán*. Doc. 3 (07.04.572).

⁶⁰ См., например, *LI. IX. 2. 8* (Wamba, Ervig.); *XII. 1. 2* (Recc.); *XII. 3. 20* (Ervig.).

⁶¹ *Conc. Tolet. XII* (a. 681). Can. 9.

⁶² В самом конце IV в. в постановлениях I Толедского собора мы видим conventus еще именно в этом смысле: *Conc. Tolet. I* (a. 397/400); *Conc. Tolet. II* (a. 527) (Vives et al. 1963, 19, 50).

⁶³ Isid. *Etym.* XV. 2. 11: Vici et castella et pagi hi sunt qui nulla dignitate civitatis ornantur, sed vulgari hominum conventu incoluntur, et propter parvitatem sui maioribus civitatibus adtribuuntur.

⁶⁴ Isid. *Etym.* XV. 15. 1: Maiores itaque orbem in partibus, partes in provinciis, provincias in regionibus, regiones in locis, loca in territoriis, territoria in agris, agros in centuriis, centurias in iugeribus, iugera in climatibus, deinde climata in actus, perticas, passus, gradus, cubitos, pedes, palmos, uncias et digitos dividerunt.

⁶⁵ См., например, *Conc. Tolet. X* (a. 656) (Vives et al. 1963, 321); *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 53.

(*episcopum... cuius conventus...*) обозначается также и словом *territorium*⁶⁶. Последнее особенно явно подчеркивает факт преемственности церковной общиной традиций общины муниципальной как на уровне понятийной системы, так и в части функций по организации локального сообщества, переживавшего процесс глубокой внутренней перестройки.

Разумеется, такого рода преемственность не являлась исключительно региональной особенностью: она в полной мере отражала давно и хорошо изученную в литературе общую тенденцию эволюции территориально-административной системы Западной Римской империи в период после падения императорской власти⁶⁷. Среди прочего, в связи с этим возникает ощущение, что и упоминаемые в 36-м каноне IV Толедского собора пасторские поездки епископов по сельским приходам (*parochiis*) их епархий в той или иной мере продолжали практику объезда наместниками вверенных им провинций Римской империи⁶⁸.

5. СХОДЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ «ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ» В ПРЕДЕЛАХ TERRITORIUM

В отличие от должностных лиц, облеченных административными, судебными и фискальными функциями, — комитов, *iudices*, *sagiones* и др., — появившихся в испанских городах в IV–V вв. и не связанных по своему статусу и характеру полномочий с гражданскими традициями античности, а также от епископов, которые, взяв на себя ряд значимых функций муниципальных магистратов, на протяжении VI–VIII вв. практически утратили черты сходства с последними, с исчезновением упоминаний о куриалах именно собрания горожан и жителей округа, начиная с середины VII в., в наибольшей степени продолжали традиции муниципального прошлого.

Собрания и всякого рода сходы стали единственной формой (по меньшей мере косвенного) участия жителей города и его округа в системе власти на местах. Эти сходы не следует смешивать с *comitia* — народными собраниями граждан муниципиев, состав, полномочия и процедура проведения которых применительно к римской Испании известны нам в первую очередь по данным муниципальных законов эпохи Ранней империи. В противоположность *comitia*, отличавшимся высоким уровнем организации и достаточно четкой процедурой⁶⁹, сходы (*conventus*, *coetus*) характеризовались неоднородным составом, менее четкой организацией и происходили по конкретным поводам (*ad hoc*).

Применительно к римской эпохе к числу таких сходов-*conventus* относились так называемые *conventus iuridici* (собрания в провинциальных городах в дни судебных заседаний, назначенные наместником), постоянные объединения римских граждан (*conventus civium Romanorum*), собрания членов коллегий

⁶⁶ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 35. Об использовании *conventus* как синонима епархии (в позднейшем значении) см., например, Martínez Diéz 1959, 62–63; Lauwers 2008, 31; Mazel 2016; Poveda Arias 2019, 11.

⁶⁷ См., например, Jones 1964, 875–880.

⁶⁸ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 36. Cp. *D. 1. 16. 7* (Ulp. 2 *de off. procons.*)

⁶⁹ См., например, *Lex Imitana. LII* (*De comitiis habendis*). 29–42; LI; LIII–LVIII; LX; LXXXII (González, Crawford 1986).

(conventus collegii)⁷⁰, судебные заседания (объединявшие истца и ответчика, судью, судебных представителей, свидетелей сторон и других лиц)⁷¹. Кроме того, в правовых текстах римского времени слово *conventus*, сближаясь по значению со сходкой-*coetus*, могло описывать состав правонарушения и относиться к толпе, собравшейся для шумного поношения и брани (*convicium*)⁷² или даже для организации волнений или мятежа (*crimen maiestatis*)⁷³.

При всех различиях эти разнородные сходы и собрания отличала очевидная публичность происходящего, отражение коллективного принципа принятия решений, свойственного, античному политикуму вообще и полисной жизни в частности. Наконец, нельзя не упомянуть и еще об одном значении глагола *convenire* и его производных (*conventiones*, *pacta conventa*). Ульпиан пишет: «Слово *conventio* имеет общий смысл и относится ко всему, о чем соглашаются ведущие друг с другом дела в целях заключения сделки или мирового соглашения: как говорится *convenire* о тех, кто собираются и сходятся из разных мест в одно место, так это слово прилагается и к тем, которые соглашаются об одном и том же, исходя из различных побуждений души [т.е. сходятся в одном решении]» (пер. А.Л. Смышляева, И.С. Перетерского)⁷⁴. Правда, по словам того же Ульпиана, такие соглашения (*conventiones*) носили частноправовой характер и не могли отменять действия публично-правовых норм⁷⁵.

Все эти сходы-собрания составляли важную часть гражданской жизни, неся в себе и осуществляя свойственный античной муниципальной организации принцип коллективного принятия решений: даже вынесенные немногими, такие решения должны были обязательно обсуждаться и оглашаться публично.

Многообразие видов собраний-*conventus* фиксируется и в позднеримской литературе, а затем и в литературе вестготского времени, прежде всего в «Этимологиях» Исидора Севильского. Последний, прямо продолжая мысли римских юристов о значении слова *conventus*, рассматривает его в одном ряду с другими близкими по значению (*coetus*, *concilium*), обозначающими собрание в самом широком смысле, как путь к достижению соглашения⁷⁶. Исходя из этого,

⁷⁰ Berger 1953, 416.

⁷¹ Отсюда — использование глагола *convenire* для обозначения факта привлечения к суду (Berger 1953, 416).

⁷² D. 47. 10. 15 (Ulp. 77 *ad ed.*): (4) *Convicium autem dicitur vel a concitatione vel a conventu, hoc est a collatione vocum. Cum enim in unum complures voces conferuntur, convicium appellatur quasi convocium. (12) Sive unus sive plures dixerint, quod in coetu dictum est, convicium est: quod autem non in coetu nec vociferatione dicitur, convicium non proprie dicitur, sed infamandi causa dictum.*

⁷³ D. 48. 4. 1. 1 (Ulp. 7 *de off. procons.*): *locave occupentur vel templa, quove coetus conventusve fiat.*

⁷⁴ D. 2. 14. 1. 3 (Ulp. 4 *ad ed.*): *Conventionis verbum generale est ad omnia pertinens, de quibus negotii contrahendi transigendique causa consentiunt qui inter se agunt: nam sicuti convenire dicuntur qui ex diversis locis in unum locum colliguntur et veniunt, ita et qui ex diversis animi motibus in unum consentiunt, id est in unam sententiam decurrunt.*

⁷⁵ D. 50. 17. 45. 1 (Ulp. 30 *ad ed.*): *Privatorum conventio iuri publico non derogat.*

⁷⁶ Isid. *Etym.* VI. 16. 13: *Coetus vero conventus est vel congregatio, a coeundo, id est conveniendo in unum. Unde et conventum est nuncupatum, sicut conventus coetus vel concilium, a societate multorum in unum.*

conventus и производные применяются севильским епископом для обозначения судебных собраний⁷⁷, сходок еретиков⁷⁸ или философов⁷⁹, собрания женщин в гинекее для обработки шерсти⁸⁰, совокупности присутствующих на состязании (certamen), что (на первый взгляд, довольно неожиданно) превращает conventus в синоним понятия agon⁸¹.

Однако в контексте настоящего исследования наиболее существенным выглядит замечание Исидора о conventus как собраниях населения сельских округов — пагов⁸². О цели, для которой созывались такого рода собрания, говорят данные королевского законодательства: они обеспечивали публичность (отсюда часто встречающееся в текстах уточнение: publice⁸³) процессуальных действий, прямо или косвенно связанных с судебной сферой. В числе таковых можно назвать чистосердечное признание перед лицом соседей (vicini)⁸⁴ или опознание беглого раба в их же присутствии⁸⁵.

В большинстве же случаев речь идет о приведении в действие приговоров местных судов в присутствии собравшихся, как правило, людей невысокого социального положения. О последнем говорят, в частности, факты наказания в таких собраниях не только свободных, но и рабов, действовавших заодно со свободными⁸⁶. Среди прочего упоминаются наказания бичеванием и/или взиманием судебных штрафов, применявшиеся к лицам, признанным виновными в проституции⁸⁷, краже⁸⁸ (в том числе скота⁸⁹), соучастии в групповом убийстве⁹⁰, грабеже домов военнообязанных в процессе созыва войска в поход⁹¹, дезертирстве, взяточничестве (за что наказывали на рыночной площади: in conventu mercantium)⁹²,

⁷⁷ Isid. *Etym.* X. 64: Circumforanus, qui advocacionum causa circum fora et conventus vagatur.

⁷⁸ Isid. *Etym.* VIII. 1. 1: conventicula haereticorum.

⁷⁹ Isid. *Etym.* VIII. 6. 6: (philosophi... habentes... nomina... alii a locis conventiculorum et stationum suarum, ut Peripatetici, Stoici, Academici.

⁸⁰ Isid. *Etym.* XV. 6. 3: Gynaecium Graece dictum eo quod ibi conventus feminarum ad opus lanificii exercendum conveniat.

⁸¹ Isid. *Etym.* XVIII. 25: Quae Latine certamina, Graeci AGONAS vocant, a frequentia qua celebrabantur. Siquidem et omnem coetum atque conventum agona dici.

⁸² Isid. *Etym.* XV. 2. 15: Conpita sunt ubi usus est conventus fieri rusticorum; et dicta conpita quod loca multa in agris eodem competant; et quo convenitur a rusticis. См. также замечание Исидора о conventus как совокупности жителей сельского округа или поселения (vicus, castellum): Isid. *Etym.* XV. 2. 11; 14–15.

⁸³ См., например, *LI.* VII. 4. 7 (Antiqua).

⁸⁴ *LI.* VIII. 4. 14 (Antiqua); VIII. 5. 6 (Recc.).

⁸⁵ *LI.* IX. 1. 8 (Ervig.).

⁸⁶ *LI.* VII. 2. 6 (Antiqua); VIII. 1. 3 (Antiqua). Скорее всего, несвободными являлись также «созывающие войско» (compulsores exercitus), наказывавшиеся в собрании conventus по обвинению в грабеже домов военнообязанных (см. *LI.* IX. 2. 2 (Antiqua)).

⁸⁷ *LI.* III. 4. 17 (Antiqua).

⁸⁸ *LI.* VII. 2. 6 (Antiqua).

⁸⁹ *LI.* VIII. 4. 14 (Antiqua).

⁹⁰ *LI.* VIII. 1. 3 (Antiqua).

⁹¹ *LI.* IX. 2. 2 (Antiqua).

⁹² *LI.* IX. 2. 4 (Antiqua).

посягательстве на жизнь и имущество лица, укрывшегося в церкви⁹³, повторном переходе из христианства в иудаизм (по отношению к крещеным евреям)⁹⁴, колдовстве⁹⁵, а также неумышленном присвоении приплода чужого скота⁹⁶.

6. «СОСЕДИ» (VICINI) – УЧАСТНИКИ МЕСТНЫХ СХОДОВ РИМСКОГО
И ВЕСТГОТСКОГО ВРЕМЕНИ

На основе приведенных данных следует констатировать: основной характеристикой сходов-*conventus* сельских жителей (а при необходимости — и какой-то части горожан) была локальность, предполагавшая личное знакомство собравшихся друг с другом как жителей одной местности; отсюда — возникающее однажды, но отнюдь не обязательное упоминание о земляках или соседях (*vicini*) — жителях сельских поселений-*vicī*⁹⁷. Значительная часть упоминаний о лицах этой категории применительно к римскому времени предсказуемо связана с сервитутами, прямо затрагивающими интересы соседей. Среди прочего, это хорошо видно в текстах памятников римского права императорской эпохи — в Институциях⁹⁸ и Дигестах⁹⁹, Кодексе Юстиниана¹⁰⁰. Помимо сервитутов, фигурируют и иные казусы, связанные с правами соседства. Так, например, Институции Юстиниана регламентируют отношения между соседями при предоставлении в аренду волов для производства сельскохозяйственных работ (*I. III. 24. 2*), а также порядок предъявления вещного иска относительно нарушения или установления права прохода и прогона через участок соседа, проведения воды с земли соседа (*I. IV. 6. 2*) и т.п.

В целом казусы такого рода хорошо известны и не нуждаются в детальной интерпретации. Однако в контексте проблематики настоящего исследования следует обратить особое внимание на отраженные в источниках классического римского права случаи привлечения соседей к совершению юридических процедур, обусловленные самим фактом соседства и проистекающей из него осведомленности о конкретной правовой ситуации. В частности, участие соседей в качестве свидетелей при решении отдельных вопросов гражданско- и уголовно-правового характера предусматривали римский юрист Ульпиан¹⁰¹, а также конституции ряда императоров, вошедшие в состав кодексов Феодосия¹⁰² и Юстиниана¹⁰³. Близок по характеру казус, фигурирующий в конституции императора Константина, сохранившейся

⁹³ *LI. IX. 3. 3* (*Antiqua*).

⁹⁴ *LI. XII. 2. 14* (*Sisebut.*).

⁹⁵ *LI. VI. 2. 4* (*Chind.*).

⁹⁶ *LI. VIII. 5. 6* (*Recc.*).

⁹⁷ См., например, *Isid. Etym. XV. 13. 9*. Выводя из слова *vicus* само понятие *vicinus* (*XV. 2. 22*), Исидор подчеркивает сельский характер таких поселений (*XV. 2. 11–12*).

⁹⁸ См., например, *I. II. 3. 1*; *II. 3. 4*.

⁹⁹ См., например, *D. 7. 6. 2* (*Pomp. 5 ad Sab.*); *8. 1. 15* (*Pomp. 33 ad Sab.*); *8. 2. 8* (*Gai. 7 ad ed. provinc.*), etc.

¹⁰⁰ См., например, *C. III. 34. 6* (a. 269, *Claudius*); *III. 34. 9* (a. 293, *Diocletianus et Maximianus*).

¹⁰¹ *D. 1. 6. 6* (*Ulp. 9 ad Sab.*).

¹⁰² См., например, *CTh. III. 1. 2. 1* [= *Brev. III. 1. 2*] (04.02.337, *Const.*).

¹⁰³ См., например, *C. III. 53. 31* (a. 478, *Zeno*).

в Бревиарии Алариха в позднейшей интерпретации: законодатель требует призывать соседей на помощь в случае нападения грабителя¹⁰⁴. Наконец, в ряде случаев прямо предполагается согласие соседей (*vicinorum consensus*) на совершение отдельных правовых действий (порой — вместе с согласием магистратов)¹⁰⁵.

Аналогичным или похожим образом королевское законодательство вестготского времени (в отличие от соборных постановлений, в которых соседи-*vicini* не фигурируют вообще) упоминает об этой категории населения в случаях, обусловленных особой значимостью самого факта соседства, что отражалось, в частности, в хозяйственной сфере. Главным образом, речь идет о вторжении домашних животных (в том числе, отличавшихся агрессивным поведением и представлявших опасность не только для имущества, но и для здоровья или даже жизни людей) на участок соседа, а также юридических последствиях этого происшествия¹⁰⁶. Кроме того, встречается вполне ожидаемый в этом контексте казус, связанный с земельными спорами между владельцами соседних участков¹⁰⁷. Наконец, к той же группе следует отнести предъявляемое законодателем требование учитывать интересы соседей в процессе охоты (в частности, при устройстве ловушек, волчьих ям, постановке капканов и т.п.)¹⁰⁸.

Еще более красноречивыми представляются положения, регламентирующие случаи привлечения соседей к совершению юридических процедур. Соответствующие нормы хотя и не идентичны, но явно созвучны тем, которые фигурируют в памятниках классического римского права. В частности, вестготское королевское законодательство предусматривало привлечение соседей для оценки ущерба, нанесенного потравой, притом что решение о возмещении ущерба принималось местным судьей¹⁰⁹. В присутствии соседей следовало восстанавливать случайно нарушенные в процессе проведения сельскохозяйственных работ межевые знаки¹¹⁰. Наконец, именно в собрании соседей (*in conventu publico vicinorum*) следовало объявлять об обнаружении скота, потерянного его владельцем; впрочем, этот акт можно было провести и в других местах, также обеспечивавших публичность происходящего, а именно — перед лицом епископа, комита (представителя короля в городе), местного судьи, а также неких старшин (*senioribus*) соответствующего места¹¹¹.

Последнее, среди прочего, свидетельствует о том, что собрание *vicinorum* являлось не самостоятельным, а дополнительным элементом системы власти. Строго говоря, о том же самое говорит и ряд других положений, содержащихся в вестготском королевском законодательстве. Во-первых, очевидно отсутствие у сообщества соседей собственных должностных лиц: фигурирующие в законах местные

¹⁰⁴ *CTh.* IX. 24. 1. 2 [= *Brev.* IX. 19. 1. 2) (01.04.320, Const.).

¹⁰⁵ См., например, *C.* III. 39. 2 (а. 294, Diocletianus et Maximianus); VIII. 10. 3 (а. 224, Alexander [Severus]).

¹⁰⁶ *LI.* VIII. 3. 13 (Antiqua); 4. 16 (Antiqua); 4. 17 (Antiqua); 5. 4 (Antiqua); 3. 16 (Antiqua).

¹⁰⁷ *LI.* II. 4. 10 (Recc.).

¹⁰⁸ *LI.* VIII. 4. 23 (Antiqua).

¹⁰⁹ *LI.* VIII. 3. 15 (Antiqua).

¹¹⁰ *LI.* X. 3. 2 (Antiqua).

¹¹¹ *LI.* VIII. 5. 6 (Antiqua).

старшины (*seniores loci*, *priores loci*), в частности, представляющие землевладельца управляющие-вилики и «всякого рода предводители» (*prepositis quibuscumque*), при решении конкретных дел (например, при выдвижении обвинения в укрывательстве беглого раба) упоминаются в источниках наряду с соседями и ни в коей мере не представляют их интересов¹¹². Во-вторых, показательно отсутствие в среде соседей чего-либо напоминающего круговую поруку, т.е. одного из классических признаков сельской общины в ее традиционном понимании¹¹³; законодатель специально подчеркивает, что за совершенные преступления каждый отвечает самостоятельно: «ни брат за брата, ни сосед за соседа, ни сородич за сородича» (и т.п.)¹¹⁴. В-третьих, статус соседа (*vicinus*) вовсе не предполагал автоматически личную свободу. Так, например, регламентируя круг присутствующих у постели больного в момент кровопускания с целью контроля над действиями лекаря, закон короля Эрвигия ставит на один уровень свидетельства родственников и/или соседей с показаниями «достойных» (*idoneis*) рабов и рабынь¹¹⁵.

7. РАССЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ В ПРЕДЕЛАХ TERRITORIUM И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.
 КОНЦЕПЦИЯ «СОСЕДСКОЙ ОБЩИНЫ» В ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ
 КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

Существующие в литературе интерпретации категории соседства в большинстве случаев связывают ее с институтом так называемой соседской общины. Применительно к истории вестготской Испании речь идет в первую очередь о концептуальных построениях историков-германистов XIX–XX вв., полностью (Э.Т. Гаупп, А. фон Гальбан, Р. Кётчке, А. Допш)¹¹⁶ или с определенными оговорками (прежде всего Ф. Данн¹¹⁷) отождествлявшими *vicini* вестготского времени с варварами-поселенцами эпохи Великого переселения народов, будто бы принесшими на территорию испанских провинций империи формы аграрного коллективизма, изначально свойственные образу жизни древних германцев. Испанские и португальские ученые второй половины XIX – первой половины XX в., испытавшие определенное влияние германистских теорий, были несколько более осторожны в своих выводах и придерживались концепции романо-германского синтеза, но и они были согласны с тезисом о явном преобладании варварских начал. Э. Перес Пужоль¹¹⁸, Э. де Инохоса¹¹⁹, М. Торрес Лопес¹²⁰, Т. де Соуза Соареш¹²¹ и К. Санчес-Альборнос¹²² не считали, что *vicini* латинских текстов вестгот-

¹¹² *LI. IX. 1. 8 (Antiqua)*. О *seniores loci* (*priores loci*) как магнатах см. Хронику Иоанна Бикларийского (Campos 1960, 85).

¹¹³ См., например, Sobestianskiy 1888, 49.

¹¹⁴ *LI. VI. 1. 7 (Antiqua)*.

¹¹⁵ *LI. XI. 1. 1 (Ervig.)*.

¹¹⁶ Об отождествлении *vicini* с переселенцами-варварами см., например, Halban 1899, 165–166; Torres López 1926, 402–421.

¹¹⁷ Dahn 1871, 306–320.

¹¹⁸ Pérez Pujol 1896, 187–188, 316–318.

¹¹⁹ Hinojosa y Naveros 1903, 7–8.

¹²⁰ Torres López 1926.

¹²¹ De Souza Soares 1941, 73–75.

¹²² Sánchez-Albornoz 1971, 90–100.

ского времени исключительно или по преимуществу являлись лицами варварского происхождения. Однако в своих трактовках характера «соседства», собраний «соседей» и «соседских» общин эти ученые неизменно подчеркивали германские истоки этих учреждений.

Разумеется, идеи такого рода были генетически связаны с концепциями более общего характера, согласно которым социальной основой древнегерманских обществ к началу Великого переселения народов являлись объединенные в сельские общины простые свободные воины-земледельцы, на которых опиралась военно-политическая организация варварской эпохи, действовавшая согласно принципам военной демократии¹²³. В современной науке представления такого рода признаны устаревшими, в том числе применительно к истории вестготов, общество которых уже в IV в. характеризовалось четко выраженной социальной дифференциацией и развитыми отношениями личной зависимости¹²⁴.

Эти тенденции в полной мере проявились в период расселения вестготов на территории Римской империи, особенно в Юго-Западной Галлии и Испании. Тот факт, что процесс расселения не имел ничего общего с крестьянской колонизацией (о которой историки писали начиная с середины XIX в.¹²⁵ и до второй половины XX столетия), исчерпывающе доказан в литературе последних десятилетий. К настоящему времени установлено, что варвары-гости (*hospites*: *CodEur.* 276. 3) размещались на землях Юго-Западной Галлии и Испании на основе принципов римской *hospitalitas* (системы расквартирования войск, утвердившейся во второй половине IV в.), причем изначальная модель отношений гостей и гостеприимцев классической эпохи в процессе расселения претерпела существенные изменения.

Отдельные черты этой модели своеобразного военного гостеприимства до сих пор остаются объектом дискуссий¹²⁶. Тем не менее в главном современные исследователи едины: основными действующими лицами процесса колонизации стали вовсе не простые свободные варвары-земледельцы, а знать и видные воины, осуществлявшие свои функции на профессиональной основе. Последние получили в свое распоряжение значительные земельные владения из фондов общественных земель, ранее принадлежавших городам-муниципиям и императорскому фиску, либо доли собиравшейся с них поземельной подати (*аннопа*), две трети от ежегодных сборов которой перешли в распоряжение готов, освобожденных (в отличие

¹²³ См., например, Maurer 1880, 351–352; Engels 1961b, 134–155; Neusykhin 1929, 195–216; Korsunskiy 1963, 23–28.

¹²⁴ Wolfram 2003, 154.

¹²⁵ О варварской колонизации как процессе расселения простых свободных воинов-земледельцев см. Gaupp 1844, 372–414; Lot 1928, 975–1011.

¹²⁶ Основная дискуссия касается вопроса о том, вызвал ли проведенный варварскими правителями переворот изменения в реальной структуре землевладения (Д. Клауде, Л. Гарсия Морено, Х. Сиван, С. Барниш, Г. Холсол и др.) или же он затронул исключительно сферу распределения обязательств фискального характера и соответствующих налоговых поступлений (Ж. Дюрлиа, У. Гоффарт, Х. Вольфрам и др.). См. Goffart 1980, 162–175; Durlat 1982, 67–77; García Moreno 1983, 137–175; Barnish 1986, 170–195; Sivan 1987, 759–772; Claude 1988, 13–16; Wolfram 1997, 112–116; Halsall 2007, 441–443; Young 2018, 715–737.

от испано-романского населения) от ее уплаты в обмен на обязательство несения военной службы. Соответственно, что бы ни понималось в источниках под «готскими долями» (*sortes Gothicae*), их получателями (собственно, *Gothi*) являлись вовсе не «простые свободные», а представители новой наследственной военной элиты, вместе с которыми, на правах клиентов, размещались их зависимые люди (*sa(g)iones*¹²⁷, *bucellarii*¹²⁸, *servi*¹²⁹, *clientes*, *uernili*¹³⁰), в том числе сопровождавшие своих патронов в военных походах¹³¹.

В то же время оставшаяся треть анноны (так называемая *tertia Romanorum*) по-прежнему возлагалась на римлян и в пределах границ *territorium* собиралась муниципальными магистратами под имущественные гарантии куриалов. Именно для выполнения этой функции имущество галло- и испано-римских землевладельцев не было (или почти не было) затронуто имущественными изменениями, порожденными расселением варваров: земельные владения остались во власти той части испано-римлян, кто гарантировал своими доходами поступления в королевскую казну, занявшую место казны императорской¹³².

Более того, как убедительно показала Р. Санс Серрано, римская верхушка сыграла значительную роль в регулировании процесса расселения варваров на местах, основным инструментом которого стали соглашения (*pacta*, *pases*) между римскими и варварскими элитами. Формы таких соглашений следовали традиционным для испано-римского общества моделям, утвердившимся на Пиренейском полуострове еще на рубеже новой эры и сохранявшим значение до конца римской эпохи¹³³. Сопоставимость статуса знатных испано-римлян и варваров, вошедших в число *vicini* на правах новой элиты, подтверждается и позднейшим королевским законодательством, в котором получили развитие соответствующие положения эдикта короля Эвриха¹³⁴. С учетом сказанного, институт соседства следует рассматривать как несомненно римский по происхождению, не изменивший своего характера и в эпоху Великого переселения народов.

¹²⁷ *CodEur.* 311; *LI.* II. 1. 16 (Recc.; *Ervig.*); II. 1. 18 (Recc.; *Chind.*); II. 1. 24 (Recc.; *Ervig.*); II. 2. 4 (Recc.; *Chind.*); II. 2. 5 (*Chind.*); II. 2. 10 (*Egica*); V. 3. 2 (*Antiqua*); VI. 1. 4 (*Chind.*); VI. 1. 4 (*Ervig.*); X. 2. 5 (*Chind.*).

¹²⁸ *CodEur.* 310; *LI.* V. 3. 1 (*Antiqua*). Общие сведения см. D'Ors 1960, 242–244.

¹²⁹ Показательна, в частности, норма эдикта Эвриха, касающаяся власти мужа над зависимыми людьми (*servi*) жены и захваченной с их помощью военной добычей (*CodEur.* 323).

¹³⁰ В качестве примера можно привести надпись на могильной плите некоего магната Оппилы: Vives 1969. No. 287 (a. 642).

¹³¹ Примеры, приведенные выше, не являются исключением. См., например, об этом Sanz Serrano 1986, 225–264.

¹³² Wolfram 2003, 318–322.

¹³³ Sanz Serrano 2013, 209–228. Договорная фиксация отношений гостеприимства представлена в обширном эпиграфическом материале (*tesserae*, *tabulae*), происходящем из разных районов римской Испании. См., например, Salinas de Frías 1983, 21–41; Rodríguez Neila, Santero Santurino 1982, 105–163; Balbín Chamorro 2006, 207–235; Melchor Gil 2017, 35–58 и др.

¹³⁴ *LI.* X. 1. 8 (*Antiqua*). Cp. *CodEur.* 277.

Наконец, в качестве отдельного доказательства отсутствия института сельской общины как в (поздне)римской, так и в продолжавшей ее историю вестготской Испании следует указать на специфику отношений землевладения: фактора, на который традиционно обращали внимание сторонники общинных концепций социальной организации сельского населения доиндустриальной эпохи¹³⁵. Упоминания о соседях (*vicini*), владельцах расположенных по соседству земельных участков (*consortes*), в контексте отношений, обусловленных владельческими правами на земли сельскохозяйственного назначения, никогда не сопровождаются указаниями на регулирование этих прав со стороны каких-либо учреждений, соотносимых по характеру с сельской общиной.

Действительно, вопреки устоявшимся представлениям¹³⁶, сам по себе факт присутствия в правовых текстах вестготского времени слова *consortes* и его производных (в первую очередь, *consortium*, отнюдь не редко фигурирующего в соборных постановлениях конца IV–VII вв.) не может рассматриваться в качестве неопровержимого свидетельства существования общинного строя. *Consortes*¹³⁷ вестготского королевского законодательства — это и сообщники при совершении кражи, и совладельцы общего раба¹³⁸ либо иного (и вовсе необязательно недвижимого) имущества¹³⁹, а *consortium*, при ближайшем рассмотрении, оказывается почти любым сообществом (вплоть до семейного союза мужа и жены), но никогда — объединением земледельцев (или землевладельцев)¹⁴⁰. В тех же относительно немногих случаях, когда под *consortes* (но не *consortium*) действительно понимаются владельцы соседних участков пахотной земли или леса, сам по себе факт такого соседства вовсе не доказывает существования каких-либо хотя бы теоретически связанных с общиной внешних ограничений владельческих прав, не предусмотренных нормами римского права применительно к частному владению.

Так, вполне предсказуемым является свободный выпас скота одного соседа на участке другого, если этот участок не имеет ограждения и тем самым признается общим (*communis*). При этом «общность» касается только двух упомянутых *consortes*, но вовсе не других лиц¹⁴¹. Столь же естественным (и вовсе не связанным с фактом наличия или отсутствия общины) следует признать требование уведомлять совладельца участка земли (но лишь его одного) о желании построить на своей части дом или заложить виноградник. При этом ничего не говорится об урегулировании

¹³⁵ См., например, Maurer 1880, 1; Engels 1961a, 327–345; 1961b, 139–141. См. также Kovalevskiy 1879; Korsunskiy 1969, 45–50.

¹³⁶ См., например, Korsunskiy 1969, 45–46.

¹³⁷ *LI. VII. 1. 3 (Antiqua)*.

¹³⁸ *LI. V. 7. 2 (Antiqua)*.

¹³⁹ *LI. X. 1. 3 (Antiqua)*; *X. 1. 4 (Chind.)*.

¹⁴⁰ «*coniugis... consortium*» (*Conc. Tolet. XII (a. 681). Can. 8*). При ближайшем рассмотрении оказывается, что это понятие вообще не связывается законодателем с поземельными отношениями. См. *Conc. Tolet. I (a. 397–400). Can. 12 (Vives et al. 1963, 29, 32)*; *Conc. Tolet. II (a. 527). Can. 3, 4*; *Conc. Tolet. III (a. 589). Can. 5 (Vives et al. 1963, 110)*; *Conc. Tolet. IV (a. 633). Can. 42, 43, 59, 60, 61, 62 (Vives et al. 1963, 219, 221)*; *Conc. Tolet. V (a. 636). Can. 3*; *Conc. Tolet. VI (a. 638). Can. 8*; *Conc. Tolet. VII (a. 646) (Vives et al. 1963, 251)*; *Conc. Tolet. VIII (a. 653) (Vives et al. 1963, 296)*; *Conc. Tolet. XVI (a. 693). Can. 10*.

¹⁴¹ *LI. VIII. 5. 5 (Antiqua)*.

возможного конфликта с участием кого-либо, кроме двух названных совладельцев земли¹⁴². Упоминаемый в другом законе факт совладения участком дубового леса, на который выпускаются свиньи для свободного выпаса, вовсе не предполагает, что этот участок относится к общинным угодьям; наоборот, из текста хорошо видно, что речь идет о тяжбе двух лиц: *unus ab alio*¹⁴³. Кроме того, в другом месте судебного прямо говорится о том, что участки леса подлежат такому же разделу между владельцами, как и пахотные земли¹⁴⁴, а сам по себе раздел сопровождается установлением межевых знаков — естественно, в присутствии свидетелей и с согласия владельцев соседних участков, подтвержденного клятвой¹⁴⁵.

Наиболее показательной, однако, представляется норма, согласно которой процесс разграничения соседних участков должен был осуществляться при обязательном присутствии соседей: очевидно, для того, чтобы случайно или намеренно не прирезать хозяину одного из участков части соседской земли¹⁴⁶. Эта процедура не требует комментариев: причины ее проведения вполне ясны. Интересно другое: альтернативой присутствию свидетелей и соседей является привлечение податного инспектора (*inspector*), должностного лица, представляющего короля или наместника провинции, но вовсе не общину. Статус и функции этого чиновника, унаследованные от эпохи Поздней империи, хорошо известны по материалам императорского законодательства¹⁴⁷. При этом в сохранившейся части кодекса Феодосия таких упоминаний несравнимо больше, чем в кодексе Юстиниана, что позволяет рассматривать институт *inspectores* уже применительно к VI в. как архаичный и даже постепенно исчезающий.

Последнее наблюдение подтверждается и материалами вестготского судебного, где *inspector* фигурирует крайне редко: помимо рассмотренного закона *LI. X. 3. 5* (*Antiqua*), ранняя версия которого датируется периодом не позднее середины 470-х годов (поскольку он имеет параллель в эдикте Эвриха: *CodEur.* 276.5), этот институт упоминается лишь в одном законе Рецесвинта (649 (652)—672), где речь также идет о межевых знаках, в данном случае — об обоснованности мест их установления, удостоверяемых в присутствии податных инспекторов¹⁴⁸. Этот последний закон явно имел несохранившийся более ранний прототип: титул *LI. X. 3*, в который он входит, состоит лишь из ранних законов (*Antiqua*), датируемых периодом не позднее 580-х годов, а по большей части — даже более ранним

¹⁴² *LI. X. 1. 6* (*Antiqua Emendata*).

¹⁴³ *LI. VIII. 5. 3* (*Antiqua*).

¹⁴⁴ *LI. X. 1. 8* (*Antiqua*); *LI. X. 1. 14* (*Antiqua*).

¹⁴⁵ *LI. X. 1. 14* (*Antiqua*).

¹⁴⁶ *LI. X. 3. 5* (*Antiqua*).

¹⁴⁷ См. в кодексе Феодосия: *CTh.* VII. 19. 1. 3 (20.07.399, Arcad., Honor.); X. 3. 7. 1 (14.05.417, Honor., Theod.); XI. 1. 31 (31.01.412, Honor., Theod.); XI. 1. 33 (29.02.412, Honor., Theod.); XI. 20. 5 pr. (13.10.424, Theodos. II); XI. 20. 6 pr. (31.12 (?) 430, Theodos. I, Valentin. III); XI. 28. 2 (24.05.395, Arcad., Honor.); титул *CTh.* XIII. 11, в частности XIII. 11. 4 (03.04.393, Theodos. I, Arcad., Honor.); XIII. 11. 10 (05.04.399, Arcad., Honor.); XIII. 11. 13 (06.06.412, Honor., Theod. II); XV. 7. 1 (11.02.371 [367], Valentin. I, Valens, Gratian.). См. также в кодексе Юстиниана *C.X.* 16. 12 (15.10.424, Theodos. II); титул *C. XI. 58* (= *CTh.* XIII. 11).

¹⁴⁸ *LI. X. 3. 4* (*Recc.*).

временем. В связи с этим, по крайней мере на уровне гипотезы, можно предположить, что временем правления Рецесвинта датируется не издание нового, а редакция ранее уже существовавшего закона, занявшая место последнего в «Книге приговоров» (Вестготской правде).

Этот факт весьма важен для нас уже потому, что не только титул *LI. X. 3*, посвященный установлению и проверке межевых знаков, но и вся десятая книга вестготского судебника целиком, все три ее титула, преимущественно регламентирующие различные вопросы землеустройства, состоят главным образом из «древних» законов¹⁴⁹, датируемых периодом ранее 580-х годов и по большей части восходящих к позднеримским нормам. Исследование, проведенное А. д'Орсом, позволяет существенно конкретизировать последнее замечание: десятая книга вестготского судебника явно восходит к 23-му титулу эдикта Эвриха (ок. 475 г.), в свою очередь выстроенному по модели позднеримского эдикта претекта претория¹⁵⁰.

Вывод о сохранении римских принципов землеустройства и, шире, организации сельской жизни в границах *territorium* римского времени можно уверенно распространить и на сделанные выше замечания относительно отсутствия следов общинного строя. Следовательно, и сходы сельских жителей (*conventus*), о которых шла речь выше, также сохранили свой изначальный — римский — характер в эпоху, последовавшую за расселением варваров в V в.

8. СХОДЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ *TERRITORIUM* ДО И ПОСЛЕ ЭПОХИ РАССЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВ

Последнее замечание вовсе не отрицает того, что в варварской среде в эпоху Великого переселения народов существовала собственная традиция собраний сельских жителей. Немногочисленные источники готского происхождения упоминают о деревенских собраниях (*garuns*) и сходках (*gaqumþs*, *gamainþs*). То немногое, что (если верить выводам Х. Вольфрама¹⁵¹) известно об этих собраниях, прежде всего — о доминирующей роли в них сельской верхушки, вносившей предложения, руководившей принятием решений и непосредственно их исполнявшей, напоминает некоторые испанские реалии времен Раннего и Высокого Средневековья.

Тем не менее, все имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют о невозможности прямой связи между этим готским институтом и римскими сельскими собраниями-*conventus*. Внешнее же сходство следует объяснять не прямым влиянием традиции варварского социума на позднеримский (признаков чего в данном случае не прослеживается), а принадлежностью обеих традиций к единой типологической общности. Дело в том, что собрания описанного типа имеют многочисленные параллели в традиционных обществах самого разного

¹⁴⁹ *LI. X. 1*: 15 законов из 19, за исключением 1. 4 (*Chind.*); 1. 17 (*Chind.*); 1. 18 (*Recc.*); 1. 19 (*Recc.*). *LI. X. 2*: три закона из шести, за исключением 2. 4 (*Recc./Egica*); 2. 5 (*Chind./Egica*); 2. 6 (*Recc.*). *LI. X. 3*: один закон из пяти: 3. 4 (*Recc.*). Таким образом, из 30 законов десятой книги к числу «древних» относятся 22.

¹⁵⁰ D'Ors 1960, 2–3, 173–184.

¹⁵¹ Wolfram 2003, 154.

времени, существовавших в разных (часто — весьма отдаленных друг от друга) регионах мира¹⁵². Общую причину этого сходства, как представляется, следует искать в свойственной доиндустриальной эпохе относительной слабости институтов власти на местах, неспособных широко использовать прямое принуждение для исполнения принятых решений. Отсюда — вынужденный учет мнения тех, кого непосредственно касались эти решения — родственников, знакомых и земляков осужденных, их соседей и т.п.

Таким образом, нет никаких оснований сомневаться в том, что собрания *vicinorum*, фигурирующие в источниках вестготского времени, были прямым продолжением традиции сходов сельского населения *territorium* римской эпохи. Более того, в условиях, сложившихся после расселения варваров, они не только не исчезли, но и получили дополнительный стимул, определивший их сохранение в новый исторический период. Речь идет о роли христианства, влияние которого на образ жизни позднеантичного мира неуклонно возрастало, на что обращается значительное внимание в литературе последних десятилетий¹⁵³. Соответственно, новое содержание получали и древние традиции коллективного участия населения — не только городского, но и сельского (как свободного, так и зависимого) — в процессе принятия решений. В христианской системе ценностей и социальной практике последнее должно было осуществляться подчас немногими, но обязательно публично, в собрании, в соответствии с принципами соборности, *de facto* продолжавшими в этом аспекте определенные традиции муниципальной жизни римского времени.

Разумеется, в первую очередь эти принципы проявлялись в деятельности церковных соборов, в первую очередь IV Толедского собора (633 г.), происходившего под председательством самого Исидора Севильского¹⁵⁴, постановления которого определили многие ключевые аспекты не только церковной, но и политической системы, просуществовавшей до конца истории Толедского королевства вестготов, а отчасти и дольше. Так, например, небрежность епископов, следствием которой были отказ от своевременного созыва соборов и склонность архиереев к единоличному решению вопросов дисциплины духовенства, рассматривается в соборных постановлениях как грубое нарушение действующих норм¹⁵⁵.

В другом каноне, установившем регламент проведения толедских соборов, собравшиеся недвусмысленно подчеркивают, что норма канонического права приобретает законную силу лишь в том случае, если она утверждена общим постановлением (*deliberatione communi*), принятым (и подписанным) всеми епископами без исключения. Соответственно, ни один прелат не может раньше времени удалиться из «общего собрания» (*a coetu communi*), ведь только при наличии кворума достигается незримое присутствие Господа среди собравшихся¹⁵⁶. Наиболее же показательным представляется содержание 75-го канона постановлений того

¹⁵² См. о них, например, Karasev 2016, 15 и др.

¹⁵³ См., например, Zurutuza, Botalla 2010, 665–678.

¹⁵⁴ О значении постановлений IV Толедского собора в истории Толедского королевства см., например, Orlandis Rovira, Ramos-Lisson 1986, 261–298.

¹⁵⁵ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 3.

¹⁵⁶ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 4.

же собора, который утверждает порядок избрания нового короля исключительно concilio comuni знати и епископата королевства во имя сохранения единства и согласия (unitatis concordia) общества и во избежание прямого насилия¹⁵⁷.

Показательно и место conventus в понятийной системе постановлений толедских соборов: в полном соответствии со сказанным выше, им обозначаются различные сообщества и собрания христиан: от вселенской христианской общины¹⁵⁸ (от которой, среди прочего, отлучают того, кто признан грешником¹⁵⁹) до схода верующих, собравшихся в храме для совершения богослужения либо с иной целью¹⁶⁰, сообщества духовных лиц в противовес дворцовым служащим¹⁶¹, собрания крещеных иудеев¹⁶² и т.п. Но, конечно, в первую очередь (49 из 59 упоминаний) речь идет о церковных соборах¹⁶³. Близкие значения слова conventus (пусть и несколько реже) фиксируются и в королевском законодательстве, что вполне ожидаемо, если принять во внимание тесную связь королевского законодательства и канонического права в правовой системе Толедского королевства, где соборные постановления становились обязательными для светских судов путем принятия особого королевского закона. Так, в одном из законов короля Рецесвинта conventus используется при описании отлучения преступника от Церкви, тогда как в законе Эрвигия под этим словом понимается церковный собор¹⁶⁴.

Представляется, что собрания местных жителей, происходившие в пределах territorium вестготского времени, обозначались в текстах тем же понятием conventus, поскольку по своему характеру в определенной степени соотносились с социальными практиками, получившими отражение в текстах церковного происхождения. Следовательно, и сохранение термина territorium до самого конца эпохи Толедского королевства следует объяснять далеко не только внутренними закономерностями развития и воспроизводства понятийной системы. Исходя из этого, продолжение традиции собраний-conventus в условиях кризиса, распада и перерождения позднеримских муниципальных институтов можно объяснить двумя основными причинами.

Во-первых, влиянием христианства с его представлениями о роли коллектива и коллективного (говоря на языке Церкви — соборного) начала организации

¹⁵⁷ *Conc. Tolet.* IV (a. 633). Can. 75.

¹⁵⁸ *Conc. Tolet.* III (a. 589) (Vives et al. 1963, 147).

¹⁵⁹ *Conc. Tolet.* XVI (a. 693). Can. 9; *Conc. Tolet.* X (a. 656). Can. 7; *Conc. Tolet.* XII (a. 681). Can. 3.

¹⁶⁰ *Conc. Tolet.* XII (a. 681). Can. 3; *Conc. Tolet.* XVI (a. 693). Can. 7.

¹⁶¹ *Conc. Tolet.* XIII (a. 683). Can. 2.

¹⁶² *Conc. Tolet.* IX (a. 655). Can. 17. См. также в королевском законодательстве: *LI.* XII. 3. 28 (Ervig.).

¹⁶³ *Conc. Tolet.* VII (a. 646). Can. 1; *Conc. Tolet.* VIII (a. 653). Can. 11 (Vives et al. 1963, 260, 262, 265, 266, 292); *Conc. Tolet.* IX (a. 655). can. 17 (Vives et al. 1963, 306); *Conc. Tolet.* X (a. 656) (Vives et al. 1963, 308, 319, 320, 322); *Conc. Tolet.* XI (a. 675). Can. 1, 16 (Vives et al. 1963, 344, 345); *Conc. Tolet.* XII (a. 681). Can. 1, 3 (Vives et al. 1963, 380, 382); *Conc. Tolet.* XIII (a. 683). Can. 3, 10 (Vives et al. 1963, 411–412, 437–438); *Conc. Tolet.* XIV (a. 684). Can. 4; *Conc. Tolet.* XVI (a. 693). Can. 1, 6, 8, 10 (Vives et al. 1963, 482, 483, 496, 514, 515); *Conc. Tolet.* XVII (a. 694). Can. 5, 8 (Vives et al. 1963, 522, 524, 537).

¹⁶⁴ *LI.* XII. 2. 15 (Recc.); XII. 1. 3 (Ervig.); XII. 1. 3 (Ervig.).

общества, реализовавшимися как на уровне ценностей, так и в социальной практике. Во-вторых, не меньшую (а возможно, и большую) роль сыграл фактор своего рода социальной инерции, механического воспроизводства привычных элементов образа жизни в границах territorium, сельской округи городов Испании, в исследуемый период. Частью этих инерционных процессов стало, как представляется, и сохранение как самого понятия territorium, так и связанных с ним явлений социального и правового характера, прежде всего — самой категории vicinitas и сходов соседей.

По существу, речь идет о рудиментах гражданской жизни римского времени, унаследованных (и развитых применительно к новым условиям) следующей исторической эпохой. В связи с этим показательным представляется и то, что эти сходы созывались должностными лицами (iudices, saiones), статус и функции которых пусть и не были связаны с муниципальной организацией stricto sensu, однако стали неотъемлемой частью системы управления городом во второй трети V в., т.е. еще в тот период, когда испано-римский социум сохранял явно выраженный античный характер.

Сохранение всех перечисленных реалий и связанной с ними понятийной системы в последующую историческую эпоху вплоть до XIII в. и даже позднее обеспечило континуитет системы управления на местах и форм участия населения в системе принятия решений на локальном уровне. Однако в последнем случае речь идет уже о другой проблеме, которая должна стать объектом отдельного исследования.

Литература / References

- Arce, J. 2017: *Esperando a los árabes: los visigodos en Hispania (507–711)*. Madrid.
- Asso y del Rio, I.J. de, Manuel y Rodríguez, M. de 1771: *Instituciones del Derecho Civil de Castilla*. Madrid.
- Balbin Chamorro, P. 2006: Ius hospitii y ius civitatis. *Gerión. Revista de Historia Antigua* 24/1, 207–235.
- Barnish, S.J.B. 1986: Taxation, Land and Barbarian Settlement in the Western Empire. *Papers of the British School in Rome* 54, 170–195.
- Berger, A. 1953: *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*. Philadelphia.
- Birkin, M. Yu. 2020: *Episkop v vestgot'skoy Ispanii [Bishop in the Visigothic Spain]*. Saint Petersburg.
- Биркин, М.Ю. *Епископ в вестготской Испании*. СПб.
- Brown, P. 1971: *The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London.
- Campos, J. (ed.) 1960: *Juan de Biclara, obispo de Gerona, su vida y su obra*. Madrid, 1960.
- Claude, D. 1988: Zur Ansiedlung barbarischen Föderaten in der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts. In: W. Herwig, S. Andreas (Hrsg.), *Anerkennung und Integration: zu den wirtschaftlichen Grundlagen der Völkerwanderungszeit 400–600; Berichte des Symposiums der Kommission für Frühmittelalterforschung, 7. bis 9. Mai 1986 Stift Zwettl, Niederösterreich*. Wien, 13–16.
- Collins, R. 2005: *La España visigoda, 409–711*. Barcelona.
- Curchin, L.A. 1985: 'Vici' and 'pagi' in Roman Spain. *Revue des Études Anciennes* 87/3–4, 327–343.
- Curchin, L.A. 1990: *The Local Magistrates of Roman Spain*. Toronto–Buffalo–London.
- Dahn, F. 1871: *Die Könige der Germanen. Das Wesen des ältesten Königthums der germanischen Stämme und seine Geschichte bis auf die Feudalzeit. 6. Abtheilung: Die Verfassung der Westgothen. Das Reich der Sueven in Spanien*. Würzburg.
- Díaz, P.C. 2000: City and Territory in Hispania in Late Antiquity. In: G.P. Brogiolo, N. Gauthier, N. Christie (eds.), *Towns and Their Territories Between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden–Boston–Köln, 3–35.
- Díaz Martínez, P.C., Martínez Maza, C., Sanz Huesma, F.J. 2007: *Hispania tardoantigua y visigoda*. Madrid.

- D'Ors, A. 1960: *El Código de Eurico. Edición, palíngenesia, índices*. Roma—Madrid.
- Durlat, J. 1982: Du caput antique au manse médiéval. *Pallas. Revue d'études antiques* 29, 67–77.
- Engels, F. 1961a: [Маркс]. In: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 19. Moscow, 327–345.
- Энгельс, Ф. Маркс. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*. Т. 19. М., 327–345.
- Engels, F. 1961b: [Origin of the Family, Private Property and State. In Connection with the L.G. Morgan's Studies]. In: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 21. Moscow, 23–178.
- Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*. Т. 21. М., 23–178.
- García Moreno, L.A. 1974a: *Prosopografía del reino visigodo de Toledo*. Salamanca,.
- García Moreno, L.A. 1974b: Estudios sobre la organización administrativa del reino visigodo de Toledo. *Anuario de Historia del Derecho Español* 44, 5–156.
- García Moreno, L.A. 1983: El término “sors” y relacionados en el ‘Liber Iudicum’. De nuevo al problema de la división de las tierras entre godos y provinciales. *Anuario de Historia del Derecho Español* 53, 137–175.
- García Moreno, L.A. 1989: *Historia de España visigoda*. Madrid.
- García Moreno, L.A. 1999: La ciudad en la Antigüedad tardía (siglos V al VII). In: L.A. García Moreno, S. Rascón Marqués (eds.), *Complutum y las ciudades hispanas en la antigüedad tardía: actas del I Encuentro Hispania en la Antigüedad Tardía: Alcalá de Henares 16 de octubre de 1996*. Alcalá de Henares, 7–23.
- Gaupp, E. Th. 1844: *Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches in ihrer völkerrechtlichen Eigenthümlichkeit und mit Rücksicht auf verwandte Erscheinungen der alten Welt und des späteren Mittelalters dargestellt*. Breslau.
- Goffart, W.A. 1980: *Barbarians and Romans, A.D. 418–584*. Princeton.
- González, J., Crawford, M.H. 1986: The Lex Irnitana: A New Copy of the Flavian Municipal Law. *Journal of Roman Studies* 76, 147–243.
- Halban, A. 1899: *Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten*. Breslau.
- Halsall, G. 2007: *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge.
- Herculano, A. 1875: *Historia de Portugal. Desde o começo da Monarchia ate ao fim do Reinado de Affonso III*. Vol. 7. Paris—Lisboa.
- Herculano, A. 1911: Carta ao “Jornal do Commercio”. In: A. Herculano, *Cartas*. T.I. Rio de Janeiro, 186–193.
- Hinojosa y Naveros, E. 1903: Origen del régimen municipal en León y Castilla. In: E. Hinojosa y Naveros (ed.), *Estudios sobre la Historia del Derecho español*. Madrid, 5–70.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire, 284–602. A Social Economic and Administrative Survey*. Vol. 1. Oxford.
- Karasev, D. Yu. 2016: [Historical Sociology of Michael Mann]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology] 19/4 (87), 5–23.
- Карасев, Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна. *Журнал социологии и социальной антропологии* 19/4 (87), 5–23.
- Korsunskiy, A.R. 1963: *Obrazovanie rannefeodal'nogo gosudarstva v Zapadnoy Evrope* [Formation of the Early Feudal State in the Western Europe]. Moscow.
- Корсунский, А.Р. *Образование раннефеодального государства в Западной Европе*. М.
- Korsunskiy, A.R. 1969: *Gotskaya Ispaniya. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [Gothic Spain. Essay on Social-Economical and Political History]. Moscow.
- Корсунский, А.Р. *Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории*. М.
- Kovalevskiy, M.M. 1879: *Obshchinnoe zemlevladienie. Prichiny, khod i posledstviya ego razlozheniya* [Communal Land Ownership. Causes, Evolution and Consequences of Its Decay]. Pt. 1. Moscow.
- Ковалевский, М.М. *Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения*. Ч. 1. М.
- Krinityna, E.S. (=Marey, E.S.) 2010: [‘Iudex’ in the Works of Isidor of Seville: from a Judge to the Judge]. In: G.A. Popova (ed.), *Pravo v srednevekovom mire* [Law in Medieval World]. Moscow, 8–27.
- Криницына, Е.С. (=Марей, Е.С.). Iudex в произведениях Исидора Севильского: от судьи к Судии. В сб.: Г.А. Попова (ред.), *Право в средневековом мире*. М., 8–27.

- Kulikowski, M. 2010: *Late Roman Spain and Its Cities*. Baltimore.
- Lauwers, M. 2008: "Territorium non facere diocesim". Conflits, limites et représentation territoriale du diocèse (V^e–XIIIe siècle). In: F. Mazel (éd.), *L'espace du diocèse dans l'Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle)*. Rennes, 23–65.
- Lot, F. 1928: Du régime de l'hospitalité. *Revue belge de philologie et d'histoire* 7/3, 975–1011.
- Marongiu, A. 1953: Un momento típico de la monarquía medieval: el Rey Juez. *Anuario de Historia del Derecho Español* 23, 677–715.
- Martí, R. 1995: Territoria en transició al Pirineu medieval (segles V–X). In: *La vida medieval als dos vessants del Pirineu, III. 3r Curs d'Arqueologia d'Andorra, 30.09–04.10.1991*. Andorra la Vella, 37–83.
- Martin, C. 2003: *La géographie du pouvoir dans l'Espagne visigothique*. Villeneuve d'Ascq.
- Martin, C., Larrea Conde, J.J. (eds.) 2021: *Nouvelles chartes visigothiques du monastère pyrénéen d'Asán*. Bordeaux.
- Martínez Diéz, G. 1959: El patrimonio eclesiástico en la España visigoda: estudio histórico-jurídico. *Miscelánea Comillas: Revista de Ciencias Humanas y Sociales* 17 (32), 5–200.
- Martínez Diéz, G., Rodríguez, F. (eds.) 1984: *La Colección Canónica Hispana. IV. Concilios Galos. Concilios Hispanos: primera parte*. Madrid.
- Maurer, G.L. 1880: *Vvedenie v istoriyu obshchinnogo, podvornogo, sel'skogo i gorodskogo ustroystva i obshchestvennoy vlasti* [Introduction to the History of the Communal, Household, Rural and Public Power]. Moscow.
- Маурер, Г.Л. *Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти*. М.
- Mazel, F. 2016: *L'Evêque et le territoire. L'invention médiévale de l'espace (V^e–XIIIe siècle)*. Paris.
- Melchor Gil, E. 2017: Los orígenes del patronato cívico en las provincias hispanas: desde Gneo Pompeyo Magno al triunviro Marco Emilio Lépido. *Rivista storica dell'Antichità* 47, 35–58.
- Neusykhnin, A.I. 1929: *Obshchestvennyy stroy drevnikh germantsev* [Social System of Ancient Germanic Peoples]. Moscow.
- Неусыхин, А.И. *Общественный строй древних германцев*. М.
- Orlandis Rovira, J., Ramos-Lisson, D. 1986: *Historia de los concilios de la España romana y visigoda*. Pamplona.
- Pérez Pujol, E. 1896: *Historia de las instituciones sociales de la España goda*. Vol. II. Valencia.
- Poveda Arias, P. 2019: La diócesis episcopal en la Hispania visigoda: concepción, construcción y disputas por su territorio. *Hispania Sacra* 71 (143), 9–24.
- Rodríguez Gutiérrez, O. 2019: Urbanization of the Iberian Peninsula during the Roman Period: Choices, Impositions and "Resignation" of the Newcomers. In: L. de Ligt, J. Bintliff (eds.), *Regional Urban Systems in the Roman World, 150 BCE – 250 CE*. Boston–Leiden, 158–187.
- Rodríguez Neila, J.F., Santero Santurino, J.M. 1982: "Hospitium" y "patronatus" sobre una tabla de bronce de Cañete de la Torres (Cordoba). *Habis* 13, 105–163.
- Salinas de Frías, M. 1983: La función del hospitium y la clientela en la conquista y romanización de Celtiberia. *Studia historica. Historia antigua* 1, 21–41.
- Salvador Ventura, F. 1990: Ciudad y campo en Hispania Meridional durante los siglos VI y VIII. *Florentia iliberritana. Revista de la antigüedad clásica* 1, 409–422.
- Sánchez-Albornoz, C. 1965: El gobierno de las ciudades de España del siglo V al X. In: C. Sánchez-Albornoz, *Estudios sobre las instituciones medievales españolas*. México, 615–637.
- Sánchez-Albornoz, C. 1966: *Despoblación y repoblación del Valle del Duero*. Buenos Aires.
- Sánchez-Albornoz, C. 1971: Ruina y extinción del municipio romano en España e instituciones que le reemplazan. In: C. Sánchez-Albornoz (ed.), *Estudios visigodos*. Roma, 9–147.
- Sanz Serrano, R. 1986: Aproximación al estudio de los ejércitos privados en Hispania durante la Antigüedad tardía. *Gerión. Revista de Historia Antigua* 4, 225–264.
- Sanz Serrano, R. 2009: *Historia de los godos. Una epopeya histórica de Escandinavia a Toledo*. Madrid.
- Sanz Serrano, R. 2013: Tempus barbaricum. Las migraciones bárbaras en la Península Ibérica en el siglo V d.C. In: F. Olivera, J.L. Lopes Brandão, V. Gil Mantas, R. Sanz Serrano (eds.), *A queda de Roma e o alvorecer da Europa*. Coimbra, 209–228.
- Sivan, H. 1987: On 'foederati', 'hospitalitas', and the Settlement of the Goths in A.D. 418. *American Journal of Philology* 108/4, 759–772.

- Sobestianskiy, I.M. 1888: *Krugovaya poruka u slavyan po drevnim pamyatnikam ikh zakonodatel'stva* [*Mutual Responsibility in Slavonic Society Ancient Monuments According to Slavonic Legislation*]. Kharkiv.
- Собестианский, И.М. *Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства*. Харьков.
- Souza Soares, T. de 1941: Notas para o estudo das instituições municipais da Reconquista. *Revista Portuguesa de História* 1, 71–92.
- Torrent, A. 2017: La política municipalista Flavia en Hispania: el edicto de Vespasiano universae Hispaniae Latium tribuit; la Epístula de Domiciano promulgadora de la Lex Irnitana. *Revista Internacional de Derecho Romano* 19, 153–242.
- Torres López, M. 1926: El Estado visigótico. Algunos datos sobre su formación y principios fundamentales de su organización política. *Anuario de Historia del Derecho Español* 3, 307–475.
- Vives, J. 1969: *Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda*. 2ª ed. Barcelona.
- Vives, J., Marín Martínez, T., Martínez Díez, G. (eds.) 1963: *Concilios visigóticos y hispano-romanos*. Barcelona–Madrid.
- Wolfram, H. 1997: *The Roman Empire and Its Germanic Peoples*. Berkeley.
- Wolfram, H. 2003: *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii)* [*The Goths. From the Origins to the Middle of the 6th Century (an Experience of Historical Ethnography)*]. Saint-Petersburg.
- Вольфрам, Х. *Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. СПб.
- Young, A.T. 2018: Hospitalitas: Barbarian Settlements and Constitutional Foundations of Medieval Europe. *Journal of Institutional Economics* 14/4, 715–737.
- Yurchik, E.E., Volosyuk, O.V., Choubarian, A.O., Vedyushkin, V.A. (eds.) 2014: *Istoriya Ispanii. Ot Voyny za Ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka* [*History of Spain. From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century*]. Vol. II. Moscow.
- Юрчик, Е.Э., Волосяк, О.В., Чубарьян, А.О., Ведюшкин, В.А. (ред.). *История Испании. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века*. Т. 2. М.
- Zeumer, K. (ed.) 1902: *Leges Visigothorum*. (Monumenta Germaniae historica. Legum section I. Leges nationum Germanicarum. Tomus I). Hannoverae–Lipsiae.
- Zurutuza, H.A., Botalla, H. 2010: “Vivere iuxta regulam”: prácticas sociales y modelos culturales cristianos. In: P. Delogu, S. Gasparri (eds.), *Le trasformazioni del V secolo. L'Italia, i barbari e l'Occidente romano. Atti del Seminario di Poggibonsi, 18–20 ottobre 2007*. Turnhout, 665–678.

DOI: 10.31857/S032103910025161-0

АНТИЧНЫЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.К. МИНКО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА)

Часть 2. БОСПОР, ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ, ВИЗАНТИЯ

М. Г. Абрамзон¹, Е. Г. Панкратова², Е. В. Петрова³, М. Ю. Трейстер⁴

¹ *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

³ *Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск, Россия*

⁴ *Независимый исследователь, Бонн, Германия*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: pankratova0484@yandex.ru* ³ *E-mail: mishlen2@list.ru*

⁴ *E-mail: mikhailtreister@yahoo.de*

¹ *ORCID: 0000-0001-6111-048X* ² *ORCID: 0000-0001-7915-7534* ³ *ORCID: 0009-0001-7351-8914*

⁴ *ORCID: 0000-0001-7451-3325*

Статья представляет продолжение публикации античных и византийских монет из коллекции известного челябинского археолога Н.К. Минко (1880–1920), хранящейся в Государственном историческом музее Южного Урала (Челябинск). Эта крупное музейное собрание (более 850 монет, главным образом серебряных) до сих пор оставалось не введенным в научный оборот. Публикуются 53 монеты Боспорского царства, поздней Римской империи и Византийской империи, а также стеклянная гемма, найденная Н.К. Минко в Крыму. Особый интерес представляет уникальный клад серебряных монет Алексея I Комнина. Все эти монеты были собраны Н.К. Минко в Феодосии и Севастополе, где он вел раскопки в 1909–1911 гг. Данный материал расширяет корпус античных и византийских монет в собраниях российских музеев.

Ключевые слова: античные монеты, византийские монеты, Н.К. Минко (1880–1920), музейные нумизматические собрания, Боспорское царство, Римская империя, Византия

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Евгения Григорьевна Панкратова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПбФ АРАН; Елена Валентиновна Петрова — заведующий сектором художественных коллекций и этнографии научно-фондового отдела ГИМЮУ; Михаил Юрьевич Трейстер — доктор исторических наук, независимый исследователь, Бонн.

ANCIENT AND BYZANTINE COINS FROM THE N.K. MINKO'S COLLECTION (STATE HISTORICAL MUSEUM OF THE SOUTHERN URALS)

Part II. BOSPORUS, LATE ROMAN EMPIRE, BYZANTINE EMPIRE

Mikhail G. Abramzon¹, Evgeniya G. Pankratova², Elena V. Petrova³,
Mikhail Yu. Treister⁴

¹ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia*

² *Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive, Saint Petersburg, Russia*

³ *State Historical Museum of the Southern Urals, Chelyabinsk, Russia*

⁴ *Independent Researcher, Bonn, Germany*

¹ E-mail: abramzon-m@mail.ru ² E-mail: pankratova0484@yandex.ru ³ E-mail: mishlen2@list.ru

⁴ E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

This is a continuation of the publication of ancient and Byzantine coins from the collection of the well-known Chelyabinsk archaeologist Nikolay Minko (1880–1920), stored in the State Historical Museum of the Southern Urals (Chelyabinsk). This significant museum collection (more than 850 coins, mostly silver) has not been previously published. The article presents 53 coins of the Bosporan Kingdom, the Late Roman Empire and the Byzantine Empire, as well as a glass gem found by N. Minko in Crimea. Of particular interest is the unique hoard of silver coins of Alexius I Comnenus. All these coins were collected by N. Minko in Feodosia and Sevastopol, in the area of which the archaeologist conducted excavations in 1909–1911. This material expands the corpus of ancient and Byzantine coins in the collections of Russian museums.

Keywords: Greek and Roman coins, Byzantine coins, N.K. Minko (1880–1920), numismatic collections of Russian museums, Bosporan kingdom, Roman Empire, Byzantine Empire

Настоящая статья представляет продолжение публикации античных и византийских монет из коллекции известного челябинского археолога Николая Кирилловича Минко (1880–1920)¹, хранящейся в фондах Государственного исторического музея Южного Урала (далее — ГИМЮУ). Это крупное собрание, включавшее более 850 монет (в том числе 784 серебряных) — античных, византийских, древнерусских, средневековых восточных и западноевропейских², вместе с богатейшими материалами его археологических раскопок и книгами по археологии, нумизматике и глиптике передала в дар Челябинскому музею местной истории в 1923 г. вдова археолога Мария Александровна Минко (Кази)³.

¹ О Н.К. Минко см. Durylin 1927a; 1927b; Botalov 1986; Ivanova 1994; Bozhe 2008; Vinogradov, Valiakhmetova 2018, 40–46.

² Инв. ГИМЮУ ОФ-576/1–784, ОФ-5122/1–70.

³ Durylin 1927a, 53. Основная часть нумизматической коллекции поступила в Челябинский музей 29 сентября 1923 г. В записях директора И.Г. Горохова значится: «Коллекция монет Древнего Рима и царств от Минко и др.». Позднее сын Марии

В предыдущей части публиковались монеты полисов Малой Азии, государства Селевкидов и римской Сирии, Парфии, Элимаиды, Ахеменидской Персии, Сасанидского Ирана, Египта птолемеевского и римского времени⁴. Настоящая публикация охватывает боспорские, позднеримские и византийские монеты, а также античные ювелирные изделия (гемму), собранные вместе с монетами Минко в Крыму (Феодосии и Севастополе)⁵.

1. АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХЕОЛОГЕ Н.К. МИНКО

Научную обработку археологических материалов Н.К. Минко, составивших основную коллекцию археологического отдела Челябинского музея, произвел в 1923–1924 гг. С.Н. Дурылин⁶ — археолог и автор первой краткой биографии Минко, написанной со слов супруги археолога, а также по материалам его опубликованных отчетов. Эта информация легла в основу всех последующих многочисленных биографических очерков и статей о Минко. Нами же впервые были исследованы комплексы документов из архивов Санкт-Петербурга, проливающие новый свет на биографию Николая Кирилловича. Прежде всего сохранились личное дело Н.К. Минко, студента юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1899–1903 гг.⁷, поданное им заявление в Санкт-Петербургский археологический институт⁸, а также его переписка с Императорской археологической комиссией (ИАК) о проведении археологических раскопок в Челябинском и Симферопольском уездах в 1904–1913 гг.⁹

Отец Николая Кирилловича, Кирилл Борисович Минко (род. 14.10.1848), происходивший из «потомственных граждан Бессарабской губернии», окончил Одесское юнкерское училище, военную службу начал в 1864 г. в звании унтер-офицера 52-го пехотного Виленского Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича полка¹⁰. О матери, Елизавете Семеновне Сахаровой, известно только то, что она была родом из Новгородской губернии¹¹. В 1878 г. К.Б. Минко был командирован в Восточную Румелию, где через два года и родился их сын Николай. В копии выписки о рождении из метрической книги

Александровны и Николая Кирилловича, Игорь Николаевич, передал музею еще несколько монет из коллекции отца. Горсовет Челябинска выразил благодарность Марии Александровне за безвозмездную передачу богатейших коллекций Минко, которые по минимальной оценке стоили в то время более 2000 руб. Нумизматическую коллекцию осматривал А.В. Луначарский в 1924 г., отметивший ее большую научную ценность. См. Челябинский рабочий. 6 сент. 1927 г. № 128.

⁴ См. Abramzon *et al.* 2023.

⁵ Анализ архивных документов выполнен Е.Г. Панкратовой, анализ нумизматической коллекции — М.Г. Абрамзоном, анализ ювелирных изделий (геммы) — М.Ю. Трейстером. Каталог монет подготовлен совместно М.Г. Абрамзоном и Е.В. Петровой.

⁶ Durylin 1927a; 1927b, 56.

⁷ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36456.

⁸ ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 98. Л. 285.

⁹ НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 219; Оп. 1-1909. Д. 63; Оп. 1-1913. Д. 356.

¹⁰ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 9 об.

¹¹ Durylin 1927a, 53.

указано: «7 февраля 1880 (...) у капитана 52 пехотного Виленского полка, состоящего в командировке в Восточной Румелии для командования 2-й Филиппопольской дружиной, Кирилла Борисовича Минко и законной его жены Елизаветы Семеновны (...), родился сын Николай»¹². Нет точного указания на место пребывания полка, в котором служил К.Б. Минко, однако логично предположить, что это был г. Пловдив — на тот момент столица Восточной Румелии. Копия выписки из метрической книги заверена 1 июня 1880 г. в Феодосии, куда К.Б. Минко отправился в отпуск с семьей. Скорее всего с местом заверки выписки о рождении и связано указание Феодосии как места рождения Н.К. Минко в его аттестате зрелости и в удостоверении от управляющего Ришельевской гимназии¹³.

С 1884 г. К.Б. Минко служил в Севастополе, неоднократно исполнял должность члена военно-окружного суда в Керчи и Одессе; с 1886 г. командировался в Ялту для командования почетным караулом в Ливадии во время визитов Императорской семьи¹⁴. Е.С. Минко вместе с сыном проживала недалеко от места службы мужа, в Феодосии. В 1890 г. Николай Кириллович поступает в Феодосийскую гимназию, в которой учится на протяжении пяти лет¹⁵. Опираясь на сведения из удостоверения, выданного Н.К. Минко статским советником, преподавателем математики и управляющим Ришельевской гимназии (Одесса), Алексеем Кузьмичем Самко¹⁶, можно заключить, что в 1895 г. умирает мать мальчика, после чего тот переводится отцом в пятый класс Ришельевской гимназии, где был «отдан на воспитание преподавателю гимназии, у которого прожил 4 года»¹⁷. Согласно биографическому очерку С.Н. Дурылина, А.К. Самко и был тем самым преподавателем, у которого Минко жил во время обучения в гимназии, и оставившим самые теплые воспоминания у будущего археолога¹⁸. 8 июня 1899 г. с «отличным поведением, хорошим прилежанием и похвальной любознательностью» Н.К. Минко оканчивает гимназию и получает аттестат зрелости¹⁹. Уже 5 июля 1899 г. он подает прошение ректору Императорского Санкт-Петербургского университета В.И. Сергеевичу с просьбой о зачислении на юридический факультет²⁰, но получает отказ. В августе того же года Н.К. Минко подает второе прошение, в котором ссылается на то, что в Санкт-Петербурге проживает его тетя, у которой он будет жить, и повторно просит зачислить его на юридический

¹² ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 5.

¹³ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 3, 19.

¹⁴ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 16–17.

¹⁵ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 19.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 19. В 1913–1914 (?) гг. А.К. Самко служил директором Евпаторийской гимназии. Умер в Евпатории в середине 1918 г., не пережив казни красноармейцами двух его сыновей, вернувшихся с фронтов Первой мировой войны в январе этого года. См. URL: <http://xn----8sbflnaealcfjhhepi9s.xn--plai/history/06-revolusiya-i-grazdanskaya-voyna/sapoznikov-varfolomeevskie-nochi-evpatorii.php>; дата обращения: 05.05.2023.

¹⁷ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 19.

¹⁸ Durylin 1927a, 53.

¹⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 3.

²⁰ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 1.

факультет, «а в случае невозможности хотя бы на факультет восточных языков»²¹. Второе ходатайство Н.К. Минко было удовлетворено, и в сентябре 1899 г. его зачислили на юридический факультет (рис. 1).

24 мая 1901 г., находясь на летних каникулах в Астрахани, на служебной квартире своего отца (в то время полковника и командира Царевского резервного батальона), Н.К. Минко, окончивший четвертый семестр, подает на имя ректора Санкт-Петербургского университета прошение о разрешении ему поступить осенью этого года слушателем лекций в Санкт-Петербургский Императорский Археологический институт и выдаче ему для этого соответствующего удостоверения²². 29 мая удостоверение студенту Н.К. Минко в том, что «со стороны Университета не встречается препятствий в слушании им лекций в означенном Институте», было выдано и на следующий день направлено в Астрахань²³ (рис. 2–3).

28 июля 1901 г. Минко подает заявление на имя директора Археологического института с просьбой о зачислении для слушания лекций, и 18 августа оно было зарегистрировано в канцелярии института²⁴ (рис. 4). К сожалению, никаких иных документов от Н.К. Минко в комплексе архивных материалов Археологического института не отложилось. Поскольку в действительные слушатели принимались лица, имеющие высшее образование, а остальные могли поступать в вольнослушатели²⁵, Николая Кирилловича, по-видимому, зачислили в состав последних, и он исправно посещал все занятия. Статус выпускника института не был определен, потому что заведение представляло скорее подобие «института повышения квалификации». В Археологическом институте учились некоторые известные археологи, такие как Н.Е. Макаренко, Н.И. Репников, Л.Н. Целепи, Н.М. Печёнкин, Ю.Г. Гендуне²⁶.

Рис. 1. Н.К. Минко — студент Санкт-Петербургского университета. Фотография из личного дела. 1899 г. © ЦГИА, Санкт-Петербург

²¹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 18–18 об.

²² ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 24.

²³ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3645. Л. 23.

²⁴ ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 98. Л. 285.

²⁵ Tikhonov 2013, 27.

²⁶ Tikhonov 2013, 27.

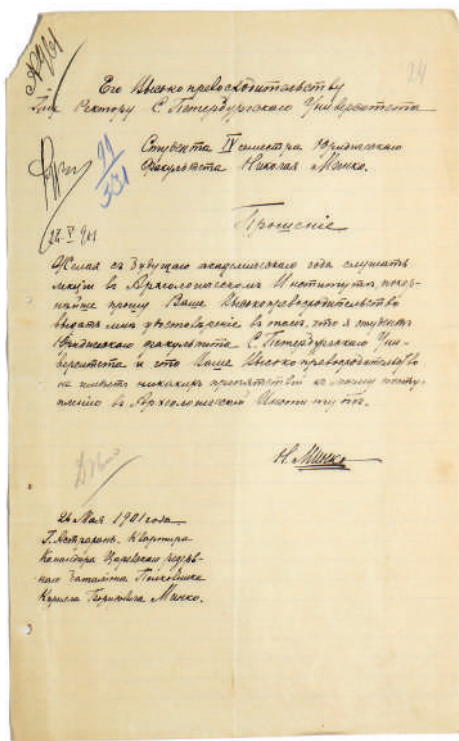

Рис. 2. Прошение Н.К. Минко о разрешении на поступление в Археологический институт. 24.05.1901 г. Автограф © ЦГИА, Санкт-Петербург

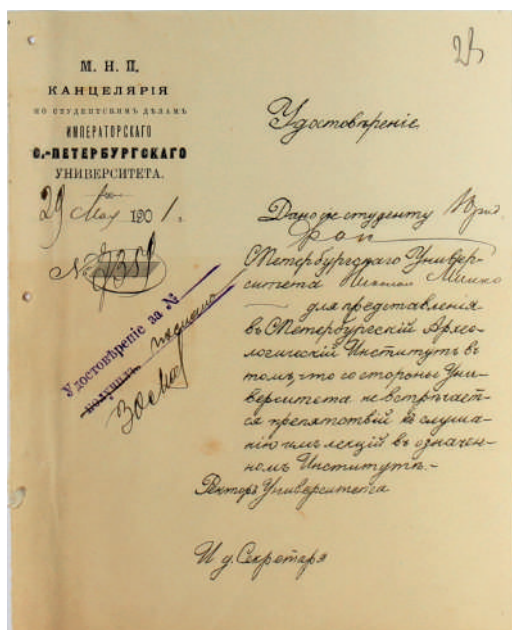

Рис. 3. Удостоверение, выданное ректором Санкт-Петербургского Университета Н.К. Минко для предъявления в Санкт-Петербургский Археологический институт. 29.05.1901 г. © ЦГИА, Санкт-Петербург

19 марта 1903 г. Н.К. Минко окончил Санкт-Петербургский университет, после чего был направлен в Челябинск, где служил в должности помощника заведующего передвижением переселенцев по европейской России. Очевидно, что огромный интерес Н.К. Минко к археологии и определил изучение им древностей региона, которое он начал вскоре после его переезда в Челябинск. Его деятельность как исследователя археологических памятников Челябинского края прослеживается по материалам переписки с ИАК в период с 1904 по 1913 г.²⁷

В первом отношении, отправленном в ИАК 11 октября 1904 г., Н.К. Минко пишет, что «недалеко от Челябинска имеются несколько курганов, которые могут бесследно пропасть для науки», и просит разрешить ему их раскопки²⁸. Он заверил Комиссию в том, что в случае положительного решения отчет будет напечатан им в Записках Уральского общества любителей естествознания, членом которого он состоял. 4 ноября 1904 г. ИАК выслала ему уведомление за подписью помощника председателя В.В. Латышева об отправке для ознакомления Правил,

²⁷ НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 219; Оп. 1-1909. Д. 63; Оп. 1-1913. Д. 356.

²⁸ НА РО ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 1.

на основании которых Комиссия выдавала открытые листы²⁹. В своем отношении от 4 февраля 1905 г. Минко просит отправить ему непосредственно открытый лист и образец полевого дневника для фиксации результатов раскопок. Отдельно отмечалось, что проводить раскопки он собирался на собственные средства³⁰. 19 февраля 1905 г. ИАК отправила ему открытый лист на производство раскопок «в землях Челябинского уезда Оренбургской области»³¹. Раскопки по выданному открытому листу Н.К. Минко, по «не зависящим от него обстоятельствам»³², смог произвести только осенью 1906 г. С 18 августа по 15 октября 1906 г. им были исследованы три кургана в районе озера Синеглазовского, Исаковской и Миасской станиц. Отчет о проведенных раскопках вместе со схемами раскопов курганов и фотографиями находок был отправлен в ИАК 2 февраля 1907 г.³³ Отчетные материалы сопровождало и отношение Н.К. Минко с просьбой о выдаче нового открытого листа на 1907 г., который и был ему отправлен 16 февраля 1907 г.

Документы в фондах НА ИИМК РАН позволяют считать, что в 1907/1908 г. Н.К. Минко посещал Санкт-Петербург и, по-видимому, побывал в Комиссии. В пользу этого говорит его письмо от 4 июня 1908 г. к А.А. Спицыну, в котором он обращается к тому лично ввиду «любезного отношения к нему во время бытности в Санкт-Петербурге» и просит «исходатайствовать для него в текущем году открытый лист». Причиной того, что он не мог обратиться, как ранее, к самому руководству ИАК заключалась в том, что Н.К. Минко не успел подготовить и отправить отчет о раскопках, проведенных в 1907 г. В объяснение задержки он указывал на то, что «по приезде из Санкт-Петербурга я должен был более месяца потратить на разъезды по делам службы, а по

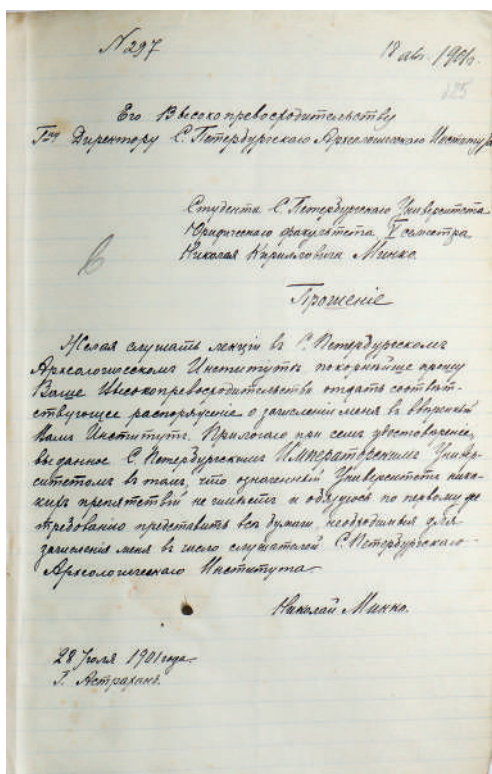

Рис. 4. Просение Н.К. Минко о зачислении в число слушателей Императорского Археологического института. 28.07.1901 г. Автограф © ЦГИА, Санкт-Петербург

²⁹ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 2.

³⁰ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 4.

³¹ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 5.

³² По имеющимся сведениям, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Н.К. Минко был направлен уполномоченным Красного Креста в район Восточной Сибири.

³³ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 9–21.

возвращении сразу началось столь сильное движение переселенцев, что я абсолютно не имел возможности привести в порядок все добытое в прошлом году и закончить отчет», обещая завершить его к началу июля этого же года³⁴. Отпуска ответа ему в деле не сохранилось, на письме имеется помета А.А. Спицына от 21 июня 1908 г.: «Лично я считал бы возможным выдать просимый открытый лист», что и было сделано 26 июня 1908 г.³⁵ Как и обещал Н.К. Минко своему поручителю, отчет за 1907 г. вместе с описью археологических находок он прислал в ИАК 18 июля 1908 г. В сопроводительном письме к отчету указывалось, что все вещи из раскопанных за 1907 г. 19 курганов, кроме глиняных сосудов и горшков, отправлены в ИАК по почте. Антропологический материал из погребений был сдан в Антропологический музей при МГУ.

В 1908 г. Н.К. Минко исследовал 38 курганов близ сел Сосново, Исаково, Смолино и оз. Синеглазово; в раскопках двух из них принимал участие известный археолог С.А. Гатцук³⁶. 22 апреля 1909 г. подробный отчет за 1908 г. был отправлен Н.К. Минко в ИАК. В сопроводительном письме он отмечал, что начал работу по составлению археологической карты окрестностей Челябинска в 1-верстном масштабе, и количество курганов, которым угрожало разрушение, настолько велико, что необходима помощь Комиссии для увеличения объемов раскопок. 18 июня 1908 г. эта просьба была заслушана на одном из очередных заседаний ИАК, и было решено выделить 100 руб. на наем рабочих и проведение дополнительных раскопок³⁷. В ответ на это решение Минко отправил в Комиссию письмо с благодарностью за поддержку его работ.

В апреле 1909 г. Н.К. Минко получил очередной открытый лист на проведение раскопок в Челябинском уезде; кроме того, по его просьбе Комиссия подготовила письмо на имя «атамана 3 отдела Оренбургского казачьего войска» об оказании содействия Минко при проведении археологических работ. Хотя более подробной информации об этом нет, следует предполагать существование каких-то разногласий между местными властями и археологом. Это, вероятно, было обусловлено тем, что курганы находились на казачьих землях. Скорее всего раскопки проводились весной, потому что далее в жизни Н.К. Минко произошло несколько событий, связанных с ухудшением состояния его здоровья. 25 июля 1909 г. он направил в ИАК письмо, в котором уведомлял Комиссию о своей грядущей поездке в Крым, где ему предстояло пробыть по предписанию врачей всю осень 1909 г., и, «желая воспользоваться этим случаем для ознакомления с курганами, содержащими окрашенные костяки (...), группа которых имеется в 25 верстах от Севастополя на берегу реки Кач», просил выдать ему открытый лист на право проведения раскопок

³⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 31.

³⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 219. Л. 32–33.

³⁶ Семен Андронович Гатцук (1856 – после 1916 г.) – археолог, этнограф, краевед, член Русского археологического общества (РАО). О совместных раскопках Н.К. Минко и С.А. Гатцука см. Botalov 1986.

³⁷ Это первый документированно подтвержденный случай финансирования раскопок Н.К. Минко со стороны ИАК, до этого работы проводились без финансового участия Комиссии.

в Симферопольском уезде Таврической губернии³⁸. 12 августа 1909 г. В.В. Латышев уведомил Минко об отправке ему открытого листа и извещения губернатору Таврической губернии о проведении археологических раскопок в Симферопольском уезде. Отчет о раскопках в Крыму в 1909 г. в деле отсутствует, однако из биографического очерка Дурылина известно, что раскопки состоялись в 27 верстах от Севастополя, «на высоком берегу р. Альмы (...)». Эти раскопки Н.К. Минко производил при материальной поддержке Московского археологического о-ва при посредничестве проф. Д.Н. Анучина. Результаты раскопок, поэтому, были направлены в Москву³⁹. Годы раскопок указаны как 1907 и 1911, но архивные данные позволяют скорректировать их первый год проведения как 1909 г. Вторая дата также требует уточнения, поскольку, как отмечено, раскопки проводились при финансовом участии МАО; отсюда встает задача выявления соответствующих архивных документов для проверки приведенной информации.

Далее, несмотря на письма к нему в 1910, 1911 и 1912 г. с требованиями отправки отчета за 1909 г. и квитанции о расходовании 100 руб., выделенных на раскопки, Н.К. Минко не отвечает ИАК вплоть до 12 марта 1913 г. Очевидно, это было связано с возникшими у него серьезными проблемами со здоровьем. С.Н. Дурылин пишет, что в октябре 1912 г. Минко заболел тифом в Омске, куда его направили уполномоченным по борьбе с последствиями неурожая в Челябинском уезде. Через месяц после выздоровления от тифа он вновь заболевает, но уже туберкулезом. В биографическом очерке отмечено, что до весны 1914 г. он находился на лечении в туберкулезном санатории в Давосе, в Швейцарии⁴⁰. Однако, судя по письму в Комиссию, Николай Кириллович вернулся в Челябинск не позднее марта 1913 г. По его словам, задержка с отчетом была связана «с тяжелой болезнью — острым ревматизмом и последовавшей за ней служебной командировкой»⁴¹. В этом же письме он просит выслать ему открытый лист на проведение раскопок в 1913 г. и сообщает об отправке почтой в ИАК вещей, обнаруженных в курганах в 1909 г. Вместе с этим письмом в Комиссию был прислан полевой дневник раскопок 1909 г. За отчетный период Минко исследовал 30 курганов по левому берегу р. Миасс напротив поселка Першино. 26 марта 1913 г. он направил отчет о расходовании 100 руб., потраченных в полном объеме на оплату труда наемных рабочих. В тот же день ИАК отправила Минко открытый лист на производство раскопок в текущем году⁴². 25 января 1916 г. ему было выслано письмо с просьбой ускорить подачу отчета за 1913 г., которое осталось без ответа. Более Николай Кириллович в ИАК не обращался.

Важно отметить, что Н.К. Минко как археолог-полевик и нумизмат постоянно приобретал современную ему научную литературу по археологии (тома ЗРАО, ИИАК, ОАК и пр.), глиптике, античной, византийской, древнерусской, западной

³⁸ Н.К. Минко просил выслать открытый лист «по адресу: г. Севастополь, Большая Морская, ул. Цакни; А.Н. Кази (отец супруги Марии Александровны. — *Авт.*) изд. Н.К. Минко».

³⁹ Durylin 1927a, 54.

⁴⁰ Durylin 1927a, 54.

⁴¹ НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1909. Д. 63. Л. 19.

⁴² НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1913. Д. 356. Л. 2.

нумизматике⁴³, которую он использовал для определения найденных им бус, гемм, монет и т.д. Среди книг: «К древней нумизматике. Описание объяснительное древне-греческих и римских монет, собранных в Закавказье в 1879–1889 гг.» (Тифлис, 1890)⁴⁴; Деммени М.Г. «Записки нумизматического отделения Императорского Русского Археологического Общества». Т. I. Вып. IV. (СПб., 1910)⁴⁵; «Обозрение монет, найденных при Херсонесских раскопках в 1888 и 1889 годах» А.В. Орешникова (СПб., 1892)⁴⁶; «Древние драгоценные амулеты, найденные в Южной России, и геммы нового времени (с XV по наст. вр.)» Т.В. Кибальчича (Киев, 1896)⁴⁷; «Древности Южной России» (СПб., 1892)⁴⁸ и др. Во всех книгах имеются пометы и подчеркивания рукой Минко, выделявшего аналогии раскопанным им погребениям и артефактам. Некоторые книги он приобрел в Петербурге во время слушания курсов в Археологическом институте, другие прислали ему в Челябинск из Петербурга и Москвы.

Из биографического очерка, составленного С.Н. Дурылиным, известно, что в 1914 г. в качестве уполномоченного Красного Креста Николай Кириллович выехал на фронт Первой мировой войны. Весной 1918 г. он отправил письмо из Румынии в Челябинск о скором возвращении домой, однако после этого семья никаких известий о нем более не получала. Долгое время он считался пропавшим без вести, пока не открылись новые подробности о его судьбе в годы Гражданской войны и гибели в 1920 г.⁴⁹

2. АНТИЧНЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И МОНЕТЫ ИЗ КРЫМА

Публикуя следующую часть нумизматической коллекции Н.К. Минко, необходимо подчеркнуть важность исследованных архивных документов, позволяющих не только осветить неизвестные ранее факты из биографии одного из многих подвижников науки, деятельность которого пришлась на самый сложный для страны период истории, но и прояснить происхождение античных предметов, боспорских и византийских монет в его собрании. Так, например, боспорские и позднеримские монеты, вместе с античной геммой, без сомнения, могли быть собраны самим Николаем Кирилловичем в Крыму (Феодосии или Керчи), а горсть литой херсоно-византийской меди он, конечно, приобрел в Севастополе в период проведения раскопок в Симферопольском уезде в 1909–1911 гг. Возможно, здесь же коллекция Н.К. Минко пополнилась и публикуемым ниже уникальным кладом дореформенных серебряных монет Алексея I Комнина, а также

⁴³ В 1923 г. вместе с археологической и нумизматической коллекцией его вдова Мария Александровна передала Челябинскому музею 66 книг из библиотеки Н.К. Минко. Фонд: ЧОКМ ОФ-5185.

⁴⁴ ЧОКМ ОФ-5185/1492.

⁴⁵ ЧОКМ ОФ-5185/1037.

⁴⁶ ЧОКМ ОФ-5185/1558.

⁴⁷ ЧОКМ ОФ-5185/1054.

⁴⁸ ЧОКМ ОФ-5185/1576.

⁴⁹ Данные материалы в настоящее время готовятся к публикации челябинским историком-краеведом В.С. Боже.

Рис. 5. Гемма из находок Н.К. Минко в Крыму и оттиск с нее © Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск

другими византийскими серебряными монетами и подвеской — копией золотого гистаменона Михаила VII (1071–1078 гг.).

а. Литик с изображением Фортуны и Виктории

Вместе с коллекцией медных античных монет М.А. Минко передала в дар музею в 1923 г. и античную гемму, которая в музейной описи значится в этой части нумизматической коллекции под № 1⁵⁰. Гемма размером: 9 x 11 мм, при толщине 1,82 мм, со сколами по краю, по музейным данным, сделана из янтаря, хотя, судя по фотографии, это скорее всего стеклянный литик. В пользу такой идентификации говорят как пузырьки, видимые на фотографии, так и мягкие контуры изображений⁵¹. Поскольку возможности работать с предметом *de visu* не было, атрибуция основана на предоставленных фотоматериалах и касается в первую очередь определения сюжета и датировки памятника.

На представленной гемме слева изображена женская фигура с рогом изобилия, а справа к ней приближается фигура, в вытянутой руке которой находится венок (рис. 5). Данный сюжет получает распространение в глиптике

⁵⁰ ГИМЮУ. Инв. № ЧОКМ ОФ-5122/1.

⁵¹ О литиках существует достаточно обширная литература, обзор которой был представлен в недавней работе Treister 2023, 72–93.

в I в. до н.э. — III в. н.э.⁵², хотя и не является таким распространенным, как отдельные изображения богинь.

Иконографическая схема устойчива. Фортуна с рогом изобилия изображена слева. Справа к ней приближается Виктория, которая держит в вытянутой вперед руке венки, которым она собирается короновать Фортуну. Возможны вариации, в некоторых случаях изображен уже сам момент коронации, в других — вместо венка Виктория держит в руке пальмовую ветвь, как на сердоликовой гемме в Мюнхене⁵³. А на литике, имитирующем аметист, из Лон-ле-Сонье в департаменте Юра на востоке Франции Фортуна и Виктория изображены по сторонам пальмы с повешенным на нее щитом⁵⁴.

На месте Фортуны в аналогичных схемах на геммах, монетах, саркофагах и рельефах⁵⁵ могут быть представлены и другие божества, так же, как и другие божества могут изображаться в аналогичных сценах коронации венком Фортуны⁵⁶.

Помимо отмеченных М. Хенигом и в ЛМС примеров изображений, аналогичных публикуемому: 1) на стеклянном литике в Геттингене⁵⁷, 2) яшме — в Нью-Йорке⁵⁸; 3) халцедоне — в Брауншвейге⁵⁹; сердолика: 4—5) Клузе⁶⁰; 6—8) Берлине⁶¹; 9) из Рейнской области⁶²; 10) в Удине (происходит, вероятно, из Аквилеи)⁶³, а также на трех буллах из Кирены (11—13)⁶⁴; укажем на следующие произведения глиптики с изображением Фортуны и Виктории с известным происхождением: 14) геммы на сердолике и яшме из Аквилеи⁶⁵; 15—16) на ониксе и сердолике из Кесарии Приморской (Caesarea Maritima)⁶⁶; 17) золотой перстень со стеклянной вставкой, хранящийся в Государственном Эрмитаже и приобретенный в 1886 г. у Е.М. Кирьякова в Керчи⁶⁷; 18) гемма на сердолике — случайная находка в Нове — в Археологическом музее в Софии⁶⁸; 19) булла из Долихе (между Викторией и Фортуной — бюст Сола, ниже — орел)⁶⁹. Происхождение других гемм неизвестно: 20) Малибу,

⁵² Henig 1978, 223, no. 305, pl. 10, 40; Rausa 1997, 134, Nr. 143—146; 140.

⁵³ AGD I.3, 81, Nr. 2625, Taf. 243; Rausa 1997, 134, Nr. 143—146; 140.

⁵⁴ Guiraud 1996, 98, fig. 68.

⁵⁵ Balty 1997, 260—262, Nr. 290—311.

⁵⁶ Например, Фортуна — Меркурий: Dimitrova-Milcheva 1980, 46, no. 61; Zahlhaas 1985, 39—40, Nr. 40; Zwierlein-Diehl 1991, 304, Nr. 2755, Taf. 222; Platz-Horster 1994, 186, Nr. 292, Taf. 56. Фортуна — Минерва: Finogenova 1993, 41—42, № 64—65. Фортуна — Гений: AGD I.3, 81, Nr. 2623, Taf. 243.

⁵⁷ AGD III, 97, Nr. 162, Taf. 42; Rausa 1997, 134, Nr. 143.

⁵⁸ Richter 2006, 83, no. 360, pl. 48; Rausa 1997, 134, Nr. 144c.

⁵⁹ AGD III, 37, Nr. 111, Taf. 14; Rausa 1997, 134, Nr. 144.

⁶⁰ Teposu-David 1960, 528—529, no. 15—16, fig. 1, 10—11; Rausa 1997, 134, Nr. 144a—b.

⁶¹ Furtwängler 1896, 120, Nr. 2571—2573, Taf. 23.

⁶² Henkel 1913, Nr. 1507.

⁶³ Napolitano 1950, 39, fig. 38; 42.

⁶⁴ Maddoli 1963—1964, 83—84, no. 275—277, fig. 18.

⁶⁵ Sena Chiesa 1966, 245—246, no. 629—633; tav. XXXII.

⁶⁶ Hamburger 1968, 10, 30, no. 65—66, pl. III.

⁶⁷ Arsentyeva, Gorskaya 2019, 102—103, № 97.

⁶⁸ Dimitrova-Milcheva 1980, 50, № 82.

⁶⁹ Maaskant-Kleinbrink 1971, 43, fig. 60; 45, n° 50.

Музей Гетти⁷⁰; 21) Кёльн, Собор⁷¹; 22–24) Вена, Художественно-исторический музей. 3 экз.⁷²; 25–28) Гаага, Королевский монетный кабинет. 4 экз.⁷³; 29) Мадрид, Национальный археологический музей⁷⁴; 30–32) Аукцион Штернберг, Цюрих. 3 экз.⁷⁵

Как видно, большая часть гемм и литиков с рассматриваемым сюжетом, хранящихся в музейных собраниях, — беспаспортная, с неизвестным происхождением. На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что среди памятников глиптики с изображением Фортуны и Виктории с известным происхождением большая часть происходит из Северной Италии, Ближнего Востока и Малой Азии, а также Западного Причерноморья (провинция Нижняя Мезия). Перстень, хранящийся в Эрмитаже, был приобретен в Керчи, и, соответственно, возможно, найден в Пантикапее. С учетом этих фактов предпочтительно считать Причерноморье местом происхождения геммы из собрания Н.К. Минко, тем более если учесть, что он жил в Феодосии до 1895 г., собирая здесь античные древности и монеты, и конечно же посещал Керчь, Севастополь, Одессу. Стоит отметить, что в 1906 г. Николай Кириллович специально приобрел упомянутую выше книгу Т.В. Кибальчича⁷⁶ о геммах, найденных на Юге России (рис. 6). Интерес к теме говорит в пользу того, что публикуемая гемма к этому времени уже была в его коллекции.

б. Боспорские монеты

Боспорская часть нумизматической коллекции Н.К. Минко включает десяток медных монет Пантикапея III—I вв. до н.э. и 13 царских монет I–IV вв. н.э. Все это обычные типы — самый массовый подъемный материал, не требующий особых комментариев. Одинаковая патина и плохая сохранность этих монет, нередко

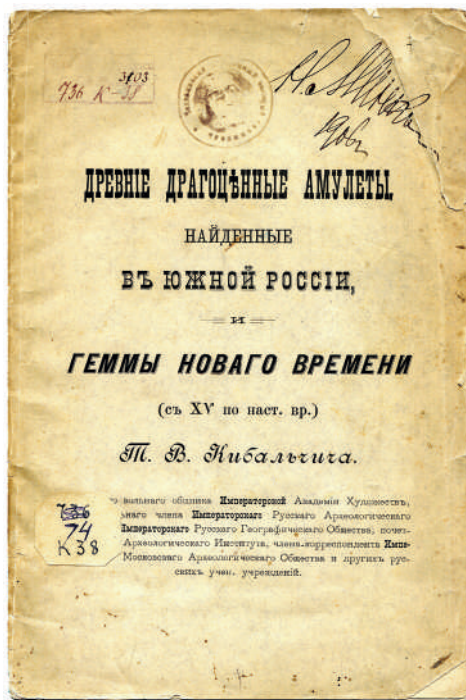

Рис. 6. Каталог гемм Т.В. Кибальчича (Киев, 1896) из библиотеки Н.К. Минко
© Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск

⁷⁰ Spier 1992, 136, no. 370.

⁷¹ Zwierlein-Diehl 1998, 289, Nr. 180.

⁷² Zwierlein-Diehl 1979, 156, Nr. 1215–1216, Taf. 106; 1991, 305, Nr. 2756, Taf. 222.

⁷³ Maaskant-Kleibrink 1978, 256, no. 676, pl. 118; 291, no. 831–832, pl. 138; 302, no. 878, pl. 145.

⁷⁴ Casal Garcia 1990, 148, no. 310.

⁷⁵ Auktion Sternberg XXV, 1991, 103, Nr. 751–753, Taf. XXXIII.

⁷⁶ Kibalchich 1896.

одних и тех же типов, свидетельствуют о том, что они скорее всего были собраны самим Минко на территории античной Феодосии или Керчи. Ряд пантикапейских выпусков открывает дихалк типа «голова сатира/голова быка» начала III в. до н.э. (каталог, № 1), далее следует выпуск периода денежного кризиса этого столетия (№ 2). Чеканка II в. до н.э. представлена самым массовым боспорским типом «Аполлон/горит» (№ 3) и парой халков типа «Афина/прора» (№ 4–5), относящихся к финальной серии Перисада V (ок. 110 г. до н.э.), один из которых является перечеканкой на халке «голова сатира/шапки Диоскуров». К митридатовскому времени относятся три халка «треножник/звезда» (№ 6–8). Самые поздние монеты автономного периода — выпуски Пантикапея времени Асандра типов «голова Аполлона/Пегас» и «голова Аполлона/лук и колчан» (№ 9–10). Для хронологии этих монет нет надежных критериев; очевидно только, что они чеканились уже после прекращения чеканки Асандра с титулом архонта в 46/45 г. до н.э.⁷⁷

Чеканка римского периода (№ 11–23) представлена медью боспорских царей от Аспурга (14/15–37/38 гг.) до Рескупорида VI (318/319–341/342 гг.). Это ассарии Аспурга и Гепепии (№ 11–12), сестерции Савромата I и Котиса II (№ 13–14), медный денарий и билонный статер Рескупорида V (№ 16–17), а также статеры Фофорса (№ 18–19) и Рескупорида VI (№ 23).

с. Позднеримские монеты

Коллекция включает пару медных римских монет IV–V вв. (№ 24–25) — константинопольские выпуски Констанция II (324–361 гг.) и Льва I Макеллы (457–474 гг.). Такие монеты нередко встречаются в позднеантичных и ранневизантийских слоях Херсонеса и городов Боспора: например, только в Фанагории было найдено семь монет Констанция II данного типа (в том числе и аналогичная публикуемой⁷⁸) и две Льва I⁷⁹. Отметим, что монеты Констанция II и Льва I соседствуют с херсоно-византийской медью в кладе из Херсонеса⁸⁰. В собрание Н.К. Минко позднеримская медь могла попасть как вместе с боспорскими монетами, так и с херсонскими выпусками IX–X вв.

д. Византийские монеты

27 монет (8 медных и 19 серебряных) относятся к чеканке Византийской империи. Данная часть коллекции Н.К. Минко определенно сформирована из трех комплексов: 1) медные монеты: литая херсоно-византийская медь (семь экземпляров) и полуфоллис Юстина II; 2) серебряные монеты Алексея I Комнина (1081–1118 гг.) — 17 экземпляров; 3) полуствратоны Мануила II (1391–1425 гг.) и Иоанна VIII (1425–1448 гг.). Собрание дополняет серебряная подвеска — литая копия золотого гистамемена Михаила VII (1071–1078 гг.) (№ 34).

⁷⁷ О городской меди времени Асандра см. Frolova 1997, I, 23 (с литературой). В.А. Анохин без какой-либо аргументации датирует монеты с Пегасом на реверсе 47–37 гг. до н.э., считая их синхронными архонтской серии Асандра, а монеты с луком и колчаном — 37–27 гг. до н.э. См. Anokhin 1986, 80; № 247, 250.

⁷⁸ ГИАМЗ «Фанагория». Хранение ФМ-КП-41/46 Н 320.

⁷⁹ 1 — Frolova 1981, № 34. Тип: RIC X, 291, no. 661; 2 — № Ф-09-251. Тип: RIC 10, 291, no. 658.

⁸⁰ Kropotkin 1962, 34, № 220.

Литая херсоно-византийская медь (№ 26–33) представлена монетами очень узкого хронологического периода (последняя четверть IX — середина X в.). Это выпуски императоров, правивших последовательно друг за другом: Василия I (867–886 гг.), Льва VI (886–912 гг.), Константина VII (913–959 гг.), Романа II (959–963 гг.) — по две монеты каждого правителя, за исключением Льва VI (одна)⁸¹. Типы хорошо известны и почти не требуют комментариев за исключением монеты Романа II (№ 33), которая неверно отнесена В.А. Анохиным к IV выпуску (920–944 гг.) совместного правления Константина VII и Романа⁸². Ф. Грирсон справедливо относит эту эмиссию ко времени самостоятельного правления последнего⁸³.

Большую часть византийской коллекции Н.К. Минко составляют дореформенные серебряные монеты Алексея I Комнина: четыре номисмы стамены/гистаменона и 13 номисм тетартеронов (№ 35–51). Учитывая относительную немногочисленность этих серебряных монет в музейных собраниях⁸⁴ и почти полное отсутствие их в находках в Крыму и на Тамани, Кубани и в Закавказье⁸⁵, можно уверенно утверждать, что это гомогенный комплекс — клад неизвестного происхождения, найденный до 1909 г. на территории Крыма (скорее всего в Херсонесе — единственном памятнике, где зарегистрирован тетартерон Алексея I), либо на Тамани, Нижнем и Среднем Дону, в Кубанской области (современном Краснодарском крае), Закавказье, куда крайне редко проникали монеты этого императора (в основном, электроновые и медные)⁸⁶. Присутствие в кладе двух тетартеронов второй чеканки позволяет сузить датировку клада до 1087–1092 гг. Возможно, Николай Кириллович приобрел данный клад у севастопольских торговцев антиквариатом и монетами в 1909 г., когда прибыл в Крым для лечения и проведения раскопок в окрестностях Севастополя.

Скорее всего также из какого-то другого клада неизвестного происхождения происходят полуставратоны Мануила II и Иоанна VIII, правление которых следует друг за другом (№ 52–53)⁸⁷, по-видимому, купленные Минко там же.

Публикуемый нумизматический материал расширяет корпус античных и византийских монет в собраниях российских музеев.

⁸¹ Н.К. Минко определял эти монеты по имеющейся у него книге А.В. Орешникова «Обзорные монеты, найденные при Херсонесских раскопках в 1888 и 1889 годах (СПб., 1892)».

⁸² Anokhin 1977, 163, № 420.

⁸³ *DOC* 3/2, 577, no. 3. 1–3.

⁸⁴ Так, например, в крупнейшем собрании Думбартон Оукс и коллекции Виттемора имеется всего 8 серебряных стамен Алексея I (*DOC* 4/1, 204, no. 3. 3–10), 21 тетартерон первой чеканки (*DOC* 4/1, 207–208, no. 6) и 7 — второй (*DOC* 4/1, 208, no. 7).

⁸⁵ Так, дореформенная серебряная номисма стамена Алексея I типа *DOC* 4/1, 204, no. 3. 5–6 происходит из Убинского могильника в Закубанье. См. Pakhomov 1954, 43, № 1594 = Kropotkin 1962, № 3; Ryankov, Yurchenko 2016. Серебряный тетартерон найден при раскопках в Херсонесе. Авторы искренне благодарят за консультации В.В. Гурулеву (Государственный Эрмитаж) и А.В. Пьянкова (КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына).

⁸⁶ См. Kropotkin 1962, № 3, 88, 89а, 119, 337; Sidorenko 2015, 398, № 4.

⁸⁷ Медная монета зарегистрирована в Феодосии. См. Kropotkin 1962, № 224.

КАТАЛОГ⁸⁸

1. БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

1) Автономный период

Пантикапей

Ок. 300–290 гг. до н.э.

Дихалк

АЕ. Л.с. Голова бородатого сатира влево. *О.с.* Голова быка в $\frac{3}{4}$ быка; ПАН.

№ п/п	Инв. № ГИМЮУ	Диаметр, мм	Вес, г	Примечания
1.	ОФ-5122/21	18	4.03	Cf. <i>SNG BM</i> I 890–893.

Ок. 250 г. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова бородатого сатира вправо. *О.с.* Лук и стрела; ПАНТ.

2.	ОФ-5122/33	16	3.84	Cf. <i>SNG Stancomb</i> 565.
----	------------	----	------	------------------------------

Ок. 175–120 гг. до н.э.

Халк

АЕ. Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. *О.с.* Лук в горите; ПАН.

3.	ОФ-5122/40	11	2.26	Cf. <i>SNG Stancomb</i> 565.
----	------------	----	------	------------------------------

Ок. 110 г. до н.э.

АЕ. Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо. *О.с.* Прора вправо; ПАН.

4.	ОФ-5122/34	14	2.12	Cf. <i>SNG Stancomb</i> 565. Перечеканка на типе сатир/шапки Диоскуров.
5.	ОФ-5122/37	14	1.51	

Нач. I в. до н.э.

Халки

АЕ. Л.с. Треножник. *О.с.* Звезда; в лучах ПАНТИКАП.

6.	ОФ-5122/35	13	2.49	Cf. <i>SNG BM</i> I 941–944.
7.	ОФ-5122/36	13	1.70	
8.	ОФ-5122/38	14	2.15	

Время Асандра, 45/44–21/20 гг. до н.э.

Тетрахалки

АЕ. Л.с. Голова Аполлона вправо. *О.с.* Пасущийся Пегас влево; ПАНТИКА ПАΙΤΩΝ.

9.	ОФ-5122/32	22	7.08	Cf. <i>SNG BM</i> I 957.
----	------------	----	------	--------------------------

АЕ. Л.с. Голова Аполлона вправо. *О.с.* Лук и колчан; ПАНТИКА ПАΙΤΩΝ.

10.	ОФ-5122/31	18.5	6.02	Cf. <i>SNG BM</i> I 957. Отверстие.
-----	------------	------	------	-------------------------------------

⁸⁸ Номерам монет в каталоге соответствуют номера в таблицах. Номера 7, 10 и 23 не приведены в таблицах из-за крайне плохой сохранности.

2) Римский период

АСПУРГ (14/15–37/38 гг.)

После 18 марта 37 г. н.э.

Ассарий

АЕ. *Л.с.* ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Гая Калигулы в лавровом венке вправо. *О.с.* Голова Аспурга в царской повязке вправо; слева ~~ΒΑΡ~~, справа внизу ΙΒ.

11.		ОФ-5122/39		23		9.9		Cf. BAR 1102. Pl. XLV, 10.
-----	--	------------	--	----	--	-----	--	----------------------------

ГЕПЕПИРИЯ (37/38–38/39 гг.)

Ассарий

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ. Бюст Гепепии вправо; на голове царская повязка. *О.с.* Голова Афродиты Урании в калафосе, покрытая покрывалом, вправо; слева ΙΒ.

12.		ОФ-5122/22		23		5.99		Cf. BAR 1102. Pl. XLVII, 7.
-----	--	------------	--	----	--	------	--	-----------------------------

САВРОМАТ I (93/94–123/124 гг.)

Ок. 115/116–118/119 гг. н.э.

Сестерции

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата I вправо. *О.с.* Венок; ΜΗ.

13.		ОФ-5122/18		23		8.97		Cf. Frolova 1997, I, XLVIII, 12.
-----	--	------------	--	----	--	------	--	----------------------------------

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Венок на курульном кресле; слева — щит и копье; справа — скипетр с бюстом. *О.с.* Венок; ΜΗ.

14.		ОФ-5122/19		26		10.35		Cf. Frolova 1997, I, L, 8.
-----	--	------------	--	----	--	-------	--	----------------------------

КОТИС II (123/124–132/133 гг.)

Ок. 126/127 г. н.э.

Сестерций

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Бюст Котиса II вправо. *О.с.* Круглый щит и копье; слева голова коня и топор, справа шлем и меч, внизу ΜΗ.

15.		ОФ-5122/14		23		8.62		Cf. Frolova 1997, II, LIV, 13.
-----	--	------------	--	----	--	------	--	--------------------------------

РЕСКУПОРИД V (242/243–276/277 гг.)

Ок. 242–251 гг.

Денарий

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; слева Β, справа ✕. Точечный ободок.

16.		ОФ-5122/11		20		5.68		Cf. Frolova 1997, II, LIX, 15.
-----	--	------------	--	----	--	------	--	--------------------------------

Статер

ΒΛ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ. Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора; справа Κ, внизу дата.

№ п/п	Инв. № ГИМЮУ	г. н.э.	г. б.э.	Дата	Диаметр, мм	Вес, г	Примечания
17.	ОФ-5122/44	266/267	563	ГΞΦ	19	6.17	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 1732.

ΦΟΦΟΡС (285/286–308/309 гг.)

ΑΕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥС ΘΟΘΩРСΟΥ. Бюст Φοфорса вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; справа тамга; внизу дата.

18.	ОФ-5122/20	290/291	587	ΣΠΦ	19	7.35	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2470 (о.с.). Л.с. Штемпель новый?
19.	ОФ-5122/12	294/295	591	ΑΡΦ	20	5.68	Cf. Frolova 1997, II, LXXI, 19.

ΡΕСΚУПΟΡΙΔ VI (318/319–341/342 гг.)

ΑΕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥС ΡΙСΚΟΥΠΟΡΙС. Бюст царя вправо. Точечный ободок. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу или по сторонам дата. Точечный ободок.

20.	ОФ-5122/15	319/320	616	ςΙΧ	17	4.54	Cf. Frolova 1997, II, LXXIXVII, 25. Л.с. Справа трезубец. О.с. Справа двузубец.
21.	ОФ-5122/13	325/326	622	ΒΚ–Χ	19	6.75	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 842. Л.с. Справа венки.
22.	ОФ-5122/17	325/326	622	ΒΚ–Χ	19	6.95	Cf. Frolova 1997, II, CV, 6.
23.	ОФ-5122/16	326/327	623	ΓΚΧ	19	5.88	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 967. Л.с. Справа точка. О.с. Справа орел на шаре.

2. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΥ ΙΙ (324–361 гг.)

Константинополь

15 марта 351 г. — 6 ноября 355 г.

ΑΕ. Л.с. D N CONSTANTIVS P F AVG. Бюст Констанция II, в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема; за бюстом Δ. *О.с.* FEL TEMP REPARATIO. Воин, в шлеме, со щитом в левой руке, поражает копьем падающего всадника слева, щит которого лежит на земле справа. Безбородый всадник в головном уборе полулежит верхом на коне, припав к его шее; слева в поле Β•, под обрезом CONS.

№ п/п	Инв. № ГИМЮУ	Диаметр, мм	Вес, г	Примечания
24.	ОФ-5122/3	20	4.21	Cf. RIC 8, 457, no. 109.

3. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЛЕВ I (457–474 гг.)

Константинополь

457–474 гг. н. э.

АЕ 2

АЕ. *Л.с.* D N LEONI—S PP AVG. Бюст Льва в плаще и панцире вправо; на голове жемчужная диадема. *О.с.* VIRTVS—EXERCITI. Император со штандартом и шаром в руках стоит вправо, левой ногой попирая пленника. Под обрезом CONE.

25.	ОФ-5122/42	21	5.06	Cf. <i>RIC</i> 10, 291, no. 654; <i>DOC LRC</i> , no. 560.
-----	------------	----	------	--

4. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЮСТИН II (565–578 гг.)

Фессалоника

½ фоллиса

568/9 г.

АЕ. *Л.с.* DNIVSTI NVSPPAV. Юстин и София на троне анфас. *О.с.* К, вверху крест, слева ANNO вертикально, внизу TES, справа Δ.

26.	ОФ-5122/41	22	5.28	Cf. <i>DOC</i> 1, 221, no. 65. 1.
-----	------------	----	------	-----------------------------------

Херсон

ВАСИЛИЙ I (867–886 гг.)

Класс 4. Одинокое правление Василия I

879–886 гг.

АЕ. *Л.с.* В *О.с.* Крест на трёхступенчатом основании, по сторонам две точки.

27.	ОФ-5122/9	16	2.67	Cf. Anokhin 1977, № 363; <i>DOC</i> 3/2, 506, no. 20a. 9.
-----	-----------	----	------	---

АЕ. *Л.с.* В, по сторонам две точки. *О.с.* Крест на трёхступенчатом основании, по сторонам две точки.

28.	ОФ-5122/4	16	2.67	Cf. Anokhin 1977, № 377; <i>DOC</i> 3/2, 506, no. 20b. 1–4.
-----	-----------	----	------	---

ЛЕВ VI (886–912 гг.)

Класс 1. Одинокое правление Льва VI

АЕ. *Л.с.* Λ Є. *О.с.* Крест на двухступенчатом основании; по сторонам две точки.

29.	ОФ-5122/5	17	2.89	Cf. Anokhin 1977, № 387; <i>DOC</i> 3/2, 521, no. 9. 1–4.
-----	-----------	----	------	---

КОНСТАНТИН VII (913–959 гг.) И РОМАН II (с 945 г.)

Класс 2⁸⁹. Одинокое правление Константина VII

919–920 гг.

АЕ. Л.с. Бюст Константина VII анфас, без бороды. **О.с.** ^кω.

30.	ОФ-5122/8	20	3.14	Cf. Anokhin 1977, № 397–400; <i>DOC</i> 3/2, 570, no. 29. 1–5.
31.	ОФ-5122/10	18	2.22	

Класс 10. Константин VII и Роман II

945–959 гг.

АЕ. Л.с. ^ѿ. **О.с.** ^ѿ.

32.	ОФ-5122/6	18	2.73	Cf. Anokhin 1977, № 430; <i>DOC</i> 3/2, 573, no. 8. 1–8.
-----	-----------	----	------	---

РОМАН II (959–963 гг.)

АЕ. Л.с. ^ѿ. **О.с.** Крест на двухступенчатом основании; по сторонам две точки.

33.	ОФ-5122/7	17	2.46	Cf. Anokhin 1977, № 420; <i>DOC</i> 3/2, 577, no. 3. 1–3.
-----	-----------	----	------	---

Подвеска — литая копия золотого гистамемена Михаила VII (1071–1078 гг.), отчеканенного в Константинополе (класс 1)

АР. Л.с. Христос, в тунике и гиматии, сидит на небольшом троне с квадратной спинкой анфас; вокруг головы — крестообразный нимб; правая рука в жесте благословения, в левой держит Евангелие с обложкой, украшенной [⦿], поставленное на левое колено. В поле [⦿] и [⦿]. Двойной точечный ободок. **О.с.** +ΜΙΧ ΑΝΛ ΡΑCΙΛΟΔ. Бюст императора, бородатого, одетого в лорум, на голове корона с крестом и пендилией; в правой руке держит лабарум с [⦿], в левой — держава, увенчанная крестом. Двойной точечный ободок.

34.	ОФ-576–431	27	6.19	Cf. <i>DOC</i> 3/2, 803, no. 1. 1–4. На обеих сторонах следы припаянного ушка.
-----	------------	----	------	--

АЛЕКСЕЙ I (1081–1118 гг.)

Константинополь

Номисмы стамены

Вторая чеканка. 1081–1087 гг.

АР. Л.с. В поле [⦿] и [⦿]. Бюст Христа, в тунике и колобионе, анфас; вокруг головы — крестообразный нимб, на концах перекладин креста по две точки; в левой руке держит евангелие. **О.с.** +ΑΛΕΞΙΩΔΕC ΠΟΤ.ΤΥΚΜ. Бюст императора, анфас, на голове стемма; в правой руке держит скипетр, в левой — держава, увенчанная крестом.

35.	ОФ-576–427	32	4.38	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 204, no. 3.6. О.с. +ΑΛΕΞΙΩΔΕC ΠΟΤΤΥΚ.
36.	ОФ-576–428	31	4.45	О.с. +ΑΛΕΞΙΩΔΕC ΠΟΤΤΥΚ Μ
37.	ОФ-576–429	28	4.40	О.с.] ΩΔΕC ΠΟΤΤΥΚ Μ.

⁸⁹ По В.А. Анохину (Anokhin 1977, 162): 913–919 гг.

38.	ОФ-576—430	29	4.21	О.с.] $\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa$ μ .
-----	------------	----	------	--

Номисмы тетартероны

Первая чеканка. 1081—1087 гг.

AR. *Л.с.* Бюст Христа, бородатого, в тунике и гиматии, анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие. В поле $\epsilon\zeta\chi\epsilon$. Двойной точечный ободок. $\star$ на каждом конце перекадин креста. *О.с.* + $\alpha\lambda\epsilon\iota\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa\omicron$. Бюст императора, в хламиде, на голове стемма; в правой руке держит скипетр, в левой державу; по сторонам — по точке.

39.	ОФ-576—412	20	3.90	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 208, no. 6с. 19. <i>О.с.</i> Граффито.
40.	ОФ-576—413	18	3.41	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 207, no. 6с. 6? <i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\varsigma\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa$ μ .
41.	ОФ-576—414	18	4.04	<i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\varsigma\omega\Delta\epsilon\varsigma$ ρ [.
42.	ОФ-576—415	18	4.01	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 207, no. 6с. 13. <i>Л.с.</i> Граффито Λ . <i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\varsigma\iota\omega\Delta$ $\rho\omicron\tau\tau$ -I.
43.	ОФ-576—416	18	4.01	
44.	ОФ-576—417	17	3.98	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 208, no. 6с. 21. <i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\iota\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa$.
45.	ОФ-576—418	19	3.98	<i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa$ μ [.
46.	ОФ-576—419	19	3.93	<i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\varsigma\omega\Delta$ $\varsigma\varsigma$ $\rho\omicron\tau$. Граффито h.
47.	ОФ-576—420	19	4.04	<i>О.с.</i>] $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa\omicron\mu$.
48.	ОФ-576—421	18	4.01	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 207, no. 6с. 6. <i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\epsilon\varsigma\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa$.
49.	ОФ-576—424	19	3.95	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 207, no. 6с. 17. <i>О.с.</i> + $\alpha\lambda\varsigma\iota\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa\omicron$.

Вторая чеканка. 1087—1092 гг.

AR. *Л.с.* + $\epsilon\mu\mu\lambda$ $\rho\omicron\upsilon\nu\eta\lambda$. Фигура Христа в рост, бородатого, в тунике и колобионе, анфас; вокруг головы нимб; в левой держит евангелие. В поле $\iota\varsigma$ $\chi\varsigma$. *О.с.* + $\alpha\lambda\epsilon\iota\omega\Delta\epsilon\varsigma$ $\rho\omicron\tau\tau\omega\kappa\omicron\mu\eta\eta$ +. Фигура императора в рост, в лоросе, на голове стемма; в правой руке держит скипетр, в левой державу; по сторонам — по точке.

50.	ОФ-576—425	18	3.49	Cf. <i>DOC</i> 4/1, 208, no. 7. 1—7.
51.	ОФ-576—426	19	3.70	

МАНУИЛ II (1391—1425 гг.)

Константинополь

Класс II. Легкий стандарт, 1403—1425 гг.

½ ставратона

AR. *Л.с.* Бюст Христа, в тунике и гиматии, анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления. В поле $\iota\varsigma$ и $\chi\varsigma$, слева $\star$. Ободок из 16 точек между двумя точечными рамками. *О.с.* Бюст императора в нимбе, анфас; по сторонам по точке. *О.с.* + $\mu\alpha\lambda\omicron\upsilon\eta\lambda$ $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ $\omicron$ $\rho\alpha\lambda\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$.

52.	ОФ-576—423	20	3.07	Cf. <i>DOC</i> 5/2, no. 1414.
-----	------------	----	------	-------------------------------

ИОАНН VIII (1425–1448 гг.)

½ ставратона

АР. Л.с. Бюст Христа, бородастого, в тунике и гиматии, анфас; вокруг головы крестообразный нимб; правая рука в жесте благословления, в левой держит евангелие. В поле ✠ и ✠ . Двойной точечный ободок. О.с. $\text{+IΩΑΝΝΙΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ Ο ΠΑΛΕΟΛΟΓΟΣ}$. Бюст бородастого императора, анфас, на голове корона, вокруг нимб; справа и слева в поле точка.

53. | ОФ-576–422 | 19 | 3.11 | Cf. *DOC* 5/2, no. 1753.

Литература / References

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017: *Klad pozdnobosporskikh staterov iz Fanagorii* [The Hoard of Late Bosporan Staters from Phanagoria]. Moscow.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. *Клад позднебоспорских статеров из Фанагории*. (Фанагория. Результаты археологических исследований, Т. 5). М.
- Abramzon, M.G., Novichikhin, A.M., Saprykina, I.A., Smekalova, T.N. 2019: *Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnobosporskikh staterov* [The Third Hoard of Late Bosporan Staters from Gai-Kodzor Site]. Moscow
- Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М., Сапрыкина, И.А., Смекалова, Т.Н. *Третий Га́й-Кодзорский клад позднебоспорских статеров*. М.
- Abramzon, M.G., Zakharov, E.V., Nikitin, A.B., Smirnov, S.V. 2023: [Ancient Coins from the N.K. Minko's Collection (State Historical Museum of the Southern Urals). Part I. Asia and Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 83/1, 114–133.
- Абрамзон, М.Г., Захаров, Е.В., Никитин, А.Б., Смирнов, С.В. Античные монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Часть I. Азия и Египет. *ВДИ* 83/1, 114–133.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [The Coinage of Chersonesus (the 4th Century BC – 12th Century)]. Kiev.
- Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporus]. Kiev.
- Анохин, В.А. *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Arsentyeva, E.I., Gorskaya, O.V. 2019: *Antichnyia yuvelirnye izdeliya iz chastnykh sobraniy. Kol'tsa i perstni. Katalog kollektsii* [Ancient Jewellery from Private Collections. Rings. Catalogue of the Collection]. Saint Petersburg.
- Арсентьева, Е.И., Горская, О.В. *Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. Каталог коллекции*. СПб.
- Auktion Sternberg XXV, 1991: *Antike Münzen. Griechen – Römer – Byzantinische Münzen und Bleisiegel. Renaissance Medaillen. Geschnittene Steine und Schmuck der Antike. Antike Bronzen – Figuren und Objekte. Gold- und Silbermünzen 14.–20. Jh. Numismatische Literatur: Antike bis Neuzeit. Auktion XXV am 25. und 26. November 1991 in Zürich*. Zürich.
- Balty, J. Ch. 1997: Victoria. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. VIII. *Thespiades – Zodiacus et Supplementum*. Zürich–München, 237–269.
- Botalov, S.G. 1986: [Burial Mounds near Lake Sinoglazovo (According to Excavations by N.K. Minko and S.A. Gatsuk)]. In: G.B. Zdanovich (ed.), *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Sibirskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Siberian Interfluve]. Chelyabinsk, 105–119.
- Боталов, С.Г. Курганы у озера Синеглазово (по раскопкам Н.К. Минко и С.А. Гатсук). В сб.: Г.Б. Зданович (отв. ред.), *Ранний железный век и средневековые Урало-Сибирского междуречья*. Челябинск, 105–119.
- Bozhe, V.S. 2008: [Nikolay Kirillovich Minko]. In: K.N. Bochkarev, V.I. Bogdanovskiy, V.V. Myakush, V.A. Chernozemtsev (eds.), *Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya* [Chelyabinsk Region: Encyclopedia]. Vol. IV. Chelyabinsk, 309–310.
- Боже, В.С. Минко Николай Кириллович. В кн.: К.Н. Бочкарев, В.И. Богдановский, В.В. Мякуш, В.А. Черноземцев (ред.), *Челябинская область: энциклопедия*. Т. 4. Челябинск, 309–310.
- Casal García, R. 1990: *Colección de Gíptica del Museo Arqueológico Nacional (Serie de entalles romanos)*. Madrid.

- Dimitrova-Milcheva, A. 1980: *Antichni gemi i kamei ot Natsionalniya arkeologicheski muzey v Sofia* [*Ancient Gems and Cameos from the National Archaeological Museum in Sofia*]. Sofia.
Димитрова-Милчева, А. *Антични геме и камеи от Националния Археологически Музей в София*. София.
- Durylin, S.N. 1927a: [N.K. Minko and His Works in the Archaeology of Chelyabinsk Regions. (To the Biography)]. In: *Sbornik materialov po izucheniyu Chelyabinskogo okruga* [*Collection of Materials for the Study of the Chelyabinsk Region*]. Book 1. Chelyabinsk, 53–55.
Дурылин, С.Н. Н.К. Минко и его работы по археологии Челябинского округа. (Материалы к биографии). В сб.: *Сборник материалов по изучению Челябинского округа*. Кн. 1. Челябинск, 53–55.
- Durylin, S.N. 1927b: [Chelyabinsk Burial Mounds]. In: *Sbornik materialov po izucheniyu Chelyabinskogo okruga* [*Collection of Materials for the Study of the Chelyabinsk Region*]. Book 1. Chelyabinsk, 56–71.
Дурылин, С.Н. Челябинские курганы. В сб.: *Сборник материалов по изучению Челябинского округа*. Кн. 1. Челябинск, 56–71.
- Finogenova, S.I. 1993: *Katalog sobraniya antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [*Index thesauri gemmarum antiquarum non estyparum in Museo publico artium liberalium Pushkiniano servatarum*]. Moscow
Финогенова, С.И. *Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Москва.
- Frolova, N.A. 1981: [Coins Finds in Phanagoria, 1962–1975]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 100–113.
Фролова, Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 г. *ВДИ* 1, 100–113.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v. n.e.)* [*The Coinage of Bosporus (Middle of the 1st Century BC — Middle of the 4th Century AD)*]. Pt. I–II. Moscow.
Фролова, Н.А. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. 1–2. М.
- Furtwängler, A. 1896: *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin.
- Guiraud, H. 1996: *Intailles et camées romains*. Paris.
- Hamburger, A. 1968: Gems from Caesarea Maritima. *'Atiqot (English Series)* 8, 1–38.
- Henig, M. 1978: *A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites*. Oxford.
- Henkel, F. 1913: *Die römischen Fingerringe der Rheinlande und der benachbarten Gebiete*. Berlin.
- Ivanova, E.B. 1994: [Nikolay Kirillovich Minko]. In: I.N. Perezhogina (ed.), *Kray nash yuzhnoural'skiy, 1995* [*Our South Ural Region, 1995*]. Chelyabinsk, 111–113.
Иванова, Э.Б. Минко Николай Кириллович. В сб.: И.Н. Пережогина (ред.-сост.), *Край наш южноуральский, 1995*. Челябинск, 111–113.
- Kibalchich, T.V. 1896: *Drevnie dragotsennyye amulety, naydennyye v Yuzhnoy Rossii, i gemmy novogo vremeni (s XV po nast. vr.)* [*Ancient Precious Amulets Found in the South of Russia and Gems of Modern Times (from the 15th Century to the Present)*]. Kiev.
Кибальчич, Т.В. *Древние драгоценные амулеты, найденные в Южной России, и геммы нового времени (с XV по наст. вр.)*. Киев.
- Kropotkin, V.V. 1962: *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR* [*Byzantine Coin Hoards from the Territory of the USSR*]. Moscow.
Кропоткин, В.В. *Клады византийских монет на территории СССР*. (Свод археологических источников, выпуск Е4-4). М.
- Maaskant-Kleinbrink, M. 1971: Cachets de terra.— De Doliche (?). *BABESCH. Annual Papers on Mediterranean Archaeology* 46, 23–63.
- Maaskant-Kleinbrink, M. 1978: *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague. The Greek, Etruscan, and Roman Collections*. Vol. I–II. Wiesbaden.
- Maddoli, G. 1963–1964: Le cretule del Nomophylakion di Cirene. *Annuario della Scuola archeologica di Atene e delle missioni italiane in Oriente* 41–42, 39–145.
- Napolitano, A.M. 1950: Gemme del Museo di Udine di probabile provenienza aquileiese. *Aquileia Nostra* XXI, 25–42.
- Pakhomov, E.A. 1954: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza* [*Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories and Regions of the Caucasus*]. Issue VI. Baku.
Пахомов, Е.А. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. VI. Баку.

- Platz-Horster, G. 1994: *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. Bd. II. *Im Besitz des Archäologischen Parks-Regionalmuseums Xanten, der Katholischen Kirchengemeinde St. Mariae Himmelfahrt Marienbaum sowie in Privatbesitz*. Köln.
- Pyankov, A.V., Yurchenko, T.V. 2016: [A Byzantine Silver Coin from the Ubin Burial Ground]. In: *VI «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferencii* (g. Krasnodar, 31 maya — 2 iyunya 2016 g.) [VI “Anfimov Readings” on the Archaeology of the Western Caucasus. Problems of Studying the Funeral Rite of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the International Archaeological Conference (Krasnodar, May 31 — June 2, 2016)]. Krasnodar, 211–214.
- Пьянков, А.В., Юрченко, Т.В. Византийская серебряная монета из Убинского могильника. В сб.: *VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.)*. Краснодар, 211–214.
- Rausa, F. 1997: Tyche/Fortuna. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. VIII. *Thespiades — Zodiacus et Supplementum*. Zürich—München, 125–141.
- Richter, G.M.A. 2006: *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. 2nd ed. Roma.
- Sena Chiesa, G. 1966: *Gemme del Museo nazionale di Aquileia*. Aquileia.
- Sidorenko, V.A. 2015: [A Coin Hoard of the Times of Alexius I Comnenus (1081–1118) from the Ancient Settlement of Ortly]. In: V.V. Mayko (ed.), *Istoriya i arkheologiya Kryma. Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati Aleksandra Evgen'evicha Puzdrovskogo* [History and Archaeology of Crimea. Collection of Papers Dedicated to the Memory of Aleksandr Evgenyevich Puzdrovskiy]. Issue II. Simferopol, 397–399.
- Сидоренко, В.А. Монетный клад времени Алексея I Комнина (1081–1118 гг.), найденный на античном поселении Ортли. В сб.: В.В. Майко (ред.), *История и археология Крыма. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского*. Вып. 2. Симферополь, 397–399.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum*. Malibu.
- Țeposu-David, L. 1960: Gemele și cameele din Muzeul arheologic din Cluj. In: *Omagiul lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani*. București, 525–534.
- Tikhonov, I.L. 2013: *Istoriya rossiyskoy arkheologii: formirovaniye organizatsionnoy struktury i deyatel'nost' nauchnykh tsentrov v Sankt-Peterburge (XVIII — pervaya chetvert' XX vv.)* [The History of Russian Archaeology: Formation of the Organizational Structure and the Activities of Scientific Centers in St. Petersburg (18th — the First Quarter of the 20th Centuries)]. PhD thesis abstract. Saint Petersburg.
- Тихонов, И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII — первая четверть XX вв.). Автореферат диссертации на соискание степени д.и.н. СПб.
- Treister, M. Yu. 2023: [Two-Sided Glass Gems from the Sarmatian Burials of the Lower Volga Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 83/1, 72–93.
- Трейстер, М.Ю. Двусторонние стеклянные геммы из сарматских погребений Нижнего Поволжья. *ВДИ* 83/1, 72–93.
- Vinogradov, N.B., Valiakhmetova, Z.A. 2018: *Lyudi arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya (XVIII vek — seredina 1970-kh godov)* [People of the Archaeology of the Southern Trans-Urals (18th Century — Mid-1970s)]. Chelyabinsk.
- Виноградов, Н.Б., Валиахметова, З.А. *Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век — середина 1970-х годов)*. Челябинск.
- Zahlhaas, G. 1985: *Fingerringe und Gemmen. Sammlung Dr. E. Pressmar. Katalog der Ausstellung*. München.
- Zwierlein-Diehl, E. 1979: *Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien*. Bd. II. München.
- Zwierlein-Diehl, E. 1991: *Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien*. Bd. III. München.
- Zwierlein-Diehl, E. 1998: *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines*. (Studien zum Kölner Dom, 5). Köln.

Табл. 1. Коллекция Н.К. Минко. Монеты Боспорского царства. © *Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск*

Вестник древней истории, том 83 № 2
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. Г. Панкратовой,
 Е. В. Петровой, М. Ю. Трейстера, стр. 367–390)

Табл. 2. Коллекция Н.К. Минко. Боспорские, позднеримские и византийские монеты. ©
Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск

Вестник древней истории, том 83 № 2
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. Г. Панкратовой,
 Е. В. Петровой, М. Ю. Трейстера, стр. 367–390)

Табл. 3. Коллекция Н.К. Минко. Византийские серебряные монеты. © Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск

Вестник древней истории, том 83 № 2
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. Г. Панкратовой,
 Е. В. Петровой, М. Ю. Трейстера, стр. 367–390)

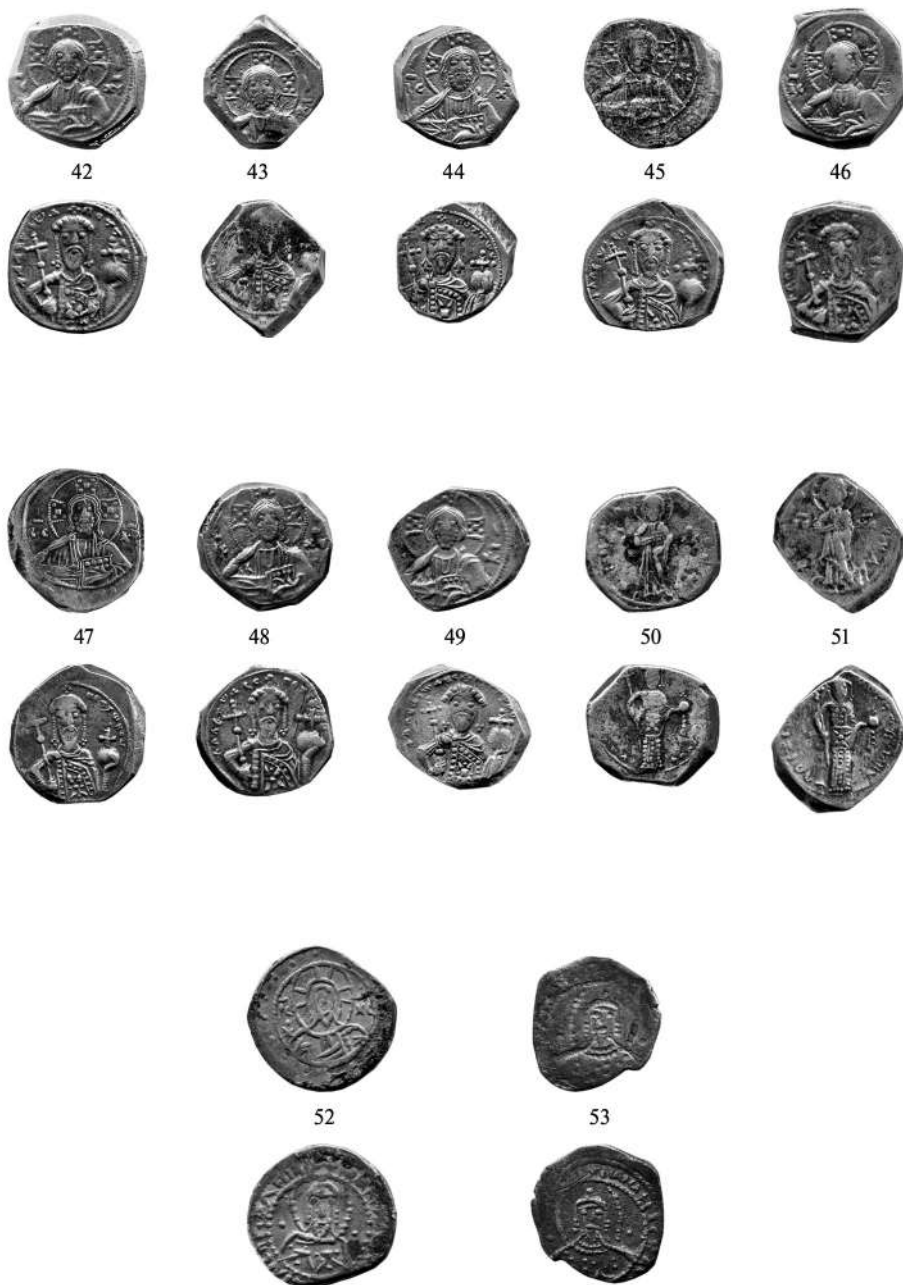

Табл. 4. Коллекция Н.К. Минко. Византийские серебряные монеты. © Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск

Вестник древней истории, том 83 № 2
 (вклейка к статье М. Г. Абрамзона, Е. Г. Панкратовой,
 Е. В. Петровой, М. Ю. Трейстера, стр. 367–390)

DOI: 10.31857/S032103910020441-8

МЕРНОЕ КЛЕЙМО ИЗ РАСКОПОК ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО (ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО) ГОРОДИЩА НА ДОНУ

В. П. Копылов¹, Ф. В. Шелов-Коведяев²

¹*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

²*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

²*E-mail: shel-kov@yandex.ru*

²*ORCID: 0000-0002-6846-2856*

В заметке издается мерное клеймо фабриканта (Вt~) на фрагменте ойнохои из раскопок 2016 г. Елизаветовского городища на Дону.

Ключевые слова: мерное клеймо, ойнохои, Боспор, Елизаветовское городище, керамика

A MEASURING STAMP FROM THE EXCAVATIONS OF THE ELIZAVETOVSKOYE (ELIZAVETINSKAYA) SETTLEMENT ON THE DON RIVER

Victor P. Kopylov¹, Fedor V. Shelov-Kovedyaev²

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

²*E-mail: shel-kov@yandex.ru*

The paper publishes the manufacturer's measuring stamp (Вt~) on a fragment of an oinochoe found in 2016 during the excavations of Elizavetovskoye settlement on the Lower Don.

Keywords: measuring stamp, oinochoe, Bosphorus, Elizavetovskoye settlement, ceramics

Данные об авторах. Виктор Павлович Копылов (1948–2020) – кандидат исторических наук, профессор Южного федерального университета; Фёдор Вадимович Шелов-Коведяев – кандидат исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Информация об археологическом контексте находки взята из отчета В.П. Копылова о раскопках в 2016 году. Считаю своим долгом подчеркнуть его соавторство в данной работе, которой хочу почтить память моего рано почившего друга и тестя. Паспортное, происходящее от имени станицы, название памятника – Елизаветинское городище на Дону. В научной литературе его принято называть Елизаветовским с тем, чтобы не путать его с меотским (IV–I вв. до н.э.) Елизаветинским поселением, находящимся на южной окраине ст. Елизаветинской, входящей в состав города Краснодара.

В раскопочный сезон 2016 г. на территории Елизаветовского поселения в слое второй половины IV в. до н.э. был обнаружен небольшой фрагмент тулова тонкостенного сосуда с клеймом (ЕГ-16; р. 34, сл. 9, ком. 32, пл. 3, № полевой описи 78: рис. 1). В тот год исследования проводились Южно-Донской экспедицией Научно-методического центра археологии ИИМО ЮФУ совместно с Ростовским областным министерством культуры и РРО ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»¹. Артефакт был открыт на раскопе XXXIV, разбитом в северной части «акрополя» городища на стыке площадей 77 и 78, в ходе продолжения работ, проводившихся здесь в 1994–2015 гг.

Основной задачей в 2016 г. было уточнение конструктивных особенностей выявленных ранее объектов строительной и хозяйственной деятельности жителей Большой греческой колонии. С этой целью были проведены масштабные мероприятия, направленные на ликвидацию разрушений и сохранение границ раскопа для дальнейшего его научного изучения. Исследования на данном участке проводились преимущественно в северо-западной части раскопа в пределах уже существующих границ площадей 3–5. Общая площадь участка составила 278 м². В северо-западной части раскопа было продолжено детальное изучение культурных напластований и археологических объектов, прежде всего выявленных ранее строительных комплексов 31 и 32. Для уточнения северной границы строительного комплекса 32 к северу от площади 3 была заложена новая площадь 6. В 2016 г. исследования осуществлялись с уровня горизонтов, зафиксированных в прошлом сезоне. Была проведена их тонкая зачистка и точнее определены границы

Рис. 1. Мерное клеймо (Вг-) на ойнохое из раскопок Елизаветовского городища в 2016 году (по: Kovalenko 2021)

¹ Kopylov 2017, 1–84; альбом, 1–90.

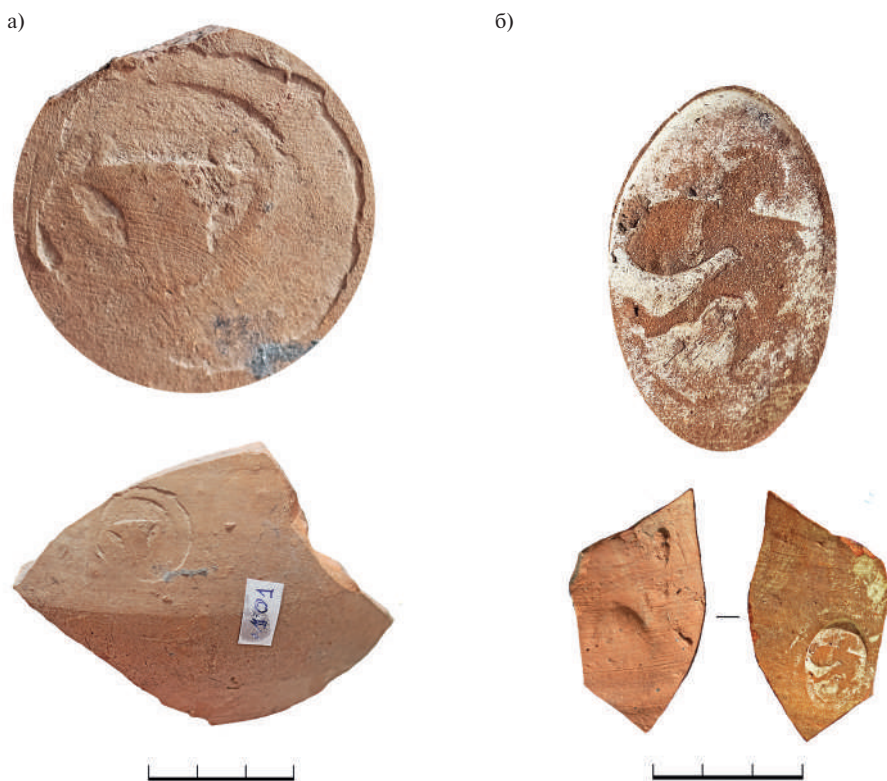

Рис. 2. а) Мерное клеймо с канфаром из раскопок Елизаветовского городища в 2016 году (по: Kovalenko 2021); б) Мерное клеймо, аналогичное типу реверса херсонесской монеты и гемме из строгановской коллекции (по: Kovalenko 2021)

выявленных ранее строительных комплексов 31 и 32 (последний — полуземляночного типа), а также продолжилось изучение их конкретных слоев, в частности стратифицированного золистого заполнения строительного комплекса 32. В результате работ 2015–2016 гг. в его внутреннем пространстве были открыты многочисленные керамические материалы, включающие представительную серию амфорных клейм, которые позволили говорить о единовременной его засыпке и отнести время этого события к третьей четверти IV в. до н.э.²

Описанные условия дали основания предположить, что строительный комплекс 32 на площади 3 раскопа XXXIV принадлежал торговцу, оперировавшему прежде всего товарами в керамической таре. В этом отношении особенно показательно, что наряду с амфорными клеймами здесь, помимо ныне представляемого, на иных емкостях были выявлены еще два оттиска, также допускающие их мерную природу (рис. 2, а–б)³.

² Копылов 2017, 19–21.

³ По Kovalenko 2021, sl. 2, 5. К штампу, близкому типу реверса херсонесской монеты периода независимости и гемме из строгановской коллекции ср. Turovsky 1997, рис. 3.

Рис. 3. Мерное клеймо с легендой $\lambda\epsilon\omega\varsigma$ (по: Fedoseev 2016)

Рис. 4. Мерное клеймо с легендой ПАН (по: Fedoseev 2016)

Рис. 5. Мерное клеймо с легендой ПАНΤΙ (по: Koval'chuk 2012)

Рис. 6. Мерное клеймо, тип канфар + ΦΑ (по: Saprykin 2020a)

Рис. 7. Мерное клеймо, тип гроздь + ΦΑ (по: Saprykin 2020a)

Публикуемый фрагмент неправильной пятиугольной формы имеет следующие размеры: высота max. — 98 мм, ширина max. — 83 мм. Толщина в разных его местах колеблется в пределах нескольких миллиметров. Спектр цвета глины, в зависимости от интенсивности прокаливания при обжиге, меняется от светло-красного до оранжевого и розоватого. Часть изломов подернута белесым налетом от нахождения в земле. Тесто содержит в себе яркие блестки (вероятно, слюды). На внутренней стороне обломка сохранился отпечаток пальца гончара, на внешней — подпрямоугольное, со скругленными углами, клеймо. Размеры последнего в средней его части составляют 33 мм по высоте и 23 мм по ширине. Незначительные же параметры фрагмента указывают на то, что он скорее всего принадлежал ойнохое. Такая возможность укрепляется общим характером керамического комплекса, в котором он был найден (см. выше и прим. 3).

В первой строчке клейма читаются *пи* с вписанной в нее *дельтой* и вертикальная черта, во второй — *бета* и вертикаль: *ΒΙ*. Перечисленные особенности как самого предмета, так и археологического слоя, позволяют считать рассматриваемое клеймо мерным.

Весьма скромный, судя по всему, объем сосудика не позволяет читать монограмму первой строки как стандартную цифру 50. Целесообразнее разворачивать

ее в не имеющее пока аналогов δεκαλέντε (15), а в следующей за ней вертикали видеть принятое и в акрофонической системе написание единицы. В сумме — число 16. Считая за меру весьма подходящий случаю киаф (стандартно — 0,045 л⁴), получается вполне приемлемый для ойнохой объем в 0,72 л⁵.

Не менее важно понять значение графем второй строчки. Тут сразу приходится отказаться (хотя греки, как известно, и могли ставить меньшие обозначения впереди больших) от извлечения из VI цифры 12: акрофоническая и цифровая системы не сочетались в рамках одной числовой записи⁶.

Однако дело интерпретации стк. 2 не выглядит совсем безнадежным. Усилиями Н.Ф. Федосеева, А.С. Ковальчук, С.Ю. Сапрыкина, М.И. Тюрина и Е.М. Краснодарец⁷ клейма на мерных сосудах, происходящих из различных центров Северного Причерноморья, достаточно хорошо изучены. В зависимости от того, кто брал на себя ответственность за соответствие емкости определенному стандарту, принято считать, что *grosso modo* мерные штампы делятся на две большие категории. Относящиеся к первой в той или иной форме отсылают к авторитету определяющих эталон властей. Вторую группу образуют гарантии производителя: в рассматриваемой ситуации — гончара (фабриканта).

В первом случае, например в Афинах, попадают сокращения ΑΘΕ, δ, δε, δη, а также полные написания δεμοσία Ἀθηναίων, δεμόσιον Ἀθηναίων, δεμόσιος и δημόσιον⁸. На Боспоре тоже встречаются аббревиатуры. Например, πό(λεως): из которой, предположительно⁹, может вытекать, что в государстве Спартокидов столица могла зваться просто — *полис* (рис. 3, Пантикапей). Встречаются и усеченные формы полисных топонимов: ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ, ΦΑ (рис. 4—8; ср. рис. 2а: Елизаветовское городище), а также указывающие на боспорскую столицу отиски, повторяющие монетные штампы (рис. 9). Кроме того — отсылающие к правящей династии типы монет, в том числе «говорящие» (сатир: рис. 10, 11), и гемм (орел: рис. 12)¹⁰. К разряду мерных относят клейма агораномов из Пантикапея, Гермонассы, Китея, Нимфея и Мирмекия (рис. 13—18)¹¹ и еще целый ряд им подобных (рис. 19)¹².

⁴ Рагомов 2009, 628.

⁵ Ср., например, Lang, Crosby 1964, 62: большего размера, чем елизаветовская, ойнохоя LM 8 имеет в этой книге высчитанный объем 0,875 л; ср. Rotroff 2011, 700—701, п. 10—11 (с литературой); о мерах жидких и сыпучих тел вообще см., к примеру, IG II² 1013. О возможности использовании киафа как меры объема жидких тел в эпиграфике см. Lang, Crosby 1964, 44; Rotroff 2011, 703; ср. Lazzarini 1973—1974, 373—374.

⁶ См. ко всей фразе, например, Ifrah 2000, 182—185, 232—233.

⁷ Прежде всего — Fedoseev 1991; 2005; 2013; 2016; Koval'chuk 2012; 2019; Saprykin 2019; 2020a (ср. Saprykin 2020b); Tiurin, Krasnodubets 2021.

⁸ Lang, Crosby 1964, 141.

⁹ Ср. Fedoseev 2012, 12—14; критику данной точки зрения см. Saprykin 2019, 124, где автор считает литеры ΠΟ принадлежащими антропониму.

¹⁰ Koval'chuk 2012, 236, рис. 4. 3; Fedoseev 2016, 490, рис. 4. 2; Saprykin 2020a, 323, рис. 2. 8; 324, рис. 3. 9, 11.

¹¹ Fedoseev 2016, 490, рис. 4. 4; Saprykin 2020a, 324, рис. 3. 2—6.

¹² Fedoseev 2016, 490, рис. 4. 5—7; Saprykin 2020a, 323, рис. 2. 5—7.

Рис. 8. Мерное клеймо, тип сатир + ФА (по: Saprykin 2020a)

Рис. 9. Мерное клеймо, монетный тип «правитель в диадеме» (по: Fedoseev 2016)

Рис. 10. Мерное клеймо, «говорящий» монетный тип: сатир (по: Koval'chuk 2012)

Рис. 11. Мерное клеймо, «говорящий» монетный тип: сатир (по: Saprykin 2020a)

Рис. 12. Мерное клеймо, монетный тип «орёл» (по: Fedoseev 2016)

Рис. 13. Мерное клеймо агораномы, Пантикапей (по: Saprykin 2020a)

Н.Ф. Федосеевым была в свое время предпринята попытка прочитать в одной боспорской печати $\delta\eta\mu[\acute{o}]σιον$ (рис. 20), принятая сначала и С.Ю. Сапрыкиным¹³. Правда, сам ее автор впоследствии перечитал тут $\Delta\eta\mu[o]κίον$, что дарило бы новый антропоним (ср. *LGPN*), а С.Ю. Сапрыкин в 2020 г. усмотрел в рамке клейма над *этой* первой строки нижнюю черту *эпсилона* или *сигмы* и предложил считать сохранившееся аббревиатурами $\Delta\eta\mu(\eta\tau\rho\acute{\iota}ου) / Κίον(ος)$ ¹⁴. Однако его последнее предложение ослабляется тем, что, как он сам признает (там же), антропоним $Κίων$ эпиграфически засвидетельствован лишь в Спарте, и его появление в клейме другого центра нуждается в дополнительной аргументации. Между тем, наиболее вероятно, что здесь читается написанное в две строки неизвестное (что не является препятствием для его чтения) ранее имя $\Delta\eta\muίον$ в сопровождении травмированной сколом шестилучевой (справа лучи нарушены изломом) звезды в качестве выбранной его носителем эмблемы.

В Херсонесе издатели выделяют большую группу немагистратских (фабрикантских?) мерных клейм¹⁵. Из перечисленных возможностей не подходят: личное имя агораномы или метронома (они писались целиком) и боспорский топоним

¹³ Fedoseev 2016, 490, рис. 4. 8; см. также Fedoseev 2013, 29; Saprykin 2015, 298.

¹⁴ Fedoseev 2013, 29–30 и прим. 11; ср. Fedoseev 2016, 491: $\Delta\eta\mu\kappa\iota\omicron\upsilon\varsigma$; Saprykin 2020a, 327–328.

¹⁵ Tiurin, Krasnodubets 2021, 102–106, № 11–31; ср. Fedoseev 1991.

Рис. 14. Мерное клеймо агораномы, Гермонасса (по: Saprykin 2020a)

Рис. 15. Мерное клеймо агораномы, Китей (по: Fedoseev 2016)

Рис. 16. Мерное клеймо агораномы, Нимфей (по: Saprykin 2020a)

Рис. 17. Мерное клеймо агораномы, Мирмекий (по: Saprykin 2020a)

Рис. 18. Мерное клеймо агораномы, Мирмекий, загородная усадьба (по: Saprykin 2020a)

(начинающихся на Βι~ названий полисов на Боспоре нет). Вообще же в эллинской топонимике существуют только два примера топонимов, начинающихся на Βι~¹⁶: локализуемая на территории современной Болгарии Βιζώνη¹⁷ и Βισάνθη на фракийском берегу Пропонтиды¹⁸.

Первую античные авторы (Anon. *Peripl.* 75 = Ps.-Skymn. fr. 3), называя πολίχνην, признают незначительным поселением. История ее возникновения (возможно, в начале VI в. до н.э.) темна. Псевдо-Скимн считает ее основанной варварами.

¹⁶ Hansen, Nielsen 2004, no. 673, 683.

¹⁷ Avram *et al.* 2004, 931.

¹⁸ Loukopoulou, Laitar 2004, 914–915.

Рис. 19. Предположительно магистратские мерные клейма Боспора (по: Fedoseev 2016)

Рис. 20. Не мерное клеймо Демиона, тип «шестилучевая звезда» (по: Fedoseev 2016)

Рис. 21. Немагистратское мерное херсонесское клеймо (по: Tiurin, Krasnodubets 2021)

Иные авторы (Strab. I. 3. 10, VII. 6. 1; Mela II 2. 22; Plin. *NH.* IV. 11. 44) записывают ее колонией Месембрии. Последнее маловероятно: происходящие из нее надписи (правда, все сплошь поздние — см. *IGBR*) не обнаруживают никаких следов дорийских корней. Современные ученые предпочитают видеть ее колонией, либо выведенной самим Милетом, либо одной из его апоекий Левого Понта¹⁹.

Βισάνθη, выселок Самоса (Steph. Byz. 171. 3; Mela II. 24), более известна. Хотя один Стефан Византийский называет ее полисом, а Плиний (*NH.* IV. 11. 43) — *orpidum*, ее полисный статус, как минимум, в классический период, утверждается ее упоминанием в податном списке Афинского морского союза за 422/421 г. до н.э. Впрочем, сначала она, будучи зависимым полисом, входила в хору Перинфа, затем, по-видимому в 430 г., попала под власть одрисского царства и, наконец, была подарена Севтом II в кормление Ксенофону (*Anab.* VII 2. 38)²⁰.

Заштатный характер одной и стабильно подчиненное положение другой не дают оснований утверждать, что та или иная могли иметь собственные стандарты,

¹⁹ См. Avram *et al.* 2004, 931.

²⁰ Loukopoulou, Łaitar 2004, 914–915.

значимые далеко за их пределами. В данной оценке ничего не меняет наличие²¹ в археологической коллекции Редеста (так в Средневековье звалось поселение на месте Бисанты) оттиска Βισαν[θηῶν] μνᾶ на найденной там гире.

Гипотетический вифинский стандарт тоже неуместен, ибо Вифиния как самостоятельная государственная единица возникла позже²² времени, которым датируется слой, где был обнаружен исследуемый штамп. Кроме того, цифры в первой его строке не могут быть датой по вифинской эре: первые датировки по ней появляются в 149/148 г. до н.э. на монетах царя Никомеда II. Собственное же боспорское летосчисление (связанное, как считается, с вифинским), стартующее с 298/297 г., на несколько десятилетий моложе²³ донской находки.

Аббревиатура, указывающая на эталон, одобренный царской властью (канцелярией), — β(ασιλείαι) ἰ(σχυρίζομενον) или β(ασιλείᾱς) ἰ(σχυρίζομένης) — сомнительна потому, что одиночный царский титул спорадически (см. *CIRB* 19) появляется много позднее только у Спартока III Эвмелова (304–284 гг. до н.э.), а *регулярно* встречается, начиная с его сына Перисада II (например, *CIRB* 20). К тому же царское клеймение вообще возникает куда позже, да и сокращения в его легендах далеко не столь радикальны²⁴. Полную аналогию дает ΒΙ в херсонесском немагистратском клейме²⁵. Но ни резко отличающийся от елизаветовского обломка состав глины верхнего прилепа ручки кувшина из раскопок С.Г. Рыжова в VIII квартале Херсонеса в 1985 году (рис. 21)²⁶, ни датировка последнего (не ранее четвертой четверти III в. до н.э.) не позволяют завершить сближение обоих артефактов отождествлением упомянутых в них персонажей.

Определенное выше тесто елизаветовского фрагмента допускает производство сосуда, от которого он дошел, в одном из центров Северной Эгеиды (производивших «протофасосские» амфоры)²⁷. Он мог выйти также из одной из мастерских так называемого круга Фасоса²⁸. В таком варианте обращает на себя внимание существование на Фасосе лица по имени Βίων как раз в третьей четверти IV в. до н.э. (*LGPN* I s.v.).

С другой стороны, глина может указывать и на один из боспорских центров (ср. клеймо с канфаром на рис. 2). Здесь — и тоже в близкое археологическому контексту находки время — в списках имен фигурируют, например, Βιάνωρ (*CIRB* 912: Нимфей) и, что еще существенней, пантикапеец Βίθυς Βίθυος (*CIRB* 109), чей отец (первый, давший второму патронимик, Βίθυς) в третьей четверти IV в. до н.э. вполне мог бы владеть гончарным производством.

Как бы там ни было, мерный характер публикуемого штампа представляется наиболее приемлемым объяснением его природы. Тем более, что сокращения магистратских и фабрикантских имен — широко известное явление в керамической эпиграфике. Я же отдаю предпочтение немагистратскому происхождению клейма.

²¹ Loukopoulou, Łaitar 2004, 914.

²² Minns 1913, 590–591; Bickerman 1975, 200.

²³ Bennett 1961, 460–461; Munk Højte 2006, 15–30.

²⁴ Например, Saprykin 2019, 122–123; 2020b (non vidi).

²⁵ Tiurin, Krasnodubets 2021, 102, № 11.

²⁶ Tiurin, Krasnodubets 2021, 113, рис. 5. 1.

²⁷ Monakhov *et al.* 2016, 86 (NA 4).

²⁸ Monakhov *et al.* 2016, 104 (Th. — с. 1).

Литература / References

- Avram, A., Hind, J., Tsetskhladze, G. 2004: The Black Sea Area. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 924–973.
- Bennett, W.H. 1961: The Death of Sertorius and the Coin. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 10/4, 459–472.
- Bickerman, E. 1975: *Khronologiya drevnego mira* [The Chronology of Ancient World]. Moscow.
Бикерман, Э. *Хронология древнего мира*. М.
- Fedoseev, N.F. 1991: [Three New Stamps on the Classical Measuring Vessels]. *Sovetskaya arkheologiya* [The Soviet Archaeology] 2, 244–247.
Федосеев, Н.Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах. *Советская археология* 2, 244–247.
- Fedoseev, N.F. 2005: [The Measuring Jugs of Chersonesos Taurica]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos' Digest] 14, 337–340.
Федосеев, Н.Ф. Мерные сосуды Херсонеса Таврического. *Херсонесский сборник* 14, 337–340.
- Fedoseev, N.F. 2012: *Keramicheskie kleyma. Bospor* [The Ceramic Stamps. Bosphorus]. Vol. I. Kiev.
Федосеев, Н.Ф. *Керамические клейма. Боспор*. Т. I. Киев.
- Fedoseev, N.F. 2013: [On the Question about the Existence of Poleis Magistracies at Bosphorus]. *Bosporskiy fenomen* [The Bosphoran Phenomenon], 25–33.
Федосеев, Н.Ф. К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре. *Боспорский феномен*, 25–33.
- Fedoseev, N.F. 2016: [Once Again on Agoranomoi of Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 20, 485–492.
Федосеев, Н.Ф. Еще раз о пантикапейских агораноммах. *Древности Боспора* 20, 485–492.
- Hansen, M.H., Nielsen, T.H. (eds.) 2004: *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford.
- Ifrah, G. 2000: *The Universal History of Numbers*. New York–Toronto.
- Kopylov, V.P. 2017: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Yuzhno-Donskoy ekspeditsii na ostrovnuyu chast' del'ty Dona v Azovskom rayone Rostovskoy oblasti v 2016 godu* [Report to the Archaeological Excavations of the South-Don Expedition on the Insular Part of the Don Delta in Azov District of Rostov Region in 2016]. Rostov-on-Don.
Копылов, В.П. *Отчет об археологических раскопках Южно-Донской экспедиции на островной части дельты Дона в Азовском районе Ростовской области в 2016 году*. Ростов-на-Дону.
- Kovalenko, A.N. 2021: [Presentation: Stamps on the Thin Wall Vessels from the Materials of Elizavetovskoye Settlement]. URL: <https://www.sgu.ru/node/6001/slovo-i-artefakt/tezisy-dokladov-2021>; accessed on: 10.05.2023.
Коваленко, А.Н. *Презентация: Клейма на тонкостенных сосудах из материалов Елизаветовского городища*. URL: <https://www.sgu.ru/node/6001/slovo-i-artefakt/tezisy-dokladov-2021>; дата обращения: 10.05.2023.
- Koval'chuk, A.V. 2012: [Bosporan Measuring Vessels of the 4th–3rd Centuries BC]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 16, 220–238.
Ковальчук, А.В. Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н.э. *Древности Боспора* 16, 220–238.
- Koval'chuk, A.V. 2019: [Phanagorian Measuring Jugs]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 5/1, 196–207.
Ковальчук, А.В. Фанагорийские мерные сосуды. *Вестник Танаиса* 5/1, 196–207.
- Lang, M., Crosby, M. 1964: *Weights, Measures and Tokens*. (The Athenian Agora, X). Princeton.
- Lazzarini, M.-L. 1973–1974: I nomi dei vasi greci nelle iscrizioni dei vasi stessi. *Archeologia Classica* 25–26, 341–379.
- Loukopoulou, C.D., Laitar, A. 2004: Propontic Thrace. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 912–923.
- Minns, E.H. 1913: *Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge.
- Monakhov, S. Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016: *Amfory VI–II vv. do n.e. Katalog* [Amphorae of VI–II BC. Catalogue]. Kerch–Saratov.
Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Федосеев, Н.Ф., Чурекова, Н.Б. *Амфоры VI–II вв. до н.э. Каталог*. Керчь–Саратов.

- Munk Højte, J. 2006: From Kingdom to Province: Reshaping Pontos after the Fall of Mithridates VI. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Rome and the Black Sea Region: Domination, Romanization, Resistance*. Aarhus, 15–30.
- Paromov, Ya.M. 2009: [Kyathos]. In: *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. XIII. Moscow, 628.
Паромов, Я.М. Киаф. В кн.: *Большая российская энциклопедия*. Т. 13. Москва, 628.
- Rotroff, S.I. 2011: Ceramic Measures in Hellenistic Athens. *Z' Επιστημονική συνάσθηση για την Έλληνιστική κεραμική. Πρακτικά κείμενα*, 699–704.
- Saprykin, S.Yu. 2015: [The Agoranomoi of Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 19, 293–301.
Сапрыкин, С.Ю. Пантикапейские агораномы. *Древности Боспора* 19, 293–301.
- Saprykin, S.Yu. 2019: [The Tiles Stamping of Bosporan poleis]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 5/2, 117–132.
Сапрыкин, С.Ю. Полисное клеймение черепицы на Боспоре. *Вестник Танаиса* 5/2, 117–132.
- Saprykin, S. Yu. 2020a: [The Agoranomy at Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 25, 320–338.
Сапрыкин, С.Ю. Агораномия на Боспоре. *Древности Боспора* 25, 320–338.
- Saprykin, S.Yu. 2020b: *Cherepichnoe kleumenie na Bospore* [The Tiles Stamping at Bosporus]. Moscow.
Сапрыкин, С.Ю. *Черепичное клеймение на Боспоре*. М.
- Tiurin, M.I., Krasnodubets, E.M. 2021: [Measuring Jugs of Hellenistic Chersonesos: Catalogue]. *Khersonesskiy Sbornik* [Chersonesos' Digest] 22, 96–116.
Тюрин, М.И., Красnodубец, Е.М. Мерные кувшины Херсонеса эллинистического времени: Каталог. *Херсонесский сборник* 22, 96–116.
- Turovsky, E. Ya. 1997: *Monety nezavisimogo Khersonesa IV–II vv. do n.e.* [The Coins of independent Chersonesos IV–II BC]. Sevastopol.
Туровский, Е.Я. *Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э.* Севастополь.

DOI: 10.31857/S032103910021884-5

ДВА ОСТРАКОНА С ГИМНОМ НИЛЬСКОМУ РАЗЛИВУ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОМ СОБРАНИИ ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА

Н. В. Макеева¹, Е. А. Анохина²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

¹E-mail: n.makeeva@spbu.ru ²E-mail: evgeniia.anokhina@arts-museum.ru

¹ORCID: 0009-0008-0045-7859 ²ORCID: 0000-0002-1795-3356

В ГМИИ им. А.С. Пушкина хранятся два остракона с Гимном Нильскому разливу, ранее принадлежавшие собранию В.С. Голенищева (I, 16 327, 355). Большой остракон ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470) давно был известен ученым. В статье впервые публикуется его фотография в хорошем качестве, результаты инфракрасной съемки и обработки в программе DStretch, на основе чего была сделана исправленная иероглифическая транскрипция и перевод на русский язык. Малый остракон ГМИИ I, 16 355 был атрибутирован только в 2022 году. Он содержит три строки этого же Гимна.

Ключевые слова: Древний Египет, Фивы, остракон, иератика, писцы, обучение, Нильский разлив, гимн, В.С. Голенищев, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Данные об авторах. Наталья Валентиновна Макеева — старший преподаватель кафедры Древнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета; Евгения Александровна Анохина — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

Авторы благодарны анонимному рецензенту, который взял на себя скрупулезную проверку нашей транслитерации.

THE HYMN TO THE INUNDATION OF THE NILE:
TWO ANCIENT EGYPTIAN OSTRACA IN THE STATE PUSHKIN
MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW

Natalia V. Makeeva¹, Evgeniya A. Anokhina²

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*

The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

¹*E-mail: n.makeeva@spbu.ru* ²*E-mail: evgeniia.anokhina@arts-museum.ru*

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369-П

The Hymn to the Inundation of the Nile is partly preserved on two ostraca from the Golenisheff collection kept at the State Pushkin Museum of Fine Arts in Moscow. While one of them (I, 1b 327, Golenisheff Nr. 4470) has been known for a long time, the second ostrakon (I, 1b 355, Golenisheff Nr. 5528), containing three lines of the same text, was identified only in 2022. This study presents high quality images, infrared photographs, digital images enhanced with DStretch program, hieroglyphic transcription of both documents (the one of 1b 327 has been corrected), and the Russian translation of the texts.

Keywords: Ancient Egypt, Thebes, ostraca, hieratic, scribes education, Nile inundation, hymn, V.S. Golenisheff, State Pushkin Museum of Fine Arts

Знаменитое собрание восточных древностей первого отечественного египтолога Владимира Семеновича Голенищева (1856–1947) легло в основу египетской коллекции Московского Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (далее ГМИИ). В.С. Голенищев, ученый с мировым именем, более 30 лет собирал древнеегипетские и ближневосточные памятники¹. Его коллекция насчитывала свыше шести тысяч предметов. Современники называли ее «сокровищем», «единственной из частных коллекций по ценности и подбору заключающихся в ней памятников»². Среди них особое место занимает собрание письменности Древнего Египта: папирусы, пергамены, остраконы, которые были созданы в Египте в разное время со II тыс. до н.э. по I тыс. н.э. и записаны древнеегипетской иероглификой, иератикой, демотикой, коптским письмом.

В.С. Голенищев сумел приобрести настоящие шедевры. Записанные иератическим письмом «Путешествие Унамона в Библ» (ГМИИ I, 16 120)³, «Математический папирус» (ГМИИ I, 16 311)⁴, «Ономастикон Аменопа» (ГМИИ I, 16 128)⁵,

¹ О В.С. Голенищеве см. Struve 1960; Demskaya *et al.* 1987, 9–12; Berlev 1997, 436–443; Bol'shakov 2007.

² Demskaya *et al.* 1987, 34, 61.

³ Golénisheff 1899; Korostovcev 1960a.

⁴ Struve 1930.

⁵ Gardiner 1947.

«Гимн диадемам» (ГМИИ I, 16 314)⁶, «Литературное письмо» (ГМИИ I, 16 127)⁷ — уникальные и важнейшие для понимания египетской культуры тексты.

В собрании В.С. Голенищева были и небольшие фрагменты иератических текстов: папирусы с отрывками «Рассказа Синухета» (ГМИИ I, 16 98, 1064)⁸, «Поучения гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (ГМИИ I, 16 86, 1065)⁹, «Удовольствия охоты и рыбной ловли» (ГМИИ I, 16 1061)¹⁰, «Царя-спортсмена» (ГМИИ I, 16 1062)¹¹, «Мифологической повести» (ГМИИ I, 16 167, 1063)¹² и другими.

Об их приобретении В.С. Голенищев писал своему коллеге, немецкому египтологу Адольфу Эрману: «Я очень рад узнать, что Вам понравились мои фрагменты повести о Синухете. Я раздобыл их несколько лет назад в Луксоре вместе с целой кипой фрагментов иератических папирусов, и это — единственное, что я до сих пор могу точно определить как часть повести о Синухете. Среди прочих фрагментов многие содержат тот же самый текст, который полностью сохранился в первой половине папируса Эрмитаж № 1116¹³. Другие, как кажется, повествуют об охоте (!) в Фаюме¹⁴. — Очевидно, все эти клочки папируса представляют собой печальные остатки множества ценных рукописей, части которых мы, возможно, обнаружим со временем в каких-то других собраниях Европы или Америки. Так или иначе, я рад, что сумел вовремя спасти от разрушения то, что мог спасти, тем более что продавец этих папирусов предлагал их и другим путешественникам (в числе прочих, одному известному египтологу), однако до меня никто не решился купить эти жалкие обрывки. [...] Как видите, дорогой друг, во время своих путешествий я уделяю особенное внимание маленьким вещам и должен, к сожалению, отворачиваться от больших и прекрасных предметов, поскольку сейчас цены на них высоки, и для меня — высоки чрезмерно» (письмо от 31 октября/13 ноября 1904)¹⁵.

В этом письме речь идет о фрагментах папирусов, но не менее внимательным В.С. Голенищев был и к литературным остраконам¹⁶. Коллекция остраконов, записанных иератическим письмом, насчитывает около четырех десятков предметов. Некоторые из них представляют собой совсем небольшие обломки, на которых плохо просматривается текст. Такие фрагменты обычно долго остаются вне поля

⁶ Erman 1911.

⁷ Korostovcev 1961.

⁸ Turaev 1915, рис. на обороте титула; Gardiner 1916; Caminos 1956, 51–52, pl. 24–25.

⁹ Golénischeff 1913; Caminos 1956, 52, pl. 26–27.

¹⁰ Caminos 1956, 1–21, pl. 1–7.

¹¹ Caminos 1956, 22–39, pl. 8–16.

¹² Caminos 1956, 40–50, pl. 17–23; Korostovcev 1960b.

¹³ Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара.

¹⁴ ГМИИ I, 16 1061.

¹⁵ Nachlass Adolf Erman, Staats- und Universitätsbibliothek Bremen (Архивный фонд А. Эрмана в Государственной и Университетской библиотеке Бремена); (URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/erman/content/titleinfo/2277918>; дата обращения: 24.11.2022). Перевод К.С. Кузьминой.

¹⁶ Издания остраконов из коллекции В.С. Голенищева: Maspero 1912; Lourje, Mat'e 1929; Lourje 1930 (в 1930 году этот остракон был передан в Государственный Эрмитаж); 1949; Bogoslovski 1973, 96–103, рис. 7–8.

внимания исследователей, которых привлекают прежде всего большие и разборчиво написанные тексты; так случилось и с остраконами коллекции Голенищева. Сам коллекционер, судя по карточкам с описаниями, иногда представлял себе содержание текстов, однако сделать полный разбор и опубликовать предметы своей коллекции ему не довелось, а его последователи больше занимались папирусами, чем остраконами¹⁷. Только теперь удалось установить, что значительную часть коллекции Голенищева составляют фрагменты литературных произведений, которые использовались для тренировки писцов в эпоху Нового царства.

Одним из самых популярных для копирования текстов был «Гимн Нильскому разливу» (его египетское заглавие — «Прославление Хапи»). Пять папирусных копий, более семидесяти остраконов, четыре деревянные таблички и надпись в гробнице N13.1 в Асьюте сохранили этот текст полностью или частично¹⁸. Один из важнейших списков Гимна — так называемый «остракон Голенищева» (остракон I, 16 327 из коллекции ГМИИ, далее мы будем называть его Большим остраконом). В 2022 г. в собрании удалось выявить еще один черепок с тремя строками этого популярного египетского сочинения — Малый остракон ГМИИ I, 16 355.

Нам неизвестно, где Голенищев приобрел эти два памятника. Можно предположить, что вместе с другими остраконами коллекции они происходят с западного берега Фив, где располагались два места с высокой концентрацией литературных остраконов — Дейр эль-Медина и Рамессеум. Впрочем, копии Гимна находили и в районе Саккары, и в Фаюмском оазисе.

С современной точки зрения, тема Гимна Нильскому разливу — экология. Текст описывает зависимость жизни природы и человеческого общества от силы Нила и его ритмичных, но не стабильных разливов, а также печальные последствия изменений в функционировании экосистемы. Напомним, что до строительства больших плотин Нил разливался ежегодно. Уровень воды постепенно поднимался с начала лета и начинал спадать в октябре. На протяжении четырех месяцев значительная часть страны оставалась под водой. К концу этого периода заканчивалась жара, прилетали с севера перелетные птицы, люди приходили в себя после тяжелого египетского лета и готовились к земледельческим работам.

Почти все имеющиеся версии Гимна Хапи были написаны во второй половине Нового Царства, самые старые восходят к XVIII династии. Язык сочинения — классический среднеегипетский, с некоторыми элементами разговорного языка Нового Царства. Мы не можем с уверенностью судить о том, был ли текст специально сочинен в эпоху XVIII династии или же египетские педагоги выбрали его для юных писцов из литературного наследия предшествующих эпох. Многие исследователи соглашались, что последнее «доказывается крайней безграмотностью (копий), доходившей до полной невразумительности»¹⁹. Действительно, содержание текста не всегда вполне прозрачно, а между сохранившимися версиями есть довольно существенные расхождения. Отчасти это связано и с тем, что

¹⁷ Коллекцию письменности Древнего Египта ГМИИ (включая папирусы и остраконы) должен был опубликовать О.Д. Берлев, но эта работа так и не вышла в свет.

¹⁸ Hagen 2013, 86.

¹⁹ Turaev 1920, 153.

некоторые копии были написаны учениками, о беспечности которых мы хорошо осведомлены благодаря другим учебным текстам. Но может свидетельствовать также и о том, что переписчики не очень хорошо понимали Гимн, что неудивительно, если он был создан значительно раньше, чем эпоха, от которой до нас дошли имеющиеся копии. Каждый писец воспроизводил текст в меру своего знания классического языка. Их многочисленные ошибки и путаница в знаках затрудняют работу переводчика, но зато дают нам дополнительные знания о языковой ситуации эпохи.

Первой попыткой свести вместе версии Гимна стало издание Г. Масперо 1912 г.²⁰ Через несколько десятков лет появилась синоптическая версия В. Хелька²¹, а затем более полная версия Д. ван дер Пласа²². Последний труд остается важнейшим изданием, где помимо иероглифической транскрипции представлены фотографии многих источников и подробные комментарии. Трудности и противоречия в отдельных пассажах вызвали попытки восстановить «исходный» текст Гимна²³. Такой подход позволил дать приемлемые переводы, однако был раскритикован за методический волюнтаризм.

Первый русский перевод Гимна Нильскому разливу был сделан М.Э. Матье²⁴. Позже появилось поэтическое переложение А.А. Ахматовой по подстрочнику И.С. Кацнельсона²⁵. И частичный перевод Матье, и очень удачный перевод Кацнельсона требуют, однако, пересмотра, поскольку и наши знания египетского языка, и представления о египетской литературе претерпели за прошедшие десятилетия некоторую эволюцию. Недавно появился русский перевод М.В. Панова²⁶, выполненный в духе «реконструкции» В. Хелька: он строится на выборе наиболее подходящего из имеющихся вариантов, а порой на невероятной компиляции версий.

БОЛЬШОЙ ОСТРАКОН ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470) (рис. 1)

Датировка: XIX–XX династия.

Происхождение: нет сведений. В картотеке Голенищева, хранящейся в Отделе Древнего Востока ГМИИ, не приводится никаких данных о месте находки или покупки памятника (рис. 2).

Размеры: 27,5×22,3 см.

Материал: известняк, черная краска, красная краска.

История поступления: из коллекции В.С. Голенищева, в ГМИИ с 1911 г.

Голенищев предоставил фотографию и свою транскрипцию текста французскому коллеге Г. Масперо, который опубликовал транскрипцию, «заполнив лакуны»²⁷. Транскрипция была воспроизведена в том же виде в синоптических изданиях Хелька

²⁰ Maspero 1912.

²¹ Helck 1974.

²² Van der Plas 1986.

²³ Maspero 1912, 1–5; Helck 1974.

²⁴ Mat'e 1936, 108–109.

²⁵ Katsnelson 1965.

²⁶ Panov 2021, 116–139.

²⁷ Maspero 1912, 18. Объем вмешательства Масперо в транскрипцию, предоставленную Голенищевым, остается непонятным.

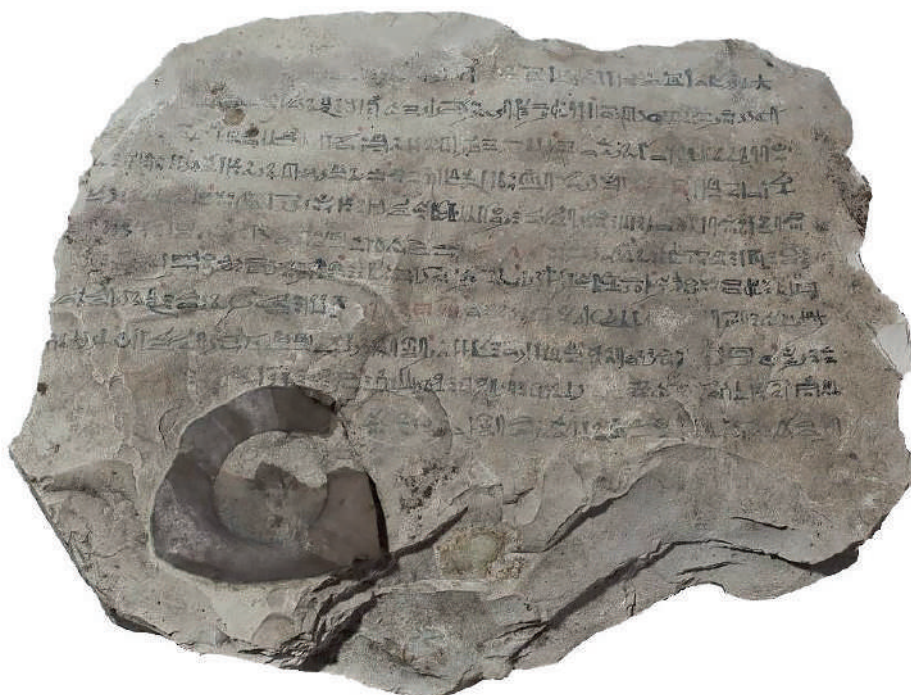

Рис. 1. Остракон ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470) © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

и ван дер Плас²⁸. В 1996 г. ван дер Плас посетил ГМИИ и получил разрешение опубликовать фотографию остракона. Эта фотография появилась вместе с новой уточненной транскрипцией текста в его специальной статье²⁹. Улучшенная иероглифическая транскрипция, предложенная ван дер Пласом, не свободна от некоторых неточностей, поэтому мы публикуем здесь еще одну иероглифическую транскрипцию, отражающую современное состояние памятника, в том числе следы знаков, которые

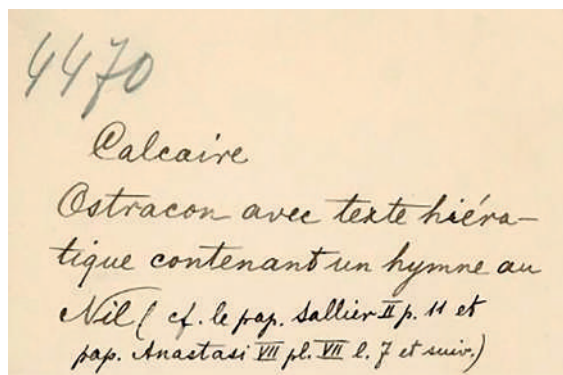

Рис. 2. Карточка В.С. Голенищева с описанием остракона ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470) © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

²⁸ Helck 1974; van der Plas 1986.

²⁹ Van der Plas 2008.

Рис. 3. Остракон ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470). Инфракрасная съемка

удалось различить благодаря съемке в инфракрасном излучении (рис. 3) и после обработки в программе DStretch (рис. 4)³⁰. Подробные лексические и грамматические комментарии к тексту можно найти у ван дер Пласа³¹ и П. Дилса³².

Текст остракона I, 16 327 содержит приблизительно треть полного текста Гимна. Из четырнадцати известных нам строф на поверхность Большого остракона были нанесены четыре полные строфы и первые фразы пятой. В нашем тексте есть одна небольшая, но очень важная деталь. Остракон Голенищева — единственный вариант Гимна, в котором (в конце строфы I) говорится о том, что Хапи освежает «творение уст» Птаха (*sw3d hmw.t-r'n.t Pth*). В других версиях мы видим только «творение Птаха», эта особенность Большого остракона не привлекла внимания переводчиков. Идея о том, что Птах сотворил мир словом, хорошо известна по более позднему тексту — «Памятнику мемфисской теологии» (или «Камню Шабаки»), записанному в конце VIII в. до н.э.³³

³⁰ Авторы выражают благодарность сотруднику Отдела научно-технического обеспечения ГМИИ Андрею Феликсовичу Кудрявицкому за проведение инфракрасной съемки.

³¹ Van der Plas 1986.

³² URL: <http://aew2.bbaw.de/tla/servlet/GetTextDetails?u=guest&f=0&l=0&tc=543&db=0>; дата обращения: 24.11.2022.

³³ Breasted 1901.

Рис. 4. Остракон ГМИИ I, 16 327 (ИГ 4470). Обработка в программе DStretch

Большой остракон интересен также красными пометками в промежутках между строфами. Этих пометок четыре: три — это даты («3 месяц разлива 28 день», «?», «4 месяц разлива день 7»), четвертая — знак $\rightarrow grh$ («остановка»). Вторая дата, вероятно, была стерта еще в древности: от пигмента здесь осталось значительно меньше следов, чем в целом на остраконе.

Со времен А. Эрмана³⁴ принято относить тексты, в которых присутствуют пометки с датами, к ученическому. Сам Эрман считал, что даты расставлял учитель, просматривая задание, написанное учеником. С этим соглашались не все, ведь даты могли расставлять и сами начинающие писцы. Кроме того, было замечено, что большая часть литературных остраконов написана уверенной рукой, и вряд ли их можно считать первыми упражнениями³⁵. В работах последних лет подход, согласно которому все литературные остраконы уверенно рассматриваются в школьном контексте, был поставлен под сомнение³⁶.

Судя по уверенному почерку и общей ясности текста, Большой остракон был написан легко и непринужденно. Некоторые наблюдения позволяют судить о последовательности работы писца. Даты после первой строфы и начало второй оказались наложены друг на друга, а значит, выписанная красным дата была нанесена позже. Таким образом, писец писал черными чернилами, оставляя в конце каждой строфы небольшие промежутки, иногда слишком короткие. Он остановился в конце четвертой

³⁴ Erman 1925, 9, 23.

³⁵ Van de Walle 1948, 17–18.

³⁶ Hagen 2006, 86; Dorn, Polis 2022, 436–437.

строфы, оставив место в конце строки незаполненным. Несмотря на то что поверхность подходила к концу, он все же начал новую строку с пятой строфой, но выписал всего две фразы, продолжения мы не видим ни в левой, ни в нижней части остракона. Затем красной краской писец расставил точки в конце стихов, вписал даты и знак $\rightarrow grh$ «конец, остановка» после четвертой строфы. Роль знака $\rightarrow grh$ в нашем тексте не вполне понятна. Чаще всего grh маркировал конец текста или большого раздела³⁷. Однако в рамессидских остраконах он мог ставиться и в середине текста, чередуясь в роли разделителя с датами³⁸ или сопровождаясь датой³⁹.

Исходя из того, что в большинстве случаев даты на остраконах относятся не к последующему, а к предыдущему разделу⁴⁰, мы можем констатировать, что первая и третья часть датированы с промежутком в девять дней, дату второй части пришлось стереть, а после четвертой части писец подумал о паузе. Получается, что интервалу в четыре-пять дней соответствовали две-три строки. Для опытного писца выписать за один раз три строки — задача слишком простая, известно, что продвинутые ученики копировали по 3–5 страниц разом⁴¹. В то же время для писца начального уровня текст Большого остракона написан очень уж хорошо и уверенно. Один из вариантов выхода из такого противоречия был предложен А. Макдоуэлл, разбиравшей даты на литературных остраконах из Дейр эль-Медины. Она вполне убедительно показала, что литературные тексты на остраконах записывались учениками продвинутого уровня, которые совершенствовали навыки под руководством старшего писца, в роли которого мог иногда выступать отец или дед⁴². Такое наставничество проходило в индивидуальном режиме, в те дни, когда ученик и учитель не были заняты на работах бригады в Долине царей.

У нас нет доказательств того, что Большой остракон происходит из Дейр эль-Медины. Кроме того, мы не видим признаков, которые позволяли бы сделать вывод о том, что текст не был нанесен за один раз, сама по себе постановка дат об этом не свидетельствует. Позволим себе высказать новую гипотезу. Полагая, что литературные остраконы эпохи Рамессидов — это ученические упражнения, обычно упускают из виду, что ученики должны были иметь под рукой образцы для копирования. Кроме того, практика копирования — надежный, но далеко не единственный вариант обучения. Можно предположить, что Большой остракон Голенищева — учительская копия текста, в которой расставлены даты и обозначен объем задания для ученика (-ов или даже ученицы). Невозможно установить, в чем заключалась суть задания: копирование текста, заучивание наизусть, упражнения в экзегезе или перевод текста на аккадский. Мы видим только, что таких заданий получилось четыре (для трех были запланированы даты, после четвертого полагался перерыв). Древний педагог составил прекрасный учебный план, и только вымаранная дата свидетельствует о том, что, как всегда, что-то пошло не по плану.

³⁷ Clère 1939, 20, n. 4.

³⁸ Выразительный пример о BM EA 29550+oDeM 1546 (Demarée 2002, pl. 79–80).

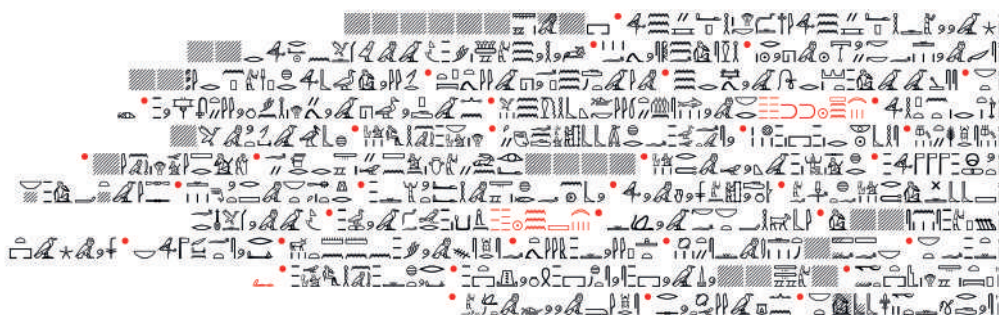
³⁹ Jurjens 2021.

⁴⁰ Jurjens 2021, 84.

⁴¹ McDowell 1996.

⁴² McDowell 1996, 601–608.

Транскрипция, транслитерация и перевод⁴³:

(1) *dw3w H^cpy^(a)*
ind-hr^(b)=k H^cpy pr m t3
[i y r s^cnh Km.t
imn] (2) ssm.w=f
kkwy m hrw
hsi.n n=f šms.w=f
iwhw š3.w km3w^(c).n R^c
r [s^cnh ^cw.t] (3) nb.t
ss33 h3s.t r-w3w r mw
{m}^(d) i3d.t=f pw h3y.t p.t^(e)
mry Gbb hrp Npri^(f)
[sw3d] (4) hmw.t-r^(g) n.t Pth
3bd 3 šmw hrw 28^(h)

(1) Восхваление Хапи.

Привет тебе, Хапи, который вышел из земли, [чтобы напитать Египет!]

(2) Тот, чьи формы [скрыты] (как) тьма среди дня –

(Так) его воспели спутники его.

Тот, кто орошает заросли, созданные Ра,

Чтобы [кормить (3) всяких животных].

Кто питает и страну, далекую от воды,

Ведь то, что нисходит с неба, – его роса.

Возлюбленный Гебом (Землей), управляющий Непри (Урожаем).

[Освежающий] (4) творение уст Птаха (Творца).

Месяц 3 сезона половодья день 28

nb rm.w shnty⁽ⁱ⁾=k kbh.w^(j)
nn 3pdw h3w hr hnwyty^(k)
iri (5) it shpr bty
shb r'.w-pr.w niw.wt^(l)
wsf3{t}^(m) (j)=f hr dbb fnd
hr nb nmhw
hb3.tw⁽ⁿ⁾ m p3w.t^(o) (6) ntr.w
hr zi hh 3k.w m rmt
[...]^(p)

Владыка рыб, ты и птиц перелетных движешь на юг,

Ведь нет птицы, которая спускалась бы (в Египет) при горячих ветрах.

⁴³ Штриховку здесь и далее мы используем в нашей транскрипции только в тех случаях, когда знак не просматривается ни на инфракрасной фотографии, ни при обработке в DStretch. Ссылки на другие копии Гимна Нильскому разливу даются по синоптическому изданию ван дер Пласа (van der Plas 1986).

Ты тот, кто сделал (5) ячмень и создал пшеницу,
 Кто творит праздник в храмах и городах.
 Ты тот, чье промедление – как препятствие дыханию,
 Когда каждый становится сирым/убогим,
 Урезают жертвоприношения (6) богам,
 И тогда гибнут миллионы среди людей.
 [Дата]

iri ʕwn^(q)-ib nšny t3 r dʀ=f^(r)
wʀ^(s) šri^(t) hr nmi^(u)
(7) šbb rmt hft hsf=f^(v)
kd.n sw Hnmw
wbn=f hr^(w) t3 m h^{cc}.wt
{hr} (hr)^(x) h.t nb.t m rš.wt
tzi{3}.t nb[.t]^(y) (8) šsp=sn s[bt]
ibh nb{.t} kf3.w
3bd 4 šmw 7

Когда он бывает скуп, тогда вся страна приходит в беспорядок.
 Великий и малый разбредаются/путаются.
 (7) И перемешиваются люди, когда он карает.
 Но Хнум сотворил его,
 Когда восходит он, земля ликует,
 И каждое тело радуется,
 Каждый рот (8) начинает смеяться,
 Так что обнажается каждый зуб.
 Месяц 4 сезона половодья день 7

ini k3.w wr dʃ3.w^(z)
km3w nfr.w (9) t=f nb.t
nb šfšf[y].t ndm^(aa) sty
hṭpy.w iy.t=f
shpr sm.w n mnmn.t
rđiw sft n ntr nb
sw m dw3.t (10) p.t t3 hr is.t-ht=f^(bb)
[iti] t3.wy
[mh] wđ3w swsh{t}^(cc) šnw.wt^(dd)
rđiw ih.wt (n) nmh.w^(ee)
grh^(ff)

Приносящий пропитание, изобильный пищей,
 Творящий все свои блага.
 (9) Господин почтения, сладкий ароматом,
 Чей приход – умиротворение.
 Тот, кто растит траву для скота,
 Кто дает жертвенное мясо каждому богу.
 Он в потустороннем мире, (10) но небо и земля под его надзором.
 [Тот, кто захватил] обе земли,
 [Кто заполняет] амбары и расширяет закрома,
 Кто дает добро нуждающимся.
 Остановка.

(11) srwd^(gg) h.t^(hh) 3bb nb{.t}
nn g3y.tw r=z
shpr imw⁽ⁱⁱ⁾ m ph.ty=f^(jj)

(11) Кто растит дерево на любой вкус,
 Так что не испытывают в нем недостатка.
 Создающий лодку своей силой...

(а) Детерминатив к имени Хапи, который ван дер Плас последовательно передает как , несомненно, следует понимать как «большой канал» $\equiv$ ⁴⁴. Это касается не только остракона из коллекции Голенищева, но и других источников, учтенных в синоптическом издании ван дер Пласа. Знак $\equiv$ в имени Хапи очевиден на фотографиях, приведенных в этом издании.

(б) Знак *hr* выписывается в тексте с дополнительной «петлей» или «точкой» внизу. Среди специалистов нет единого мнения относительно того, как передавать эту дополнительную деталь: в палеографии Г. Мёллера⁴⁵, в палеографии У. Верховен⁴⁶, в палеографии Ш. Виммера⁴⁷. Далее в иероглифической транскрипции мы передаем предлог как обычный .

(с) По всему тексту писец пользуется двумя иератическими знаками для обозначения птиц («птица с поднятыми крыльями» G41 и «птица со сложенными крыльями» G39). Его употребление этих знаков в детерминативах не вполне последовательно и не всегда совпадает с обычными иероглифическими вариантами. В тексте иероглифической транскрипции мы ставим те знаки птиц, которые можно встретить в словарных формах.

(d) Как видно на инфракрасной фотографии, знак в начале фразы, переданный ван дер Пласом как , гораздо более напоминает . Возможно, писец имел в виду «питает... росой», но эта форма не соответствует грамматике следующей фразы.

(е) Ван дер Плас дает $\dot{\lambda}$. Мы видим здесь окончание формы инфинитива $\dot{\lambda}$.

(f) Ван дер Плас заштриховал все знаки, составляющие имя Непри. В реальности видны знаки ∞ , а на фотографии в инфракрасном цвете можно различить также остатки знаков .

(g) Несмотря на то, что в других источниках в этом месте стоит только слово $\dot{\lambda}$, то есть «ремесло, мастерство», мы следуем нашему тексту и переводим $\dot{\lambda}$ ∞ *hmnw.t-r* как «творение уст», то есть «изречение»⁴⁸. Хапи обновляет то, что Птах сотворил словом.

(h) Число, означающее день, выписано горизонтально, как это было принято в скорописи, а не вертикально, как то передает в своей транскрипции ван дер Плас (и здесь, и в других датах).

(i) Знак «вода» под знаком *hnt* отсутствует в транскрипции ван дер Пласа.

(j) В транскрипции ван дер Пласа упущен знак множественности (горизонтальный штрих) под птицей.

(k) Окончание этой фразы можно прочесть и как два слова: *hmnwyty t3w.w*. Поскольку о значении *hmnwyty* приходится судить главным образом по детерминативу «жаровни», перевод может быть только предположительным: «(Ведь) нет птицы, которая спускается в Египет по причине жара воздуха».

(l) Красная точка пропущена в издании ван дер Пласа.

(m) После «алифа» ван дер Плас упустил знак ∞ t, хотя он был в его синоптическом издании.

⁴⁴ Здесь и далее в комментариях к транскрипции Большого остракона ссылки на суждения ван дер Пласа даются по изданию: van der Plas 2008.

⁴⁵ Möller 1965, 7 (80).

⁴⁶ Verhoeven 2001, 114–115.

⁴⁷ Wimmer 1995, 26–27.

⁴⁸ *Wb.* III, 85.1–2.

(n) В транскрипции ван дер Пласа $\ominus$, что позволяет понимать эту форму как безличную. Однако действительная последовательность знаков противоположная, поэтому возможен перевод «урезание (*hb3.t*) жертвоприношений».

(o) Выписан детерминатив к слову $\ominus$, а не $\omin�$, как у ван дер Пласа.

(p) В этом месте, где стояла выполненная красными чернилами дата, ван дер Плас поставил штриховку, однако воспроизвел в ней знаки $\overline{\text{III}} \overline{\text{III}}$. Этих знаков мы не видим. После слова $\overline{\text{III}} \overline{\text{III}}$, вполне различного на инфракрасной фотографии, и следующей за ним красной точки мы наблюдаем в лакуне красный вертикальный штрих и чуть дальше два горизонтальных штриха (они могли остаться от знака $\overline{\text{III}}$). По-видимому, дата была намеренно стерта.

(q) В транскрипции ван дер Пласа пропущен маленький знак « перед детерминативом.

(r) В транскрипции ван дер Пласа пропущен знак « под $\overline{\text{III}}$.

(s) Знак $\overline{\text{III}}$, пропущенный ван дер Пласом, вполне различим на фотографии.

(t) Транскрипция ван дер Пласа неточна. Детерминативы слова видны на инфракрасной фотографии: $\overline{\text{III}}$.

(u) В конце слова *nti*, которое выпущено ван дер Пласом, на инфракрасной фотографии видны неясные очертания двух знаков.

(v) Детерминатив $\overline{\text{III}}$ в транслитерации ван дер Пласа следует исправить на $\overline{\text{III}}$.

(w) Полустертый знак не вполне похож на $\ominus$, но предлог $\omin�$ в этой позиции встречается и в других рукописях.

(x) В новой транслитерации ван дер Пласа появилась ошибка, которой не было в синоптическом издании: вместо предлога $\omin�$ у него стоит $\omin�$. По-видимому, это ошибка писца.

(y) На инфракрасной фотографии в конце строки различимы знаки, которых нет в транскрипции ван дер Пласа. Треугольный знак под $\ominus$ непонятен. Возможно, это перевернутый клык.

(z) Детерминатив слова «пища» — $\omin�$, а не $\overline{\text{III}}$, как у ван дер Пласа. Такой же знак стоит в начале строки 6.

(aa) В новой транслитерации ван дер Пласа вместо вполне очевидного знака $\overline{\text{III}}$ почему-то появился $\overline{\text{III}}$ *whm*.

(bb) После предлога различимы остатки хвоста $\overline{\text{III}}$ «рогатой гадюки», отсутствующей в старых транскрипциях.

(cc) Знак $\ominus$ под $\overline{\text{III}}$ у ван дер Пласа лишний.

(dd) Знак $\overline{\text{III}}$ над $\omin�$ у ван дер Пласа лишний.

(ee) Детерминативы слова различимы на инфракрасной фотографии: $\overline{\text{III}}$.

(ff) Ван дер Плас в своей транскрипции воспроизводит здесь $\overline{\text{III}}$, так же, как в лакуне в строке 6. Фотография, обработанная в программе DStretch, не оставляет сомнений, что в конце 10 строки стоит не дата, а знак $\overline{\text{III}}$, выписанный красными чернилами.

(gg) Детерминатив $\overline{\text{III}}$ после слова *srwd* не вызывает сомнений, хотя он и схож со знаком $\overline{\text{III}}$, который увидел здесь ван дер Плас.

(hh) После слова *h.t* два вертикальных штриха, а не один, как у ван дер Пласа. Один из штрихов, очевидно, лишний.

(ii) В слове «лодка» писец поставил два знака $\omin�$.

Рис. 5. Остракон ГМИИ I, 16 355 (ИГ 5528) © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

(jj) Последние знаки больше похожи на $\Delta\epsilon\omega$, чем на $\Delta\omega\omega$ ван дер Пласа.

МАЛЫЙ ОСТРАКОН ГМИИ I, 16 355 (ИГ 5528) (рис. 5–7)

Датировка: XIX–XX династия.

Происхождение: в картотеке В.С. Голенищева, хранящейся в Отделе Древнего Востока ГМИИ, нет данных об остраконе.

Размеры: 13×7 см.

Материал: глина, черная краска, красная краска.

История поступления: из коллекции В.С. Голенищева, в ГМИИ с 1911 г.

Малый остракон содержит фрагмент девятой строфы Гимна. Сохранились только три неполные строки, нанесенные прямо под венчиком сосуда. Скорее всего еще в древности черепок с текстом был разбит – не хватает его правой, а также нижней частей.

Транскрипция, транслитерация и перевод:

(1) [$\zeta k m imh.t pr m hry^{(a)}$

$w]b^{(b)} m st3.w=f$

dns (2) [$\zeta nd rhy.t$

$hdb sn znm]^{(c)} rnp.t^{(d)}$

$m33.n.tw wsm^{(e)} mi hm.wt^{(f)}$

[$d]r^{(g)}$ (3) [$z nb h^{\zeta}w=f$

$nn iry m ph.wy] iry^{(h)}$

$nn hbs.w r hbs^{(i)}$

Рис. 6. Остракон ГМИИ I, 16 355 (ИГ 5528). Инфракрасная съемка

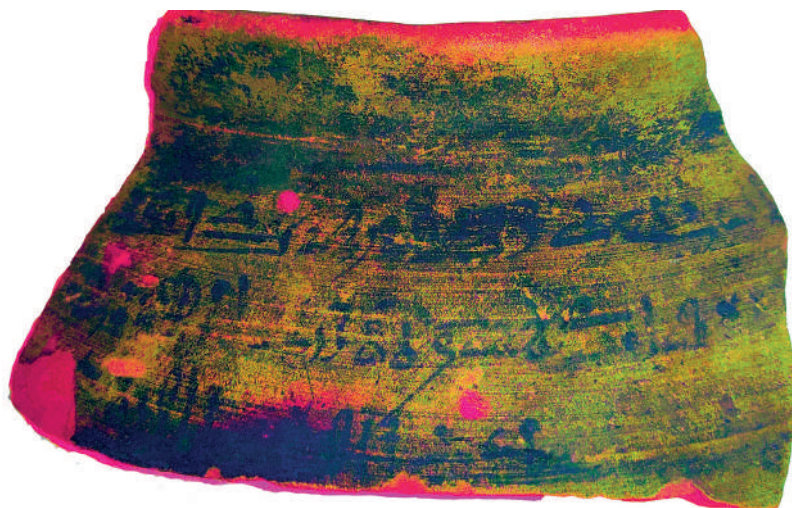

Рис. 7. Остракон ГМИИ I, 16 355 (ИГ 5528). Обработка в программе DStretch

(1) [Входящий в пещеру, выходящий наверх],
Открывающий (путь) своими таинствами.
Когда он тяжек, (2) [становится меньше людей.
Убивает их⁴⁹ напасть] года,
И видели жалкого, как женщины.
(3) [Каждый человек пользуется своим оружием,
Никто не способен выполнять свои] обязанности,
И нет одежды, чтобы одеться.

⁴⁹ Понимание этой фразы в соответствии с анализом П. Дилса в комментариях TLA (URL: <https://aaww.bbaw.de/tla/servlet/S02?wc=74480&db=0>; дата обращения: 24.11.2022).

(а) Строфа IX Гимна обычно начинается с этой фразы, отсутствующей на Малом остраконе. Длина, которую занимала бы эта фраза (около 10–12 «квадратов»), приблизительно соответствует размерам других лакун между сохранившимися фрагментами текста. Это позволяет предположить, что изначальный размер поля, на котором был написан текст, был в 1,5–2 раза шире и Малый остракон представляет собой его левую верхнюю часть.

(b) Знаки этой строки до слов *m št 3.w=f* не совпадают с другими версиями этого фрагмента. Все версии здесь расходятся, однако выказывают общность в том, что за словом, содержащим слог *3b* или *b3*, следует лексема *pr* «выходить». Переводчики или опираются на вариант *3b* «желающий (выйти в таинствах)», или восстанавливают лексему *wb3* «открывать». В нашем остраконе после знака , который различим в начале обломанной строки, следует плохо различимый знак, напоминающий «восходящее солнце» (N28) или «глаз» (D6). За ним мы видим птицу и написанный с сильным наклоном вправо «алиф» . Такую же группу   в этой позиции мы наблюдаем в oDeM 1176 ro. и oToronto. Вероятно, наш писец имел намерение выписать слово *wb3* «открывать, делать отверстие»⁵⁰, которое может иметь детерминатив .⁵¹ Группа   в нашем фрагменте отсутствует.

Фраза «[Входящий в пещеру, выходящий наверх], Открывающий (путь) своими таинствами» одна из самых неясных в тексте Гимна. Ван дер Плас посвятил этому месту комментарий на пяти страницах с таким резюме: «интерпретация особенно сложна, учитывая, что перевод остается неопределенным»⁵². Весьма вероятно, впрочем, что начало строфы IX было плохо понятно уже в древности, поскольку имеющиеся версии расходятся и большинство из них нельзя внятно перевести.

(с) От последнего слова сохранился только знак «крест» и едва различимый «воробей» перед ним. По-видимому, как и в большинстве других версий, текст содержал выражение *smn-rnp.t* «напасть года»⁵³.

(d) В конце этого стиха нет красной точки. Черная точка под знаком скорее всего относится к глаголу *m33* «видеть» (два круглых знака-зрочка обычны для этого глагола, но в редких случаях «зрочок» может быть один⁵⁴). Вероятно, расставляя красные точки в конце стихов после завершения текста, писец посчитал, что присутствие черной точки заменяет собой специальный знак в конце стиха.

(е) Из всех известных вариантов этого пассажа наш остракон ближе всего к oToronto, который также использует лексему *wsm* «жалкий» (*w3si* в словаре А. Эрмана и Г. Грапова⁵⁵; чтение *wsm* предложено Й. Кваком)⁵⁶.

(f) Под знаком различимо пятно, которое может быть окончанием женского рода . Далее мы видим следы знака «женщина» и остатки знака «множественность» (хорошо видны только два нижних штриха).

⁵⁰ *Wb.* I, 290.1–291.7.

⁵¹ Lesko 2002, I, 96.

⁵² Van der Plas 1986, 126.

⁵³ Lesko 2002, II, 51.

⁵⁴ DZA 23.636.910.

⁵⁵ *Wb.* I, 260.9–261.7.

⁵⁶ Quack 1994, 99, Anm. 52.

(g) Знак «рот» внизу последней в этой строке группы знаков соответствует большинству версий, сохранивших в этом месте глагол *dr*, начинающийся знаками .

(h) Знак , которым заканчивается фраза, соответствует варианту, представленному также на pSallier II и pAnastasi VII. Существуют разные понимания этого пассажа, мы следуем переводу Ст. Квёрка⁵⁷.

(i) Чтение этого пассажа не вызывает сомнений. Нижние части знаков, расположенных в загрязненной зоне⁵⁸, просматриваются на инфракрасной фотографии.

Литература / References

- Berlev, O.D. 1997: [Egyptology]. In: A.A. Vigasin, A.N. Khokhlov, P.M. Shastitko (eds.), *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 g.* [History of Russian Oriental Studies from the Middle of the XIX Century to 1917]. Moscow, 434–459.
- Берлев, О.Д. Египтология. В сб.: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко (ред.), *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г.* М., 434–459.
- Bogoslovki, E.S. 1973: [Monuments and Documents from Der el-Medina in Museums of the USSR]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 78–104.
- Богословский, Е.С. Памятники и документы из Дер-эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР. *ВДИ* 1, 78–104.
- Bol'shakov, A.O. 2007: [Golenishchev and Us]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2006* [St. Petersburg Egyptological Readings 2006]. Saint Petersburg, 5–13.
- Большаков, А.О. Голенищев и мы. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2006*. (Труды Государственного Эрмитажа, 35). СПб., 5–13.
- Breasted, J.H. 1901: The Philosophy of a Memphite Priest. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 39, 39–54.
- Caminos, R.A. 1956: *Literary Fragments in the Hieratic Script*. Oxford.
- Clère, J.J. 1939: Three New Ostraca of the Story of Sinuhe. *Journal of Egyptian Archaeology* 25/1, 16–29.
- Demarée, R.J. 2002: *Ramesside Ostraca*. London.
- Demskaya, A.A., Hodjash, S.I., Berlev, O.D., Kachalina, G.I., Yakovleva, E.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kolleksii v Muzei izyashchnyykh iskusstv (1909–1912)* [Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishcheff and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts (1909–1912)]. Moscow.
- Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Качалина, Г.И., Яковлева, Е.М. (сост.). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекций в Музей изящных искусств (1909–1912)*. (Из Архива ГМИИ, 3). М.
- Dorn, A., Polis, S. 2022: The Hymn to Ptah as a Demiurgic and Fertility God on O. Turin GCT 57002. Contextualising an Autograph by Amennakhte Son of Ipuy. In: S. Töpfer, P. Del Vesco, F. Poole (eds.), *Deir el-Medina Through the Kaleidoscope*. Modena, 424–450.
- Erman, A. 1911: *Hymnen an das Diadem der Pharaonen: aus einem Papyrus der Sammlung Golenischeff*. Berlin.
- Erman, A. 1925: *Die ägyptischen Schülerhandschriften*. Berlin.
- Gardiner, A.H. 1916: *Notes on the Story of Sinuhe*. Paris.
- Gardiner, A.H. 1947: *Ancient Egyptian Onomastica*. Vol. I–III. London.
- Golenischeff, W. 1899: Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'Égyptien Ounou-Amon en Phénicie. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 21, 74–102.
- Golénischeff, W. 1913: *Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage Impérial à St. Pétersbourg*. Saint Petersburg.

⁵⁷ Quirke 2004, 203.

⁵⁸ По заключению С.Е. Малых, это — следы копоти после попадания остракона с текстом Гимна в огонь.

- Hagen, F. 2006: Literature, Transmission, and the Late Egyptian Miscellanies. In: R.J. Dann (ed.), *Current Research in Egyptology 2004. Proceedings of the Fifth Annual Symposium Which Took Place at the University of Durham, January 2004*. Oxford, 84–99.
- Hagen, F. 2013: An Eighteenth Dynasty Writing Board (Ashmolean 1948.91) and The Hymn to the Nile. *Journal of the American Research Center in Egypt* 49, 73–91.
- Helck, W. 1974: *Der Text des "Nilhymnus"*. Wiesbaden.
- Jurjens, J. 2021: Dates on Literary Ostraca: A Case Study. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 148/1, 83–91.
- Katsnelson, I.S. (ed.) 1965: *Lirika Drevnego Egipta [The Lyrics of Ancient Egypt]*. Moscow. Кацнельсон, И.С. (ред.). *Лирика Древнего Египта*. М.
- Korostovcev, M.A. 1960a: *Puteshestvie Un-Amuna v Bibl. Egipetskiy ieraticheskiy papirus № 120 Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina v Moskve [The Journey of Wenamun to Bibl. Egyptian Hieratic Papyrus № 120 of the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow]*. Moscow. Коростовцев, М.А. *Путешествие Ун-Амуна в Библиотечный иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве*. М.
- Korostovcev, M.A. 1960b: [Egyptian Hieratic Papyrus № 167 of the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow]. In: *Drevniy Egipet [Ancient Egypt]*. Moscow, 119–133. Коростовцев, М.А. Египетский иератический папирус № 167 ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. В сб.: *Древний Египет*. М., 119–133.
- Korostovcev, M.A. 1961: *Ieraticheskiy papirus 127 iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina [Hieratic Papyrus № 127 of the State Pushkin Museum of Fine Arts]*. Moscow. Коростовцев, М.А. *Иератический папирус 127 из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина*. М.
- Lesko, L.H. 2002: *A Dictionary of Late Egyptian*. Vol. I–II. Providence.
- Lourje, I.M. 1930: Ostrakon No. 4474 des Moskauer Museums für schöne Künste. *Doklady Akademii Nauk, seriya B [Proceedings of the Academy of Science, Series B]* 8, 147–151. Лурье, И.М. Ostrakon No. 4474 des Moskauer Museums für schöne Künste. *Доклады Академии Наук, серия В* 8, 147–151.
- Lourje, I.M. 1949: [Instructions of Amenemhat I on Ostraca of the Museum of Fine Arts]. *Epigrafika Vostoka [Oriental Epigraphy]* 3, 82–87. Лурье, И.М. Поучение Аменемхета I в остраконах Музея изобразительных искусств. *Эпиграфика Востока* 3, 82–87.
- Lourje, I.M., Mat'e, M.E. 1929: Ostrakon No. 4478 des Museums für schöne Künste in Moskau. *Sbornik egiptologicheskogo kruzhka pri Leningradskom Gosudarstvennom Universitete [The Proceedings of the Leningrad Egyptological Circle at the Leningrad State University]* 2, 28–31. Лурье, И.М., Матее, М.Э. Ostrakon No. 4478 des Museums für schöne Künste in Moskau. *Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном Университете* 2, 28–31.
- Maspero, G. 1912: *Hymne au Nil*. (BdE, 5). Le Caire.
- Mat'e, M.E. 1936: *Chto chitali egiptiane 4000 let tomu nazad [What Were the Egyptians Reading 4000 Years Ago]*. Leningrad. Матее, М.Э. *Что читали египтяне 4000 лет тому назад*. Л.
- McDowell, A.G. 1996: Student Exercises from Deir El-Medina: The Dates. In: P. Der Manuelian (ed.), *Studies in Honor of William Kelly Simpson*. Vol. II. Boston, 601–608.
- Möller, G. 1965: *Hieratische Paläographie*. Bd. II. Leipzig.
- Panov, M.V. 2021: *Literaturnye i istoriko-biograficheskie nadpisi (II tys. do n.e.) [Literary, Historical and Biographical Inscriptions (2nd Millenium BC)]*. Novosibirsk. Панов, М.В. *Литературные и историко-биографические надписи (II тыс. до н.э.)*. Новосибирск.
- Quack, J. 1994: *Die Lehren des Ani*. Freiburg–Göttingen.
- Quirke, S. 2004: *Egyptian Literature 1800 BC. Questions and Readings*. London.
- Struve, W.W. 1930: *Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste zu Moskau*. Berlin.
- Struve, W.W. 1960: [Significance of V.S. Golenishchev for Egyptology]. In: V.I. Avdiev, N.P. Shastina (eds.), *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya [Essays on the History of Russian Oriental Studies]*. Issue 3. Moscow, 3–69. Струве, В.В. Значение В.С. Голенищева для египтологии. В сб.: В.И. Авдиев, Н.П. Шастина (ред.), *Очерки по истории русского востоковедения*. Вып. 3. М., 3–69.

-
- Turaev, B.A. 1915: *Rasskaz egiptyanina Sinukheta i obraztsy egipetskikh dokumental'nykh avtobiografiy* [*The Story of Sinuhe the Egyptian and the Samples of Egyptian Documentary Autobiographies*]. Moscow.
- Тураев, Б.А. *Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий*. М.
- Turaev, B.A. 1920: *Egipetskaya literatura* [*Egyptian Literature*]. Moscow.
- Тураев, Б.А. *Египетская литература*. М.
- Van der Plas, D. 1986: *L'Hymne à la crue du Nil*. T. I–II. Leiden.
- Van der Plas, D. 2008: Ostrakon Golenischeff 4470. In: A. Spiekermann (Hrsg.), „Zur Zierde gereicht ...“ *Festschrift Bettina Schmitz zum 60. Geburtstag am 24. Juli 2008*. Hildesheim, 257–259.
- Verhoeven, U. 2001: *Untersuchungen zur Späthieratischen Buchschrift*. Bd. II. Leuven.
- Walle, van de, B. 1948: *La transmission des textes littéraires égyptiens*. Bruxelles.
- Wimmer, S. 1995: *Hieratische Paläographie der nicht-literarischen Ostraka der 19. und 20. Dynastie*. Bd. II. Wiesbaden.

DOI: 10.31857/S032103910025904-7

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ XX–XXI веков. Часть I

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

В первой части статьи рассматривается опыт выявления этапов в древней истории и построения на этой основе ее сводной периодизации в отечественной науке XX в. вплоть до 1980-х годов. В предреволюционной науке этой задаче, как правило, не придавалось самостоятельного значения. В науке 1930–1950-х годов видно стремление совместить этапы, традиционно выделяемые в древней истории, с этапами в развитии рабовладения. Возникновение государства в начале древности в это время объясняется расколом общества на классы, а окончание древности связывается с «революцией рабов». В 1950–1960-е годы детерминантой исторического процесса древности и критерием выделения его этапов признается эволюция общины; искореняется влияние теории «революции рабов». В позднесоветский период огромное значение приобретают взгляды на ход и периодизацию древней истории И. М. Дьяконова, удачно интегрирующиеся с теоретическими схемами антиковедения.

Ключевые слова: древность, периодизация, Восток, античность, община, социальные отношения, пути развития, И. М. Дьяконов, марксизм

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин — доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-19-50146 («Экспансия»).

STAGES OF ANCIENT HISTORY AND THE CRITERIA OF THEIR DEFINITION IN RUSSIAN AND SOVIET SCHOLARSHIP OF THE 20th AND 21st CENTURIES. Part I

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-19-50146

The article discusses the experience of establishing the periods of ancient history and developing its general scheme in Russian and Soviet research of the twentieth century till the 1980s. The development of such schemes was not considered as a specific task in the pre-revolutionary scholarship. In the 1930s–1950s there was an intention to tie the periods established traditionally in scholarship with the stages of the development of slavery; the formation of state at the beginning of antiquity was seen as a result of splitting the society into antagonistic classes, and the end of antiquity was ascribed the nature of a revolution. In the 1950s–1960s the evolution of ancient communities in their various forms was taken as a determining factor for the flow of ancient history and defining its stages; the influence of the ‘revolution of the slaves’ theory was eliminated. In the Late Soviet period the views of Igor Diakonoff on the development and the periodisation of ancient history, which matched well with the schemes developed by historians of ancient Greece and Rome, became particularly important.

Keywords: antiquity, historical periodisation, Ancient East, Ancient Greece, Rome, communities, society, paths of development, Igor Diakonoff, Marxism

Значение принципов периодизации всемирной истории и ее отдельных эпох едва ли требует доказательства: очевидно, что именно в выборе этих принципов проявляется своеобразие подхода конкретных ученых или, чаще, их поколений и научных школ к определению «движущих сил» исторического процесса — факторов, влияющих на состояние общества в разные периоды, на смену таких состояний и происходящие при этом события¹. При этом практически на каждом этапе развития историографии задача построения или уточнения периодизации оказывается двойной: трехчастное деление истории на древность, Средние века и Новое время восходит, как известно, еще к трудам Флавио Бондо середины XV в.², а затем оно дополнилось фундаментальными понятиями, задающими внутреннюю периодизацию каждой из этих больших эпох и классификацию обществ внутри них. В изучении древности эту роль стали играть традиционное деление истории древней Греции на гомеровский период, архаику и классику, истории Рима — на царский период, республику и империю, а также

¹ См. в целом Alekseev *et al.* 2014.

² Alekseev *et al.* 2014, 32.

феномен эллинизма и представление о древнем Востоке и античности как разных моделях общественного и цивилизационного развития³. По сути дела, призыв к отказу от этих понятий не прозвучал ни разу (во всяком случае, ни разу не был доведен до конца⁴), и на каждом новом этапе перед исследователями вставала задача не только выявить новые параметры для описания исторического процесса и выделения в нем этапов, но и соотнести эти параметры с понятиями традиционной периодизации. В советской и постсоветской историографии эта задача осложнялась сначала интеграцией этих понятий с концепцией советского марксизма⁵, а затем и потребностью в их освобождении от этого, притом удовлетворенной в разных сегментах науки неравномерно и непоследовательно⁶. Поэтому нам кажется насущной задача своего рода «инвентаризации» концептов, использовавшихся в отечественной науке о древности для построения ее периодизации, и оценки их применимости для этого на нынешнем этапе. Заметим, что аналитические обзоры нашей историографии до сих пор фокусировались либо на отдельных проблемах, оцененных как базовые (прежде всего проблеме социально-экономических отношений⁷), либо, в последнее время, на вопросе «образа древности» в советской науке и факторов, определяющих его особенности на разных этапах⁸. Вопрос о возникновении в отечественной науке XX–XXI вв. единой концепции древней истории и мотивированной ею схемы периодизации, а также вопрос об их эволюции практически не ставился⁹.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ДРЕВНОСТИ В ОЦЕНКЕ УЧЕНЫХ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОГО
ВРЕМЕНИ И 1920-х годов. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА (1930–1940-е годы)

Как представляется, рефлексия по поводу периодизации истории древности стала впервые значима в отечественной историографии после становления общей исторической концепции советского марксизма в начале 1930-х годов. Это звучит парадоксально (догматическая идеология как будто вообще не должна была оставить места

³ Мы говорили, что «широкое» понятие «древний Восток», включающее общества Индии и Китая, функционально лишь в отечественной историографии с 1930-х годов (Ladynin 2019b); однако, конечно, противопоставление античных и восточных обществ актуально и для мировой науки в целом.

⁴ См. о спорах в связи с закреплением понятий «древность», «Средневековье», «Новое время» в преподавании «гражданской истории» в СССР в 1934 г. Dubrovskiy 2017, 153.

⁵ В определении понятия «советский марксизм» мы следуем за С.Б. Крихом (Krikh 2013, 8–9).

⁶ Так, если во втором томе новой «Всемирной истории», посвященном Средневековью, большое место заняла категоризация ряда теоретических понятий на основе опыта мировой науки (что отвечало широте дискуссий в отечественной медиевистике еще в 1960–1980-е годы: Chubaryan 2011–2017, II, 5–70, 810–817), ничего подобного нет в ее первом томе по древности (ibid., I; см. нашу статью далее).

⁷ Например, Nikiforov 1977; Neronova 1992; Kim 2001.

⁸ Krikh 2013; 2020; Krikh, Metel' 2014.

⁹ В скромном объеме он поставлен в Ladynin 2016. Близка по замыслу к настоящей статье, но выполнена всецело в духе своего времени и, естественно, не учитывает более позднего материала работа Slonimskiy 1970.

для рефлексии) и неслучайно для предреволюционной науки; однако в последней наиболее influentially было направление «фактопоклонничества», восходившее к взглядам Ф.Ф. Соколова. Возникнув в известной мере как реакция на субъективные схемы М.С. Куторги, эта тенденция отторгала широкие обобщения и воспринимала наличие в истории древности периодов скорее как данность, чем как повод для рефлексии¹⁰. С скромным местом в науке занимали попытки объяснить возникновение государства в начале древности потребностями речной ирригации¹¹ или определить характер ранней государственности как общинной, а последующих рубежей в древней истории (в частности, переходов от классики к эллинизму и от республики к империи) — как ее смены охватывающими широкие территории автократиями¹². Позиция М.И. Ростовцева, определявшего, под влиянием «циклизма» Эд. Мейера, эллинистическо-римскую древность как «капитализм»¹³, до 1917 г. проходила становление и еще не обогатилась важнейшим для его концепции представлением о «революции» в Риме при переходе от республики к империи¹⁴. Пожалуй, более результативно идеи Мейера были интегрированы в схему древней истории, представленную в учебных пособиях М.М. Хвостова¹⁵, хотя в ней не было фундаментальности взглядов Ростовцева, сформулированных им в эмиграции. В 1900–1910-е годы крен к социально-экономической проблематике виден не только у Ростовцева и Хвостова, но и у молодого В.В. Струве¹⁶, что свидетельствует о восприятии этого направления как перспективного. Вероятно, поступательное развитие предреволюционной науки о древности привело бы к утверждению в ней «соцэка» с его концептуализмом (скорее всего, в «изводе» Мейера), что повлияло бы и на восприятие крупных этапов древней истории¹⁷; но этого не произошло. Важнее в историографической перспективе было введение Б.А. Тураевым понятия «древний Восток» как обозначения особого этапа «цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству»¹⁸.

Советская наука о древности 1920-х годов, вопреки ее ожидаемой марксистской индоктринированности, активно усваивала разные теоретические схемы с социально-экономической детерминантой: при этом, хотя в «споре Мейера и Бюхера» советские ученые были скорее на стороне второго, практически для всех них было значимо определение — вполне в духе Мейера — древневосточного и раннегреческого обществ как феодальных, а следующего этапа истории античности с более развитым товарным производством и с рабским трудом — как сопоставимого, хотя и с оговорками, с капитализмом¹⁹. Однако более значимым было

¹⁰ Frolov 1999, 175–205, 263–281; Kirillova 2020.

¹¹ Metchnikoff 1889.

¹² См. о концепции Р.Ю. Виппера с отсылками к его работам Almazova 2019.

¹³ См. в его ранних работах, наиболее явно в Rostovtzeff 1900.

¹⁴ См. Kirillova 2017, 346–349.

¹⁵ Almazova 2017.

¹⁶ Ladynin 2020.

¹⁷ Frolov 1999, 381–389; Ladynin 2019a, 256–257.

¹⁸ Ladynin 2019b, 778–782.

¹⁹ Frolov 1999, 433–434; Krikh 2013, 74–83 (от употребления термина «капитализм» воздерживался А.И. Тюменев, подчеркивавший роль рабства в античных обществах, однако подъем в них товарной экономики признавал и он).

решение вопроса о том, следует ли видеть в древней (и в целом во всемирной) истории единый процесс. Своего рода итог довольно кустарных по уровню аргументации дискуссий между сторонниками концепций «азиатского способа производства» и «восточного феодализма»²⁰ (мыслившихся притом как не столько начальный этап истории Востока²¹, сколько извечное, вплоть до Нового времени, его состояние) был подведен на сессии АН СССР в июне 1931 г. ее недавним фактическим руководителем и старейшим русским востоковедом С.Ф. Ольденбургом: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изучаемые... История Востока дала те же формации, что и история Запада»²². Тем самым установка нарождающегося советского марксизма предполагала, что на всех этапах своей истории человечество проходит один и тот же путь, ведущий в перспективе к справедливому бесклассовому обществу.

Важнейшими постулатами исторической теории советского марксизма были определение государства как аппарата подавления эксплуатируемых, появляющегося вслед за расколом позднепервобытного общества на классы²³, и признание классовой борьбы главным фактором исторического процесса. По сути дела, они стали «священными коровами», и посягательство на них (например, частично альтернативные взгляды на возникновение государства и цивилизации; см. далее о построениях В.В. Струве и Б.Л. Богаевского) не допускалось. Не одобрялся взгляд на государство как на организатора производства, а не только подавления, и признание иных, помимо классовой борьбы, факторов исторического процесса, в частности миграций, значимость которых отвергалась построениями марризма²⁴. Кроме того, в 1932–1934 гг. при решающей роли Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) оформилась в целом концепция рабовладельческого способа производства в древности: работа над ней резко ускорилась после речи Сталина 19 февраля 1933 г. на II съезде колхозников-ударников со знаменитой фразой о «революции рабов», и в итоге она стала не только историографическим, но и идеологическим официозом, войдя в «Краткий курс истории ВКП(б)»²⁵. Тем самым на долгое время устоялось общее представление о сущности начального и конечного рубежей древности — соответственно, о распаде первобытного общества на классы и о сокрушившей древнее общество

²⁰ Nikiforov 1977, 176–182; Kim 2001, 24–90; Krikh 2013, 83–90.

²¹ Казалось бы, такому пониманию термина «азиатский способ производства» должно было бы противоречить его употребление К. Марксом во введении «К критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Marx, Engels 1955–1980, XIII, 7); о реальном значении данного термина у Маркса см. Alekseev *et al.* 2014, 68–71.

²² Oldenburg 1931, 9.

²³ Применительно к древности оно дополнялось важным представлением о неизбежности разложения при этом общины. См. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса о гибели общины, которую он считал родовой: Marx, Engels 1955–1980, XXI, 167–169.

²⁴ Alpatov 2011, 38–39; Formozov 2006, 58–60 (в связи с археологическими исследованиями).

²⁵ Formozov 2006, 162–169; Krikh 2013, 89–139.

«революции рабов»; само же понятие древности было соотнесено с понятием рабовладельческого способа производства²⁶.

Вопрос, насколько всерьез нужно принимать теоретические построения советских историков древности этого времени, неотделим от вопроса, насколько они вообще прибегали к обычным в науке способам построения аргументации и приемам полемики и, шире, нормам поведения в своей среде. Нет возможности разбирать эти вопросы сейчас подробно, тем более что многое для их прояснения уже сделано²⁷: скажем лишь, что после знаменитого восстановления «преподавания гражданской истории» в 1934 г. в публикациях и дискуссиях по большей части уже не было вульгарного социологизма предыдущего десятилетия и по крайней мере внешне преобладала классическая форма научного нарратива, построенного на анализе источников²⁸. Судить об искренности озвученных при этом позиций нужно максимально конкретно, однако она не вызывает сомнений для многих ученых, вошедших в науку в 1930-е годы — С.И. Ковалева, А.Б. Рановича, К.К. Зельина, делавшего первые шаги в науке И.М. Дьяконова²⁹. На наш взгляд, именно работы, появляющиеся с середины 1930-х годов, оказываются изначальным «тезисом» той эволюции отечественной историографии древности, которая, по сути дела, продолжается и сегодня, хотя она и прошла через этап аргументированного опровержения этого изначального «тезиса».

По-видимому, первый опыт последовательной периодизации древности с позиций советского марксизма был предпринят С.И. Ковалевым во введении к I тому редактировавшейся им «Истории древнего мира», призванной суммировать наработки ГАИМК начала 1930-х годов³⁰. Хотя с этой схемой периодизации нельзя согласиться, ее можно назвать удачной по замыслу: традиционные понятия истории древности ожидаемо привязаны в ней к этапам эволюции рабовладения. Рабство на Востоке противопоставлено «греко-римскому» как раннее, выступающее в «малодифференцированных формах так называемого патриархального рабства, домашнего рабства, рабства-должничества» (это, по Ковалеву, и породило идею о феодализме на Востоке); при этом Ковалев провел различие между очагами ирригационного земледелия и сырьевой периферией, где были «предпосылки образования

²⁶ Прямолинейное соотнесение древности с рабовладением, Средневековья — с крепостничеством, Нового времени — с капитализмом есть в лекции Ленина «О государстве», характерным образом приобщенной к базовым текстам советского марксизма накануне оформления его официальной концепции в 1929 г.: Lenin 1958–1966, XXXIX, 73–78, 84.

²⁷ Krikh 2020, 11–14, 20–33.

²⁸ Показательно вежливое, но решительное неприятие А.Б. Рановичем в середине 1930-х годов советов Н.М. Никольского громить концепцию В.В. Струве при помощи цитат из «классиков»: Kluev, Metel' 2018, 85–90.

²⁹ Несомненно, И.М. Дьяконов на всех этапах своего творчества полностью разделял концептуалистскую интенцию советского марксизма: «Отношение к моим работам за рубежом всегда было заинтересованным... наличие или отсутствие в них марксистской теории формационного развития общества не казалось решающим обстоятельством. А это жаль, потому что понимание истории как процесса — важно» (Diakonoff 1995, 737–738).

³⁰ Kovalev 1936–1937, I, 5–19.

хищнических военных государств типа хеттского и ассирийского»³¹. Античность и, шире, общества I тыс. до н.э. были отграничены от древнейших обществ Востока по критерию «достаточно широкого развития денежного хозяйства» и «высшего расцвета» рабства («Так было в позднейшей Вавилонии, в некоторых городах-государствах Греции, в Финикии, Карфагене, отчасти в Риме»). Развитие рабства в Греции вызвало «ремесленное производство на рынок», что, при запрете долговой кабалы, заставляло черпать рабов «главным образом из окружающих стран и из колониальной “варварской” периферии»; в Риме же можно видеть «огромную гипертрофию рабства военнопленных». Ковалев также говорил о сохранении, по сути дела, в течение всей древности общинных форм собственности на землю (в контексте вполне фантомного «основного противоречия рабовладельческого общества»³²), о широкой надрегиональной интеграции на последнем этапе древности (на примере эпохи эллинизма, но прежде всего Римской империи), об утрате полисом качества независимого государства вследствие его кризиса в IV в. до н.э.³³ Позднее стяженное изложение Ковалевым своей схемы удостоилось резковатого отзыва К.К. Зельина³⁴ — не столь справедливого, так как качественные черты выделенных в ней этапов обозначены вполне отчетливо.

Отраженная в «Истории древнего мира», эта схема претендовала на статус базовой в отечественной науке, однако этому помешали дискредитация ГАИМК в середине 1930-х годов и арест самого Ковалева в 1938 г.³⁵ Ее откровенно негативная оценка³⁶ показала, что актуальность таких схем вообще была меньшей, чем интерпретация отдельных понятий истории древности в свете общего представления о рабовладельческой природе древних обществ и о значимости классовой борьбы. При этом характерные возражения вызвали изначальные построения В.В. Струве 1933 года: согласно им, в ходе классогенеза первобытная община на Востоке трансформировалась в общину рабовладельцев, совместно владевших рабами. Ее расслоение вело к социальным конфликтам, породившим, в частности, постулированный Струве «социальный переворот» в Египте в XVIII в. до н.э.³⁷; далее развитие рабства ускорялось, и в Египте Нового царства, как и ранее в Месопотамии, обнаруживались рабовладельческие латифундии, а общество Нового

³¹ Ср. с определением В.В. Струве общества хеттов как «военного рабовладельческого»: Struve 1934b, 45–74.

³² Kovalev 1936–1937, I, 12.

³³ Kovalev 1936b, 6–9.

³⁴ «С.И. Ковалев... устанавливает четыре этапа в развитии рабовладельческой формации: древневосточный, греческий, эллинистический и римский... Предлагаемая периодизация развития рабовладельческого общества соответствовала бы примерно такой периодизации истории капитализма: стадии голландская, английская, германская, американская» (Zel'in 1955, 101 в связи с замечанием в предисловии Ковалева: Tarn 1949, 9).

³⁵ Formozov 2006, 178, 181–183; Diakonoff 1995, 449–450; Skvortsov 2017.

³⁶ Mashkin 1939, 78–79.

³⁷ Struve 1934a, 36–38, 48–49, 63–68. Ковалев в своей схеме соотнес это восстание с такими этапами разложения античной общины, как «вспышки социальной борьбы в Греции в IV в. до н.э. и демократическое движение в Италии во II в. до н.э.» (Kovalev 1936–1937, I, 17).

Вавилон сопоставлялось с «античным рабовладельческим»³⁸. Как видно, сначала Струве хотел не столько выявить различия между древним Востоком и античным миром, сколько показать в принципе схожие ход и динамику развития обществ, и того, и другого, что совмещалось и с общей установкой советской науки на выявление универсальных закономерностей исторического процесса; однако это и вызвало возражения ученых, не пожелавших отказаться от представления о древнем Востоке как о чем-то стадially предшествующем античности³⁹. Вероятно, свою роль в критике Струве сыграло и то, что о «врастании» первобытной общины в классовое общество как общины рабовладельцев не писали «классики». В итоге общепринятым, в том числе в его учебнике⁴⁰, стало, по сути дела, «ковалевское» определение обществ древнего Востока как раннерабовладельческих, с высокой ролью общины (не рабовладельческой, а обычной сельской, находившейся в процессе распада), со слабым развитием торговли. Наряду с идеей Струве об общине рабовладельцев на Востоке было раскритиковано и принципиально схожее положение Ковалева о длительном существовании «коллективной собственности рабовладельцев»; а идея Б.Л. Богаевского о становлении крито-микенского общества на основе поздней первобытности⁴¹, ставившая под вопрос классовую природу любой государственности, отвергалась как не учитывающая «перерыв» в истории Греции⁴². Признать, что некоторых фактов древней истории «классики» просто не знали (как Энгельс, начинавший государственность Греции с формирования полиса), было явно легче, чем допустить произвольные вариации на заданные ими теоретические темы.

Уже не раз подробно рассматривалось восприятие в 1930–1940-е годы важнейших рубежей истории древнего Рима в свете тезиса о «революции рабов»: смена республики принципатом считалась качественным укреплением государства рабовладельцев в ответ на вызвавшую его кризис классовую борьбу рабов, апогеем которой было восстание Спартака; классовая борьба рабов и в целом угнетенных низов обуславливала процессы III в. до н.э.; а падение Римской империи признавалось завершением «революции рабов», союзниками которых стали варвары⁴³. Менее известно выведение в литературе этого времени внутренних рубежей

³⁸ Struve 1934a, 70–75, 86.

³⁹ Струве сохранил определенное пространство для маневра (ср. с его лавированием в вопросах теории в 1931–1933 гг.: Ladynin 2019a, 259–264), подчеркивая не просто развитие, а гипертрофию рабства в Риме по сравнению не только с Востоком, но и с Грецией, так что, когда там на рубеже Средневековья его потенциал был исчерпан, на Востоке он сохранялся (Struve 1934a, 89–90; см. теперь подробнее Ladynin 2023). Стадiallyное «отставание» Востока от античности становилось таким образом не абсолютным, а относительным; но это был уже софизм. По словам Н.А. Машкина, в разделах Струве в «Истории древнего мира» «не проводится отличие рабства на древнем Востоке от античного рабства, почти совсем игнорируется роль восточной общины, вводится крайне неотчетливое понятие “коллективного рабства”» (Mashkin 1939, 77).

⁴⁰ Struve 1941, 6–7.

⁴¹ Krikh 2020, 73–88.

⁴² Mashkin 1939, 77–79.

⁴³ Krikh 2013, 116–133; 2020, 103–119; Kirillova 2017; Sharova 2017.

истории древней Греции. Становление полиса было для Ковалева революцией⁴⁴, однако уже в конспекте III тома «Всемирной истории» в 1938 г. квалифицировалось как «утверждение государственной власти в форме рабовладельческого полиса»⁴⁵. Такое воспроизведение позиции Энгельса избавляло от необходимости как-то оценивать гомеровское общество и разумно сокращало число «революций» в древности⁴⁶. Ситуацию в Греции уже в V (после Перикла) и тем более в IV в. до н.э. Ковалев определял как «кризис рабовладельческой системы», выразившийся в пролетаризации гражданства и росте классовой борьбы рабов⁴⁷: еще не создавая «перехода ни к какому новому способу производства», она «подготавливала революцию рабов» в перспективе⁴⁸; завоевания Александра и начало эллинизма представлялись не преодолением, а продолжением этого кризиса, как «результат анемии рабовладельческого полиса» и экспансия на новые территории «лишних» элементов греческого общества⁴⁹.

Иначе воспринял этот же рубеж десятилетием позже А.Б. Ранович: причину кризиса IV в. до н.э. он видел в исчерпании рынков сбыта товаров ведущих полисов; о росте при этом классовой борьбы рабов он говорит вскользь, видимо, не находя в подтверждение убедительных фактов. Тем самым интеграция Греции и Востока в эпоху эллинизма удовлетворила «потребность в расширении экономической базы» и греческой, и восточной элит; ею «была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых и племенных связях», и повышена товарность экономики Востока⁵⁰. Такое определение сущности кризиса IV в. до н.э. и наступления эллинизма довольно четко следовало позиции М.И. Ростовцева (что вообще характеризует последнего как экономического детерминиста ничуть не меньшего, чем советские марксисты, нашедшие, как видно, повод у него поучиться)⁵¹ и делало акцент на «экономике вообще», а не собственно на развитии рабовладения, качественных изменений в котором Ранович, как известно, не выявил⁵². Совсем примечательно подключение к оценке эпохи эллинизма (причем как «прогрессивного» этапа) такого «немарксистского» фактора, как религиозный синкретизм⁵³: очевидно, Ранович следовал при этом как традиции Дройзена, так и собственному опыту изучения религии. При этом кризис системы эллинизма на рубеже III–II вв. до н.э. было

⁴⁴ Kovalev 1936a, 124–150; 1936–1937, II, 171–205.

⁴⁵ Editorial 1938, 180.

⁴⁶ Схожий смысл имело более нейтральное определение В.В. Струве в середине 1930-х годов пресловутого восстания в Египте XVIII в. до н.э. как «социального переворота», а не «социальной революции»: Il'in-Tomich 2016.

⁴⁷ Kovalev 1936–1937, III, 68–69; 1936a, 249–254.

⁴⁸ Kovalev 1936a, 252.

⁴⁹ Kovalev 1936b, 5.

⁵⁰ Ranovich 1950, 19–28.

⁵¹ Rostovtzeff 1941, I, 90; II, 1026; cf. Ranovich 1945, 94–95; Krikh 2013, 141–158.

⁵² Zel'in 1955, 99–101.

⁵³ Ranovich 1950, 37: «Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии».

соблазнительно связать с новым «нарастанием противоречий» в рабовладельческом обществе. Всплеск классовой борьбы усматривался в выступлении Аристоники в Пергаме, в движении Маккавеев, в тирании Набиса в Спарте; важным казалось наличие у этих движений некоего идеологического оформления, а римское завоевание воспринималось как средство консервации взрывающейся ими ситуации в интересах рабовладельцев⁵⁴.

Таким образом, схема античной истории, намеченная в советской историографии 1930–1940-х годов (и ни разу не сформулированная экономно и целостно), выглядит чередой «кризисов» рабовладения и «возрастаний противоречий» между рабовладельцами и рабами, гасившихся почти неизменно каким-то новым фактором: в IV в. до н.э. — экспансией на Восток, в конце III — II вв. до н.э. — завоеванием эллинистических государств Римом, в I в. до н.э. — становлением принципата, в III в. н.э. — стабилизацией начала домината. Столь долгое движение к «революции рабов» (все же состоявшейся, в рамках этой схемы, при падении Римской империи) не очень удивительно, если учесть, что его моделью должно было быть представление о мировой социалистической революции, которую не переставали ждать с создания «Манифеста коммунистической партии» в 1847 г., притом что исторический процесс в древности был, очевидно, менее динамичен. Вместе с тем эта схема сохраняла традиционные понятия древней истории — не только ее деление на историю древнего Востока, Греции и Рима с внутренними периодами, но и, явно вслед за зарубежными историками социально-экономического направления, признание качественно большей товарности античной экономики.

2. ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ I И II ТОМОВ
«ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» В 1950-е годы (О.В. КУДРЯВЦЕВ).
ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУБЕЖЕЙ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ 1950–1960-х годов

Попытка уйти от этих традиционных понятий при определении периодизации древней истории была сделана в 1950-е годы в связи с новым «туром» подготовки «Всемирной истории» О.В. Кудрявцевым — антиковедом, рано ушедшим из жизни, но, похоже, игравшим большую роль в теоретической работе Института истории АН СССР⁵⁵. Важным основанием его схемы было признание неравномерности развития разных регионов в древности и значимости влияния более развитых обществ на менее развитые, а также в целом расширения древней ойкумены («территориального распространения рабовладельческого строя»). Это позволяло определять специфику эпох по тенденциям в развитии обществ-лидеров, во многом воспроизводя традиционную стадиальную схему «Восток — Греция — Рим». Сохраняя определение древности как эпохи рабовладения, Кудрявцев выделял в его развитии две большие фазы — архаическую и классическую, с гранью между ними по VII в. до н.э., которым он датировал начало формирования

⁵⁴ Например, Ranovich 1950, 165; Tarkov 1950, 35–36.

⁵⁵ См. о нем Kudryavtsev 1957, 3–10. Обсуждаемая далее схема была представлена в обширном докладе в ИИ АН СССР в 1951 г. в связи с работой над проспектом «Всемирной истории» (Kudryavtsev 1957, 257–308) и легла в основу передовой статьи ВДИ (Editorial 1952). Ср. ее восприятие в Shofman 1984, 70.

классического рабовладения в Греции. Признаками архаической фазы были названы сравнительно низкая доля рабства (причем по преимуществу эндогенного) в общем объеме производства, зависимость рабов скорее от государства, храмов и общин, нежели от частных лиц (ср. с тезисом Струве о «коллективном рабстве»), «наличие значительного класса мелких производителей, прежде всего не согнанного с земли крестьянства»; классическую фазу характеризовали исключение эндогенного рабства, преобладание рабского труда и «пауперизация вследствие этого мелких производителей», более высокое развитие товарно-денежных отношений. Смена архаической фазы классической не носила тотального характера: они сосуществовали и в определенной мере противостояли друг другу вплоть до конца древности. Кроме того, Кудрявцев, вслед за Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»⁵⁶, указал, что общественному строю этих двух фаз соответствуют восточная и античная формы собственности, по сути дела, определив античность именно как мир полисов.

Более подробная периодизация предполагала деление истории древности на шесть периодов (два в архаической и четыре — в классической фазе рабовладения): первый период (XXX—XVI вв. до н.э.) — возникновение «древнейших рабовладельческих обществ» в областях речной ирригации; второй период (XVI—VII вв. до н.э.) — распространение их влияния на периферию; третий период (VII—IV вв. до н.э.) — сложение полисов в Греции и Италии и товарной городской экономики на Востоке; четвертый период (IV—I вв. до н.э.) — интеграция в условиях крупных межрегиональных государств (эллинистические царства, Римская держава, империя Цинь); пятый период (I—II вв. н.э.) — «период углубления кризиса в старых центрах рабовладельческого строя»; шестой период (III—V вв. н.э.) — собственно кризис и гибель древних обществ, внутри которых возникают феодальные отношения. Мы охарактеризовали эти периоды по чертам, соответствующим тому, что имело место в реальности: обоснование границ между ними Кудрявцевым по этапам развития рабовладения гораздо более фантомно. Признавая воздействие древнейших цивилизаций на периферию, его схема игнорирует фактор миграций и даже такой, казалось бы, «категоризируемый» в контексте советского марксизма фактор, как смена в развитии «производительных сил» археологических эпох⁵⁷. Было удержано и представление о роли классовой борьбы рабов в переходе от республики к империи, хотя Кудрявцев и независимо от нее учел фактор кризиса римского полиса и изгнал из своей схемы понятие «революции рабов». Однако примечателен сам замысел «сквозной периодизации» истории всей древней ойкумены: порождая определенные натяжки (например, соотнесение социальных движений в Римской империи III в. н.э. и восстания «желтых повязок» в Китае как стадийно однородных явлений кризиса рабовладения, хотя на самом деле они были вызваны совершенно разными

⁵⁶ Marx, Engels 1955–1980, XLVI/1, 461–508.

⁵⁷ Возможно, это была принципиальная позиция Кудрявцева: так, он предлагал ввести во «Всемирной истории» периодизацию первобытности не по этапам индустрии, а «по ступеням общественного развития»: Editorial 1953, 223. Но этот фактор был вполне учтен И.М. Дьяконовым и Г.Ф. Ильиным во вводных разделах ко II, III и IV частям I тома «Всемирной истории» (Zhukov 1955–1965, I, 133–136, 261–262, 473).

предпосылками), он вел и к верным наблюдениям об этапе повсеместного подъема городской экономики в середине I тыс. до н.э., о значимости межрегиональной интеграции в истории I тыс. до н.э. и особенно в его последние века.

Структура I и II томов «Всемирной истории» в принципе соответствовала схеме Кудрявцева, однако нельзя сказать, что ее развивали теоретические разделы этого издания: скорее в тех из них, что относятся к обществам Ближнего Востока, заметны взгляды И.М. Дьяконова, а теоретические экскурсы антиковедов лаконичны и в этом соответствуют обстановке послесталинского периода, когда ревизия прежних концепций еще не привела к новым обобщениям⁵⁸. Более существенна корректировка Кудрявцевым взглядов на кризис греческого полиса в IV в. до н.э.: он подчеркнул, что экономика Греции в это время развивалась по восходящей линии и кризис проявлялся не в социально-экономических отношениях. Напротив, он и был порожден их активным развитием, для которого были тесны рамки полиса: его преодоление состояло во встраивании полиса в более широкие государственные структуры (союзы полисов и эллинистические монархии)⁵⁹. Хотя, определяя природу кризиса полиса, Кудрявцев говорил о развитии рабства и вытеснении из производства свободных, он в принципе развел процессы эволюции социально-экономических отношений и гражданской общины. Возвращение к теме кризиса полиса уже в 1970–1980-е годы и в постсоветское время вообще не предполагало концентрации на проблемах рабства, а включало постановку широкого спектра вопросов как экономики, так и социально-политического развития Греции⁶⁰. В этом контексте были сформулированы два принципиально важных положения: Г.А. Кошеленко — о противоречии между ростом городского товарного производства и базовыми устоями полиса (и, соответственно, о том, что эпоха классического, независимого и в идеале автаркичного полиса была закономерно непродолжительна)⁶¹, и Л.П. Маринович — о закономерной утрате полисом в начале эллинизма статуса независимого государства⁶².

Почти синхронно с суждениями О.В. Кудрявцева о кризисе полиса К.К. Зельным было озвучено понимание эллинизма не как этапа рабовладельческой формации (согласно А.Б. Рановичу), а как конкретно-исторического явления синтеза греческих и восточных элементов в разных сферах экономики, политики и культуры⁶³. Анализируя эту концепцию и ее восприятие, мы уже отмечали, что

⁵⁸ Zhukov 1955–1965, I, 133–143, 261–265, 473–478; II, 20–21, 64–65, 231–234, 393, 725–729.

⁵⁹ Kudryavtsev 1954, 10–14; 1957, 361–366.

⁶⁰ Gluskina 1975; Marinovich 1975; Golubtsova 1983b, 5–42; Surikov 2011, 9–66.

⁶¹ У Г.А. Кошеленко этот тезис принимал провокационную форму противопоставления полиса и города (Golubtsova 1983a, 9–36); спорившие с этим Э.Д. Фролов и, уже в постсоветское время, И.Е. Суриков приходили, по сути, к тому же самому выводу (Frolov 2004, 54: «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя, в общем, и малоуспешное, стремление к преодолению полиса»; Surikov 2010, 42–43; см. также далее).

⁶² Marinovich 1993, 212 («...Полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»); см. также указанную работу И.Е. Сурикова.

⁶³ Zel'in 1953; 1955.

привлекателен в ней был, безусловно, разрыв с неуместным социологизмом, а ее критика относилась к исключению из понятия эллинизма стадияльного аспекта вообще⁶⁴. Для марксиста Зельина последнее было закономерно, видимо, потому, что он считал возможным выделять крупные этапы в историческом процессе лишь по критерию эволюции социально-экономических отношений и при этом не видел возможности корректно обосновать наступление такого нового этапа на эллинистическом материале. Возможность вновь «переформулировать» понятие эллинизма в стадияльном аспекте, по крайней мере применительно к эволюции греческого общества (как этапа окончательного размывания автаркии полиса и утраты им независимости), появилась на основе исследований кризиса полиса, о которых шла речь выше; однако ни в поздне-, ни в постсоветское время эта возможность не реализовалась. Правда, в 1970–1980-е годы в науку было введено понятие «предэллинизм», обозначившее особое состояние в IV в. до н.э. как полисов Греции⁶⁵, так и Персидской державы⁶⁶: менее убедительное в последнем аспекте (речь должна была бы идти не о кризисе или переходе в новое качество этой державы, а о ее закономерной эволюции), оно имплицитно предполагало стадияльное значение и обозначающего следующую эпоху понятия «эллинизм».

Наконец, представление о финале древней истории было трансформировано в ходе дискуссии о переходе от античности к феодализму на страницах «Вестника древней истории» в 1953–1955 гг. В ее начале Е.М. Штаерман сформулировала тезис о наличии феодальных отношений уже в Римской империи III–IV вв. н.э., вместе с чем была дана критика теории «революции рабов»⁶⁷: еще до публикации полемической статьи Штаерман эта позиция была воспринята, как мы видели выше, О.В. Кудрявцевым⁶⁸. Корректируя идеологизированную теорию, Штаерман все равно формулировала ее альтернативу в духе марксистского экономического детерминизма, придавая понятию феодализма чисто экономический смысл и не связывая его со специфически средневековой системой власти и землевладения в Европе. По сути дела, на это была направлена критика тезиса Штаерман⁶⁹, утратившего столь радикальную форму, но получившего развитие в концепции взаимодействия в римском обществе II–III вв. полисного (муниципального) и неполисного магнатского секторов, итогом которого стал упадок первого из них⁷⁰. В результате из науки не только фактически исчезла формула о завершении античности победой «революции рабов»⁷¹, но и была востребована конкретность в изучении перехода от древности к средневековью в каждом регионе ойкумены.

⁶⁴ Ladynin 2018.

⁶⁵ Diakonoff *et al.* 1989, II, 218–260.

⁶⁶ Weinberg 1976; Diakonoff *et al.* 1989, II, 183–197.

⁶⁷ Shtaerman 1953; см. Krikh 2013, 193–195.

⁶⁸ См. также Kudryavtsev 1954, 26–28.

⁶⁹ Krikh 2013, 196–203.

⁷⁰ Shtaerman 1957.

⁷¹ Ее реплики встречались и позже (Nikiforov 1977, 50: «...историки справедливо отказались от термина “революция рабов”, но невозможно отрицать революционный характер гибели античного мира»), но уже не играли значимой роли.

Коррективы к другой составляющей теории «революции рабов» — представлению о переходе от республики к империи как ответе на нее — были намечены еще О. В. Кудрявцевым, связавшим этот переход со специфическим кризисом римского полиса⁷²; однако окончательно показал его связь с резким распространением римского гражданства после Союзнической войны С. Л. Утченко⁷³. Мы уже говорили об уязвимости с точки зрения марксистской теории восприятия этого события («грандиозного восстания италийского крестьянства») как «социальной революции»⁷⁴. Сохранение Утченко этого понятия, вероятно, мотивировалось не только стремлением соответствовать риторике советского марксизма, но и ориентацией на словоупотребление М. И. Ростовцева и Р. Сайма; однако далее оно уходит из историографии уже полностью⁷⁵. Более существенным было выдвижение тезиса о пассивности рабов и о большей роли в истории Рима борьбы между крупными и мелкими землевладельцами: его подробное, с апелляцией к классикам марксизма, обоснование фактически вернуло в отечественную науку традиционное понятие гражданских войн, предшествующих утверждению империи, и окончательно перечеркнуло поиски «революции рабов».

Как видно, на протяжении 1950–1960-х годов советские ученые, по сути дела, отказались от соотнесения эпох истории античности с этапами в развитии рабовладения и фаз перехода между ними — с проявлениями рабской «революционности»: античное рабство продолжало активно изучаться, однако критерием выделения крупных исторических эпох была, по сути дела, твердо признана эволюция античной гражданской общины.

3. КОНЦЕПЦИИ «ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ» ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ И. М. ДЯКОНОВА

Более сложной задачей для советской науки послесталинского времени было определение внутренней периодизации истории древнего Востока, а также его места среди обществ древности. С одной стороны, советский марксизм продолжал ориентировать ученых на признание всей древности эпохой рабовладения, хотя тексты «классиков» позволяли обосновать и другие определения; с другой стороны, немарксистская наука не предоставляла столь четкой модели для осмысления реалий древнего Востока, как антиковедение с его традиционным кругом проблем и давней схемой периодизации истории древней Греции и Рима. Второй «тур» дискуссии об «азиатском способе производства» в 1960-е годы хотя и стимулировал теоретическую мысль, но, по сути дела, не дал результатов: древний Восток невозможно было признать ни этапом особого, отличного от иных

⁷² Kudryavtsev 1954, 14–15.

⁷³ Utchenko 1965, 17–32.

⁷⁴ Ladynin 2016, 24–25.

⁷⁵ Видимо, одно из последних серьезных проявлений этого понятия в контексте Поздней республики — поддержка Е. М. Штаерман взгляда Утченко на гражданские войны как на революцию внутри формации, «подобную, например, революциям 1830 и 1848 гг. во Франции» (Shtaerman 1968, 662).

известных способа производства, ни феодальным обществом в общепринятом смысле этого термина⁷⁶.

Наиболее серьезные уточнения восприятия истории древнего Востока были намечены в трудах И.М. Дьяконова: уже в его работах 1940–1950-х годов демонстрируются живучесть и высокая роль общинных институтов в Месопотамии, а в 1962 г. он делает программный доклад на эту тему, опубликованный затем в виде статьи⁷⁷. Ученый формулирует близкий позиции Утченко тезис о том, что «непосредственно действующей силой в социальной истории древнего мира» были не рабы, а «различные слои свободных». Формой типичного для древности натурального хозяйства было землепользование общины — не только товарищества «по присвоению воды и земли», но и собственника земли и «гражданского коллектива, обеспечивавшего права своих членов». Ее сохранение было не просто пережитком первобытности: в условиях древности община и приобретала новое качество, и могла возникать заново⁷⁸, а кроме того, могла быть частью обширных надобщинных структур; ее существованию не противоречили ни сохранение унаследованного от первобытности патриархального рода, ни возникновение в ее рамках малой семьи. При этом в обществах древности были выделены три пути развития: древнейший, сложившийся в странах речной ирригации, с большой ролью «царя-жреца» в организации хозяйства и формированием в речных долинах общерегиональных государств; «средний» (очевидно, по времени его возникновения) в неирригационных обществах Востока, где царь был прежде всего военачальником; и полисный, с высоким развитием товарно-денежных отношений и республиканским строем. Выдвинутая таким образом концепция прошла в 1960–1970-е годы подробную разработку и к началу 1980-х годов приобрела форму четкой схемы, в которой детерминантой типологии обществ III–II тыс. до н.э. было наличие или отсутствие в них ирригационного земледелия и, соответственно, либо преобладание в них «государственного сектора экономики», обслуживавшего организующие экономику структуры (относительное в обществах «первого пути развития», моделью которого служила Месопотамия, абсолютное — в Египте, единственном обществе «второго пути развития»), либо высокая роль «общинно-частного сектора» (неирригационные общества «третьего пути развития» в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, Иране, на Армянском нагорье и Балканском полуострове)⁷⁹.

Как видно, в построениях И.М. Дьяконова важнейшее место занял тезис об очень долгом существовании на древнем Востоке общины, притом качественно отличной от общины первобытной. Как мы сказали, этот тезис хорошо соотносился с позицией С.Л. Утченко, предполагавшей существование в античном мире

⁷⁶ См. об этой дискуссии Nikiforov 1977; Diakonoff *et al.* 1989, I, 13–18; Neronova 1992, 249–266; Kim 2001, 91–137; Ladynin 2016, 22–23.

⁷⁷ Diakonoff 1963.

⁷⁸ Примерами этого служили Ассирия I тыс. до н.э., где воссоздавалась община, расшатанная войнами и внутренними процессами, и становление греческого полиса после катастрофы конца II тыс. до н.э.: Diakonoff 1963, 21, прим. 22.

⁷⁹ Diakonoff 1971; Diakonoff, Jakobson 1982; Diakonoff *et al.* 1982, I, 31–56 (разумеется, мы не приводим полную библиографию работ И.М. Дьяконова по этой теме).

свободного крестьянства как целостного, не разрушенного социальным расслоением класса; однако у Утченко его борьба с крупными землевладельцами шла внутри полисных структур, которые и в Греции, и в Италии возникли в результате долгого процесса, включавшего разложение первобытной общины и появление в обществе развитого рабства, и объединяли свободных, противостоявших рабам. Восточная же община, согласно Дьяконову, либо вырастала из общины первобытной, тем самым трансформировавшейся, но не разлагавшейся, либо даже могла возникать на протяжении древности вновь, что опять же опровергало наличие факторов, предопределяющих ее разложение. Такие построения предполагали серьезную ревизию базового положения советского марксизма о возникновении классового общества и государства именно вследствие разложения эгалитарных первобытных структур⁸⁰. В итоге в совместном докладе Дьяконова и Утченко на XIII Международном конгрессе исторических наук в 1970 г. было сформулировано представление о древности как об эпохе своего рода «трехчастного» общества, в котором наряду с рабовладельцами и рабами играло важнейшую роль «свободное полноправное крестьянство со своими самоуправляющимися общинами разного типа», и о переходе от древности к Средневековью как о времени гибели таких общин и становления личной зависимости крестьян от феодалов⁸¹.

Частью построений И. М. Дьяконова была предложенная им периодизация истории древности. Элементы ее прослеживаются уже в его совместных с Г. Ф. Ильиным разделах I и II томов «Всемирной истории»: так, в них есть мысль о прямой зависимости степени жесткости эксплуатации от уровня индустрии⁸². Для I тыс. до н.э. последствием освоения железа было представлено (правда, скорее имплицитно) создание крупных государств (империй), охватывавших весь Ближний Восток: в них эксплуатация государством в масштабах практически всего земельного фонда как рабов, так и принуждаемых через подати и повинности свободных сосуществовала с автономными городскими общинами, тесно связанными с храмами, но прежде всего занимавшимися межрегиональной торговлей⁸³. Исходно генезис империй был связан с потребностью в захвате рабов, однако затем более четко обозначилась мысль, что они были порождены «неравномерностью экономического развития отдельных районов в условиях натурального хозяйства»⁸⁴, а конкретнее — необходимостью «привлечения сырья

⁸⁰ См. о критике этого положения ранних работ Дьяконова в политическом докладе В. И. Авдиева: Ladynin, Timofeeva 2017, 343–345.

⁸¹ Diakonoff, Utchenko 1970.

⁸² Zhukov 1955–1965, I, 140: в медно-каменный век «свободный воин, чье оружие состояло из медного клевца или топорика... не имел большого преимущества в вооружении перед рабом... если тот брал в руки медную мотыгу или топор», что ограничивало использование большого числа рабов. Ср. Diakonoff *et al.* 1989, I, 44; II, 7: после появления более совершенного бронзового и железного оружия «уже не могло быть и речи о том, что взятый в плен и обращенный в рабство мужчина, получив в руки лопату или мотыгу, сможет справиться с вооруженным крестьянином или с охраной, поставленной рабовладельцем».

⁸³ Zhukov 1955–1965, I, 474–476; II, 20–21. Ср. Diakonoff 1963, 31; 1971, 133, 140 с отсылками к Sarkisyan 1952.

⁸⁴ Diakonoff 1963, 33 со ссылкой на Yankovskaya 1956.

в наиболее развитые ремесленно-земледельческие центры из окраин»⁸⁵ с помощью силы в межрегиональном государстве с единой военно-административной инфраструктурой. В совместной с В.А. Якобсоном статье 1982 г. это объяснение повторено с уточнением, что создавали империи не государства — потребители сырья (области «второго подразделения общественного производства»), а прежде всего обладатели лучших армий, в том числе страны Иранского нагорья, относившиеся к «первому подразделению общественного производства» — поставщикам сырья⁸⁶. Однако в трехтомнике «История древнего мира» Дьяконов, Якобсон и Н.Б. Янковская связали появление империй еще и с внутренней эволюцией государств II тыс. до н.э., растущая элита которых исчерпала возможности эксплуатации собственного населения, не могла повысить интенсивность производства и искала «дополнительные источники прибавочного продукта извне» через взимание с покоренных земель дани, обращение в зависимость и депортации их населения и контроль над торговыми путями⁸⁷. Так или иначе, И.М. Дьяконов выделил в истории древности два этапа: т.н. раннюю древность, т.е. время медно-каменного и бронзового века с развитием обществ по трем намеченным им «путям развития», и второй этап, наступивший с железным веком, когда в империях Ближнего Востока «государственный сектор» поглотил «общинно-частный» практически полностью, за исключением гражданско-храмовых общин торговых городов, а в Греции и Италии сложился античный путь развития с особым типом гражданской общины — полисом⁸⁸.

«Пути развития» в схеме Дьяконова, по его же оговорке, выведены на материале Ближнего Востока и Средиземноморья и не исчерпывают всех вариантов эволюции обществ древности: называя особенностью общества Индии I тыс. до н.э. кастовый строй, а Китая — «противопоставление “ученых”, чиновных лиц неученым и нечиновным» (примечательным образом, вообще фактор мировоззрения, а не экологических условий или структуры общества!)⁸⁹, он явно считал, что разработка этой схемы должна продолжаться. Однако он не ограничивается древним

⁸⁵ Diakonoff 1971, 133.

⁸⁶ Diakonoff, Jakobson 1982, 8–9.

⁸⁷ Diakonoff *et al.* 1989, II, 9–15. См. подробнее о проблематике империй в отечественной литературе и о возможных предпосылках к данной трансформации построений И.М. Дьяконова в Ladynin 2021.

⁸⁸ Такая «двухчастная» периодизация заложена (явно И.М. Дьяконовым) в общее введение к «Истории древнего мира» (Diakonoff *et al.* 1989, I, 17). В написанном редакционной коллегией заключении к ней неожиданно обнаруживается деление древности «на раннюю, развитую и позднюю», с разделителем между вторым и третьим периодами по некоему кризису V–IV вв. до н.э. («Независимые мелкие античные полисы страдают от трудностей в расширении воспроизводства и от недостаточной политической защиты в международных отношениях, а империи — от излишней централизации, замедляющей развитие частнорабовладельческого производства в городах», что приводит к созданию «нового типа империй», интегрирующих полисы: Diakonoff *et al.* 1989, III, 367–369). Эти формулировки напоминают восприятие начала эллинизма в советской литературе 1930–1950-х годов (см. выше) и скорее исходят от антиковедов — коллег Дьяконова по работе над изданием.

⁸⁹ Diakonoff 1971, 141; Diakonoff *et al.* 1989, I, 51.

Востоком и не признает его историю начальным этапом древности в целом («я самым категорическим образом протестую против отнесения всего древнего Востока к ранней стадии формации»⁹⁰). Об экономическом образе древности Дьяконов говорил, что для нее «типичным эксплуатируемым лицом... был раб, точно так же, как типичным эксплуатируемым лицом в средние века был крепостной»⁹¹: не отождествляя всех зависимых людей древности с рабами, он все же ввел для них всех термин «подневольные люди рабского типа», исходя из того, что они стояли вне общины и были отстранены от средств производства (в отличие от средневековых крепостных)⁹². Это построение позволило ему, сохраняя понятийный аппарат советского марксизма (см. наше прим. 29), квалифицировать древность в целом как единый способ производства, поиск обозначения которому составил проблему. Если в статье 1968 г. Дьяконов говорит об условности его обозначения как «рабского», то в совместной с В.А. Якобсоном статье 1982 г. и в первом издании «Истории древнего мира» его обозначения «древний» и «рабовладельческий» взаимозаменяемы, в издании «Истории древнего мира» 1989 г. второе из них исчезает, а в английском переводе ее первого тома в 1991 г. оно, напротив, усилено⁹³. Особенно существенно, что понятие «ранняя древность» у Дьяконова включает в себя общества как Ближнего Востока, так и Крита и Балканской Греции II тыс. до н.э., представляющие в его типологии локальный вариант «третьего пути развития», который затем трансформировался в античный полисный. При этом если в статье 1963 г. Дьяконов ставил Грецию и Италию в один ряд с Финикией, и даже с Малой Азией, как регионы особенно высокого развития товарно-денежных отношений вследствие «резкого порайонного разделения труда и относительно высокого уровня развития производительных сил, созданного соседними более древними обществами»⁹⁴, то позднее он подчеркивает специфичность античного пути развития обществ, где государственность сложилась на уровне индустрии железного века: тогда, в отличие от условий III–II тыс. до н.э., «государственный сектор экономики» уже не мог иметь «никакой общественно полезной функции», причем в Греции он прежде был «сметен и уничтожен» катастрофой ахейской цивилизации⁹⁵. По-видимому, в 1970–1980-е годы такое сравнительно

⁹⁰ Diakonoff 1971, 139.

⁹¹ Diakonoff 1971, 135.

⁹² Diakonoff 1971, 137; 1973; Diakonoff *et al.* 1989, I, 43; см. об этой позиции подробно и критически Neronova 1992, 110–113, 117–124, 252–254.

⁹³ См. Diakonoff 1968, 37: «Пора и историкам древнего мира отдать себе отчет в том, что античный — или, применяя русское слово, — древний способ производства, если можно и нужно называть «рабским», то лишь для общепонятного изложения...»; Diakonoff, Jakobson 1982, 3: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего, рабовладельческого, способа производства»; Diakonoff *et al.* 1982, I, 37: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего, или рабовладельческого, способа производства»; 1989, I, 41: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего способа производства»; Diakonoff, Kohl 1991, 37: «their specific ways of development within the framework of the same type of society (conventionally called the slave-owning mode of production)».

⁹⁴ Diakonoff 1963, 32.

⁹⁵ Diakonoff *et al.* 1989, II, 20.

резкое противопоставление античности Востоку уже не могло вызвать нападков, а обращение к тематике ахейского общества уже стало очень широким (в СССР — в работах С.Я. Лурье, Я.А. Ленцмана, Т.В. Блаватской, Г.Ф. Поляковой)⁹⁶. Практически синхронно с «Историей древнего мира», где отразилось видение Дьяконовым данной проблемы, появились важные работы антиковедов о «послемикенском регрессе»⁹⁷: несмотря на разные мнения о его глубине, в них давалась примерно та же оценка слома структуры ахейского общества и подчеркивалось значение освоения на этом этапе железа. Тем самым были обозначены, как фактологически, так и теоретически, грань между предантичным и античным этапами истории древней Греции и ее место в историческом процессе древности в целом. Стало возможно построить его целостную и последовательную схему, по крайней мере в масштабе Средиземноморья, Европы и Ближнего Востока, причем основой для этого были именно наработки И.М. Дьяконова.

Стоит отметить не только их соответствие интенции советского марксизма на выявление законов развития общества, но и связь с концепциями предшественников Дьяконова: так, разделение обществ древнего Востока на ирригационные и периферийные «военно-рабовладельческие» можно найти у В.В. Струве и С.И. Ковалева, а в предложенных последним и О.В. Кудрявцевым схемах периодизации древней истории выделена роль межрегиональных государств в I тыс. до н.э. Вместе с тем факторы эволюции общества «по Дьяконову» для советской науки нетрадиционны: так, сложение трех «путей развития» обществ ранней древности определялось природными условиями (наличием или отсутствием в конкретном регионе условий для ирригации), а наиболее заметным критерием выделения двух основных периодов истории древности служил тип государственности (номовой и региональной — для ранней древности, межрегиональной «имперской» — для второго периода). В этом смысле «схема Дьяконова» как будто оставила в стороне такие базовые для советской науки характеристики общества, как преобладающие на том или ином этапе типы организации хозяйства и отношений эксплуатации.

Литература / References

- Alekseev, V.V., Kradin, N.N., Korotaev, A.V., Grinin, L.E. 2014: *Teoriya i metodologiya istorii. Uchebnik dlya vuzov* [Theory and Methodology of History. A Manual for Higher Education]. Volgograd. Алексеев, В.В., Крадин, Н.Н., Коротаев, А.В., Гринин, Л.Е. *Теория и методология истории. Учебник для вузов*. Волгоград.

⁹⁶ См. общую оценку отечественной историографии этого периода в Frolov 2004, 57–58. Стоит отметить, что И.М. Дьяконов сделал выбор в пользу признания принципиального сходства микенского общества со стадийно близкими древневосточными структурами (в нашей науке об их различиях, в силу большей роли частного землевладения и неразвитости монархических институтов в Греции II тыс. до н.э., говорили А.И. Тюменев и С.Я. Лурье). Схожего мнения о специфике критского общества был Ю.В. Андреев: Diakonoff *et al.* 1989, I, 312–320. По-видимому, можно говорить о восприятии Дьяконовым взглядов Андреева, произошедшем при оппонировании докторской диссертации последнего в 1979 г.: Andreev 2004, 445–455.

⁹⁷ Andreev 1985; Frolov 2004, 56–83 (первое издание этой монографии вышло в 1988 г.).

- Almazova, N.S. 2017: [At the Turn of Epochs. Lecture Courses of Ancient History by Mikhail Khvostov in the Teaching of 1900–1920s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 6, 313–326.
- Алмазова, Н.С. На рубеже эпох. Лекционные курсы М.М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 313–326.
- Almazova, N.S. 2019: [A General Concept of Ancient History of Robert Yu. Vipper in his Works of the Pre-Revolutionary Years]. *Aristey* [*Aristeas*] 20, 264–287.
- Алмазова, Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода. *Аристей* 20, 264–287.
- Alpatov, V.M. 2011: *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [*A History of a Myth. Marr and Marrism*]. 3rd ed. Moscow.
- Алпатов, В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. 3-е изд. М.
- Andreev, Yu.V. 1985: [The Question of Post-Mycenaean Regression]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 9–29.
- Андреев, Ю.В. К проблеме послемикенского регресса. *ВДИ* 3, 9–29.
- Andreev, Yu.V. 2004: *Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e.* [*The Homer's Society. Main Trends of Socio-Economic and Political Development of Greece from the 11th to the 8th Century B.C.*]. Saint Petersburg.
- Андреев, Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.
- Chubaryan, A.O. (ed.) 2011–2017: *Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh* [*A World History in Six Volumes*]. Vol. I–VI. Moscow.
- Чубарьян, А.О. (гл. ред.). *Всемирная история в шести томах*. Т. 1–6. М.
- Diakonoff, I.M. 1963: [Rural Community at the Ancient Orient in the Works of Soviet Researchers]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 16–34.
- Дьяконов, И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. *ВДИ* 1, 16–34.
- Diakonoff, I.M. 1968: [Problems of Economics. The Structure of Near Eastern Society to the Middle of the Second Millennium B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–40.
- Дьяконов, И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. *ВДИ* 4, 3–40.
- Diakonoff, I.M. 1971: [Main Features of the Ancient Society (Review Based on the Data of Western Asia)]. In: G.F. Kim (ed.), *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [*Problems of the Pre-Capitalist Societies in the Countries of Orient*]. Moscow, 127–146.
- Дьяконов, И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). В сб.: Г.Ф. Ким (отв. ред.), *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока*. М., 127–146.
- Diakonoff, I.M. 1973: [Slaves, Helots and Serfs in Early Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–29.
- Дьяконов, И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. *ВДИ* 4, 3–29.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*A Book of Memoirs*]. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Diakonoff, I.M., Jakobson, V.A. 1982: ['Nome States', 'Territorial Kingdoms', 'Poleis' and 'Empires'. A Study in Typology]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–16.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. *ВДИ* 2, 3–16.
- Diakonoff, I.M., Kohl, Ph.L. (eds.) 1991: *Early Antiquity*. Chicago–London.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1982: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World*]. Vol. I–III. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. М.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World*]. Vol. I–III. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. 3-е изд. М.

- Diakonoff, I.M., Utchenko, S.L. 1970: [Social Stratification of the Ancient Society]. In: *XIII Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk. Moskva, 16–23 avgusta 1970 g. Doklady* [13th International Congress of Historical Sciences. Moscow, 16–23 August 1970. Papers]. Vol. I. Pt. 3. Moscow, 129–149.
- Дьяконов, И.М., Утченко, С.Л. Социальная стратификация древнего общества. В кн.: *XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады*. Т. 1. Ч. 3. М., 129–149.
- Dubrovskiy, A.M. 2017: *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gody)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow.
- Дубровский, А.М. *Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е годы)*. М.
- Editorial 1938: [A Project of a Multivolume 'World History'. History of the Ancient World]. *Istoriikmarksist* [Marxist Historian] 3, 170–189.
- Проект схемы многотомника «Всемирной истории». История древнего мира. *Историк-марксист* 3, 170–189.
- Editorial 1952: [Ancient History in the World History Being Prepared by the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–16.
- История древнего мира во «Всемирной истории»,готавливаемой Академией Наук СССР. *ВДИ* 1, 3–16.
- Editorial 1953: [Notes to the Prospect of the World History of the USSR Academy of Sciences, Vols. 1 and 2]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 217–232.
- Замечания на проспект «Всемирной истории» АН СССР, тт. I и II. *ВДИ* 1, 217–232.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Essays]. 2nd ed. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.
- Frolov, E.D. 2004: *Rozhdenie grecheskogo polisa* [The Birth of the Greek Polis]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Рождение греческого полиса*. 2-е изд. СПб.
- Gluskina, L.M. 1975: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Afin IV v. do n.e.* [Problems of Social and Economic History of Athens in the 4th Century B.C.]. Leningrad.
- Глускина, Л.М. *Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э.* Л.
- Golubtsova, E.S. (ed.) 1983a: *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa*. T. I. *Stanovlenie i razvitie polisa* [Classical Greece. Problems of the Polis' Development. Vol. I. The Genesis of Polis and Its Development]. Moscow.
- Голубцова, Е.С. (ред.). *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М.
- Golubtsova, E.S. (ed.) 1983b: *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa*. T. II. *Krizis polisa* [Classical Greece. Problems of the Polis' Development. Vol. II. The Crisis of Polis]. Moscow.
- Голубцова, Е.С. (ред.). *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. *Кризис полиса*. М.
- Il'in-Tomich, A.A. 2016: [Social Revolution in Egypt in the Works by Vasily Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 35–46.
- Ильин-Томич, А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 35–46.
- Kim, O.V. 2001: *Problema aziatskogo sposoba proizvodstva v sovetskoj istoriografii (20-e gg. – nachalo 90-kh gg.)* [The Problem of the Asiatic Mode of Production in the Soviet Historiography (1920s to 1990s)]. PhD thesis. Kemerovo.
- Ким, О.В. *Проблема азиатского способа производства в советской историографии (20-е гг. – начало 90-х гг.)*. Дисс. на соискание степени к.и.н. Кемерово.
- Kirilova, M.N. 2017: [In the Search of the 'Roman Revolution': the Transition from the Republic to the Empire in the Research and University Courses of Russian and Western Historians of Antiquity in 1910–1960]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 6, 343–358.
- Кириллова, М.Н. В поисках «римской революции»: переход от Республики к Империи в исследованиях и учебных пособиях отечественных и зарубежных антиковедов

- 1910–1960-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 343–358.
- Kirillova, M.N. 2020: [“I’m a Factlover”: Sergey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the Early 1930s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”* [The Journal of Education and Science “History” (“History”)] 11/1 (87), 1–11.
- Кириллова, М.Н. «Я – фактопоклонник»: С.А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1 (87), 1–11.
- Kluev, A.I., Metel’, O.V. (ed.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]. Omsk.
- Клюев, А.И., Метель, О.В. (сост.) *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Kovalev, S.I. 1936a: *Istoriya antichnogo obshchestva*. Ch. 1. *Gretsiya* [A History of Classical Society. Pt. 1. Greece]. Moscow–Leningrad.
- Ковалев, С.И. *История античного общества*. Ч. 1. *Греция*. М.–Л.
- Kovalev, S.I. 1936b: *Istoriya antichnogo obshchestva*. Ch. 2. *Ellinism. Rim* [A History of Classical Society. Pt. 2. Hellenistic Period. Rome]. Moscow–Leningrad.
- Ковалев, С.И. *История античного общества*. Ч. 2. *Эллинизм. Рим*. М.–Л.
- Kovalev, S.I. (ed.) 1936–1937: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World.]. Vol. I–III. Moscow.
- Ковалев, С.И. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. М.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S. 2020: *Drugaya istoriya: «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [Another History. The “Peripheral” Soviet Research of Antiquity]. Moscow.
- Крих, С. *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Krikh, S.B., Metel’, O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli* [The Soviet Historiography of Antiquity in the Context of the World Historiographic Thought]. Moscow.
- Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Kudryavtsev, O.V. 1954: *Ellinskie provintsii Balkanskogo poluoostrova vo II v.n.e.* [The Hellenic Provinces of the Balkan Peninsula in 2nd Century A.D.]. Moscow.
- Кудрявцев, О.В. *Эллинские провинции Балканского полуострова во II в.н.э.* М.
- Kudryavtsev, O.V. 1957: *Issledovaniya po istorii balkano-dunayskikh oblastey v period Rimskoy imperii i stat’i po obshchim problemam drevney istorii* [Studies in the History of the Balkan and Danube Provinces under the Roman Empire and Papers on the General Problems of Ancient History]. Moscow.
- Кудрявцев, О.В. *Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории*. М.
- Ladynin, I.A. 2016: [Features of the Landscape (How Marxist was the ‘Soviet Antiquity’?). *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность?»). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Ladynin, I.A. 2018: [The Notion of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Research: A Regular Stage or an Idiographic Contingency?]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time] 65, 185–206.
- Ладынин, И.А. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Ladynin, I.A. 2019a: [The Concept of Feudalism at Ancient Orient and the Works by V.V. Struve of 1910 – Early 1930s]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time] 69, 251–267.
- Ладынин, И.А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В. Струве 1910-х – начала 1930-х гг. *Диалог со временем* 69, 251–267.
- Ladynin, I.A. 2019b: [The Concept of the “Ancient Orient” in Russian and Soviet Scholarship of the Twentieth Century]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/3, 772–796.
- Ладынин, И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 79/3, 772–796.

- Ladynin, I.A. 2020: [The Journey Begins: Letter from Vasily Struve to Mikhail Rostovtzev of 25 May 1914]. *Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]* 4, 1119–1130.
Ладынин, И.А. В начале пути: письмо В.В. Струве М.И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г. *Вестник архивиста* 4, 1119–1130.
- Ladynin, I.A. 2021: [‘World Empires’ of the Ancient Near East of the First Millennium B.C. in the Theoretical Schemes of Soviet and Post-Soviet Historiography of Antiquity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Perm University Herald. History]* 1 (52), 118–128.
Ладынин, И.А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности. *Вестник Пермского университета. История* 1 (52), 118–128.
- Ladynin, I.A. 2023: [“Slavery 1.0”: the Concept of the Ancient Oriental Slave-Ownning Societies in the Works by Vassily Struve of 1933–1934 and Its Perspective]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [The Journal of Education and Science “Istoriya” (“History”)]* 14/2 (124).
Ладынин, И.А. «Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В.В. Струве 1933–1934 гг. и ее судьба. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124).
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2017: [“Dear Lavrentiy Pavlovich!” Some Documents of V.I. Avdiev Dating to 1950]. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. «Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!» Из документов В.И. Авдиева 1950 г. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
- Lenin, V.I. 1958–1966: *Polnoe Sobranie Sochineniy [Complete Works]*. Vol. I–LV. 5th ed. Moscow.
Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 1–55. 5-е изд. М.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.e. i krizis polisa [Greek Mercenaries of the 4th Century B.C. and the Crisis of the Polis]*. Moscow.
Маринович, Л.П. *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса*. М.
- Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy. K probleme krizisa polisa [Greeks and Alexander of Macedon. Problem of the Polis’ Crisis]*. Moscow.
Маринович, Л.П. *Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса*. М.
- Marx, K., Engels, F. 1955–1980: *Sochineniya [Works]*. Vol. I–L. 2nd ed. Moscow.
Маркс, К., Энгельс, Ф. *Сочинения*. Т. 1–50. 2-е изд. М.
- Mashkin, N.A. 1939: [Sundry Matters in the History of Ancient World]. *Istoriik-marksist [Marxist Historian]* 4, 77–84.
Машкин, Н.А. Спальные вопросы истории древнего мира. *Историк-марксист* 4, 77–84.
- Metchnikoff, L. 1889: *La civilisation et les grands fleuves historiques*. Paris.
- Neronova, V.D. 1992: *Formy ekspluatatsii v drevnem mire v zerkale sovetской istoriografii [Forms of Exploitation in the Ancient World as seen in the Soviet Historiography]*. Perm.
Неронова, В.Д. *Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии*. Пермь.
- Nikiforov, V.N. 1977: *Vostok i vsemirnaya istoriya [Orient and the World History]*. 2nd ed. Moscow.
Никифоров, В.Н. *Восток и всемирная история*. 2-е изд. М.
- Oldenburg, S.F. 1931: *Vostok i Zapad v sovetских usloviyakh [East and West in the Soviet Circumstances]*. Moscow–Leningrad.
Ольденбург, С.Ф. *Восток и Запад в советских условиях*. М. – Л.
- Ranovich, A.B. 1945: [Rev.: Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World]. *Istoricheskiy zhurnal [Historical Journal]* 2, 92–99.
Ранович, А.Б. Ред.: Ростовцев М. Социально-экономическая история эллинистического мира. *Исторический журнал* 2, 92–99.
- Ranovich, A.B. 1950: *Ellinizm i ego istoricheskaya rol' [Hellenistic Period and Its Historical Role]*. Moscow–Leningrad.
Ранович, А.Б. *Эллинизм и его историческая роль*. М. – Л.
- Rostovtzeff, M.I. 1900: [Capitalism and the National Economy in the Ancient World]. *Russkaya mysl' [Russian Thought]* 3, 195–217.
Ростовцев, М.И. Капитализм и народное хозяйство в Древнем мире. *Русская мысль* 3, 195–217.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. Oxford.

- Sarkisyan, G.H. 1952 [Self-Governing City of Seleucid Babylonia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 68–83.
- Саркисян, Г.Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. *ВДИ* 1, 68–83.
- Sharova, A.V. 2017: [The 'Revolution of Slaves' in the Textbooks by E. Kosminsky in 1930–1950s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 6, 421–451.
- Шарова, А.В. «Революция рабов» в учебных изданиях Е.А. Косминского 1930–1950-х гг. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* 6, 421–451.
- Shofman, A.S. 1984 (ed.): *Periodizatsiya vseмирnoy istorii* [Periods of the World History]. Kazan.
- Шофман, А.С. (ред.). *Периодизация всемирной истории*. Казань.
- Shtaerman, E.M. 1953: [The Problem of the Downfall of the Slave-Ownning System]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 51–79.
- Штаерман, Е.М. Проблема падения рабовладельческого строя. *ВДИ* 2, 51–79.
- Shtaerman, E.M. 1957: *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* [The Crisis of the Slave-Ownning System in the Western Provinces of the Roman Empire]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи*. М.
- Shtaerman, E.M. 1968: [Ancient Greek and Roman Society. Modernization of History and Historical Parallels]. In: L.V. Danilova (ed.), *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of the Pre-capitalist Societies]. Book 1. Moscow, 638–671.
- Штаерман, Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В сб.: Л.В. Данилова (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Книга 1. М., 638–671.
- Skvortsov, A.M. 2017: [The Ruin of the Antiquity Circle in Leningrad (Based on the Investigations' data from Federal Security Service Records)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/1, 210–223.
- Скворцов, А.М. Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ). *ВДИ* 77/1, 210–223.
- Slonimskiy, M.M. 1970: *Periodizatsiya drevney istorii v sovetskoй istoriografii* [The Periods of Ancient History in Soviet Historiography]. Voronezh.
- Слонимский, М.М. *Периодизация древней истории в советской историографии*. Воронеж.
- Struve, V.V. 1934a: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka*. [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М. – Л.
- Struve, V.V. 1934b: *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevnego Vostoka* [Essays on the Social and Economic History of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Очерки социально-экономической истории древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 97). М. – Л.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Leningrad.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. Л.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and the Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [The Ancient Polis. A Course]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2011: *Politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits* [Ancient Greece. Politicians in the Context of an Epoch. Age of Discord]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
- Tarkov, P.N. 1950: [On the History of International Relations in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 28–36.
- Тарков, П.Н. К истории международных отношений в античном мире. *ВДИ* 2, 28–36.
- Tarn, W. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya*. [Hellenistic Civilization]. Moscow.
- Тарн, В. *Эллинистическая цивилизация*. М.

-
- Utchenko, S.L. 1965: *Krizis i padenie Rimskoy respubliki* [*The Crisis and the Downfall of the Roman Republic*]. Moscow.
Утченко, С.Л. *Кризис и падение Римской республики*. М.
- Weinberg, J.P. 1976: Bemerkungen zum Problem „der Vorhellenismus im Vorderen Orient“. *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte* 58, 5–20.
- Yankovskaya, N.B. 1956: [Some Problems in the Economics of the Assyrian Empire]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 28–46.
Янковская, Н.Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. *ВДИ* 1, 28–46.
- Zel'in, K.K. 1953: [Main Features of the Hellenistic Period]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 145–156.
Зельин, К.К. Основные черты эллинизма. *ВДИ* 4, 145–156.
- Zel'in, K.K. 1955: [Some Major Problems in the History of Hellenistic Period]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 22, 99–108.
Зельин, К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *Советская археология* 22, 99–108.
- Zhukov, E.M. (ed.) 1955–1965: *Vsemirnaya istoriya v desyati tomakh* [*A World History in Ten Volumes*]. Vol. I–X. Moscow.
Жуков, Е.М. (гл. ред.). *Всемирная история в десяти томах*. Т. 1–10. М.

DOI: 10.31857/S032103910021405-8

C. CRISTE. 'Voluntas auditorum'. Forensische Rollenbilder und emotionale Performanzen in den spätrepublikanischen 'quaestiones'. (Kalliope. Studien zur griechischen und lateinischen Poesie, Bd. 15). Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2018. 404 S. ISBN: 978-3-8253-6907-1

Рецензируемая монография представляет собой переработанный вариант докторской диссертации немецкого исследователя Кристиана Кристе, защищенной в 2015 г. в Университете Людвиг-Максимилиана в Мюнхене.

В первой части обширного введения (с. 11–48) Кристе формулирует цели своей работы. В ней также содержится краткий экскурс в историю таких научных направлений, как история ментальности, историческая антропология и новая история культуры, методами и подходами которых широко пользуется автор (с. 22–29). За ним следуют описание методологии исследования (с. 29–31) и структуры монографии (с. 31–40), а также обзор важнейших трудов, посвященных изучению судебных речей Цицерона (с. 40–48). Главной своей задачей Кристе видит рассмотрение римского судебного процесса и судебной риторики в их культурном контексте (с. 35). Он справедливо отмечает, что в определенном смысле речи античных (и конкретно римских) ораторов представляют собой совершенно особую категорию исторических источников. Ключевой характеристикой любой речи является то, что она направлена прежде всего на убеждение слушателя и поэтому концентрируется именно на слушателе (с. 11–13). Одна из главных целей ораторского выступления — достижение консенсуса между говорящим и его аудиторией. Особенность судебной речи состоит в том, что оратору необходимо не просто добиться пассивного одобрения слушателей (в данном случае — в первую очередь судей), но и побудить их к активному действию, т. е. вынесению желательного для него приговора (с. 15). По этой причине римские ораторы должны были обращаться к общепринятым шаблонам мышления, принимая в расчет взгляды и представления своей аудитории, которые были обусловлены господствовавшими в обществе нормами, а потому их речи следует рассматривать в тесной связи с окружающей общественно-политической обстановкой и как отражение именно этой обстановки (с. 16). Поэтому судебные речи являются важнейшим источником информации о нормативных моделях поведения и укорененных в сознании римских граждан мнениях и ценностях (с. 35). Однако неправильно было бы утверждать, что оратор был вынужден просто транслировать общепринятые взгляды и не имел никакой возможности для маневра. Скорее следует говорить о существовании некоего ограниченного пространства, в рамках которого оратор мог относительно свободно выражать собственную точку зрения, не вступая в столкновение с представлениями и предубеждениями своих слушателей (с. 18). Таким образом, любая речь содержит как «формирующие мнение» (*meinungsbildende*), так и «отражающие мнение» (*meinungsabbildende*) аудитории элементы (с. 19). Кристе сосредотачивается на изучении последних. Таким образом, в центре внимания исследователя стоят не судебные ораторы, а их аудитория; это обстоятельство нашло отражение и в названии книги.

Если говорить об источниковой базе исследования, то Кристе концентрируется в первую очередь на анализе шести судебных речей Цицерона, произнесенных на процессах в *quaestio de sicariis et veneficiis* и *quaestio de vi*: «В защиту С. Росция из Америк», «В защиту Клуенция», «В защиту Суллы», «В защиту Сестия», «В защиту Целия» и «В защиту Миллона», периодически привлекая материал и из других его речей (с. 38–39). Автор также нередко обращается к риторическим сочинениям периода Поздней республики и Раннего принципата: «Риторике для Геренния», трактатам Цицерона, «Диалогу об ораторах» Тацита и «О воспитании оратора» Квинтилиана.

Во второй части введения Кристе дает краткую характеристику римских представлений о праве и судопроизводстве, рассматривая их с культурологической точки зрения, но затрагивает по ходу дела и некоторые юридические аспекты, обнаруживая при этом хорошее знакомство с соответствующей литературой (с. 49–62). Автор полагает, что позднереспубликанские *quaestiones perpetuae* в процессуальном отношении ознаменовали разрыв с традициями судопроизводства Ранней и Классической республики (с. 55). Таким образом, в этом вопросе он принимает точку зрения Т. Моммзена, а не В. Кункеля и его последователей, которые, как известно, полагают, что суд постоянных уголовных комиссий был логическим результатом развития предшествующей системы судопроизводства. Подводя итог, Кристе приходит к выводу, что в главных принципах, на которых основывался судебный процесс в *quaestio*, нашли отражение такие ключевые для римлян понятия, как право (*ius*), обычай (*mos*) и общее благо (*utilitas communis*) (с. 61–62). В заключение автор обращается к уже неоднократно обсуждавшемуся в литературе¹ вопросу о степени соответствия дошедших до нас письменных версий речей Цицерона их действительно произнесенным в суде вариантам (с. 62–69). Кристе приводит ряд аргументов, которые могут свидетельствовать в пользу того, что устная и письменная версии речей Цицерона не должны были кардинальным образом отличаться друг от друга (с. 64). Разумеется, они не были полностью идентичны: оратор при публикации вносил некоторые изменения, но их масштабы точно установить невозможно. Издавая свои речи, Цицерон преследовал прежде всего педагогические цели, рассчитывая, что они будут использоваться в качестве образцов молодыми людьми, обучающимися риторике (с. 65–66)². Поэтому, отмечает Кристе, письменные варианты речей в любом случае не содержат ничего, что не могло быть сказано на реальном судебном процессе, а только это и имеет значение для предпринятого им исследования (с. 67–68).

В первом разделе основной части монографии (с. 73–242) в центре внимания Кристе стоят ролевые модели поведения (*Rollenbilder*) двух категорий участников процесса в *quaestiones perpetuae*: обвинителя (*accusator*) и защитника (*patronus*). Автор исследует те неформальные требования, которые римское общественное мнение предъявляло к лицам, взявшим на себя эти роли, и анализирует, какое поведение с их стороны рассматривалось как ожидаемое и желательное. С точки зрения Кристе, эти ожидания касались в первую очередь трех аспектов: возраста (*aetas*), ораторских способностей (*ingenium*) и авторитета (*auctoritas*) (с. 39, 84). Рассматривая первый из них, автор приходит к выводу, что римские обвинители, как правило, были молодыми людьми, зачастую еще не начавшими политическую карьеру и не занимавшими значимых магистратур (с. 161–170). Благодаря своей молодости они пользовались в выступлениях перед судом большей свободой, чем защитники. Обвинительные речи отличались частым нарушением правил риторики, и поведение обвинителя на процессе обычно было более эмоциональным (с. 163–166, 170, 215–216, 233–235). С точки зрения римлян, свойства характера, присущие молодости, — честолюбие, юношеский пыл, откровенность — выступали гарантией добросовестного исполнения обязанностей обвинителя (с. 167). К защитнику общественное мнение предъявляло гораздо более жесткие требования. Важнейшим из них являлось наличие *gravitas*, которая была тесно связана с возрастом и социальным статусом. По этой причине защитники были обычно значительно старше обвинителей и чаще всего принадлежали к сенаторскому сословию, а круг ораторов, выступавших в судах с защитительными речами, был относительно узким. Произнося речь на процессе, защитнику следовало вести себя намного осторожнее и проявлять большую сдержанность, чем обвинителю (с. 158–160, 234). Принимая на себя защиту подсудимого, оратор ставил на кон собственный авторитет (с. 151).

Существенная разница в социальном статусе ораторов противоборствующих сторон компенсировалась, по Кристе, негласными правилами, согласно которым обвинителю не следовало в своей речи касаться *auctoritas* своего оппонента, а защитник должен был умалчивать

¹ См., например, Stroh 1975, 31–54; Alexander 2002, 15–26; Lintott 2008, 15–32 (с библиографией).

² Признавая, что Цицерон руководствовался помимо прочего и дидактическими целями, я все же не могу согласиться с тем, что именно они стояли для него на первом месте: на мой взгляд, главными его мотивами при публикации речей были конструирование своего публичного образа (это было важно для политической карьеры), а также забота о литературной и ораторской славе у современников и потомков (см. об этом, например, Enos 1988, 58; Plasberg 1962, 4; Alexander 2002, 25; Powell, Paterson 2004, 52).

о своем более высоком общественном положении. Нарушение этих норм могло навредить оратору в глазах слушателей (с. 203–210). Попытки защитника апеллировать к своему авторитету расценивались как проявление *potentia*, что рассматривалось как отклонение от идеала и требовало соответствующего ответа со стороны обвинителя. Тем самым обеспечивались свобода (*libertas*) и равенство сторон перед судом (с. 210–217, 234–235).

Представляется, однако, что Кристе несколько преувеличивает, утверждая, будто обвинители «были по большей части многообещающими молодыми политиками из сенаторского сословия» (с. 210). До нас дошли главным образом сведения о судах над представителями высших слоев, зачастую имевших политическую подоплеку, что может исказить подлинную картину. Тем не менее известно немало случаев, когда обвинителями в *quaestiones perpetuae* выступали лица, не сделавшие (а во многих случаях, вероятно, даже не стремившиеся сделать) политической карьеры³. Далеко не все они были молодыми людьми. Кроме того, вполне вероятно, что начинающие ораторы могли выступать в качестве не только обвинителей, но и защитников на процессах рядовых граждан. Без учета этих обстоятельств рассуждения автора о возрасте и социальном статусе судебных ораторов выглядят несколько легковесными.

Кристе подробно рассматривает мотивы, которыми руководствовались ораторы, принимая на себя обязанности защитника (с. 86–110) или обвинителя (с. 125–136). Корни римской судебной защиты следует искать, по его мнению, в системе патронатно-клиентских взаимоотношений (с. 86). Возникновение судебного патроната было связано с тем обстоятельством, что в древнейшую эпоху клиенты не имели права сами выступать в суде по своему делу, так что долг патрона по их защите уже достаточно рано распространился на юридическое представительство их интересов. Запрет клиентам самостоятельно защищать в суде свои интересы существовал недолго; тем не менее изначальное положение дел отразилось в позднейшем запрещении выступать в суде против своего патрона или клиента. Первая значимая веха в истории развития судебного патроната, которую можно зафиксировать, — это принятие в 204 г. до н.э. закона Цинция (*lex Cincia de donis et muneribus*), который запретил брать деньги и подарки за выступления в суде (с. 88). Появление такого закона свидетельствует, что уже самое позднее с конца III в. до н.э. клиенты старались взять себе в защитники лучшего из доступных им ораторов. Отныне защиту в суде лишь в редких случаях доверяли «природному», наследственному патрону. Выбор делался в первую очередь из прагматических соображений: клиент оценивал, у какого защитника больше шансов выиграть дело. Это привело к тому, что отдельные нобили, обладавшие хорошими ораторскими способностями, стали специализироваться на выступлениях в суде, так как это помогало их политической карьере. Ко времени Поздней республики это стало общепризнанной нормой, и нередко у защитника не было никаких связей с клиентом до процесса (с. 89). Однако и в эту эпоху между сторонами возникали взаимные моральные обязательства, так что и защитник, и подсудимый должны были вести себя определенным образом и действовать в рамках традиционных (прежде всего ритуальных) форм (с. 90). Если защитник не был «настоящим» патроном или другом (*amicus*) подсудимого, это могло дать стороне обвинения повод для упреков. Чтобы избежать этого и завоевать симпатии аудитории, оратор должен был как-то обосновать свое решение взять на себя защиту (с. 94–108). Например, Цицерон в некоторых случаях (речи «В защиту Клуенция» и «В защиту Суллы») объясняет его тем, что по ряду причин ему лучше, чем кому-либо другому, известны обстоятельства рассматриваемого дела (с. 147–149). В этой связи Кристе придает большое значение концепции *fides*, которую он рассматривает как центральное понятие римской общественной жизни. Узы *fides*, которую Цицерон (*Off.* I. 23) назвал *fundamentum iustitiae*, связывали друг с другом в том числе и участников судебного процесса: с одной стороны, это вера (*Glaube*) и доверие (*Vertrauen*) подсудимого к своему защитнику, аудитории — к ораторам обеих сторон, ораторов — к судьям, которые должны судить добросовестно и справедливо, с другой стороны, это «правдивость» (*Glaubwürdigkeit*) свидетелей, обвинителя и защитника (с. 108–116, 149–152). *Fides* устанавли-

³ См., например, Alexander 1990, 19, no. 37 (М. Юний Брут); 31, no. 61 (М. Гратидий); 45–46, no. 88 (Т. Барр); 56, no. 106 (Т. Барр); 66–67, no. 129 (Г. Эрुций); 70–71, no. 139 (Кв. Лоллий); 74–76, no. 147–149 (А. Клуенций Габит); 80, no. 159 (П. или Г. Коминий); 99–100, no. 198 (Стаций Альбий Оппианик); 102, no. 203 (П. Коминий); 154–155, no. 314 (Гн. Апоний, Г. Фидий или Г. Сей); 175, no. 368 (Г. Эруций). Большинство этих обвинителей были римскими всадниками (нередко итальянского происхождения).

вала взаимные обязательства участников судебного заседания и определяла их поведение по отношению друг к другу (с. 223).

Излагаемая Кристе теория возникновения римского судебного патроната в целом совпадает с взглядами большинства исследователей⁴. Однако, как представляется, ему следовало бы учесть также серьезные возражения против этой точки зрения, выдвинутые М. Александером, который полагает, что у нас нет убедительных свидетельств, подтверждающих прямую связь появления в Риме института судебной защиты с патронатно-клиентскими взаимоотношениями⁵.

К мотивации обвинителей римское общественное мнение, с точки зрения Кристе, предъявляло гораздо более строгие требования (с. 125). Общественно признаваемыми (и даже одобряемыми) мотивами обвинителя могли быть либо вражда (*inimicitiae*) к подсудимому, либо забота о благе государства (обвинение *rei publicae causa*), либо защита иноземных клиентов (ср. *Cic. Off.* II. 49–51), причем последние два мотива зачастую были тесно связаны друг с другом (как, например, в случае с Верресом, когда Цицерон, защищая интересы государства, одновременно выступал в качестве патрона сицилийцев). Забота о благе государства считалась наиболее достойным основанием для того, чтобы взять на себя обвинение (с. 133–134), но на практике чаще всего побудительными причинами выступали личная вражда и жажда мести (с. 134–137). Также в источниках хорошо засвидетельствованы случаи, когда честлюбивые молодые люди, желая заработать себе посредством выступления на громком судебном процессе репутацию хорошего оратора и приобрести славу и популярность, привлекали к суду видных политических деятелей⁶. Однако Кристе рассматривает эти соображения скорее как результат процессов, инициированных на основании одной из легитимных причин: обвинение, выдвинутое исходя только из этого мотива, якобы противоречило бы социальным нормам (с. 125, прим. 130). Между тем, на мой взгляд, некоторые свидетельства источников (в частности *Polyb. XXXI. 29. 8–12*; *Cic. Cael. 73*; *Apul. Apol. 66*) позволяют заключить, что такой мотив если и не был общественно одобряемым, то как минимум не встречал осуждения.

Кристе справедливо отмечает, что в сознании римлян существовала тесная связь между обвинением в суде и *inimicitiae*, которая нашла отражение даже в повседневной речи: например, выражение *inimicitias suscipere* могло использоваться вместо глагола *accusare*, а слово *inimicus* — как синоним *accusator*. Даже если между обвинителем и подсудимым до процесса не существовало вражды, она почти неизбежно возникала вследствие предъявления обвинения. Отсутствие враждебных отношений с подсудимым могло дать стороне защиты повод для упреков в адрес обвинителя. Зачастую речь шла о семейной вражде: мстить недругам своего отца, в том числе привлекая их к суду, считалось одной из важнейших обязанностей хорошего сына, исполнения которых требовала от него *pietas* (с. 126–131). По мнению Кристе, ритуализированная и ограниченная определенными, достаточно ясно очерченными рамками вражда вообще играла в Римской республике роль важного социального регулятора и была одним из механизмов контроля общества над отдельными своими членами. Это проявлялось и в уголовном судопроизводстве — с точки зрения римлян, враждебное отношение обвинителя к подсудимому имело много преимуществ: личный враг был лучше знаком с предшествующей жизнью обвиняемого, его характером и нравами (а такое знакомство считалось для обвинителя необходимым); кроме того, предполагалось, что вражда с подсудимым должна побудить обвинителя добросовестнее и усерднее выполнять свои обязанности. Вместе с тем полагали нужным поставить на пути обвинителей некоторые ограничения, чтобы воспрепятствовать превращению судов из места отправления правосудия в площадку для сведения личных счетов. Эти ограничения имели как этический (негативное отношение общества к лицам, регулярно выступавшим с обвинениями), так и законодательный характер (наказания, установленные за *calumnia*, *praevaricatio* и *tergiversatio*)⁷ (с. 143–147).

⁴ См., например, Crook 1967, 93; Kennedy 1968, 428; David 1997, 29–30; Powell, Paterson 2004, 14.

⁵ См. Alexander 1977, 146–154 (с подробной аргументацией). Эта важная работа автору рецензируемой монографии осталась неизвестна.

⁶ См. подробнее Steel 2016.

⁷ *Calumnia* — клевета, злонамеренное обвинение заведомо невиновного человека; *praevaricatio* — тайный сговор подсудимого с обвинителем, с тем чтобы последний нерадиво исполнял свои обязанности и обвинял только для вида; *tergiversatio* — отказ от обвинения без уважительных причин (см. Marcian. *Dig.* 48. 16. 1. 1: *calumniari est falsa crimina intendere, praevaricari vera crimina abscondere, tergiversari in universum ab accusatione desistere*).

По мнению Кристе, стороны обвинения и защиты в суде дополняли друг друга: «В идеальном случае *patronus* или *amicus* защищал человека от обвинения, которое предъявил его *inimicus*» (с. 152–153). Таким образом, на судебном процессе с обеих сторон выступали лица, наиболее близкие к подсудимому и лучше всего знакомые как с ним лично, так и с обстоятельствами дела⁸. В результате судьи получали шанс не только в деталях познакомиться с рассматриваемым делом, но и выслушать все возможные аргументы «за» и «против» обвиняемого. Это обстоятельство обеспечивало равенство (*Egalität*) сторон на процессе (с. 153, 155, 232–233, 236). Описанные выше социальные нормы и установки препятствовали профессионализации адвокатуры (как и любого другого вида деятельности), и хотя этот процесс в период Поздней республики уже шел, римляне продолжали твердо держаться за ставшие архаичными формы, так что завершили он лишь в эпоху Принципата (с. 155–157).

Кристе справедливо обращает внимание на подозрительное отношение римского общественного мнения к риторике и риторическому образованию, с которыми римляне близко познакомились во II в. до н.э. в результате контактов с эллинистическим миром (с. 174–178). Это предубеждение сохранялось еще в конце 80-х годов, когда Цицерон произносил речь «В защиту С. Росция из Америк». В этой речи он указывает на *ingenium* своего противника Г. Эруция как на опасное оружие, с помощью которого тот может ввести судей в заблуждение, и подчеркивает, что он, защитник С. Росция, выдающимся ораторским мастерством похвастаться не может (с. 178–181). Однако к середине I в. до н.э. *ingenium* превратилось в глазах общественного мнения в позитивное, и даже необходимое для судебного оратора, качество (с. 181–185). Тем не менее скептическое отношение к теоретическим познаниям в ораторском искусстве и техническим приемам риторики сохранялось, поэтому ораторы вынуждены были скрывать свое владение ими, прибегая к такому средству, как *dissimulatio artis* (хотя Цицерон в 50-х годах делает первые попытки обосновать пользу теоретических занятий риторикой). Предубеждение римлян относительно риторики полностью исчезло лишь в эпоху Раннего принципата (с. 185–193).

Благодаря всему вышеперечисленному судебное заседание в *quaestio perpetua* не было, по мнению Кристе, простым состязанием сторон во влиянии и социальном статусе. Нет оснований не верить свидетельствам источников о том, что главная цель судей на процессе заключалась в установлении истины (*veritas*). В реальности внешние факторы (в том числе политические) могли, разумеется, повлиять на приговор, однако это влияние рассматривалось как нежелательное: присяжные должны были судить добросовестно и свободно (с. 216–217, 233). От судей ожидалось наличие таких качеств, как доблесть (*virtus*), постоянство (*constantia*), усердие (*diligentia*), справедливость (*bonitas*), гуманность (*humanitas*), благоразумие (*sapientia*), проницательность (*consilium*), опытность (*prudencia*), предусмотрительность (*providentia*), добросовестность (*religio*), милосердие, снисходительность и кротость (*miser cordia*, *clementia*, *mansuetudo*, *lenitas*), но вместе с тем также суровость (*severitas*). Каждый из этих атрибутов предусматривал определенные правила поведения (с. 217–223). Считалось, что судьи несут ответственность за свои приговоры перед римским народом (который был для них «санкционирующей инстанцией», *Sanktionsinstanz*) и обязаны считаться с его ожиданиями. Однако в то же время присяжные должны были иметь мужество пойти наперекор общественному мнению, если таковое было ошибочным. Вынесение несправедливого с точки зрения народа решения могло навлечь на судей его ненависть (*invidia*). Недовольство общественного мнения приговором могло привести к новому обвинению оправданного лица и его осуждению, как это произошло в 54 г. до н.э. с А. Габинием и в 51 г. до н.э. с М. Валерием Мессалой Руфом (с. 228–232). В тех случаях, когда сторона защиты злоупотребляла своим авторитетом и влиянием, обвинитель мог апеллировать к *libertas* римского народа, чтобы общественное мнение оказало давление на судей и побудило их вынести решение, не зависящее от внешних факторов (с. 235). Равенство сторон процесса и непредвзятость судей образовывали фундамент *aequitas*, которая представляла собой основополагающий принцип функционирования позднереспубликанских *quaestiones perpetuae* (с. 236–237). Если справедливость вынесенного ранее приговора не ставилась общественным мнением под вопрос, ораторам нельзя было его оспаривать; напротив, им полагалось демонстрировать подчеркнутое уважение к решению присяжных (с. 224–227, 231, 235–236).

⁸ Кристе использует для характеристики этих лиц труднопереводимое на русский слово *Vertrautheit*, каковое качество, с его точки зрения, было в Риме ключевым элементом «доверия» (*Vertrauen*).

Второй раздел (с. 243–351), значительно уступающий по объему первому, посвящен исследованию «эмоциональных выступлений» (*emotionale Performanzen*) римских ораторов. По мысли автора, он должен дополнять первую часть книги, так как эмоции представляют собой один из способов, посредством которого общественные нормы проявляют себя вовне (с. 37). В первой главе (с. 243–255) рассматривается учение об эмоциях в риторических сочинениях Аристотеля и Цицерона. Затем Кристо анализирует, какую роль обращение к чувствам слушателей играло в римских судебных заседаниях. Он приходит к заключению, что демонстрация эмоций посредством голоса, жестов, мимики широко использовалась ораторами для убеждения аудитории (с. 283–287). Однако общественное мнение устанавливало строгие правила для таких демонстраций, которые не должны были угрожать принципу равенства сторон процесса (с. 351–352). Далее Кристо сосредотачивается на рассмотрении того, как в судебных речах находят отражение два чувства: стыдливость (с. 294–327) и страх (с. 328–350). Стыдливость (*Scham*)⁹ Кристо определяет как чувство, «которое проявляется исключительно при взгляде на социальные взаимодействия и позволяет понять, что человек признает и принимает свое общественное положение и не требует для себя большего, чем предусматривает его статус» (с. 296). Демонстрация оратором стыдливости подчеркивала не подлежащий сомнению авторитет судей и безусловное доверие к ним, что являлось вместе с тем проявлением уважения к общественному строю Республики. Кроме того, стыдливость регулировала поведение ораторов по отношению друг к другу (с. 303–322, 352–353). Демонстрация страха (*Furcht*) в нормальных условиях была нежелательным отклонением от нормативного поведения, так как она ставила под сомнение *fides* присяжных (с. 342–346). Однако в тех случаях, когда существовали внешние факторы, ставившие под угрозу справедливое рассмотрение дела (как, например, *potentia* Хрисогона на процессе америнца С. Росция или *invidia*, которую народ испытывал по отношению к Клуенцию), она могла использоваться для защиты фундаментального принципа *aequitas*: демонстрируя свой страх, оратор апеллировал к судьям, акцентируя их внимание на соответствующих неблагоприятных обстоятельствах (Кристо сравнивает этот прием с широко распространенным в Поздней республике обычаем публичной демонстрации траура — *squalor*) (с. 346–350, 354).

Каждый из двух разделов завершается небольшим заключением, в котором суммируются основные выводы автора. Общее заключение к монографии отсутствует, однако в нем, пожалуй, и нет особой нужды.

Фактических ошибок и неточностей в книге удалось обнаружить немного. Встречаются опечатки в латинских цитатах (например, на с. 54, прим. 25: *putatur is* вместо *putatur id*, *voluntatem* вместо *voluntate*; на с. 135, прим. 165: *causa* вместо *causas*). На с. 60, прим. 53 Кристо приписывает Э. Линтотту мнение, будто Лутациев закон *de vi* не предусматривал создания *quaestio perpetua*; в действительности Линтотт утверждает прямо противоположное¹⁰. На той же с. 60 английский ученый Арнольд Хью Мартин Джонс назван «Абелем». Подзащитный Цицерона Скамандр, которого в 74 г. до н.э. привлек к суду по обвинению в подготовке отравления А. Клуенций Габит, был, разумеется, не рабом (с. 104), а вольноотпущенником. На с. 130, прим. 149 Кристо повторяет ошибку Валерия Максима (V. 4. 4) и пишет, что юный М. Аврелий Котта, сын консула 74 г. до н.э. М. Аврелия Котты, привлек к суду *Гнея* Карбона, обвинителя своего отца; на самом деле речь должна идти о преторе 62 г. до н.э. *Гае* Папирии Карбоне¹¹.

К недостаткам монографии можно, на мой взгляд, отнести несколько тяжеловесный стиль автора, перенасыщенный сложными синтаксическими конструкциями, книжными и канцелярскими оборотами, а также чрезмерное употребление англицизмов и латинизмов даже в тех случаях, когда их можно без всякого ущерба для смысла заменить немецкими эквивалентами, так что чтение книги не назовешь легким и эстетического удовольствия оно, вероятно, не доставит.

Подводя итог, можно сказать, что монография Кристо представляет собой интересное и полезное исследование, хотя, как было показано выше, далеко не со всеми рассуждениями автора можно согласиться. Кроме того, хорошее знакомство Кристо с историографией позволяет читателю получить достаточно полное представление о текущем состоянии науки относительно рассматриваемых в книге проблем. Эту монографию, безусловно, можно порекомендовать всем интересующимся римским судопроизводством и ораторским искусством периода Поздней республики.

⁹ Римляне для обозначения этого чувства использовали слова *verecundia* и *pudor* (последний термин имеет более широкое значение, см. Kaster 2005, 28–65).

¹⁰ Lintott 1968, 115.

¹¹ См. Alexander 1990, 120–121, n. 244.

Литература / References

- Alexander, M.C. 1977: *Forensic Advocacy in the Late Roman Republic*. PhD thesis. Toronto.
- Alexander, M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Toronto.
- Alexander, M.C. 2002: *The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era*. Ann Arbor.
- Crook, J.A. 1967: *Law and Life of Rome, 90 B.C. – A.D. 212*. Ithaca.
- David, J.-M. 1997: Die Rolle des Verteidigers in Justiz, Gesellschaft und Politik: Der Gerichtspatronat in der späten römischen Republik. In: U. Manthe, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse der römischen Antike*. München, 28–47.
- Enos, R.L. 1988: *The Literate Mode of Cicero's Legal Rhetoric*. Carbondale–Edwardsville.
- Kaster, R.A. 2005: *Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome*. Oxford.
- Kennedy, G. 1968: The Rhetoric of Advocacy in Greece and Rome. *American Journal of Philology* 89/4, 419–436.
- Lintott, A.W. 1968: *Violence in Republican Rome*. Oxford.
- Lintott, A.W. 2008: *Cicero as Evidence: A Historian's Companion*. Oxford.
- Plasberg, O. 1962: *Cicero in seinen Werken und Briefen*. Darmstadt.
- Powell, J.G.F., Paterson, J.J. 2004: Introduction. In: J.G.F. Powell, J.J. Paterson (eds.), *Cicero the Advocate*. Oxford, 1–57.
- Steel, C. 2016: Early-Career Prosecutors: Forensic Activity and Senatorial Careers in the Late Republic. In: P. du Plessis (ed.), *Cicero's Law: Rethinking Roman Law of the Late Republic*. Edinburgh, 205–227.
- Stroh, W. 1975: *Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden*. Stuttgart.

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia;

Pskov State University,
Pskov, Russia

E-mail: vyacheslav2511@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3174-9028

В.К. Хрусталёв,

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
института истории и социальных наук
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;

научный сотрудник лаборатории
«Центр комплексного изучения проблем
региональной безопасности»
Псковского государственного университета,
Псков, Россия

DOI: 10.31857/S032103910021937-3

ИНОГДА ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ: ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ДИСКУССИИ О РОМАНИЗАЦИИ?

(По поводу книги *O. BELVEDERE, J. BERGEMANN. Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization. Palermo: Palermo University Press, 2021. 345 p. ISBN: 978-88-5509-275-3*)

Дискуссия о романизации стала одним из наиболее интересных событий в новейшей историографии Римской империи и ее провинций. Начавшись в среде британских исследователей и на сугубо римско-британском материале, она довольно быстро вырвалась за пределы северной провинции и переросла в спор более общего характера¹. Археологи и историки обсуждали сущность трансформаций, происходивших в Империи и ее приграничье, пытались определить их общие характеристики и выявить региональную специфику процессов превращения пестрого конгломерата сообществ и земель в глобальную державу с единым хозяйственным и культурным пространством. В конечном счете дискуссия о романизации стала частью переосмысления самого феномена римского империализма и сущности влияния Рима на покоренные территории².

После двух с половиной десятилетий горячих споров наступило некоторое затишье, и уже сами дебаты стали предметом историографической рефлексии. Похоже, пришло время подводить итоги.

Итоги же оказались неоднозначными. Археологи и историки сошлись в том, что слишком активное использование понятия «романизации» порождает целый ряд сложностей. Само слово принципиально многозначно: им можно обозначить и сознательную целенаправленную политику римских властей, и процесс влияния Рима на подчиненные народы, и сам феномен социокультурного взаимодействия. Повсеместное применение понятия без должной концептуальной рефлексии приводило к размыванию его смысла; фактически романизация превращалась в универсальную «отмычку», которую можно применять к любому варианту межкультурных взаимодействий и трансформаций в римском мире.

Помимо этого, сама идея Империи, преобразующей покоренные земли и приносящей цивилизацию, для современного исследователя оказывается малопривлекательной, поскольку онаотягощена целым рядом культурно-исторических стереотипов, не помогающих, а мешающих реконструкции противоречивого и сложного прошлого.

Уже этих соображений для многих ученых было достаточно, чтобы отказаться от употребления термина. Подобная практика избегания «слова на букву Р», заметная в англоязычных

Рецензия выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Отправной точкой дискуссии стал выход монографии Мартина Миллетта о романизации Британии и критический отклик на нее, написанный Филом Фрименом: Millett 1990; Freeman 1993.

² Общий обзор дискуссии о романизации см. в краткой, но весьма содержательной статье В. Михайловича: Mihajlovic 2019. На русском языке романизация и ее критика становились предметом специального разговора в работах А. В. Козленко и А. Е. Барышникова: Kozlenko 2007; Baryshnikov 2012.

публикациях, в своих крайних проявлениях превращается в непродуктивный механизм самоцензуры³. Это, в свою очередь, как верно заметил Владимир Михайлович, порождает своеобразную концептуальную мимирию: начали появляться работы, в которых за выражениями, аккуратно подобранными в соответствии с господствующим историографическим дискурсом, скрываются устаревшие подходы⁴.

Здесь проявляется, вероятно, главный негативный результат дискуссии — отсутствие устойчивого конструктивного консенсуса среди исследователей. Если романизация окончательно отправлена в кабинет историографических диковинок, то какие концепции и теоретические инструменты могут использоваться вместо нее? Из многих предложенных альтернатив, как представляется, лишь глобализация сумела закрепиться в исследованиях и приобрести статус, схожий с тем, что некогда был у романизации.

Кроме того, дискуссия наглядно показала фрагментированный характер новейшей историографии. Как неоднократно отмечалось, спор о романизации стал важным событием в англоязычной — преимущественно британской и нидерландской — научных традициях. В публикациях за пределами англоязычного мейнстрима позиции романизации не подвергались таким атакам, и сам взгляд на проблемы культурного империализма и взаимодействия Рима и его провинций в концептуальном смысле остался практически неизменным⁵. Впрочем, и в англоязычных публикациях дискуссия о романизации довольно быстро утратила революционно-историографический импульс и превратилась в обязательный элемент обзора литературы, появление которого в тексте свидетельствует лишь о должном уровне подготовки автора. Содержание спора часто забывается, а сущность его сводится к вопросу «верить или не верить в романизацию»⁶.

Вероятно, одним из действительно позитивных результатов долгой дискуссии стало (во всяком случае на сегодняшний день) осознание ограниченности имеющегося концептуального инструментария. Многие из предложенных подходов (различающихся идентичностей, креолизации, бриколажа культур) позволяют исследователям анализировать конкретные ситуации культурного взаимодействия, но оказываются недостаточными при попытке перейти к обобщению сложных, противоречивых и многообразных социокультурных трансформаций, происходивших на территориях, подвластных Риму. Парадоксальным образом современная историография сочетает изобилие концепций со своеобразным теоретическим вакуумом.

В такой ситуации возвращение к обсуждению романизации, с критики которой начался современный этап изучения римского культурного империализма, выглядит вполне логичным. Примером этого может служить вышедшая в 2021 г. коллективная монография под редакцией Оскара Бельведере и Йоханнеса Бергеманна⁷. Она была подготовлена по итогам конференции, прошедшей в 2019 г. в германо-итальянском научном центре Вилла Вигони, и включает ряд конкретно-исторических исследований, в которых разбираются различные аспекты социокультурной трансформации регионов римского мира, а также несколько теоретических работ. Внимательное чтение последних позволяет не только понять, куда зашла дискуссия о романизации, но и составить представление о современном состоянии изучения римского культурного империализма.

Открывает раздел теоретических рассуждений статья Грега Вулфа⁸. Автор, тридцать лет назад написавший классическую монографию о социокультурной трансформации Галлии под римской властью, рассматривает концепцию романизации и ее альтернативу, ставшую популярной в последнее десятилетие, — глобализацию. В самом начале статьи Вулф отмечает, что сегодня концепция романизации является скорее препятствием для исследователей, чем подспорьем⁹. У этой концепции, имевшей ключевое значение в течение долгого времени, нашлось несколько серьезных изъянов. Она строилась на обобщенных и гомогенных образах, не вполне отражающих действительность, она была телеологична, она помогала смотреть на прошлое только глазами

³ См., например, Terrenato 2013, 43, n. 1.

⁴ См. Mihajlovic 2019.

⁵ Mihajlovic 2019; Bergemann 2021, 50.

⁶ Jackson 2021, 306.

⁷ Belvedere, Bergemann 2021.

⁸ Woolf 2021.

⁹ Woolf 2021, 19.

римских элит, оставляя множество сюжетов и аспектов истории за рамками создаваемой картины¹⁰. Вулф задается вопросом, может ли какая-то теория выступить в роли замены романизации.

Ответ, по мнению исследователя, однозначен и прост: нет, не может. Попытки заменить одну универсальную концепцию другой приведут к появлению уже знакомых проблем; и всякая, даже самая убедительная сейчас, идея окажется в будущем разбита критическими аргументами, напоминая те, что звучали при деконструкции романизации. Потому, полагает Вулф, будущее исследований римского империализма связано с плюрализмом концептов и подходов. Он замечает, что публикации, касающиеся различных вопросов гендера, идентичностей, экономической жизни Империи, постколониальной критики державной власти Рима, прекрасно обходятся без больших теорий, подобных романизации¹¹.

Все это приводит автора к заключению, что необходимо переосмыслить как сам феномен римского империализма, так и его связь с социокультурной трансформацией областей ойкумены, вошедших в состав римской державы или оказавшихся в сфере ее влияния. Один из путей подобного переосмысления — это расширение контекста, как в хронологическом, так и в территориальном смысле. Вулф полагает, что те социокультурные трансформации, что принято было обозначать термином «романизация», могут быть проанализированы как часть большого, длительного процесса формирования единого средиземноморского пространства, занявшего почти все I тысячелетие до н.э.¹² Более того, эти явления можно встроить в общую картину экспансии и развития человеческих сообществ на территории Европы в эпоху голоцена¹³. Особое внимание Вулф уделяет теории глобализации. Он подчеркивает, что ей свойственны ограничения, похожие на проблемы романизации, креолизации и других концептов, которые применяются для обозначения больших универсальных процессов. Обоснованные сомнения вызывает и смелость, с которой антиковедение заимствует термин, родившийся для обозначения конкретного исторического феномена и значительно более поздней эпохи. Тем не менее обращение к глобализации позволяет выполнить задачу, сформулированную Вулфом ранее, — поместить историю римского империализма в широкий контекст, связав с длительными процессами изменений, переживаемых сообществами Средиземноморья и Западной Европы¹⁴. Дополненная концептом глокализации (разнообразной реакции местных сообществ на влияние большой, глобальной социокультурной общности) и идеей middle ground (своеобразных зон взаимодействия культур, в которых возникают локальные и уникальные феномены), теория глобализации может, судя по словам Вулфа, оказаться весьма эффективной¹⁵.

О глобализации как ключе к пониманию трансформации древнего мира под властью Римской державы неоднократно писал Майкл-Джон Верслаус¹⁶. В статье, которая следует за работой Вулфа, он подчеркивает важность подобного подхода, не без преувеличения заявляя, что его продуктивность признана как в социально-гуманитарных науках в целом, так и в антиковедении¹⁷. Верслаус вполне обоснованно полагает, что глобализацию и романизацию нельзя отождествлять. При этом, по его мнению, разработка концепции, условно названной «Романизация 2.0», может осуществляться в рамках теории глобализации¹⁸. Весь мир древнего Средиземноморья охватывали глобализационные процессы, важной частью которых стали возникновение и экспансия римской державы, в результате чего создавались сетевые структуры,

¹⁰ Woolf 2021, 20.

¹¹ Woolf 2021, 20–21.

¹² Вулф употребляет термин «Mediterraneanization», который мы затрудняемся перевести на русский.

¹³ Woolf 2021, 23.

¹⁴ Woolf 2021, 24–25.

¹⁵ Woolf 2021, 26–27. При этом Вулф оговаривается, что концепт глобализации будет эффективным только при понимании тех пределов, до которых он может применяться в исследованиях античности. Насколько нам известно, первой обратиться к концепту middle-ground (среди исследователей провинций римского мира) предложила Кала Древняк в докладе, прочитанном на XXI Сергеевских чтениях в 2019 г.

¹⁶ Versluys 2021. См. также Hingley 2005; 2011; Versluys 2014; Pitts, Versluys 2015. Обзор существующих подходов к изучению римского мира с применением теории глобализации, а также ряд ценных наблюдений о специфике феномена см. Makhlayuk 2018.

¹⁷ Versluys 2021, 34–35.

¹⁸ Versluys 2021, 35.

связывавшие ойкумену¹⁹. Исследования римского империализма как феномена, полагает Верслаус, характеризуются недостаточным вниманием к ключевому понятию новейших теорий глобализации и одновременно термину, без которого изучение любой империи невозможно, — власти²⁰. Именно глобализационный подход, по словам автора, может предоставить наиболее подходящий инструментарий для изучения сложноустроенной, многоуровневой и противоречивой системы власти.

В качестве иллюстрации этого тезиса Верслаус обращается к концепту «трения»), который стал достаточно популярным в культурной антропологии после выхода монографии Анны Цзин²¹. Исследователь кратко описывает подход, с помощью которого Цзин смогла создать сложную картину перемен, случившихся с Индонезией за последние тридцать лет. Для Верслауса «трение» важно одновременно как метафора, позволяющая продемонстрировать комплексный, многофакторный, противоречивый характер социокультурной трансформации человеческих сообществ, и как стимул не проводить жестких границ между локальными и глобальными элементами этих изменений, но, напротив, подчеркивать их тесную взаимосвязанность²². К сожалению, краткое изложение метода Цзин фактически завершает статью — остается лишь гадать, как подобный подход будет работать применительно к конкретному историческому материалу Римской империи.

Йоханнес Бергеманн обращается к проблеме взаимодействия греческой и римской культур, составлявшего основу античной глобализации²³. Первая часть его статьи имеет сугубо обзорный характер: исследователь бегло обозначает ключевые точки дискуссий о романизации и римской глобализации, в общих чертах отмечает разницу в подходе британских, голландских и немецких ученых, воспроизводит несколько тезисов, прозвучавших на конференции в Вилла Вигони в 2019 г.²⁴ Затем Бергеманн обращается к процессам взаимовлияния греческой и римской культур, которые он обозначает вполне традиционными терминами «эллинизация» и «романизация». В качестве иллюстраций глубокого взаимопроникновения греческого и римского начал в жизни сообществ древнего Средиземноморья автор приводит различные произведения искусства (прежде всего скульптуры республиканского и раннего имперского периодов) и эпиграфические свидетельства из Афин; впрочем, упоминаются и другие свидетельства этих процессов, в частности, керамика типа *terra sigillata*. Катализатором, выведшим глобализацию как смешение двух культур в рамках единого пространства ойкумены, стало правление Августа²⁵.

После обзора свидетельств экспансии римской культуры на греческом востоке Бергеманн возвращается на зыбкую почву теоретических споров. Он предлагает рассматривать глобализацию не как альтернативу романизации, но как процесс, тесно связанный с ней и проходивший параллельно. Глобализация в античном мире меняла политическую и правовую сферу; романизация же представляла собой более глубокое и специфичное явление, которое Бергеманн характеризует как «распространение культурных, правовых, социальных, экономических, политических и других характеристик из Рима в обширное пространство Империи». Таким образом, заключает исследователь, концепт романизации может помочь объяснить феномен Римской империи и того непреходящего значения, которое она сохранила и в постколониальную эпоху²⁶.

Завершается теоретический раздел статьей Мартина Миллетта, и это символично, поскольку именно публикация его книги положила начало дискуссии о романизации. Для британского исследователя этот текст стал попыткой вернуться к сказанному много лет назад, внимательно перечитать написанное и обновить точку зрения. Самое заметное изменение позиции

¹⁹ Versluys 2021, 37.

²⁰ Versluys 2021, 38.

²¹ Versluys 2021, 41 со ссылкой на Tsing 2005.

²² Versluys 2021, 36, п. 23, 41. По существу данная статья развивает взгляды, сформулированные Верслаусом за семь лет до этого; так, идея взаимосвязанности как важнейшей черты глобализованного пространства римского мира занимает важное место в статье Versluys 2014. См. обзор дискуссии, инициированной этой статьей Верслауса: Baryshnikov 2015.

²³ Bergemann 2021, 49–50.

²⁴ Bergemann 2021, 50–51.

²⁵ Bergemann 2021, 51–55.

²⁶ Bergemann 2021, 56–57.

Миллетта — и он признается в этом практически сразу — это сознательный отказ от использования понятия «романизация» в любом контексте, кроме сугубо историографического²⁷.

Изменение лексики, впрочем, не должно заслонять более серьезные перемены в подходе автора к пониманию и интерпретации социокультурных изменений, происходивших в римском мире. Миллетт отмечает, что значительная их часть представляла собой скорее комплекс ненамеренных последствий, порожденных самой структурой империализма, чем результат сознательных действий его агентов²⁸. Потенциально продуктивным инструментом для изучения подобных последствий Миллетт признает идею Дэвида Мэттингли о различных провинциальных ландшафтах (ландшафте возможностей и ландшафте сопротивления) и добавляет к ним еще один вариант — ландшафт взаимной незаинтересованности²⁹.

Еще одно важное изменение теоретических взглядов исследователя заключается в пересмотре отношения к римской политике, направленной на изменение жизни включенных в Империю регионов. Прежде Миллетт если не игнорировал, то существенно недооценивал роль действий римской элиты, стараясь уйти от стереотипа «пришли римляне и создали на варварских землях настоящую цивилизацию»; теперь он признает, что политика Рима могла иметь большое, если не решающее значение, особенно в определенные исторические моменты³⁰. Взаимодействие Рима с покоренными сообществами, как подчеркивает автор, проходило под влиянием множества факторов и каждый раз складывалось по-разному; даже в схожих условиях результаты взаимодействия могли быть различными. Этот тезис, высказанный еще тридцать лет назад, остался без изменений, но в статье был дополнен аргументацией, основывающейся на других материалах помимо древней Британии³¹.

Для понимания этого сложного комплекса явлений необходимо, по мнению исследователя, уделить особое внимание историческому и территориальному контексту трансформаций, а также обратиться к изучению сущности власти и ее внутренней динамики, особенностям социального устройства контактирующих общностей, проблеме эксплуатации и насилия³². Так, Миллетт кратко сравнивает результаты римского империализма в северной Британии, северо-западной Испании и Бельгике. Различия в социальной организации обществ, оказавшихся под властью Рима, ресурсах, находившихся на завоеванных территориях, в мотивации и сиюминутных интересах представителей имперской власти предопределяли специфику развития каждого из названных автором регионов. Небогатые области с гетерархической организацией социума были милитаризованы, но слабо интегрированы в социокультурное пространство Империи. Иной была судьба сообществ с достаточно высокой степенью дифференциации: они прочно входили в состав римской державы и переживали глубокую трансформацию, превращаясь в провинции Рима³³.

В конце статьи Миллетт предлагает черновой вариант схемы, которая позволила бы распределить различные варианты проявлений римского империализма и конкретные случаи взаимодействия римской державы с завоеванными регионами. В ней учитываются хронологические рамки, характерные черты и масштаб экспансии, степень экономической эксплуатации, специфика провинциальной организации и урбанизма³⁴. Схема Миллетта производит позитивное впечатление и, как кажется, действительно показывает разнообразие траекторий развития римского империализма; безусловно, она не является исчерпывающей и может быть дополнена.

В целом новый раунд публикаций о романизации и ее возможных альтернативах производит неоднозначное впечатление. Авторы придерживаются различных подходов к обсуждаемой теории, от простого избегания термина и стремления поместить римский империализм в концептуальные рамки глобализации до попыток примирить романизацию с глобализацией.

²⁷ Millett 2021, 63.

²⁸ Millett 2021, 64. Несколько замечаний о непреднамеренных последствиях культурного взаимодействия в римской Британии см. в Baryshnikov 2018 (текст статьи подготовлен несколько ранее, в 2015 г.).

²⁹ Millett 2021, 65.

³⁰ Millett 2021, 65–66.

³¹ Millett 2021, 67–68.

³² Millett 2021, 65, 67.

³³ Millett 2021, 67–69.

³⁴ Millett 2021, 71, tab. I.

Безусловно, подобный плюрализм не является проблемой сам по себе. Напротив, различия во взглядах создают, казалось бы, благодатную почву для концептуального развития дисциплины.

В реальности же, как представляется, речь идет не о развитии, а о заморозке дискуссии. Исследователи «окопались» на давно занятых позициях. Вулф и Верслаус широкими мазками создают картину глобализации ойкумены, вынося на передний план римский империализм, Бергеманн же не отступает от вполне привычного, практически хрестоматийного понимания романизации, которое можно встретить в публикациях, вышедших за десятилетия до начала дебатов. Подчеркнутая вежливость к различным точкам зрения, выражаемая исследователями, не означает, что эти точки зрения оказываются учтены. Так, Бергеманн старательно обходит сущностные замечания критиков романизации, звучавшие на протяжении последних тридцати лет, а Верслаус, подчеркивая продуктивность глобализации как подхода, оставляет в стороне критику своих взглядов, опубликованную немногим ранее на страницах журнала «Antiquity»³⁵.

Возникает ощущение, что дискуссия зашла в тупик и ее участники не слышат и не слушают аргументов друг друга, как бы они ни пытались создать обратное впечатление, упоминая в своих статьях доклады коллег, прозвучавшие на конференции на Вилле Вигони³⁶. В результате в полемических публикациях практически отсутствует собственно полемика. Что еще хуже, теряется из виду сам предмет разговора — феномен римского империализма. Какое определение можно ему дать? Что можно сказать о его динамике, внешней и внутренней эволюции? Каковы особенности власти, центрального элемента любой имперской системы, в контексте римского империализма? Какие аспекты этого исторического явления остаются вне фокуса предложенных концепций (романизации 2.0, глобализации, теории фрикции и других)? Все эти вопросы, даже будучи озвученными в рамках дискуссии, остаются без ответа.

Тем не менее время для окончательной капитуляции перед лицом историографического пессимизма еще не пришло. В статьях заметен консенсус по ряду вопросов, важных для совершенствования методологии исследования: ясно, что все исследователи сходятся во мнении о необходимости изучать социокультурные трансформации, происходившие в римской державе, в широких контекстах — хронологических, пространственных, культурных. Продуктивность этой позиции вполне подтверждают некоторые статьи сборника, сфокусированные на конкретных примерах взаимодействия Рима с подчиненными землями³⁷. Наконец, в позитивном смысле выделяется статья Мартина Миллетта. В ней важные теоретические наблюдения органично сочетаются с обращением к конкретному римскому материалу (чего, например, не хватает статье Верслауса), а многие высказанные тезисы (в частности, о ненамеренных последствиях империализма) представляются заслуживающими дальнейшей разработки.

Было бы символично, если бы именно Миллетт, с книги которого начался спор о романизации, закрыл дискусию новой статьей, переключив исследователей с дискурсивных кульбитов на последовательное применение разных подходов к исследованию Империи и ее провинций³⁸. Впрочем, само название книги Бельведере и Бергеманна показывает, что не стоит ждать скорого окончания споров о романизации. Вероятно, вопросы о том, можно ли произносить «слово на букву Р», и если можно, то что оно должно означать, еще какое-то время будут актуальными для историографии.

³⁵ Fernandez-Götz *et al.* 2020. Справедливости ради нужно отметить, что он ссылается на статью Фернандеса-Геца и, как кажется, признает тезис своих критиков о необходимости изучения насилия как составной части римского империализма и имперской глобализации: Versluis 2021, 37, п. 28, 39.

³⁶ См., например, Bergemann 2021, 51.

³⁷ См., например, Hingley 2021; Terrenato 2021.

³⁸ Хорошей иллюстрацией продуктивности подобного перехода от теоретического дискутирования к применению разных методов и подходов служит коллективная монография, посвященная изучению визуальной культуры римских провинций: Alcock *et al.* 2016.

Литература / References

- Alcock, S.E., Egri, M., Frakes, J.F.D. (eds.) 2016: *Beyond Boundaries: Connecting Visual Cultures in the Provinces of Ancient Rome*. Los Angeles.
- Baryshnikov, A. Ye. 2012: [Roman Britain and the Problem of Romanization: Crisis of a Traditional Concept and the Discussion about New Approaches in Contemporary British Classical Scholarship]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod] 6/3, 200–211.
- Барышников, А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6/3, 200–211.
- Baryshnikov, A. Ye. 2015: [Empire Strikes back? 'Archaeological Dialogues' and a New Turn of the Romanization Debate]. *Vestnik Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 1, 17–24.
- Барышников, А.Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 1, 17–24.
- Baryshnikov, A. Ye. 2018: [From Frankenstein to Dirk Gently: a Quest for a New Agenda in Romano-British Studies]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinitsyn (eds.), *PENTEKONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, poschvyashchennyy yubileyu Igorya Yevgen'evicha Surikova* [Studies in Ancient History and Culture. Collection of Papers in Honor of Igor Evgenyevich Surikov]. Saint-Petersburg, 267–275.
- Барышников, А.Е. От Франкенштейна к Дирку Джентли: поиск нового в романо-британских исследованиях. В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.), *PENTH-KONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, poschvyashchennyy yubileyu Igorya Yevgen'evicha Surikova*. СПб., 267–275.
- Belvedere, O., Bergemann, J. (eds.) 2021: *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo.
- Bergemann, J. 2021: Hellenizing Rome – Romanizing Greece – Globalizing the Empire? In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 49–61.
- Fernández-Götz, M., Maschek, D., Roymans, N. 2020: The Dark Side of the Empire: Roman Expansionism Between Object Agency and Predatory Regime. *Antiquity* 94 (378), 1630–1639.
- Freeman, P.W.M. 1993: 'Romanisation' and Roman Material Culture. *Journal of Roman Archaeology* 6, 438–445.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture. Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hingley, R. 2011: Globalization and the Roman Empire: The Genealogy of 'Empire'. *SEMATA. Ciencias Sociais e Humanidades* 23, 99–113.
- Hingley, R. 2021: From Colonial Discourse to Post-Colonial Theory: Roman Archaeology and the Province of Britannia. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 181–191.
- Jackson, R. 2021: *The Roman Occupation of Britain and Its Legacy*. London.
- Kozlenko, A.V. 2007: [Romanization in Foreign Historiography of XIX–XX Centuries]. *Vesnik Mazyrskaya dzyarzhavnaga pedagogichnaga universiteta imya I.P. Shamyakina* [Bulletin of the Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin] 1 (16), 58–62.
- Козленко, А.В. Романизация в зарубежной историографии XIX–XX вв. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна* 1 (16), 58–62.
- Mihajlović, V. 2019: Critique of Romanization in Classical Archaeology. In: C. Smith (ed.), *Encyclopedia of Global Archaeology*. Living Edition. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-319-51726-1_3115-1; accessed on: 10.04.2023.
- Millett, M. 1990: *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
- Millett, M. 2021: 'Romanization', Social Centralization and Structures of Imperial Power. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 63–74.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World. World History, Connectivity and Material Culture*. Cambridge–New York.

- Terrenato, N. 2013: Patterns of Cultural Change in Roman Italy. Non-Elite Religion and the Defense of Cultural Self-Consistency. In: M. Jehne, B. Linke, J. Rüpke (Hrsg.), *Religiöse Vielfalt und soziale Integration: die Bedeutung der Religion für die kulturelle Identität und die politische Stabilität im republikanischen Italien*. (Studien zur Alten Geschichte, 17). Heidelberg, 43–60.
- Terrenato, N. 2021: The Romanization of Rome. Cultural Dynamics in the Architecture of Hellenistic Italy. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 77–88.
- Tsing, A.L. 2005: *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton.
- Versluys, M.J. 2014: Understanding Objects in Motion. An Archaeological Dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21/1, 1–20.
- Versluys, M.J. 2021: Romanization as a Theory of Friction. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 33–48.
- Woolf, G. 2021: Taking the Long View. Romanization and Globalization in Perspective. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 20–32.

Anton Ye. Baryshnikov,

Lobachesvsky State University

of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2343-8537

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374

А.Е. Барышников,

к.и.н.,

научный сотрудник Нижегородского

Государственного Университета

им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.31857/S032103910022321-6

J. McNAMARA, V.E. PAGÁN (eds.). *Tacitus' Wonders: Empire and Paradox in Ancient Rome*. London—New York: Bloomsbury Academic, 2022. 296 p. ISBN: 978-1-3502-4172-5

Тематический сборник статей «Чудеса у Тацита: империя и невероятное в Древнем Риме», опубликованный под редакцией Джеймса Макнамары и Виктории Эммы Паган, посвящен рассказам о «чудесах», разных диковинах и совершенно невероятных вещах, дошедшим до наших дней в текстах Тацита. Участники этого коллективного труда задались целью проанализировать элементы парадоксографии у Тацита как историка («Анналы», «История») и биографа («Агрикола»), географа и этнографа («Германия»), при этом основной задачей авторов сборника стало изучение места и роли означенных элементов в Тацитовой концепции историописания (с. 4, введение). Казалось бы, парадоксография и исторический метод Тацита суть «вещи несовместные». Но это лишь на первый взгляд. В действительности мы встречаем у Тацита немало таких сюжетов, которые авторы настоящего сборника называют необычайно емким термином *wonders*.

Всего в сборнике 10 статей, которые распределены по трем главам. Первая глава — «Парадоксография и чудо» — открывается статьей Келли Шеннон-Хендерсон «Тацит и парадоксография» (с. 17–51). Исследовательница задалась вопросом, какое место в творчестве Тацита занимает описание «чудес». То, что в его текстах нередко встречаются разнообразные *miracula*, — факт несомненный. Как можно классифицировать эти *miracula* и какими методологическими установками руководствовался историк при работе с тем материалом, с которым обычно имели дело парадоксографы? По мнению К. Шеннон-Хендерсон, у них были принципиально разные подходы: парадоксографы приводили в своих сочинениях достойные удивления *miracula*, даже не пытаясь их объяснить или усомниться в их аутентичности (верификация не входила в число задач этих писателей), тогда как Тацит, создавая свои тексты, обычно выстраивал причинно-следственную связь, в которой означенные *miracula* играли подчиненную роль. И если для Флегонта Тралльского, греческого парадоксографа II в., появление на свет ужасающих монстров было всего лишь причудливым отклонением от биологической нормы, то в интерпретации Тацита оно же выступало в качестве рокового предзнаменования грядущих бедствий, к примеру, последних лет принципата Нерона (с. 22). Таким образом, сюжеты из области парадоксографии Тацит использовал с целью подготовить читателя к восприятию своих историографических концепций: например, описание непотребных забав Нерона в XV книге «Анналов» выступает как своего рода преамбула к повествованию о драматических событиях 64–66 гг.¹ Как же в этой связи следует понимать *miraculum*? По мнению автора статьи, для Тацита «чудом» являлось все то, что обычно вызывает удивление у человека, когда он сам с ним сталкивается или о нем читает. *Miracula* бывают двух видов: во-первых, это чудеса «естественного» (или противоестественного?) происхождения, как *mare rigum*, феникс, янтарь и проч., а также чудеса, так или иначе связанные с людьми. Яркий тому пример — сюжет, посвященный сбору янтаря племенами эстиев (*Germ.* 45). Любой парадоксограф на месте Тацита ограничился бы описанием самого феномена, тогда как историк не только приводит рациональное объяснение «чуда» (речь о насекомых, навеки застывших в окаменевшей смоле), но и дает свой комментарий, являющийся, по сути, реминисценцией темы «благородных дикарей» (с. 26–27). Другой характерный пример — история с «чудесами», явленными Веспасианом в Александрии (*Hist.* IV. 81–82). Здесь Тацит предлагает вниманию читателей верификацию сюжета: описан-

¹ См. на этот счет классическую работу Woodman 1992.

ные историком фантастические события якобы подтверждаются очевидцами, дожившими до того времени, когда Тацит писал «Историю» и когда им, по его мнению, уже не было никакого резона лгать (81. 3). Характерно, подчеркивает К. Шеннон-Хендерсон, что Тацит далеко не всегда предлагает читателю рациональное объяснение «чудес»; он использует этот прием только тогда, когда считает нужным (с. 34).

В статье «За пределами *iga* и *studium*: Тацит и эллинистическая тяга к удивительному» (с. 52–76) Рик Петерс развивает тему соотношения в сочинениях Тацита двух начал — рационального и «удивительного», прослеживая применительно к последнему связь историка с эллинистической традицией. Здесь возникает старая проблема достоверности историописания². Констатируя тот факт, что при описании «чудес» Тацит следует эллинистической традиции, автор обращается к Страбону, которого он не считает «историком в прямом смысле» (с. 54), хотя, как мы знаем, Страбон написал «Историю» в 43 книгах, не дошедшую до наших дней. Ключевым термином здесь становится *τὸ θαῦμα* — слово, означающее не только удивление, но и предмет или феномен, вызвавшие это чувство. По мнению Страбона, Полибия и Дионисия Галикарнасского, передача выдумок, небылиц, недостоверных слухов лишает историка доверия (Strab. XV. 1. 28; Polyb. III. 58. 9; Dionys. AR. I. 5. 3). Тацит был настроен аналогичным образом (Ann. IV. 11. 5; XI. 27. 1–2). В этой связи Р. Петерс обращает внимание на очевидное противоречие: с одной стороны, «удивительное» (*τὸ θαυμάσιον*, у Геродота это *ἔργα μεγὰ τε καὶ θωμαστά*, у Полибия — *παράδοξον καὶ μέγα*) легко может сбить историка с пути истинного, увлекая его в дебри недостоверного и тем самым лишая доверия читательской аудитории, а с другой — является критерием отбора информации, достойной фиксации в историческом труде, и привлекает к нему внимание тех же читателей (с. 60–61)³. Иными словами, «удивительное» и истина несовместимы, но занимательность повествования требует включения в его ткань примеров «удивительного». По мнению автора статьи, Тацит выходит из затруднительного положения, стараясь сохранять в своих текстах известный баланс: используя «чудеса», знамения и др. как литературный прием, он одновременно как бы дистанцируется от них, не вынося окончательного вердикта⁴ и сохраняя тем самым за собой репутацию писателя, заслуживающего доверия (примеры: Hist. I. 3. 2; II. 50. 2; Ann. I. 9. 1; II. 24. 7; VI. 28. 1–8⁵; Germ. 46. 4). Наконец, Р. Петерс ставит Тацита в один ряд с Лукрецием и Страбоном, имея в виду то, что все трое использовали в своих сочинениях *τὸ θαυμάσιον* с целью наставления и поучения читателя (с. 72).

Артур Поумрой («Удивление во второй речи Апра в «Диалоге об ораторах» Тацита», с. 77–91) обратился к теме удивления в смысле преклонения перед древними авторитетами в «Диалоге об ораторах». Вторую речь одного из героев «Диалога», Марка Апра (16. 4–23. 6), который аттестован в тексте как один из лучших римских ораторов того времени (14. 3), А. Поумрой назвал «своеобразной историей римского ораторского искусства» (с. 79). Констатируя тот факт, что в основе представленной в «Диалоге» дискуссии лежит вопрос о том, насколько Цицероновская модель ораторского искусства была актуальна во времена Тацита, при том что позиция на сей счет самого Тацита ясна не до конца⁶, автор статьи высказывает остроумное предположение: приняв «модифицированный Цицероновский стиль», Тацит отчасти признал первенство Цицерона (там же). На наш взгляд, А. Поумрой не учел того обстоятельства, что Тацит, который жил и делал карьеру при Флавиях, т.е. в то время, когда всей политической жизнью в Риме управлял *sapientissimus et unus* (Dial. 41. 4), не мог не относиться критически к потрясениям последних десятилетий сенатской Республики; выбирая между Римом Цицеро-

² Так, Диодор (I. 69. 7; X. 24. 1), Страбон (XI. 6. 3) и Лукиан (Ver. hist. II. 31; Quomodo hist. 39) критиковали Геродота и Ктесия Книдского за то, что те, стремясь привлечь читателей рассказами о «чудесах» и разного рода диковинах, занимались откровенными выдумками и тем самым дискредитировали звание историка.

³ Тот же Полибий, порицавший Филарха и Тимея за приверженность небылицам и диковинам, сам не чурался «удивительного», стремясь соединить в своем труде две функции историописания — поучение и развлечение (I. 1. 4; XV. 34. 1; 36. 1–7).

⁴ Вынести этот самый вердикт Тацит по умолчанию предоставляет читателю.

⁵ В высшей степени характерный пример. Историк подробно рассказал о чуде с фениксом и даже поставил его под сомнение, но не опроверг окончательно: «Все это недостоверно и приукрашено вымыслом, но не подлежит сомнению, что время от времени эту птицу видят в Египте» (Ann. VI. 28. 8. Здесь и далее пер. А.С. Бобовича).

⁶ Дискурс в историографии по этой проблеме продолжается по сей день (Goldberg 2009, 84).

на и Римом Веспасиана, он явно предпочел бы последний. В этой связи очень верную мысль высказал С.М. Голдберг: чтобы понять проблематику «Диалога», надо иметь в виду не «нашего» Цицерона, каким мы его себе представляем, а того Цицерона, каким его видели Тацит, Априан и их современники⁷. Проанализировав использование в «Диалоге» ряда однокоренных терминов (*mirus, miraculum, mirari, admirari*), А. Поумрой пришел к выводу, что глаголы *mirari* и *admirari* Тацит употребляет в значении «восхищаться» (*to admire*) (например, *Dial. 22. 1: illi antiquos mirabantur*, «они восхищались древними»). В частности, эти глаголы Тацит использовал тогда, когда устами Априана он подверг резкой критике слепое преклонение современников перед авторитетом ораторов прошлого (с. 83–84).

Завершает главу статья Брэндона Джонса «Похвала красноречию и брэнная слава: парадокс общественного восхищения в “Диалоге об ораторах” и “Агриколе” Тацита» (с. 92–115). В ней исследователь обратился к социальному аспекту проблемы «удивительного». Так, в «Диалоге об ораторах», по мысли Б. Джонса, речь идет об общественной значимости ораторского искусства: успешный оратор становится объектом восхищения, современники стремятся увидеть его собственными глазами. Даже если такого человека невозможно лицезреть самому, о нем можно узнать из рассказов других людей; в этой связи Тацит использует такие категории, как *fama, gloria, laus* (с. 94–95). Между тем прославленный оратор, поэт и адвокат Куриаций Матерн в своей речи доказывает, что в его время стяжать славу и известность благодаря ораторскому искусству нельзя (*Dial. 41. 5*). Как и в «Диалоге», в «Агриколе» слово *mirari* употребляется в социальном контексте: здесь объектом восхищения современников становится сам Гней Юлий Агрикола (*Agr. 46. 4*). Его позицию как объекта восхищения усиливает личная скромность героя (*Agr. 18. 5–6; 40. 3–4; 42. 2*). Сопоставляя «Диалог» (75 г.) и «Агриколу» (82 г.), Б. Джонс отмечает явную парадоксальность ситуации: во-первых, Матерн прославился благодаря своему красноречию в то время, когда, по его мнению, прославиться красноречием было невозможно⁸; во-вторых, Агрикола прославился благодаря своим добродетелям (*virtutes*) вопреки как собственной натуре (в личном плане он был скромным и непритязательным человеком)⁹, так и тираническому режиму Домициана (с. 100). В случае с Матерном Б. Джонс особо выделяет *laus eloquentiae*, а применительно к Агриколе — *fama rerum*; это те факторы, которые в представлении Тацита делают человека объектом восхищения современников. Прямая связь между этими факторами просматривается и в «Диалоге» (*Dial. 5. 5–6; 12. 2*), и в «Агриколе» (*Agr. 39. 2*). Таким образом, *res* и *eloquentia*, дела и речи, суть две стороны одной медали. По мнению Б. Джонса, *fama* у Тацита — это «добрая молва» при жизни и ни в коем случае не посмертная слава. Здесь, как нам кажется, автору статьи следовало бы акцентировать то важное обстоятельство, что «добрую молву», сопровождавшую деяния Агриколы, Тацит ставил гораздо выше той *laus*, которая в его времена была сопряжена с именами Траяна Пета и других представителей т.н. «стоической оппозиции», избравших для себя *mors ambitiosa* — «впечатляющую, но бесполезную для государства смерть» (*Agr. 42. 4*)¹⁰. Для Тацита это была принципиальная позиция; Р. Сайм считал, что таким образом историк не только защищал память своего тестя, но и оправдывал собственный «оппортунизм» в годы тирании Домициана¹¹.

В конечном счете исследователь приходит к выводу, что восхищение со стороны общества кем-то помимо императора и принципата были несовместимы («лишь один человек мог быть первым»). Император (тот же Домициан) стремился быть единственным объектом общественного восхищения, тогда как его невольному конкуренту на этом поле (такому как Агрикола) личная безопасность отнюдь не гарантировалась (с. 101)¹². Статья Б. Джонса сопровождается двумя небольшими приложениями, посвященными знаменитым женщинам в «Диалоге» и «Агриколе», а также феномену общественного восхищения в «Германии».

Вторая глава — «Интерпретация примеров удивительного» — включает три статьи. Первая из них, «Чудесные знамения: примеры удивительного как метаистория в “Анналах”», кн. 6»

⁷ Goldberg 2009, 81.

⁸ Речь идет о последних годах правления Веспасиана.

⁹ *Agr. 18. 6*: «скромность, с какою он говорил о своих славных деяниях, только приумножила его славу».

¹⁰ О «претенциозной смерти» (*mors ambitiosa* или *mors voluntaria*) у Тацита см. Nikishin 2012, 99.

¹¹ Syme 1958, I, 25.

¹² Недаром Тацит сообщает о слухах об отравлении Агриколы по приказу Домициана (*Agr. 43. 2*).

(с. 119–145), написана Джорджем Бароудом и посвящена месту и роли «чудес» (*miracula*) в исторических текстах Тацита. Автор считает, что пассажи вроде сюжета с Лжедрузом (*Ann.* V. 10. 1–5) или эпизода с астрологом Фрасиллом (*Ann.* VI. 21. 1–5) важны для понимания взглядов Тацита как историка и мыслителя. Характерно, что Тацит зачастую оставляет открытым вопрос об аутентичности всех этих *pocha* и *mira*, предоставляя читателю возможность принять участие в процессе верификации и самому вынести вердикт, равно как и поразмышлять на более глубокие и важные темы историографического и философского характера: какова природа исторической истины и какими методами мы можем постигать прошлое (с. 120). Благодаря такому подходу Тацита, по мнению Дж. Бароуда, в его сочинениях происходит сближение «удивительного» и политической истории, от правильной интерпретации первого зависит верное понимание второй (с. 122). В этом плане показателен сюжет с Лжедрузом, о котором говорилось выше. Здесь мы сталкиваемся с тремя моделями восприятия фантастической версии самозванца: первая — легковверный энтузиазм неопытной молодежи, непостоянного в своих настроениях плебса и падких на всякие чудеса и суеверия «людей Востока», т.е. греков и азиатов; вторая — здравый скептицизм македонского наместника Поппея Сабина; наконец, третья — это критический подход к делу самого Тацита. Позиция последнего сильна тем, что он как автор устанавливает четкую границу между тем, что знает твердо, и тем, чего не знает или в чем сомневается, а также заставляет читателя думать самостоятельно и делать собственные выводы относительно «чудесного» и «невероятного» (с. 123–124). В тексте сохраняется определенная недосказанность, позицию автора нельзя назвать однозначной: Дж. Бароуд характеризует такой подход как «историографическую осторожность» (*historiographic caution*), которая не дает историку увлечься и впасть в заблуждение. В представлении Тацита, легковверие толпы, всегда готовой верить самым невероятным слухам, создает серьезную угрозу правопорядку в Империи, и без того пошатнувшегося к концу правления Тиберия; хорошо, что в данном конкретном случае нашелся такой здравомыслящий и решительный администратор, как Сабин, который быстро овладел положением, однако вдумчивый читатель понимает, что в перспективе так будет не всегда (с. 125).

Дж. Бароуд также обращается к теме пророчеств и предсказаний у Тацита, проанализировав главы 20–22 из VI книги «Анналов», посвященные астрологическим опытам Тиберия и Фрасилла. По мысли исследователя, здесь Тацит фокусирует внимание на верификации и интерпретации конкретных предсказаний (с. 128). Дж. Бароуд приходит к следующим выводам: авторские отступления Тацита способствуют коммуникации между историком и читателем, что помогает последнему выстроить некую корреляцию между «чудесами», собственно авторским повествованием и достоверностью; Тацит не боится лишний раз напомнить об ограниченности своего собственного знания; историк моделирует нечто вроде сократического «незнания», как бы приглашая читателя принять его осторожный и взвешенный подход к делу; таким образом, читатель вовлекается в процесс верификации «чуда» наряду с самим автором и его персонажами (с. 131). Пример упомянутого процесса верификации — «дискуссия» о фениксе в 34 г. (*Ann.* VI. 28. 1–8), заочными участниками которой становятся персонажи нарратива (в данном случае *doctissimi* из числа греков и египтян), сам историк и читатель (с. 133–137). По словам Дж. Бароуда, в VI книге «Анналов» Тацит «показывает, как разные читатели интерпретируют эти невероятные происшествия, и кажется, что их возраст, уровень образования и этническая идентичность — это все показательные маркеры их эвристической компетентности» (с. 137).

К теме интерпретации «чудес» обращается Каллум Алдис в статье «*Prodigiosum dictu*: интерпретация знамений и оракулов в “Истории” Тацита» (с. 146–169). Автор исходит из допущения, что одно и то же «чудо» Тацит и какой-нибудь парадоксограф вроде Флегонта Тралльского интерпретировали бы по-разному: для Тацита это будет предзнаменование важного исторического события, которое должно произойти в будущем, для Флегонта — просто курьез, и только. Поскольку в Риме к религиозным ритуалам были допущены лишь определенные группы населения, из которых рекрутировались жрецы и магистраты, скептицизм граждан чаще всего возникал в отношении не самой религии, а интерпретации конкретных знамений (*prodigia*) (с. 147). В своих текстах Тацит ясно дает понять, что лишь избранным интеллектуалам, сведущим и опытным гражданам (т.е. представителям правящей элиты, включая императоров и полководцев) присуще правильное понимание отношений между человеком и богами (*religio*), тогда как уделом невежественной толпы (*vulgus*) является «суеверие» (*superstitio*) (*Cic. Nat. deor.* II. 72). По мнению К. Алдиса, интерпретация «чудесных» явлений зависела от уров-

ня религиозной «экспертизы», т.е. от того, кто именно осуществлял эту самую интерпретацию (с. 149). Исследователь констатирует, что, по мысли Тацита, в смутные времена происходит явный перекося от *religio* в пользу *superstitio*, когда или знамения неправильно интерпретируются, или неординарные события неверно трактуются как *prodigia* (с. 153). Таким образом, когда речь заходила о *prodigia*, Тацит учитывал такие категории, как авторитет и знание, *religio* и *superstitio*. Впрочем, историк их явно проигнорировал, когда писал в первых книгах «Истории» о тех знамениях, которые в его представлении легитимизировали приход к власти династии Флавиев (с. 165).

Глава завершается статьей Джеймса Макнамары «Интерпретация чудес в “Агриколе” и “Германии”» (с. 170–193). Исходя из того факта, что «чудеса» в античной традиции зачастую связаны с отдаленными местами и чужеземными обычаями, т.е. лежат на пересечении географии и этнографии, исследователь обратился к материалу «Агриколы» и «Германии», которые, можно сказать, идеально отвечают указанным критериям. По мнению Дж. Макнамары, для Тацита *miracula* из области географии и этнографии были порождены, с одной стороны, невежеством несведущих людей (*inperiti*), а с другой — любознательностью людей образованных (*dosti*). Таким образом, рациональное и иррациональное начала у Тацита сопутствуют друг другу (с. 170). В «Агриколе» Тацит пишет о географии и этнографии Британии в связи с тем, что под руководством его тестя произошло завоевание острова. Успехи Гнея Юлия Агриколы историк связывает с прекрасным знанием театра военных действий, которое проявил полководец, а также с присущими ему образованностью, мудростью и опытом, благодаря которым Агрикола одержал верх не только над воинственными британскими племенами, но и над самой природой на краю земли (с. 175). На наш взгляд, в своем очерке, посвященном «Агриколе» (с. 171–176), Дж. Макнамара не уделил должного внимания географической проблематике, сосредоточившись почти исключительно на философии (имеется в виду учение Эпикура в изложении Лукреция); между тем одна только проблема локализации Туле (*dispecta est Thule: Agr. 10. 4*) занимает видное место в посвященной Тациту историографии¹³. По мнению автора статьи, в лице Агриколы соединились доблесть (*virtus*), разум (*ratio*) и искусство (*ars*), которые побеждают все иррациональное, включая фантастические выдумки и суеверия. Поэтому в биографии полководца нет никаких *miracula*, за исключением *magnum et memorabile facinus* когорты узишетов (*Agr. 28. 1–5*).

Совсем иная картина наблюдается в «Германии». Тацит персонифицирует Океан, который действует в его повествовании как разумное существо, и пишет о северных Геркулесовых столбах, которые то ли существуют, то ли нет (*Germ. 34*). Повествуя о таинственном культе богини Нерте без каких бы то ни было намеков на скептицизм (*Germ. 40*), Тацит в очередной раз предоставляет читателю возможность самому рационально осмыслить сообщаемую историком информацию, используя характерную оговорку: *si credere velis* («если угодно поверить»). Автору статьи, по нашему мнению, стоило бы подчеркнуть факт, который в настоящее время является общим местом в историографии, а именно: известную вторичность «Германии» как исторического источника¹⁴. Как справедливо заметил в свое время Р. Сайм, «если Корнелий Тацит когда-либо бывал на Рейне, в “Германии” он никак не дает это почувствовать»¹⁵. Опираясь на труды предшественников и используя информацию из вторых рук, не исключая слухи и домыслы, Тацит, на наш взгляд, априори сделал «Германию» сборником разнообразных «чудес» географического или этнографического характера. Как бы то ни было, по мнению Дж. Макнамары, Тацит четко разделяет веру и знание; если знания нет, его заменяют такие порождения грубого невежества и первобытного страха, как слухи, суеверия или благоговейный трепет (*sancta ignorantia*). Удивление, порожденное невежеством, в текстах историка сменяется удивлением, вызванным любознательностью (с. 185). Таким образом, как считает Дж. Макнамара, Тацит в известном смысле изменил представление современников о «чудесах» и «удивительном». Он вовсе не стремился разоблачать *miracula*; так, походы Агриколы — сами по себе предмет удивления, однако мудрый полководец-философ лично рассеивает все слухи и предрассудки. Напротив, в «Германии» разного рода слухи и суеверия расцветают и беспрепятственно множатся; причина этого — невежество римлян по отношению к Германии и германским племенам

¹³ Birley 2009, 52–56.

¹⁴ Thomas 2009, 59.

¹⁵ Syme 1958, I, 126–127.

(как не согласиться с таким доводом, учитывая все вышесказанное!). Таким образом, Тацит убедительно демонстрирует читателю: даже если объяснить все *miracula*, все равно останется мир, гораздо более обширный, нежели то пространство, которое сумела охватить своими «подвижными пределами» Римская империя. В конечном счете главное «чудо» в Тацитовой «Германии» — это тот факт, что германцы с их свободолобием так долго сопротивлялись римской экспансии (с. 186).

Третья, заключительная, глава сборника («Принципат как предмет удивления»), как и вторая, содержит три статьи. Автор первой из них («*Qualem diem Tiberius induisset*: изоляция Тиберия на Капри как повод для недоумения и замешательства», с. 197–220), Панайотис Христофору, исходя из тезиса о важности саморепрезентации всякой власти (не говоря уже о власти абсолютной), считает, что темперамент Тиберия пришел в непримиримое противоречие с публичным характером императорской власти; самоизоляция на Капри императора-интроверта, сознательно избегавшего всякой публичности, по мысли исследователя, крайне негативно повлияла на его репутацию в римской историографии; недоступность Тиберия, его неучастие в общественной жизни способствовали циркуляции самых невероятных слухов о правителе, который уединенно жил на пустынном острове, находясь в плену выдуманной им реальности (с. 197). П. Христофору проанализировал те места у Тацита, где историк повествует о «странностях» (*mirabilia*) Тиберия. Исследователь выделяет дихотомию образов Тиберия и Германика. Они антагонисты: если Тиберий — надменный и скрытный человек, создающий некую эмоциональную видимость (*vultus*) и тщательно скрывающий свои истинные чувства (*animus*), «человек-загадка»¹⁶, опасный для окружающих мизантроп, то Германик — напротив, открытый и обходительный жизнелюб. По мнению П. Христофору, где у Тацита реальный Тиберий, а где придуманный — решить очень непросто; эта проблема стала следствием уединения Тиберия на Капри — ведь Тацит, как считает автор статьи, черпал вдохновение в тех самых слухах и рассказах, порожденных самоизоляцией «островного императора». Здесь происходит сближение историописания и биографического жанра с присущими последнему крылатыми выражениями и историческими анекдотами. Как полагает П. Христофору, дело даже не в их аутентичности: довольно и того, что эти свидетельства эпохи отражают имидж того или иного императора и отношение современников к первым лицам государства (с. 202–203). Исследователь высказывает весьма интересную мысль: по мере расширения пределов империи принципс как бы «берет под свой контроль» разного рода природные феномены, все эти *mirabilia*, *prodigia*, *monstra*, *ostenta*, *ludibria*, *miracula*, и в результате сам становится таким *monstrum*. И в самом деле, чем не феномен? Загадочный правитель, увлеченный астрологией и проживающий в уединении на таинственном острове (с. 205–206). Обратившись к теме «Тиберий и астрология», П. Христофору явно увлекся, приписав Тациту стремление создать образ правителя-астролога, который сам стал загадкой для современников; по мнению автора статьи, Тацит намеренно сближает описание Родоса и Капри (*Ann.* IV. 67; VI. 21). Вряд ли это так, но дело не в этом. Тема астрологии, безусловно, помогла Тациту сделать Тиберия «императором-загадкой» (с. 210). Образ Тиберия у Тацита, по мысли П. Христофору, получился довольно противоречивым: с одной стороны, это человек маниакально подозрительный и свирепый, внушающий ужас своей жестокостью, прямо-таки *monstrum fatale*; с другой — мудрый и прозорливый, в совершенстве овладевший наукой халдеев. Яркий тому пример — эпизод с испытанием Фрасила (Тас. *Ann.* VI. 21. Ср. Suet. *Tib.* 14. 4; Dio Cass. LV. 11. 2). На самом деле Тиберий в представлении Тацита — это персонаж не столько противоречивый, сколько многогранный; как о нем однажды уже было сказано, «“портрет Тиберия” состоит из целого ряда модификаций или корректировок, как если бы он фотографировал свой объект с нескольких разных ракурсов и при разном освещении: ни один из кадров, будь то крупный план или нет, не противоречит другому, но каждый производит иной эффект» (Martin, Woodman 1989, 31).

В статье Холли Хайнс «Трагедийный прием у Тацита: Веспасиановы чудеса исцеления в *Hist.* IV. 81–83» (с. 221–244) проанализированы три эпизода из «Истории», связанные с пребыванием Веспасиана в Александрии: сеанс исцеления недужных, визит императора в храм Се-

¹⁶ Тацит настойчиво проводит мысль о том, что понять истинные помыслы Тиберия было невозможно (*Ann.* II. 35. 2; III. 22. 2; IV. 60. 2).

раписа и небольшой очерк, посвященный происхождению этого синкретического божества¹⁷. Исследовательница считает, что Тацит как писатель испытал на себе известное влияние греческой трагедии и время от времени использовал в своих текстах поэтические приемы. По мысли Х. Хайнс, Тацит воспринял созданную греческими трагиками дихотомию стремящегося к политической свободе гражданского коллектива и абсолютной монархической власти, претендующей на божественное происхождение и зачастую являющейся источником самого грубого и жестокого произвола. Отсюда проистекает и взгляд историка на принципат как на некую систему символов¹⁸, с одной стороны, тираническую по своей сути, а с другой — глубоко трагическую (с. 221–222). В первых двух из трех упомянутых эпизодов Тацит, как полагает Х. Хайнс, стирает границу между *ius* и *fas*, между политической реальностью и поэтическим вымыслом: «чудотворец» Веспасиан «затмил» Сераписа, который в конечном счете «исчез» из повествования, а император был отождествлен с Юпитером Дитом. Таким образом, Тацит в своем нарративе соединил политический факт — провозглашение Веспасиана императором в 69 г. — и сакрализованный поэтический вымысел — чудеса, явленные новым принципсом в Александрии (с. 223). Сопоставляя сюжеты «Истории» Тацита и трагедии Софокла «Царь Эдип», исследовательница обращает внимание на экзистенциальные конфликты между судьбой и свободой, сакральным и политическим, природой и человеком. По мнению Х. Хайнс, употребление Тацитом глагола *consulere* означает, что Веспасиан и Серапис в упомянутом эпизоде (*Hist.* IV. 82. 1–2) находятся на одном и том же уровне, т.е. оба являются божествами; так историк осуществляет сакрализацию императорской власти (с. 228). Как считает исследовательница, Тацит намеренно дискредитирует привнесенную в Рим из Египта эллинистическую теологию, лежавшую в основании обожествления Флавиев (*Hist.* IV. 83. 1–84. 5), и возвращается к «национальной» идеологии; это видно из того, что Сераписа в тексте «заменял» Юпитер Дит (с. 230–231). Логика Х. Хайнс такова: поскольку в основании греческой трагедии лежит конфликт между человеческим и божественным, между правами граждан и волей абсолютного монарха, апеллирующего к божественному происхождению своей власти, римская политика «нуждалась» в греческой трагедии, поскольку изначально существовал риск превращения императорской власти в тиранию; этот процесс ускорился при Веспасиане (отправная точка — «чудеса», явленные принципсом в Александрии) и достиг своего апогея в правление Домициана. Тезис о том, что, описывая в своих произведениях конфликт между гражданским обществом и императорским авторитаризмом, Тацит вдохновлялся лучшими образцами аттической драмы вроде «Царя Эдипа», представляется нам весьма спорным, ибо прямых доказательств этому нет. Утверждение автора статьи, будто греческая трагедия формирует весь философский горизонт в произведениях Тацита (с. 234), безусловно, является сильным преувеличением.

В статье «Обычные чудеса у Тацита» (с. 245–265) Виктория Эмма Паган переместила акцент с традиционных *miracula* (см., например, *Ann.* II. 24. 7) на события повседневной политической практики, которые описывал Тацит. Разумеется, он, как и многие другие писатели, отдал дань возникшей в эпоху эллинизма парадоксографии; однако эта, говоря словами Эмилио Габбы, «псевдоисторическая» литература, адресованная не рафинированному интеллектуалу, а заурядному обывателю¹⁹, не могла оказать серьезного влияния на творческий метод Тацита, весьма ответственно подходившего к отбору материала (*Ann.* IV. 32. 1–4; XIII. 31. 1). Главный тезис исследовательницы состоит в том, что самым удивительным в текстах Тацита является вовсе не рассказ о фениксе, а повествование о недостойных поступках представителей римской элиты, для которых нравственная трусость стала вовсе не исключением из правила, а нормой жизни (с. 248–249). В.Э. Паган считает, что ключевыми для понимания отношения Тацита к дихотомии «ординарное — необычное» являются четыре сюжета: появление феникса в Египте (*Ann.* VI. 28. 1–8), исцеление недужных Веспасианом в Александрии (*Hist.* IV. 81. 3), описание получеловеческих существ в самом конце «Германии» (*Germ.* 46. 4) и эпизод с кан-

¹⁷ Еще раньше на «чудеса», связанные с именем основателя династии Флавиев, обратила внимание Дорит Энгстер в статье «Император как чудотворец», отметив, что публичные «исцеления» свидетельствовали об императорской харизме Веспасиана и тем самым легитимизировали его власть (Engster 2010, 295).

¹⁸ Недаром у него появляется такое словосочетание, как *imperii arcanum*, т.е. «тайна императорской власти» (Тас. *Hist.* I. 4. 2).

¹⁹ Gabba 1981, 53.

нибализмом узипетов в «Агриколе» (*Agr.* 28. 3–4). По мнению исследовательницы, феникс, полулюди и каннибалы не заслуживают серьезного внимания, тогда как «обычный мир рутинной политики» был гораздо более «удивительным и ужасным», чем мы привыкли думать (с. 249). Не со всеми умозаключениями В.Э. Паган можно согласиться; так, задавшись вопросом, почему феникс у Тацита «явился» именно в 34 г., исследовательница предположила, что ключевую роль здесь сыграло консульство Луция Вителлия. Почему? Потому, что в 69 г. принцепсом на несколько месяцев стал Авл Вителлий, сын Луция, а Тацит хотел привлечь внимание читателей к событиям «года четырех императоров» (с. 259). На наш взгляд, это абсолютно искусственное и надуманное построение. В рассказе о *magnum et memorabile facinus* узипетов (*Agr.* 28. 1) В.Э. Паган видит политический контекст: по ее мнению, тема каннибализма содержала намек на ужасы тирании Домициана (с. 252). Впрочем, здесь автор статьи апеллирует к авторитету Рианнон Эш²⁰. Как бы то ни было, и эта версия выглядит совершенно неправдоподобно. По мнению исследовательницы, наибольший кредит доверия от читательской аудитории Тацит получает тогда, когда признает, что не уверен в достоверности сообщаемой им информации (с. 253). Поскольку «необычное» в представлении Тацита — это в первую очередь отклонение от нормы, важно понять, как именно историк представлял себе эту норму²¹. В.Э. Паган приводит конкретные примеры, в числе которых «неординарное» появление Агриппины Младшей перед фронтом римских войск (*Ann.* XII. 37. 6), невиданный по масштабу пожар Рима в 27 г. (*Ann.* IV. 64. 1), необычная погода накануне убийства Гальбы (*Hist.* I. 18. 1), принятое у бритtanцев и немыслимое для римлян предводительство женщин на войне (*Ann.* XIV. 35. 1). При Юлиях—Клавдиях и Флавиях лживая покорность представителей элиты воле императора была обычным делом, неповиновение — исключением (*Ann.* XIV. 12. 2). Между тем «ординарным» поведением Тразеи Пета была защита в сенате «недоброжелателей» Нерона (*Ann.* XVI. 28. 4). Таким образом, по мысли В.Э. Паган, эталоном «ординарного» у Тацита является повседневная норма поведения; просто во времена Империи норма изменилась, и эта перемена оказалась роковой для Тразеи Пета, ибо, по выражению исследовательницы, «при тирании не существует нормального поведения» (с. 260).

Авторы сборника, проанализировав тексты Тацита, определили место и роль «чудес» и других элементов традиционной для античной литературы парадоксографии в творчестве выдающегося римского историка. Главный вывод, к которому мы приходим по прочтении сборника, таков: все эти *miracula*, *mirabilia*, *prodigia* и др. играют у Тацита сугубо второстепенную, подчиненную роль, в чем заключается принципиальное отличие автора «Германий» и «Анналов» от парадоксографов вроде Флегонта Тралльского. Искушенный писатель, не только аналитик, но и стилист, Тацит не мог пройти мимо указанных сюжетов, поскольку те объективно расширяли его читательскую аудиторию. Однако суть заключается в том, что все они работали на конкретные поставленные им цели в рамках создания таких прославленных произведений, как «Анналы», «История», «Германия», «Агрикола», «Диалог об ораторах». Верификация «чудес» была здесь совершенно не обязательна: предоставляя читателю самому определить степень аутентичности всех этих *wonders* и сделать вывод лично для себя, Тацит, с одной стороны, сохранял свое реноме серьезного, заслуживающего доверия автора, чуждого откровенных выдумок и завлекательных рассказов («хлеб» парадоксографов), а с другой — ненавязчиво вовлекал читателя в свой творческий процесс, глубокий и разноплановый. Безусловно, означенный сборник является существенным вкладом в интернациональную историографию, посвященную Тациту.

Литература / References

- Ash, R. 2010: The Great Escape: Tacitus on the Mutiny of the Usipi (*Agricola*, 28). In: C. S. Kraus, J. Marincola, C. Pelling (eds.), *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A. J. Woodman*. Oxford, 275–293.

²⁰ Ash 2010, 292.

²¹ В.Э. Паган приводит цифровые выкладки на сей счет: формы глагола *solere* в сохранившемся тексте «Анналов» встречаются 51 раз, в «Истории» — 22 раза, в то время как негативные формы этого глагола зафиксированы 9 раз в «Истории» и лишь дважды — в «Анналах» (с. 254).

- Birley, A.R. 2009: *The Agricola*. In: A.J. Woodman (ed.), *The Cambridge Companion to Tacitus*. Cambridge, 47–58.
- Engster, D. 2010: Der Kaiser als Wundertäter – Kaiserheil als neue Form der Legitimation. In: N. Kramer, C. Reitz (Hrsg.), *Tradition und Erneuerung: Mediale Strategien in der Zeit der Flavier*. Berlin–New York, 289–307.
- Gabba, E. 1981: True History and False History in Classical Antiquity. *Journal of Roman Studies* 71, 50–62.
- Goldberg, S.M. 2009: The Faces of Eloquence: The *Dialogus de oratoribus*. In: A.J. Woodman (ed.), *The Cambridge Companion to Tacitus*. Cambridge, 73–84.
- Martin, R.H., Woodman, A.J. (eds.) 1989: *Tacitus, Annals. Book IV*. Cambridge, 1989.
- Nikishin, V.O. 2012: [The Phenomenon of *mors Romana* in the Period of the Julio-Claudian Principate]. In: N.D. Kryuchkova (ed.), *Stavropol'skiy al'manakh Rossiyskogo obshchestva intellektual'noy istorii* [*The Stavropol Almanac of Russian Intellectual History Society*]. Issue 13. Stavropol, 90–101.
- Никишин, В.О. Феномен *mors Romana* в период принципата Юлиев–Клавдиев. В сб.: Н.Д. Крючкова (отв. ред.), *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. Вып. 13. Ставрополь, 90–101.
- Syme, R. 1958: *Tacitus*. Vol. I–II. Oxford.
- Thomas, R.F. 2009: The *Germania* as Literary Text. In: A.J. Woodman (ed.), *The Cambridge Companion to Tacitus*. Cambridge, 59–72.
- Woodman, T. 1992: Nero's Alien Capital: Tacitus as Paradoxographer (*Annals* 15. 36–37). In: T. Woodman, J. Powell (eds.), *Author and Audience in Latin Literature*. Cambridge, 173–188.

Vladimir O. Nikishin,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: cicero74@mail.ru

В.О. Никишин,

К.И.Н.,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910025905-8

VII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО И АРТЕФАКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ»

(Саратов, 14–17 октября 2021 г.)

14–17 октября 2021 г. в Саратове состоялась VII Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Традиционно организаторами конференции выступили кафедра истории древнего мира и Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. В ходе заседаний, проводившихся в очном и дистанционном форматах, были представлены несколько основных направлений в изучении древней истории.

Эпиграфическим исследованиям было посвящено два выступления. *Ф.В. Шелов-Коведяев* (Москва) в пленарном докладе «Финикийская трапедза в Пантикапее?» проанализировал надпись на фрагменте венца чернолакового килика, найденного в 2017 г. на горе Митридат в слое V в. до н.э. Попытки интерпретации знаков в предшествующих исследованиях вызывали некоторые сложности. Автор обратился к финикийским литерам, так как ранние семитские надписи известны в Причерноморье, и предположил, что данный артефакт является обычной для финикийцев банковской распиской и представляет собой не первое свидетельство прямого или опосредованного их присутствия в Северном Причерноморье. Доклад «Еще раз о надписи на котле из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области» представили *А.С. Балахванцев* (Москва) и *О.А. Шинкарь* (Волгоград). Сохранившийся на котле текст можно представить так: [H]ΔΔΔZ / ΔIPINAKOY. Перевод: (Вес) 181 (драхм) (собственность) Диринака. Основываясь на новой аналогии с котелком второй половины II в. до н.э. из неопубликованного погребения 467, раскопанного Г.Е. Беспальным в 2012 г. на западном участке грунтового некрополя Танаиса, они предположили, что подобные котелки производились в Танаисе и использовались торговцами, часто совершавшими поездки в степь, где от них и попадали к сарматам.

Вопросам керамической эпиграфики было посвящено несколько выступлений. *В.И. Кац* (Саратов) в докладе «Мнимые и подлинные псевдо-гераклейские амфорные клейма» рассказывал об особой категории энглифических оттисков, локализация которых до сих пор остается под вопросом. Используя метод анализа распределения клейм, докладчик выделил серию оттисков, изготовление которых, несомненно, связано с полисами Западного Причерноморья. Доклад *А.М. Бутягина* (Санкт-Петербург) «Амфорные клейма из раскопок Павловского кургана в Керчи» был посвящен датировке клейм из этого комплекса. Тщательный анализ материала, находящегося на хранении в Государственном Эрмитаже, показал, что в насыпи кургана было найдено 14 фрагментов амфор с клеймами Фасоса и один — с клеймом Синопы, происходящий из позднего захоронения. В докладе было отмечено, что датировка клейм Фасоса из тризны позволяет отнести основное захоронение в кургане ко времени около 350 г. до н.э. *М.И. Тюрин* (Севастополь) и *Н.В. Ефремов* (Штральзунд) в докладе «Новые синопские фабрикантские клейма послеастиномного периода из Херсонеса Таврического и его окружи» подробно рассмотрели обстоятельства и контексты находок фабрикантских клейм на амфорах Синопы: Ἀπολ(λ)όνιος Εὐκλῆως, Βολ[...] и Εἴτη[ς] второй половины III – II вв. до н.э. Авторы отмечают, что наряду с фабрикантскими, в Синопе со II в. до н.э. известны оттиски с двумя именами, одно из которых Λάς или Θῦς (*IOSPE* III 1738–1741; 1864–1871), а также латинские

клейма I в. до н.э., связанные, очевидно, с римской колонией в Синопе¹. В докладе «Клейма на тонкостенных сосудах из материалов Елизаветовского городища» *А.Н. Коваленко* (Ростов-на-Дону) была представлена серия клейм на красноглиняных сосудах IV в. до н.э., обнаруженных в последние годы. Клейменные фрагменты, вероятно, принадлежат мерным сосудам, известным и на ряде других памятников Северного Причерноморья. Было отмечено, что в материалах Елизаветовского городища подобные находки встречаются впервые.

Целый ряд выступлений был связан с изучением отдельных категорий археологического материала. Наибольшее внимание было уделено керамическим изделиям, и прежде всего амфорам, расписной и чернолаковой керамике.

Совместный доклад *М.Ю. Свойского, А.В. Зайцева и Р.В. Стоянова* (Москва) «О новой методике фотограмметрической фиксации массового керамического материала» был посвящен новым принципам работы с керамикой. Был разработан и применен ряд алгоритмов фотосъемки и фотограмметрической обработки, оптимизированных для разных типов материала, различающихся по размеру, форме и требованиям к результатам моделирования. Полученные модели использовались для создания отчетных материалов, иллюстраций и технических чертежей профильной керамики. Для облегчения совместной работы по анализу и описанию результатов раскопок была создана база данных, доступная участникам исследовательского коллектива через Интернет.

В докладе «Анатолийская керамика из “древнейшего” слоя Пантикапея: по материалам раскопок 2013–2017 гг.» *Н.С. Асташова* (Москва) рассмотрела новую для данного региона группу анатолийской керамики. Первые находки высокой степени сохранности были сделаны в 2013 г. в комплексе под полом строительного объекта «Д-1» на Новом Верхнем Митридатском раскопе, а также на различных участках фрагментарно сохранившегося древнейшего слоя Пантикапея². Рассмотренные находки можно разделить на простую и расписную керамику, а также на сосуды открытого и закрытого типов. Благодаря публикациям находок из наиболее изученных памятников Центральной Анатолии автору удалось выделить ряд центров, откуда могла быть привезена керамика, найденная на территории городища.

Т.В. Егорова (Москва) представила доклад «Штампованный орнамент на чернолаковых сосудах из подводных исследований у мыса Ак-Бурун». В 2015–2017 гг. в результате исследований подводного отряда ИА РАН под руководством С.В. Ольховского в районе предполагаемого порта Пантикапея³ был обнаружен разнообразный материал. Чернолаковый комплекс датируется последней четвертью VI – концом II в. до н.э. Особый интерес представляют два аттических сосуда: 1) кубковидный скифос первой четверти IV в. до н.э., декорированный уникальным штампом: четыре отпечатка в виде масок актеров (сатиров) вокруг центрального кольца малого диаметра; их обрамляет сдвоенная окружность с вписанными в нее стрелками, направленными вовне. Изображение лица анфас, встроенное в схему штампованного и прочерченного орнамента, характерно для италийской керамики IV и III вв. до н.э.⁴; 2) кубковидный канфар середины IV в. до н.э., у которого размещение пальметт в орнаментации дублирует схемы, встречающиеся на италийской керамике второй половины V – первой половины IV в. до н.э.⁵

Несколько докладов были посвящены материалам из Краснодарского музея⁶. *Н.Б. Чурекова* (Саратов) в докладе «Амфорная коллекция Краснодарского историко-археологического музея-заповедника» представила общий обзор собрания, которое было сформировано главным образом за счет находок из меотских некрополей. Огромное число погребений дало и колоссальное количество комплексов с тарными амфорами, большая часть которых относится к периоду с рубежа V–IV в. до начала III в. до н.э. Материалы Прикубанского некрополя вошли в отдельный том, вышедший в конце 2021 г. Вторая часть коллекции издана в 2022 г.

Два совместных доклада представили *С.Ю. Монахов и Е.В. Кузнецова* (Саратов): в первом, «Синопские амфоры из раскопок Прикубанского некрополя», были проанализированы мате-

¹ Jefremow 2013, 300–301.

² Astashova 2019.

³ Ol'khovskiy 2018, 248.

⁴ Basile 2019, 191–192, fig. 4.

⁵ Например, Romualdi 1992, 117.

⁶ Доклады С.Ю. Монахова, Н.Б. Чурековой и Е.В. Кузнецовой выполнены за счет гранта РНФ (проект № 18-18-00096).

риалы 17 керамических комплексов из раскопок могильника. Благодаря перекрестной датировке предметов появилась возможность уточнить хронологию ранних выпусков синопских амфор до появления в этом производственном центре практики клеймения. Второй доклад авторов, «Книдские амфоры: вопросы типологии и датировки», посвящен анализу большой выборки книдской тары, позволяющей проследить морфологические изменения амфор со второй четверти IV по начало III в. до н.э. Эти материалы дают возможность говорить о том, что амфорное производство на Книде было ориентировано на выпуск двух вариантов амфор: полностандартных крупных пифоидов и фракционных амфор. В третьей четверти IV в. до н.э. появляется новый (II) тип книдских амфор⁷.

Т.В. Егорова и С.М. Ильяшенко (Москва) представили доклад «Комплекс керамики из засыпи “городского источника” Танаиса II в. н.э.». Объект представлял собой сооружение с каменными стенами, встроенное в расщелину в скале во II в. до н.э. Он был кардинально перестроен после разрушения города Полемоном и его восстановления в первой половине — середине I в. н.э. и функционировал вплоть до середины II в. н.э., после чего был засыпан слоем мусора и перекрыт более поздней усадьбой. Авторы отметили, что в их распоряжении оказались два неполных комплекса керамики (амфоры разных центров, простая и краснолаковая столовая посуда и т.п.). Тема керамологии была продолжена совместным докладом *С.М. Ильяшенко* (Москва), *А.А. Волошинова и В.В. Масякина* (Симферополь) «Амфоры с дипинти из могильника Сувлу-Кая в Юго-Западном Крыму».

В докладе *Е.М. Краснодубец* (Севастополь) «“Александрийские” эллинистические формованные светильники из Херсонеса» рассматривалось несколько таких находок второй половины II — начала I в. до н.э. из дореволюционных раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, а также из раскопок поселения на Маячном полуострове в 2001 г. Рассмотренные в докладе светильники совмещают в себе признаки сразу нескольких выделенных И. Млынарчик⁸ типов. Элементы, которые Млынарчик выделила в отдельные типы, оказались синхронны по времени, а их комбинации в декоре различных предметов создали ряд близких, но разнотипных изделий.

В докладе *Н.Г. Новиченковой* (Ялта) «Культовые глиняные статуэтки животных из коллекции Ялтинского историко-литературного музея» была выделена группа из четырех статуэток: черепахи (подобные известны на Афинской агоре, в Ольвии, на Березани и на Родосе, где их производили в V в. до н.э.); вепря (похожие статуэтки свиньи и вепря происходят из Ольвии — из района теменоса и из погребений некрополя архаического и классического периодов); барана; голова быка (близка изображению головы одного из терракотовых бычков из Ольвии эллинистического времени). Предметы являются составной частью коллекции античной керамики Великого князя Александра Михайловича, национализированной в 1919 г. Наиболее вероятно, что рассмотренные статуэтки были найдены в Ольвии.

С.В. Смирнов и Е.В. Захаров (Москва) представили доклад «Обращение селевкидских монет в Северном Причерноморье». В историографии зафиксировано около 20 селевкидских монет, происходящих из региона, но лишь четыре бронзовых номинала были обнаружены в ходе раскопок Ольвии, Херсонеса Таврического, Пантикапея и Мирмекия, происхождение остальных вызывает определенные сомнения. Сравнение с находками монет государства Селевкидов из Фракии и Закавказья позволяет оценить их роль в денежном обращении Северного Причерноморья и рассмотреть проблему непосредственных контактов между регионом и владениями селевкидских царей.

Доклад *И.Ю. Булкина* (Саратов) «Массовое захоронение человеческих черепов на поселении Чекупс-2 в Краснодарском крае» был посвящен находке в 2018 г. 35 человеческих черепов без нижних челюстей со следами насильственной смерти в хозяйственной яме II—III вв. н.э. Они принадлежали мужчинам, подросткам мужского пола и женщинам практически всех возрастных категорий. После помещения черепов в яму они были присыпаны чистым грунтом, а позднее яма стала использоваться как место для сброса мусора.

В докладе «Еще раз о сакральных территориях Ольвийского полиса» *И.А. Снытко* (Николаев) обозначил основные сакрально-ритуальные участки: на Станиславском (Гиполаевом) мысу, по описанию Геродота, издревле находилось святилище Деметры, а сам мыс входил в мифогеографическую сакральную структуру полиса, начиная с архаической эпохи; Гилея, где с ранних времен располагались священные рощи, святилища и алтари Гекаты, Матери Богов,

⁷ Monakhov, Kuznetsova 2021, 183–207.

⁸ Młynarczyk 1997.

Геракла и Борисфена. Местом поклонения Ахиллу были Кинбурнская и Тендровская косы. В римское время восточные территории полиса находились под сакральным протекторатом Аполлона Простата. Автор обратил внимание и на наличие священных сакрально-ритуальных аллей к западу (р-н Аджигольской балки) и северу (урочище Чертоватое) от города.

Доклад *Т.С. Терещенко* (Москва) «Образы скифов в греческой вазописи: вопросы историографии» был посвящен дискуссиям исследователей об изображениях, традиционно связываемых со скифами. Автор отметила, что споры ведутся в первую очередь об этнической принадлежности этих персонажей, а также о том, с какими историческими фигурами, событиями или мифологическими героями они связаны.

Несколько сообщений было посвящено использованию естественно-научных методов изучения греческих и варварских поселений Северного Причерноморья. В докладе *А.В. Камцовой* «Округа античного городища Китей в свете новейших геофизических исследований» (Санкт-Петербург) на примере работ, проведенных в 2019 г. экспедицией Государственного Эрмитажа, был раскрыт потенциал междисциплинарного подхода. Магнитная разведка территории, примыкающей к оборонительным стенам города, зафиксировала множественные аномалии. Результаты георадарного обследования зафиксировали признаки антропогенных нарушений на западном участке в непосредственной близости к оборонительным стенам и на расстоянии 100–120 м от них. В 280–416 м от города были зарегистрированы структурные нарушения, характерные для больших ям или землянок. К востоку от города на георадарном профиле, пересекающем некрополь, отмечены множественные глубинные нарушения структуры, связанные со строительством склепов.

В докладе *М.М. Ахмадеевой* (Санкт-Петербург) «Комплексные геофизические исследования в южном предместье античной Феодосии» был рассмотрен опыт применения основных геофизических методов в исследовании Усадьбы А. Один и тот же участок был обследован геомантным методом и георадаром различных модификаций. Были обнаружены признаки существования на данном участке нескольких сооружений одинаковой ориентировки. Данные предварительно подтверждаются результатами разведочных шурфовок. С докладом «Новые междисциплинарные исследования Боспорской археологической экспедиции на Азиатском Боспоре» выступил *Д.В. Журавлев* (Москва). На поселении Голубицкая 2 завершено исследование оборонительного рва VI–III вв. до н.э. и раскопана позднеархаическая землянка. На городище Красный Октябрь 1 начато изучение керамического производственного комплекса I в. до н.э. – I в. н.э. С помощью беспилотных летательных аппаратов были получены фотограмметрические планы, выявлены древние дороги и детали фортификационной системы. На Семибратнем городище проведены разведочные работы, получен новый точный план, основанный на аэрофотосъемке. Геомагнитная разведка позволила уточнить городские границы разных периодов, выявить линии ранее неизвестных рвов и получить детальный план застройки внутренней части городища.

Различным аспектам истории стран древнего Востока были посвящены несколько докладов. *В.Ю. Шелестин* (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Время в хеттской мифологии»⁹ ясно показал, что в ней большое внимание уделяется описанию процессов, длившихся несколько месяцев, таких как беременность. Описанию процессов, длившихся несколько дней или несколько лет, мифологические произведения уделяют меньше внимания. Более характерной особенностью является описание процессов космического масштаба как относительно кратковременных по сравнению с другими традициями древнего Ближнего Востока.

А.А. Горохов (Тобольск) в докладе «Историко-археологический контекст эпохи Омридов на севере Израиля (IX в. до н.э.)» обратился к вопросам истории материальной культуры периода правления Омридов. Автор выделил характерные архитектурно-строительные особенности этой эпохи: использование казематных стен, отесанных каменных блоков, протоэолийской капители, а также новшества в виде постройки платформ на искусственно созданном холме с наклонным спуском, окруженном рвом.

Доклад *А.В. Сафронова* и *К.Ф. Карловой* (Москва) «К вопросу о контроле Птолемея I над Нубией» был посвящен локализации области , упомянутой как цель похода Птолемея Лага в строке 6 «Стелы сатрапа». По мнению авторов, предыдущие попытки локализовать этот топо-

⁹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 19-18-00085) на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

ним не были убедительно аргументированы. Наиболее близким иероглифическим написанием «Стеле сатрапа» является нубийский топоним *3r3mj* на постаменте статуи Тахарки CGC 770. В «Стеле сатрапа» произошла графическая транспозиция знаков и . Полученное название трактуется как образованный от топонима этноним **r'mj.w*. Он сопоставляется с племенем **rm.w*, которое упоминается в Напатских иероглифических надписях, а также с *Agame* мероитских надписей. Фрагмент строки 6 «Стелы сатрапа» предоставляет уникальное свидетельство похода воинов Птолемея Лага в Нубию, не зафиксированное античными авторами.

А. В. Логинов (Москва) в докладе «К вопросу о “недворцовом” секторе экономики в государствах Микенской Греции»¹⁰, рассмотрев существующие в историографии мнения о характере экономики микенских государств, высказал мнение, что существует сильная угроза модернизации правовых институтов, скрывающихся за терминами линейного письма Б. Были рассмотрены контексты употребления терминов, которые можно считать свидетельствами существования гражданско-правовых институтов, и дана правовая интерпретация значения этих терминов.

Традиционно большое внимание в тематике конференции было уделено проблемам древнегреческой истории. *И. Е. Суриков* (Москва) в докладе «Институты греческого публичного права в отражении древнейших историков (к постановке проблемы)»¹¹ отметил специфику ситуации, заключающуюся в том, что в нашем распоряжении очень мало древнегреческих литературных текстов, датирующихся временем ранее IV в. до н.э. Информативными в данном отношении должны быть труды историков, более ранних, чем Геродот (Акусилаи, Гекатеи, Харон и др.). От их сочинений дошли лишь фрагменты, но в совокупности таковых довольно много, и они содержат весьма разнообразный материал, в том числе и по юридической тематике. В докладе *Е. И. Соломатиной* (Москва) «Лесбос как культовый центр в эпоху поздней бронзы» были проанализированы сведения письменных источников, как хеттских документов, синхронных описываемым событиям, так и традиции о визитах ахейских вождей на остров, дошедшей в изложении более поздних греческих авторов, которые свидетельствуют о том, что Лесбос эпохи поздней бронзы был известен как культовый центр.

Э. В. Рунг (Казань) в докладе «Приветствие царя в Ахеменидской империи: данные античной традиции и иконографии» обратился к двум свидетельствам Ксенофонта, которые различаются между собой в описании церемонии приветствия. Был поставлен вопрос, могут ли описанные варианты приветствия царя соотноситься с обычаем проскинесиса, известного по сообщениям античных авторов как вариант приветствия нижестоящим вышестоящего по социальной иерархии (Hdt. I. 34. 1; Strabo XV. 3. 20; Xen. *Anab.* I. 6. 10; Cyr. VIII. 3. 15), а также как придворный церемониал при Ахеменидах (Hdt. VII. 136. 1; Plut. *Them.* 27. 3–4; Art. 22. 4; Aelian. *V.H.* 1. 21; Nep. *Conon.* 3. 2–4). Была предпринята попытка обнаружить отражение церемонии приветствия царя, описанной Ксенофонтом, в иконографии Ахеменидской империи, в частности, на ахеменидских рельефах и печатях.

В рамках доклада «О некоторых особенностях использования термина «τύραννος» в труде Геродота» *Д. В. Зайцева* (Москва) замечено, что никто из исследователей не обратил внимания на то, что Геродот всего дважды использует его и производные от него слова по отношению к тирану Самоса Поликрату, и это нельзя считать случайным, поскольку Поликрат — один из наиболее часто упоминаемых в труде тиранов, а сопоставляемых с ним по частоте упоминаний тиранов Геродот называет этим термином в несколько раз чаще. При этом Геродот не называет Поликрата τύραννος даже в контекстах, где это было бы уместно и где соответствующий термин используется по отношению к другим персонажам. По мнению автора, наиболее вероятной представляется гипотеза, согласно которой в труде Геродота отразилась самосская традиция.

Т. В. Кудрявцева (Санкт-Петербург) в докладе «Речь Лисия XXIV “О том, что не дают пенсии инвалиду”» и проблемы афинских граждан с ограниченными возможностями», говоря о скудости сведений о взаимодействии инвалидов с социумом в греческом обществе, отметила, что эта речь Лисия позволяет составить представление о некоторых проблемах, с которыми сталкивались инвалиды в Афинах в конце V или начале IV в. до н.э. Для того чтобы претендовать на пенсию, надо было иметь увечье, сопряженное с невозможностью заниматься ремеслом

¹⁰ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-1042.2020.6.

¹¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

или чем-то другим. Если буде сочтет, что претендент на пособие в состоянии заработать себе на жизнь или о нем может позаботиться его ойкос, увечного могли исключить из списка пенсионеров. На этом построил свои претензии к ответчику истец, пытавшийся доказать, что тот не имеет права на пенсию.

Два сюжета Скифского логоса (*Hdt.* IV. 76–80) рассмотрел в своем докладе «Скифы и чужеземные обычаи: по поводу рассказа Геродота об Анахарсисе и Скиле»¹² А.А. Синецын (Санкт-Петербург). Оба героя принадлежат двум культурам и находятся на пограничье между своим и чужим мирами. Истории о трагических интеркультурных героях, ставших изгоями, сложилась в эллинской культуре ко времени создания «Истории». Как показал докладчик, Геродот выстраивает свой рассказ в соответствии с повествовательными тематическими стратегиями, присущими известным греческим мифам. Это новеллы о преступниках, точнее, новеллы об известных варварах, совершивших деяния, которые в глазах их соплеменников считались преступлениями.

В докладе О.И. Александровой (Санкт-Петербург) «К вопросу о морской торговле в Афинах IV в. до н.э. (по материалам XXXII–XXXV речей Демосфена)» были отмечены следующие принципиальные моменты: 1) морская торговля в Афинах получила особое развитие в середине IV в. до н.э., когда государством были приняты определенные меры по поощрению морской торговли; 2) в морские торговые сделки включаются не только метеки, но и афинские граждане (как правило, в роли кредиторов); 3) условно можно разделить морскую торговлю афинян на три этапа: заключение письменного соглашения между кредитором и эмпором (XXXII. 5; XXXIII. 12; XXXIV. 6, 32, 33, 35; XXXV. 10–13, 37–38, 50; LVI. 1, 15–16; 26–27, 38, 40, 45), само морское путешествие, торговые операции в ходе путешествия и, наконец, завершение сделки.

А.С. Сапогов (Саратов) и Э.В. Рунг (Казань) в докладе «Эллада — сатрапия великих царей?» рассмотрели вопрос об отношении Ахеменидов к Элладе как к подвластной территории в период с конца VI до 40-х годов IV в. до н.э. Авторы, используя как клинописные персидские свидетельства, так и античные источники, пришли к выводу, что персы рассматривали Элладу как подвластную землю, при этом такое отношение к эллинам закладывалось и в имперской идеологии Ахеменидов, где царь мыслился как владыка всего мира.

В докладе «Персей, “македонский щит” и кавсия» Ю.Н. Кузьмин (Самара) отметил, что на реверсе денариев, отчеканенных в Риме в 62 г. до н.э., когда монетарием был Луций Эмилий Лепид Павел, изображены его предок Луций Эмилий Павел — победитель Македонии, плененный им Персей, последний македонский царь из династии Антигонидов, его дети, а также трофей. На некоторых экземплярах можно увидеть, что на трофее висит щит так называемого «македонского типа» с характерным для него декором. В 2012 г. на аукционе был продан экземпляр подобного денария отличной сохранности, где на голове Персея надета кавсия — специфический македонский головной убор, получивший широкое распространение в эллинистическом мире. И щит, и кавсия были символами, ассоциировавшимися с Македонией, узнаваемыми и столетие спустя после потери независимости.

Доклад Л.Л. Селивановой (Москва) «“Что растет в твоём саду?” (Избранные места из переписки епископа Кирены Синезия с братом)» стал продолжением темы, поднятой автором на предыдущей конференции (см. ВДИ. 2019. Т. 79/4. С. 1054). Главным богатством и основной статьей экспорта Кирены был дикорастущий сильфий. Во времена монархии сбор его был строго регламентирован. С ослаблением контроля в эллинистический период растение стало исчезать, а варварское расхищение природных богатств римскими наместниками привело к его уничтожению в I в. н.э. Некоторые ученые, однако, полагают, что растение сохранилось вплоть до V в. н.э., ссылаясь на два письма епископа Синезия Киренского (106 и 134), где упоминается сильфий. Докладчица заметила, что, отдавая всего себя общественному долгу и церковной службе, Синезий не мог уделять время садоводству и огородничеству, к тому же он сам признавал, что хозяин из него плохой. Поэтому местную легенду о выжившем сильфии он принимал искренне и поддерживал эту веру как патриот и гражданин, видевший в сильфии символ победы над смертью, дающий надежду согражданам в годину тяжелых испытаний.

С докладом «Местное население в греческих полисах Южного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э.» выступила Т.Ю. Шашлова (Саратов), проанализировавшая археологические

¹² Подготовлено при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-0022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

и эпиграфические данные из греческих полисов Южного Причерноморья, которые проливают свет на малоизученную до сих пор тему греко-варварских контактов в этом регионе. В ходе археологических исследований на территории южнопонтийских полисов было обнаружено некоторое количество негреческой керамики, которая имеет параллели во внутренних областях Анатолии. В эпиграфических памятниках из этих городов также встречаются малоазийские имена.

Римская проблематика нашла отражение в целом ряде докладов. *Л. М. Шмелева* (Казань) в докладе «Храм Юпитера Капитолийского в Риме и религиозная политика этрусской династии» указала, что строительство и посвящение храма Юпитеру, Юноне и Минерве нетипично для латинского города, так же, как и само убранство храма и его конструкция. Докладчица заключила, что этрусская составляющая храма, по версии традиции и по данным археологии, не совпадает полностью, а выдвижение новых божеств не было связано с качественно новым назначением храма, однако отражало социально-политические изменения в Риме. *В. К. Хрусталева* (Санкт-Петербург) в докладе «Какова была продолжительность процессов в римских постоянных судебных комиссиях эпохи Поздней республики?» обратился к вопросу о создании юридической нормы. Автор выделил принятые в 52 г. до н.э. Помпеевы *leges de vi* и *de ambitu*, которые предусматривали ускоренное судопроизводство: процесс, который был начат на основании этих законов, должен был завершиться в течение пяти дней. Были проанализированы сохранившиеся в виде надписей законы эпохи Поздней республики и Ранней империи, устанавливавшие некоторые правила для процедуры уголовного судопроизводства, а также литературные свидетельства об отдельных процессах в *quaestiones perpetuae*.

Е. В. Ляпустина (Москва) в докладе «Сопоставление греческих и римских манумиссий с точки зрения их формы и содержания» показала, что римская «щедрость» и греческая «скупость» в предоставлении прав гражданства (Ф. Готье), на что указывал Филипп V в своем письме жителям Лариссы в 214 г. до н.э. (*Syll.*³ 543. 26–35), были обусловлены глубокими различиями в правовом регулировании отпуска рабов на волю между *iusta manumissio* согласно *ius civile* и греческими обычаями храмовых манумиссий. По свидетельству надписей из святилища в Левкопетре (Македония), в 212 г. н.э., после эдикта Каракаллы о даровании римского гражданства всем *qui in orbe Romano sunt* (Ulp. 22 *ed.* = *D.* 1. 5. 17), для того чтобы новые римские граждане могли отпускать своих рабов на волю привычным способом, потребовался специальный указ римского наместника Тертуллиана Аквилы. По предположению автора доклада, в результате такие отпущенники не становились римскими гражданами, а получали статус *Latini Iuniani*.

В докладе *А. Б. Никольского* (Астрахань) «Между Полибием и Ливием: к вопросу о реконструкции событий 217 г. до н.э.» были отражены события начального периода Ганнибаловой войны. Полибий и Тит Ливий, излагая события начала 217 г. до н.э., выдвигают две различные версии действий римского консула Гая Фламиния. Историки в большинстве случаев опираются на трактовку Полибия, считая его более достоверным историком. Несмотря на это, версия Тита Ливия о событиях этого времени может считаться более точной, если учитывать данные других источников и принимать во внимание сведения о карьере Гая Фламиния. *Н. В. Бугаева* (Москва) в докладе «Где погиб Катилина: античная историческая традиция и современная археология провинции Пистоя (Италия)» подняла вопрос о месте последней битвы Катилины. Несмотря на то что античная историческая традиция четко указала место его гибели, археологически этот факт подтвердить достаточно трудно. Так, эрудиты XVII–XVIII вв. основывали свои гипотезы на сведениях античной исторической традиции, пистойских народных сказаниях и топонимике, рельефе местности и археологических находках. При этом все найденные предметы были отнесены к захоронению участников битвы. Промежуточный итог археологического изучения территории был подведен в вышедшей в 2010 г. «Археологической карте провинции Пистоя». Сегодня же фокус внимания сместился на изучение трансаппенинских дорожных путей, которые в значительной степени отличались от современных.

В докладе *Н. А. Филянова* (Москва) «Самнитский бык против римской волчицы: итальянские денарии 90/89 г. до н.э. и римско-самнитские отношения накануне Союзнической войны» говорилось о том, что антиримские настроения итальянских повстанцев отражены в изображении противостояния быка и волчицы на реверсах некоторых итальянских денариев 90/89 г. до н.э. (*RRC.* 553.420.1, 427.2 = *HN.* Italy, 420). Исследователи в данном изображении, а также в речи самнитского полководца Понтия Телезина перед битвой у Коллинских ворот в 82 г. до н.э. (*Vell. Pat.* II. 27. 1–3) традиционно видят стремление италиков к независимости от Рима в период Союзнической войны. По мнению автора доклада, в контексте римско-ита-

лийских взаимоотношений II в. до н.э. чеканка италийских денариев в период Союзнической войны является отражением социально-политического самоопределения самнитов и формирования единой самнитской общности. *А. В. Короленков* (Москва) выступил с докладом «Сулла у ворот Рима после битвы при Сакрипорте». Данное событие, с одной стороны, важнейший успех Суллы, учитывая приверженность римлян символам, с другой, он отнюдь не означал конца гражданской войны, которая продолжалась еще несколько месяцев с неослабевающей силой. Сулла фактически овладел Городом, но нельзя говорить о его взятии, поскольку легионы победителя остались за пределами померия. Остается неясным, вошел ли диктатор в город. Интересна и позиция Суллы в отношении марианцев. Известно, что после битвы у Коллинских ворот все ограничилось конфискацией и распродажей имущества бежавших врагов, второй же раз, по Плутарху и Орозию, начались массовые бесконтрольные убийства, ради ограничения которых Сулла будто бы и ввел проскрипции по просьбам сенаторов.

А. Ю. Маркелов (Самара) представил доклад «Клавдий — принцепс сената (по поводу *ILS 5926*)». Считается, что вслед за первым римским императором Августом все последующие правители обладали титулом «принцепса сената». До недавнего времени были известны лишь два правителя, в отношении которых источники, несомненно, подтверждают использование данного титула: Тиберий и Пертинакс. В 2013 г. канадский антиковед Г. Роув обратил внимание на надпись, в которой Клавдий будто бы именуется *princeps senatus* (*ILS 5926*). На основании анализа надписи докладчик пришел к выводу, что предложенное восстановление части текста в стк. 11 (*principiss[en(atus)]*) является ошибочным, а император Клавдий в своей идеологии не придавал особого значение этому титулу.

В докладе «Благородный муж и жалкий софист: два образа философа в сочинениях Лукиана Самосатского» *С. В. Никоненко* (Санкт-Петербург) попытался увидеть в нем не только писателя-сатирика, но и самостоятельного философа (близкого представителям «второй софистики»), и одного из крупных идеологов Римской империи II в. н.э. На основе текстов Лукиана, в которых обсуждаются идеи философов, было показано, что отношение Лукиана к ним амбивалентно. Он отвергает софистику, любые проявления «тщеславия» и индивидуализма в личности философа (в этом отношении Лукиан — продолжатель линии аристофановской сатиры), но создает идеализированный образ «благородного мудреца» — образованного добродетельного человека, влиятельного общественного деятеля и, вместе с тем, частного лица.

Доклад *Е. В. Смыкова* (Саратов) «“Филиппики” Цицерона как источник для античных биографов Марка Антония» был посвящен влиянию второй «Филиппики» Цицерона на формирование образа Марка Антония в сочинениях античных авторов, в первую очередь Плутарха. Pamфлет Цицерона давал богатый материал для характеристики личных качеств персонажа и широко использовался в дальнейшем. Однако в ходе значительного редактирования материала был смягчен важный для Цицерона политизированный обличительный пафос, и поведение Антония получило оценку с точки зрения общепринятых моральных норм. Сравнение рассказа Цицерона и зависимой от него традиции о попытке возложить диадему на голову Цезаря во время Луперкалий с рассказом Николая Дамасского показывает, что редактирование материала было двойным: не только авторы, которые опирались на Цицерона, перерабатывали его рассказ, но и сам Цицерон препариовал факты, умалчивая о тех деталях, которые с политической точки зрения было невыгодно вспоминать.

М. С. Чисталев (Нижний Новгород) выступил с докладом «Визуализация образа Нила в римском изобразительном искусстве и литературе в конце I в. н.э.». Расширив хронологические рамки исследования с начала правления Юлиев-Клавдиев до конца II в. н.э., докладчик пришел к выводу, что фокус политической трактовки смещается с резкой критики инаковости новой провинции с персонификацией всего, что связано с Египтом, со злейшим врагом Рима — Клеопатрой, в сторону переосмысления пространства нильской долины как неотъемлемой части империи.

С докладом «Особенности стиля и аргументации в апологиях латиноязычных африканцев» выступила *И. В. Хорькова* (Москва). Полемические части многих христианских апологий, написанных на латинском языке, содержат параллельные фрагменты, подробному анализу которых и был посвящен доклад. Их рассмотрение в сочинениях Тертуллиана, Арнобия, Лактанция и Аврелия Августина выявило наличие общих черт в полемической манере названных апологетов.

И. А. Миролюбов (Москва) в докладе «История семейства Ануллинов по материалам нарративной традиции и эпиграфики» отметил ряд важных аспектов внутриполитического развития

империи на основании сведений о династии сановников рубежа III и IV в. н.э.: 1) стремление императоров опираться на представителей элиты времен правления своих предшественников; 2) умение представителей элиты подстроиться под курс императора; 3) в семействе Ануллинов это умение, по-видимому, передавалась из поколения в поколение, что обеспечивало ему стабильно высокое положение в ситуации продолжительного политического кризиса. В начале 2000-х годов в Дугге была найдена база статуи императора Константина, возведенная неким Гаем Аннием Цейонием Ануллином (АЕ2003, 2014). Присутствие в числе имен легата *poenē* «Цейоний» может указывать на родственную связь Ануллинов с фамилией Цейониев, представители которой также занимали видное положение в указанное время.

А. В. Дедюлькин (Ростов-на-Дону) в докладе «Триумф Эмилия Павла и рельефы храма Афины Nikephory» обратился к рельефам балюстрады пропилей храма Афины с изображениями разнообразного вооружения, выполненным в правление Эвмена II. Нагромождения многочисленных трофеев на этих рельефах не находят аналогий в искусстве более раннего времени. Сопоставление пергамских рельефов и свидетельства Плутарха о триумфе Эмилия Павла позволяет предположить, что этот сюжет, столь популярный в искусстве императорского Рима, появился не позднее начала II в. до н.э.

В докладе «Аграрный закон Спурия Тория: опыт историко-правовой реконструкции» Р. В. Лапыренко (Иркутск) пришел к выводу, что этот закон следует отождествить со вторым постракханским законом, упомянутым в первой книге «Гражданских войн» Аппиана. Докладчик предположил, что подать, о которой говорится в судебном решении Минуциев, была введена в 119/8 г. до н.э. плебейским трибуном Спурием Торием. Главной же целью миссии братьев Минуциев была инспекция межи в землях генуатов для последующего обложения этой подастью участков земли в местной части римского общественного поля. По мнению автора, для римских граждан ее отменили после 111 г. до н.э., тогда как союзники были обязаны выплачивать «Ториеву подать» вплоть до начала Союзнической войны.

Несколько докладов были посвящены истории науки, рецепции античной истории и истории христианства. П. А. Алипов (Москва) в докладе «Вклад антиковедческих изысканий Ф. И. Буслаева в становление иконографического метода» отметил, что исследование Ф. И. Буслаева могут пролить свет на то, как формировался знаменитый сравнительно-исторический метод автора, позже развитый в иконографическом методе его учеником Н. П. Кондаковым и его последователями. В рамках методологии, предложенной Ф. И. Буслаевым, оттачивался собственно исторический подход к анализу визуальных источников в противовес эстетическому подходу исследователей-искусствоведов. В докладе «Н. П. Кондаков и М. И. Ростовцев как исследователи звериного стиля в искусстве» В. И. Кашеев (Саратов) показал, что, изучая «древности» Евразии, оба ученых доказали широкое временное и пространственное распространение стиля, называемого звериным; при этом искусство кочевников, по их мнению, стало одной из основных движущих сил в истории культуры многих народов от Китая на востоке до Испании на западе. Развивая идеи своего учителя, М. И. Ростовцев проследил связь между Китаем и иранским Югом России в области истории искусства, в том числе и в отношении звериного стиля. В. Кожокару (Яссы, Румыния) в докладе «Греки и иранцы в Северном Причерноморье: 100 лет спустя» представил некоторые соображения по поводу историографических дебатов, возникших в последнее время в связи с феноменом сарматской культуры между миграцией и «сетевым анализом» с точки зрения проекта *Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini*¹³.

Доклад «Античность в современной культуре: между вымыслом и научным исследованием» представил В. А. Гончаров (Воронеж). Подходы исполнителей в музыкальной культуре начала XXI в. в самом общем виде можно разделить на три основные группы: 1) «околонаучный», для которого характерно широкое использование первоисточников, изучение научной литературы и обращение к ученым; 2) подход с поверхностным ознакомлением с первоисточниками без использования научных исследований; 3) «художественный» подход, представители которого не используют ни источников, ни научной литературы.

И. Н. Авраменко (Саратов) представил доклад «Риторы-философы и философский диспут в агиографической традиции Святой Екатерины Александрийской как аргумент в пользу ее историчности». Диспут об истинности христианской веры четко зафиксирован житийной традицией этой святой и упоминается во всех известных ранних вариантах ее жития. Он не явля-

¹³ Ср. Cojocaru, Grumeza 2021.

ется топосом и не имеет прецедентов в агиографии доникейских святых. Попытка объяснения этого сюжета через отождествление Святой Екатерины с женщиной-философом Гипатией из Александрии в настоящее время убедительно опровергается исследователями. Рассмотрев имеющиеся агиографические свидетельства, автор делает вывод, что соответствие времени, места действия и логики событий «философского сюжета» Екатерины Александрийской свидетельствует о том, что он вполне мог быть основан на реальности, а известные нам жития святой имели значительно более древний источник.

В целом конференция прошла весьма успешно и плодотворно. В рамках заседаний было заслушано 54 доклада, 25 из которых были представлены в дистанционном формате. Все сообщения активно обсуждались и сопровождались оживленными дискуссиями. Более подробно с тезисами большинства докладов можно ознакомиться на странице конференции¹⁴. Отдельные статьи по тематике докладов были опубликованы в XX выпуске межвузовского сборника «Античный мир и археология», общедоступная версия которого представлена на сайте журнала¹⁵.

Литература / References

- Astashova, N.S. 2019: [On the Problem of Studying the “Oldest Layer” of the Panticapaeum]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History] 2, 151–164.
- Асташова, Н.С. К проблеме изучения «древнейшего слоя» Пантикапея. *Вестник Московского университета. Серия 8: История* 2, 151–164.
- Basile, L. 2019: Forme di trasmissione, selezione e trasformazione della ceramica attica a vernice nera tra Neapolis, Cuma e il territorio di Capua (Campania, Italia). In: A. Peignard Giros (ed.), *Daily Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture during the Hellenistic Period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP. Lyon, November 2015, 5th–8th*. Wien, 187–200.
- Cojocaru, V., Grumeza, L. 2021: Greeks and Non-Greeks in the BCOSPE Project. In: M. Manoledakis (ed.), *Peoples in the Black Sea Region from the Archaic to the Roman Period. Proceedings of the 3rd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2018*. Oxford, 3–12.
- Jefremow, N.V. 2013: [Colonia Iulia Felix Sinopensis]. *Antichnyy mir i arheologiya* [Ancient World and Archeology] 16, 282–308.
- Ефремов, Н.В. Colonia Iulia Felix Sinopensis. *Античный мир и археология* 16, 282–308.
- Młynarczyk, J. 1997: *Alexandrian and Alexandria-Influenced Mould-Made Lamps of the Hellenistic Period*. (BAR International Series, 677). Oxford.
- Monakhov, S. Yu., Kuznetsova, E.V. 2021: [Specified Chronology of Knidian Amphorae of the 4th–Early 3rd Centuries BC Based on Materials from Ceramic Complexes of the Kuban]. *Stratum Plus* 6, 183–205.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани. *Stratum Plus* 6, 183–205.
- Ol'khovskiy, S.V. 2018: [Underwater Research at the Ak-Burun Bay OAN (Republic of Crimea, Kerch Bay)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017* [Cities, Settlements, Burial Grounds. Excavations of 2017]. Moscow, 246–251.
- Ольховский, С.В. Подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» (Республика Крым, Керченская бухта). В сб.: А.В. Энговатова (отв. ред.), *Города, селища, могильники. Раскопки 2017*. (Материалы спасательных археологических исследований, 25). М., 246–251.
- Romualdi, A. (ed.) 1992: *Populonia in età ellenistica. I materiali dalle necropoli: Atti del Seminario, Firenze 30 giugno 1986*. Florence.

¹⁴ URL: <https://www.sgu.ru/node/6001/slovo-i-artefakt/tezisy-dokladov-2021>; дата обращения: 10.05.2023.

¹⁵ URL: <https://ama.sgu.ru>; дата обращения: 10.05.2023.

Elena V. Kuznetsova,

E-mail: ev_kuznetsova@list.ru

ORCID: 0000-0002-1461-2070

Sergey Yu. Monakhov,

E-mail: monachs@j@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8098-828X

Mariya N. Rastegaeva,

E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9744-637X

Nataliya B. Churekova,

E-mail: nat-churekova@list.ru

ORCID: 0000-0001-8531-1032

Saratov State University,

Saratov, Russia

Е.В. Кузнецова,

к.и.н., хранитель фондов Института археологии
и культурного наследия

С.Ю. Монахов,

д.и.н., проф., зав. кафедрой истории древнего
мира, руководитель Института археологии
и культурного наследия

М.Н. Растегаева,

м.н.с. Института археологии
и культурного наследия

Н.Б. Чурекова,

к.и.н., с.н.с. Института археологии
и культурного наследия

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского,

Саратов, Россия

DOI: 10.31857/S032103910025906-9

СЕКЦИЯ «АНТИЧНЫЙ МИР И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ» II ПЕТЕРБУРГСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

(Санкт-Петербург, 10–16 октября 2022 г.)

10–16 октября 2022 г. в Санкт-Петербурге прошел Второй международный Петербургский исторический форум, в работе которого приняли участие около 1000 человек – ученых и преподавателей университетов из многих городов России и ряда зарубежных стран. В рамках форума прошли пленарные и секционные заседания, круглые столы, серии лекций, экскурсии и другие мероприятия. Одним из важных научных событий форума стала работа секции «Античный мир и Северное Причерноморье». Ее заседания проходили 11–12 октября 2022 г. в Институте истории материальной культуры РАН. В программе секции были представлены доклады по нескольким основным направлениям исследований, таким как историография античной истории, история археологических исследований, проблемы истории древней Греции и Рима, новые археологические открытия в Северном Причерноморье. В работе секции приняли участие представители отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН, кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, Института всеобщей истории РАН, Государственного Эрмитажа, кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета, Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» и других учреждений.

На утреннем заседании 11 октября было представлено 5 докладов. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) раскрыл тему «Людвиг Фридлендер и его взгляды на античную историю». Докладчик отметил, что Людвиг Генрих Фридлендер (1824–1909) является, вероятно, самым известным кенигсбергским ученым-антиковедом. Его учителя и предшественники, знаменитые филологи-классики Карл Лерс и Кристиан Август Лобек сосредоточились на изучении текстов древних авторов, а Фридлендер проповедовал «нравственно-эстетическое рассмотрение древности», по отношению к которому все остальные дисциплины – грамматика, метрика, археология и другие – являются лишь необходимой подготовкой и носят частный и вспомогательный характер. Занятия Фридлендера в Кенигсбергском университете (Альбертине) давали не только конкретные знания по предмету, но и формировали историко-филологический склад ума в целом, понимание того, что ощущение единой картины прошлого возникает только из знакомства с текстами древних авторов, памятниками искусства, монетами, надписями, раскопками, то есть всем комплексом доступных нам источников. Этот подход был воплощен им в самом известном его сочинении «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов», выдержавшем восемь переизданий только при жизни автора и переведенном на многие европейские языки, в том числе и на русский.

Доклад *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Традиции петербургского/ленинградского антиковедения: Ф.Ф. Соколов и его ученики» был посвящен важной странице в истории петербургского антиковедения – преподавательской и научной деятельности Федора Федоровича Соколова (1841–1909), который по праву считается одним из основателей российской эпиграфической школы, воспитавшим целый ряд всемирно известных эпиграфистов – В.В. Латышева, В.К. Ернштедта, А.В. Никитского, Н.И. Новосадского, С.А. Жебелёва и других. Традиции школы Соколова стали важным ориентиром для ученых следующих поколений петербургского/ленинградского антиковедения, работавших и в академических центрах, и в Университете. Ф.Ф. Соколов, который преподавал и в Петербургском университете, и в Историко-филологи-

ческом институте, особое место в завершении антиковедческого образования отводил длительной командировке в Грецию, во время которой его ученики должны были продолжить занятия археологией и эпиграфикой. Цели и характер такой стажировки были рассмотрены в докладе на основе различных архивных материалов, в том числе собственноручно составленных Соколовым инструкций для подобных командировок, а также его переписки с учениками во время их пребывания в Греции.

О. Ю. Климов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме «История эллинизма в научном творчестве Э.Д. Фролова». Докладчик отметил, что, хотя основные научные интересы Э.Д. Фролова были связаны с историей и культурой Греции архаического и классического периодов, выдающийся советский/российский ученый в ряде трудов затрагивал проблемы, связанные и с историей эллинизма. В нескольких публикациях он осветил так называемый «пред-эллинизм» на Балканском полуострове, рассматривая его как складывание предпосылок и условий для перехода к эллинизму, а также как зарождение некоторых явлений в политической, культурной, религиозной жизни, которые получили в дальнейшем широкое развитие именно в эллинистический период. По вопросу о сущности эллинизма как исторического феномена Э.Д. Фролов высказывал критику концепции и А.Б. Рановича, и К.К. Зельина, но в своих трудах 2000-х годов определил эллинизм как особую цивилизацию, которая представляла собой «вид глобализационного процесса, навязанного греческим Западом афроазиатскому Востоку, вид форсированного взаимодействия, имевшего результатом, впервые в истории человечества, создание на известный период времени универсальной политической системы...», тем самым фактически приняв позицию К.К. Зельина, но с акцентом на развитие государственности. Среди важнейших черт эллинизма он отмечал возникновение универсальной политической системы, охватившей греческий Запад и Восток, основу которой составляла сильная монархическая власть, с развитием таких политических атрибутов, как царский двор и бюрократия, большая наемная армия, культ властителя.

М. В. Поникаровская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Антиковед и эпиграфист И.И. Толстой (1880–1954): основные вехи жизни», который был посвящен биографии, научно-исследовательской и преподавательской деятельности антиковеда и эпиграфиста, академика АН СССР (1946) Ивана Ивановича Толстого. Для реконструкции жизненного пути ученого автор доклада привлекла данные опубликованных литературных источников, а также писем И.И. Толстого друзьям и коллегам и некоторых других документов, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. По окончании курса историко-филологического факультета Петербургского университета (1903) ученый остался при кафедре классической филологии для подготовки к профессорско-преподавательской деятельности и параллельно выполнял обязанности хранителя Музея древностей Петербургского университета при кабинете классической филологии. В 1908 г. И.И. Толстой приступил к чтению лекций в университете, в котором проработал до 1953 г. Одним из важных методологических достижений ученого в исследовании древнегреческой литературы стало привлечение фольклорного, в том числе русского, материала, что позволило выявить во многих античных сюжетах долитературные истоки. В области лингвистики главное внимание И.И. Толстого было сосредоточено на проблемах формирования языка древнегреческого эпоса и памятниках эпиграфики Северного Причерноморья.

Теме «Древнейшая история СССР в учебных пособиях 1930-х гг.» посвятила свой доклад *М. Н. Кириллова* (Москва). Докладчик отметила, что одним из историографических нововведений 1930-х годов можно считать формирование концепции древнейшей истории СССР. Под ней понималась история народов, населявших территорию СССР с древнейших времен до образования феодальных государств эпохи средневековья. Эта идея была необходима, поскольку магистральной линией истории СССР была история российской государственности и теория общественно-экономических формаций, и требовалось обосновать, что народы СССР прошли эпоху рабовладения синхронно с античными государствами Запада. При реализации этой концепции в учебных и научно-популярных работах стали видны ее слабые места. В первую очередь большой проблемой стала недостаточная разработанность материала древней истории народов СССР и слабое знакомство с ним ученых, в особенности специалистов по истории России, которые и занимались подготовкой пособий по истории СССР. Кроме того, территория СССР населялась разными народами и была связана с различными древними цивилизациями. Это культурно-историческое разнообразие усложняло восприятие основной идеи преемственности между культурами народов СССР в древности и средневековье. Тем не менее, несмотря

на сложности, эта идея была реализована в учебных пособиях уже в 1930-х годах и использовалась в течение всего существования Советского Союза.

На дневном заседании было заслушано и обсуждено 4 доклада. *А. В. Васильев* (Санкт-Петербург) в своем выступлении раскрыл тему «Римская республиканская государственность в творчестве С. И. Ковалева». Автором были охарактеризованы взгляды выдающегося советского ученого, одного из основателей кафедры истории древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ С. И. Ковалева на римскую историю, проанализированы идеи ученого, связанные с развитием государственных институтов Римской республики. Отмечалось, что в своих учебных пособиях по античной истории, издававшихся как для студентов-историков, так и для учителей истории средних школ, С. И. Ковалев не только транслировал принятые в то время марксистские постулаты об истории древнего мира, но и нередко высказывал оригинальные идеи, в том числе по истории раннего Рима. Его гипотеза о «неравной коллегиальности» применительно к истории первоначальной римской магистратуры, а также комплексная теория происхождения сословий в эпоху ранней республики имели большое значение и получили признание в зарубежной историографии. Это свидетельствует о высоком уровне советского антикловедения 1940–1950-х годов, на которые пришелся пик научного творчества С. И. Ковалева.

Теме «Греческая и догреческая религия в трудах Ю. В. Андреева» посвятил свое выступление *И. Ю. Шауб* (Санкт-Петербург). В докладе было отмечено, что в научном наследии выдающегося российского специалиста по истории древней Греции Ю. В. Андреева (1937–1998) важное место занимает исследование как религии эллинов, так и религиозных представлений их предшественников — минойцев и микенцев. Ю. В. Андреев сумел не только убедительно интерпретировать соответствующие археологические памятники, виртуозно проникая в их скрытую суть, но и создать продуманную и цельную концепцию религиозной жизни обитателей Эгеиды бронзового века. Выявляя в греческих мифах и произведениях искусства черты доолимпийских верований, исследователь не признавал религию классической Греции прямой наследницей культов микенской эпохи. Однако, несмотря на это, он резонно полагал, что религиозные представления и ритуалы эллинов, микенцев и носителей еще более древних балканских культур, а также минойцев, были связаны между собой как звенья единой, тянущейся через тысячелетия цепи духовного развития эллинской народности.

Е. А. Мехмадиев (Санкт-Петербург) в докладе «*Gallos... non robore vinci*: поэма Клавдия Клавдиана “Война против Гильдона” и западноримская экспедиционная армия в 395–398 гг.» провел анализ состава армии Стилихона, направленной на подавление мятежа узурпатора Гильдона в римской Африке в 397–398 гг., о котором повествует поэма придворного поэта Клавдия Клавдиана (ок. 370 — после 404 г.). Анализ приведенных в этой поэме сведений показал, что группировка, выступившая против Гильдона, состояла из наемных германцев, а не из воинов римского происхождения. Автор доклада задается вопросом, почему Клавдиан тем не менее последовательно называл воинов-германцев «Галлами» (*Galli*) и почему этноним *Galli* был столь важен для позднеримского поэта. По мнению Е. А. Мехмадиева, Клавдиан стремился скрыть наличие наемных германцев в войске Стилихона, поскольку, по представлениям Клавдиана, прямые упоминания об участии германцев в походе могли разрушить образ Стилихона как римского полководца. Тем самым Клавдиан противопоставлял мятежного Гильдона Стилихону, который, как хотел показать поэт, командовал воинами исключительно местного, римского происхождения.

В. В. Василик (Санкт-Петербург) предложил вниманию участников секции доклад на тему «Образ Константина Великого в “Хронике” Иоанна Никиусского». По мнению автора доклада, сведения, касающиеся великого римского императора, хронист черпал главным образом из труда Иоанна Малалы (VI в.), но также он обращался и к ряду других источников, прежде всего к труду «*Vita Constantini*» церковного историка Евсевия Кесарийского, что раньше оставалось без внимания. Иоанн Никиусский использовал также агиографические труды, такие как, например, «Легенда о святой Евдоксии». Эти и другие источники, определить которые, к сожалению, невозможно, Иоанн Никиусский использовал, чтобы дополнить или исправить, когда считал нужным, те сведения, что он находил у Малалы. В «Хронике» Иоанна Никиусского обращает на себя внимание сообщение о том, что, якобы, отец Константина Констанций Хлор построил Византий, что является результатом орфографической ошибки (Берентий — Британия, превратилась в Безентийя), из которой выросло ее произвольное толкование неизвестным арабоязычным редактором. В образе Константина нетривиальными чертами являются, во-пер-

вых, его изначальное христианство, что, возможно, связано с влиянием Синаксарного жития или лежавшего в его основе источника, затем — его крещение папой Сильвестром. Необычен для формирования образа Константина и рассказ о его войне с персами.

12 октября на утреннем заседании было представлено 5 докладов, в том числе один дистанционный. *Ю.А. Виноградов* (Санкт-Петербург) в докладе «Исследование античного сельского поселения Фонтан-6 в Восточном Крыму» представил результаты раскопок 2017 г. на территории сельского поселения Фонтан-6, обнаруженного в ходе работ по прокладке трассы «Таврида» в 35 км к западу от Керчи. Здесь на площади 13 тыс. м² была исследована небольшая деревня из шести типично греческих домов-усадоб второй половины IV — начала III в. до н.э., жители которых занимались хлебопашеством и скотоводством. Значительный интерес представляет тот факт, что обнаруженные материальные свидетельства позволяют считать обителями поселения не греков, а скифов Восточного Крыма. Такое заключение следует из анализа керамического комплекса, на 85% состоящего из фрагментов лепных горшков, изготовленных в традициях степной Скифии. Данное открытие позволяет пересмотреть вопрос о характере освоения греками внутренних районов Боспорского царства.

В совместном докладе *Ю.А. Виноградова и С.Л. Соловьёва* (Санкт-Петербург) на тему «Уникальные археологические открытия в Южном пригороде Херсонеса Таврического» была дана краткая характеристика грандиозных раскопок 2021–2022 гг. в Южном пригороде Херсонеса, в процессе которых был найден ряд интереснейших археологических объектов и сотни тысяч предметов, красноречиво рассказывающих обо всех периодах его существования — от конца V в. до н.э. до Нового времени. Это мавзолей-героон с рельефами, изображающими сражение греков с амазонками, мощные оборонительные сооружения, погребальные комплексы римского времени, кремационные площадки и колумбарий II в. н.э., раннесредневековые склепы, святилище с бассейном, хозяйственные постройки и мастерские, керамика, светильники, терракотовые статуэтки, стеклянные сосуды для лекарств и косметики, погребальные урны, ювелирные изделия, десятки надписей и надгробных рельефов, христианские иконки и кресты. Продолжающиеся работы стали хорошим примером сотрудничества различных археологических коллективов между собой, а также объединения усилий археологов с культурными и строительными учреждениями, что позволит в ближайшем будущем создать здесь крупный музейно-просветительский археологический парк. *Н.А. Павличенко* (Санкт-Петербург) предложила вниманию аудитории доклад на тему «Греческие лапидарные надписи из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического». В нем было отмечено, что начиная с эллинистической эпохи территория Южного пригорода использовалась прежде всего как некрополь, поэтому большая часть происходящих из него эпиграфических памятников — это надгробия III в. до н.э. — II в. н.э. Отличительной чертой ряда известняковых надгробных стел являются небольшие мраморные вставки с именами погребенных. Для более дорогостоящих надгробий характерны стихотворные эпитафии. В Южном пригороде их найдено несколько (например, надписи Фило, дочери Аполлония, и Фарнака, сына Дионисия). Еще одним распространенным типом памятников являются стелы с архитектурным оформлением. Реже встречаются надгробия, в которых эпитафия сопровождается скульптурным изображением умершего. Большей частью они относятся к I–II вв. н.э. Несколько подобных стел происходят из колумбария середины II в. н.э. и принадлежат представителям одного и того же знатного семейства, принимавшего участие в управлении Херсонесом.

П.А. Горбунов (Санкт-Петербург) в докладе «Археологическое изучение подводной части Акры» охарактеризовал результаты подводных работ на берегу Керченского пролива в небольшом портовом городе Акра, входившем в состав Боспорского царства. Эти исследования ведутся уже более 10 лет и принесли существенные результаты. В частности, обнаружена оборонительная стена с башней, остатки дома IV в. до н.э., а также двух домов и улицы римского времени. Сделаны наблюдения относительно колебаний уровня Черного моря в исторический период. *Т.А. Прохорова* (Севастополь) представила доклад на тему «Херсонесские юбилеи: 130 лет Складу местных древностей и 175 лет Карлу Казимировичу Косцюшко-Валюжиничу». Выступление было посвящено нескольким важным датам — это и 195 лет со времени проведения на территории Херсонеса первых раскопок, и 130 лет со дня открытия здесь первого музея — Склада местных древностей, находившегося в ведении Императорской археологической комиссии, и 175 лет со дня рождения основателя того самого музея и многолетнего руководителя раскопок в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича (1847–1907). Все это формирует от-

дельные вехи в истории изучения Херсонеса и демонстрирует значимость этого памятника для мировой и отечественной истории и культуры.

Дневное заседание секции 12 октября 2022 г. проходило в форме круглого стола на тему «Археология Северного Причерноморья в трудах ученых РАИМК — ИИМК РАН», на котором было представлено 5 докладов, вызвавших активную дискуссию. *В.А. Горончаровский* (Санкт-Петербург) посвятил свое выступление теме «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. Презентация коллективной монографии». В ходе презентации была представлена недавно вышедшая коллективная монография о создании Российской академии истории материальной культуры, в которую вошли творческие биографии представителей отечественных гуманитарных наук, принимавших участие в ее становлении и развитии. В ней впервые систематически представлены материалы, касающиеся личных, порой трагических, судеб как тех деятелей науки, кто принял участие в Избирательном собрании РАИМК 5–7 августа 1919 г., так и тех, кто был избран в первый состав ее действительных членов. Это позволяет объективно оценить переломный этап в становлении российской академической археологии в контексте политических потрясений конца первой четверти XX в. В хорошо иллюстрированном издании, предназначенном для археологов, историков, востоковедов, этнографов, искусствоведов, культурологов и всех, кто интересуется историей отечественной науки, использованы многие ранее не публиковавшиеся фотографии из Научного архива ИИМК РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

М.Ю. Вахтина (Санкт-Петербург) выступила с докладом на тему «Забытое имя: действительный член РАИМК С.С. Лукьянов». В выступлении было отмечено, что С.С. Лукьянов принадлежал к плеяде блестящих ученых «первого созыва», привлеченных на службу в Академии истории материальной культуры. Он в полной мере продемонстрировал природную одаренность и способность в отношении дел профессиональных и общественных, которые ему удавалось успешно выполнять. Филолог-классик, специалист в области античной литературы и культуры, он прослужил в РАИМК недолго, но успел оставить след и в истории этого учреждения. Дальнейшая его судьба сложилась трагически. *В.Н. Кузнецова* и *Е.А. Горская* (Санкт-Петербург) предложили вниманию аудитории выступление на тему «Причерноморские древности в документальном наследии В.Н. Ястребова (по материалам Научного архива ИИМК РАН)». В нем была раскрыта творческая деятельность В.Н. Ястребова (1855–1898), который активно сотрудничал с Императорской археологической комиссией и Московским археологическим обществом. Этот исследователь отличался широким кругом интересов. В истории науки он известен и как археолог, и как этнограф. В собрании Научного архива ИИМК РАН хранятся его материалы, связанные с исследованием памятников различных регионов: Области Войска Донского, Тамбовской и Херсонской губерний. Более подробно были рассмотрены материалы В.Н. Ястребова, связанные с изучением Причерноморья, в частности Ольвии. Увлечение ученого античностью было столь сильно, что повлияло даже на восприятие им материалов Лядинского и Томниковского могильников. Например, интерпретируя средневековые мордовские украшения, ученый стремился осмыслить их через поиск аналогий в античном ювелирном искусстве. Жизнь исследователя рано и трагически оборвалась, однако его документальное наследие заслуживает изучения.

О.В. Григорьева и *М.В. Медведева* (Санкт-Петербург) посвятили свой доклад «И.В. Фабрициус и Северное Причерноморье: новые материалы из архива ИИМК РАН» Ирине Васильевне Фабрициус (1882–1966) — известному специалисту по истории и культуре скифских племен и древностей лесостепной зоны Восточной Европы, которая была ученицей и ближайшей помощницей археолога и краеведа, основателя и первого директора Херсонского историко-археологического музея В.И. Гошкевича (1860–1928). В 1930-е годы И.В. Фабрициус жила в Ленинграде, где служила в Государственном Эрмитаже, Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и по договору трудилась в ГАИМК над составлением археологической карты Северного Причерноморья. В Научном архиве ИИМК РАН сохранился личный архив И.В. Фабрициус. В него входят неопубликованные рукописи исследовательницы, материалы полевой экспедиционной деятельности, биографические сведения, письма, творческие работы. Особую ценность представляет рукопись «Археологическая карта Причерноморья» и комплекс связанных с ней архивных материалов. В «Карте» И.В. Фабрициус впервые обобщила и систематизировала данные многолетних работ В.И. Гошкевича на Херсонщине, а также результаты археологических исследований на территории степной и лесостепной областей Поднепровья—

Поднепровья на протяжении XIX в. и до 1940-х годов. Эти архивные документы давно требуют полного введения в научный оборот.

Тему «Архивные методы и новые подходы к атрибуции старых археологических коллекций Северного Причерноморья» раскрыли в своем выступлении *О.В. Горская* и *М.В. Медведева* (Санкт-Петербург). Было отмечено, что в настоящее время при рассмотрении археологических коллекций дореволюционного периода все более актуальным становится обращение к первоначальным архивным источникам, которые подчас дают объективную информацию о месте и обстоятельствах обнаружения древностей. Во второй половине XIX — начале XX в. музейные хранилища России и Европы пополнились огромным количеством предметов античного искусства с территории Северного Причерноморья. Вещи поступали из археологических раскопок научных организаций и из частных коллекций, в том числе многие предметы были куплены у кладоискателей. Среди них попадались как подлинные антики, так и подделки. Коммерческий успех продажи археологических предметов на антикварном рынке обеспечил появление целых «фабрик» по производству поддельных артефактов самых различных категорий от керамических ваз до изделий из золота. Ученые отмечали их наличие уже в конце XIX в. и пытались бороться с этим явлением. В этих обстоятельствах архивные документы, фиксирующие происхождение музейных предметов, помогают в решении вопроса об их подлинности. В ходе прошедшей дискуссии отмечалось, что изучение неопубликованных архивных документов может дать много полезной информации исследователям, занимающимся историей науки и Северным Причерноморьем в древности.

При подведении итогов двухдневной работы секции В.А. Горончаровский и О.Ю. Климов отметили высокий уровень всех выступлений, весьма удачное сочетание тематики докладов и в целом продуктивность объединения усилий антиковедов-историков, археологов, сотрудников музеев и научных архивов. По предложению участников секции подобные объединенные заседания было решено практиковать регулярно.

Vladimir A. Goroncharovskiy,

Institute of the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: goronvladimir@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4405-716X

Oleg Yu. Klimov,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: o.klimov@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-8379-5456

В.А. Горончаровский,

д.и.н., зав. отделом истории
античной культуры Института
истории материальной культуры РАН,

Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Климов,

д.и.н., профессор кафедры истории древней
Греции и Рима Института истории СПбГУ,

Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31857/S032103910025907-0

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ – VIII. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ ДРЕВНОСТИ НЕ НАШЕГО ВЕКА»

(Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2022 г.)

Конференция «Советская древность – VIII. Древняя история и историки древности не нашего века» состоялась в Санкт-Петербурге 24–25 ноября 2022 г. под эгидой Института всеобщей истории РАН и Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН (организаторы С.Г. Карпюк, А.М. Скворцов). В ней приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга и Омска, занимающиеся историей советской науки о древности; всего было заслушано и обсуждено 13 докладов. Дневное заседание 24 ноября 2022 г. открылось приветствием директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН) Н.А. Ащеуловой. А.М. Скворцов, модератор первого дня конференции, отметил важность изучения истории науки о древности в СССР.

С.Б. Крих (Омск) представил на утреннем заседании доклад «Г.Ф. Ильин и вопросы советского видения древней истории Индии», в котором, через анализ жизненного пути советского индолога, а также его ранних работ, посвященных исследованию особенностей индийского рабства и поздних, суммирующих его теоретические размышления о формационной принадлежности древнеиндийского общества, показал особенности формирования и функционирования консервативного нарратива в позднесоветской историографии древности. В случае Ильина этот нарратив базировался на неизменной теоретической основе официальной версии марксизма-ленинизма, но дополнялся новыми историко-логическими аргументами, с помощью которых советский индолог старался реагировать на попытки обновления теории, которые проявились во время второй дискуссии об азиатском способе производства. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Коллекции античных монет и их владельцы в первое десятилетие советской власти: Ф.И. Прове и Д.Г. Бурьлин» рассказал о состоянии нумизматики и о нумизматических коллекциях в Советской России в 1920-е годы.

М.Н. Кириллова (Москва) выступила с докладом «Н.Я. Марр и его этрускологические этюды». Марр обращался к проблеме происхождения этрусков в связи с возникшим у него интересом к причине этноязыкового разнообразия и внутренним несогласием с построениями современной ему индоевропеистики, которые не оставляли места для важных лично для него языков и народов. При этом его работы по данной тематике отличает неумение пользоваться не только лингвистическими методами, что уже неоднократно отмечалось исследователями применительно к работам Марра в целом, но и историческими. Марр не стремится анализировать доступные ему источники и сформулировать гипотезу о миграциях, основывая свои выводы на произвольном обращении с самоназваниями. Однако пробужденный его деятельностью интерес способствовал появлению в будущем действительно научных работ, посвященных проблеме миграций и этноязыкового разнообразия.

Между заседаниями были представлены вышедшие в 2020–2022 гг. книги участников конференции. На вечернем заседании в докладе *И.А. Ладынина* (Москва) «“Проверка основных тезисов, на которых покоится циклическая концепция Эд. Мейера”: План работы В.В. Струве в ГАИМК в 1933 г. и его обсуждение» были проанализированы документы, связанные с работой востоковеда в составе т.н. бригады по изучению способа производства сектора рабовла-

дельческой формации ГАИМК. Они показывают, что Струве стремился не только выдвинуть в качестве альтернативы циклизму Эд. Мейера свою концепцию единой для всей древности рабовладельческой формации, но и выявить в ней ряд различающихся этапов, чтобы избежать критики в связи с неправдоподобностью существования неизменных социальных отношений на протяжении трех с лишним тысячелетий.

В докладе *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Негражданское население Афин (метеки, вольноотпущенники) в исследованиях Л.М. Глускиной» было рассмотрено творчество ленинградского историка Л.М. Глускиной. В своих работах, посвященных положению метеков и вольноотпущенников в Афинах в IV в. до н.э., Л.М. Глускина убедительно показала, что они вносили большой вклад в экономику полиса. Она также пришла к выводу, что социальная структура Афин была сложнее, чем обычно считают. По ее мнению, вольноотпущенники отличались по своему положению от свободнорожденных метеков, а были еще «незаконнорожденные», которые не были метеками, но не были и афинскими гражданами. Доклад *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «“Утешение и опора”: история отечественной науки об античности в исследованиях Э.Д. Фролова» был посвящен рассмотрению одного из важнейших направлений в научном наследии известного петербургского историка. В докладе были проанализированы его историографические исследования различного характера: отдельные статьи и рецензии, составленные им разделы в коллективных изданиях, посвященных историографии античности, а также книга «Русская наука об античности», в которой автор обращается к становлению и основным этапам развития отечественного антиковедения.

Утреннее заседание 25 ноября 2022 г. открыл доклад *М.Д. Бухарина* (Москва) «Советская Атлантида: изучение Хараппской цивилизации в СССР в 1920–1950-е гг.», в котором было показано, как в конце 1930-х годов в советской науке в связи с агрессивной политикой Германии в Европе резко возрос интерес к истории Хараппской цивилизации. Советские историки (А.В. Мишулин, Н.А. Шолпо, В.В. Струве, А.М. Осипов) увидели параллели между действиями Германии и вторжением индоариев в Индию, разрушивших, в глазах советских востоковедов, дравидийскую культуру Хараппы. Был составлен идиллический образ Хараппской цивилизации, во многих отношениях повторявший идеализированный образ СССР. Такой же фантазией явился образ «буржуазных ученых», работы которых о Хараппе подвергались ожесточенной критике в СССР. С другой стороны, именно активное введение в научный оборот данных раскопок в долине Инда привело к окончательному включению Индии и Китая в круг исследований по истории Древнего Востока. Смена тональности работ произошла после провозглашения независимой республиканской формы правления в Индии и курса на сближение двух стран.

В докладе *С.Г. Карюка* (Москва/Омск) «Античное и древневосточное рабство в советском историческом нарративе 1950–1970-х гг.» были рассмотрены причины расцвета и упадка советских исследований по истории античного и древневосточного рабства в послевоенные годы. Советские исследователи в 1950–1970-е годы внесли заметный вклад в социально-экономические исследования по истории рабства в древности, участвовали в дискуссиях на международных конгрессах, их труды переводились на иностранные языки. Однако исследования по истории рабства стали слишком «идеологичны» и, по мнению молодых историков, непрестижны, и потому не имели продолжения. Наука стала жертвой идеологии, хотя это и не было прямым идеологическим воздействием.

В докладе *А.В. Ашаевой* (Москва/Омск) «“Стремление к абсолюту”: теоретические поиски В.Н. Андреева» на основе архивных документов были представлены основные вехи научной биографии ленинградского историка Владислава Николаевича Андреева. Научная проблематика исследований Андреева, лежащая в русле изучения собственности и частного богатства в Аттике V–III вв. до н.э., вызывала бурные дискуссии в среде антиковедов, которые затрагивали как методологические основы советских исследований античности в СССР в 1960–1970-е годы, так и возможность использования для советского антиковедения новых теорий и методов. Пример В.Н. Андреева показывает, какие трансформации происходили в советском антиковедении позднесоветского периода и как споры о марксизме влияли на научное сообщество историков-антиковедов и на коммуникации в профессиональной среде в 1970–1980-е годы.

Дневное заседание открыл доклад *О.В. Метель* (Москва/Омск) «Развитие международных связей советских антиковедов в 1950–1970-е гг.: к истории общества “Эйрене”», в котором рассматривался вопрос о взаимодействии советских ученых-антиковедов с коллегами из стран социалистического блока и формах их участия в комитете «Эйрене». Комитет античников стран со-

циалистического лагеря «Эйрене» был образован в 1957 г. по инициативе чехословацких ученых. Советские исследователи вошли в состав руководящих структур комитета (Н.Ф. Дератани, С.Л. Утченко, Д.Б. Шелов, Е.С. Голубцова), принимали участие в регулярно проводившихся конференциях, публиковали материалы в ежегодно выходившем журнале «Eirene. Studia Graeca et Latina».

В докладе А.А. Поповой (Омск) «Особенности библейских исследований конца советского времени» рассматривалась проблема влияния изменений в идеологической политике властей в 1980-е годы на исследования по библейской тематике. На примере работ представителей разных сфер, рассматривающих проблемы библеистики – богословия (отец Александр Мень), пропаганды (И.А. Крывелёв) и науки (И.Ш. Шифман), – были показаны некоторые тенденции, наблюдавшиеся в это время. А. Мень попытался актуализировать богословскую тематику в сфере культурологических исследований, сохранив при этом ортодоксальное видение изучаемых им феноменов. И.А. Крывелёв создал более плюралистичный и либеральный нарратив при сохранении базовой идейной основы. В исследованиях И.Ш. Шифмана формально сохранялся марксистский канон, но содержательно они наполнялись новыми смыслами.

А.М. Скворцов (Санкт-Петербург/Челябинск) посвятил свой доклад «Первые защиты кандидатских диссертаций по античной истории в СССР: к вопросу о формировании диссертационной культуры советского историко-научного сообщества (на материалах ЛГУ)» выявлению особенностей диссертационной культуры раннесоветского времени. Для исследования были взяты диссертационные дела аспирантов-антиковедов ЛГУ/ГАИМК, защитивших кандидатские диссертации в 1938–1941 гг. – Д.П. Каллистова, Е.А. Миллиор, С.Л. Утченко, Г.А. Стратановского, К.П. Лампсакова. Докладчик пришел к выводу, что при поступлении в аспирантуру определяющей являлась протекция со стороны профессора – научного руководителя, которая основывалась на оценке исследовательских способностей кандидата и знании им древних языков; социальное происхождение и неблагоприятные факты биографии не имели определяющего значения. Научными руководителями становились, как правило, ученые старой школы – С.А. Жебелёв, С.Я. Лурье, которые самостоятельно определяли структуру подготовки аспирантов, ориентируя подопечных на историко-филологический подход, использование источников разных типов и адекватный критический анализ достижений дореволюционной и зарубежной историографии. Тематика диссертаций свидетельствовала о стремлении включить советскую науку в мировую, а высокие требования – выпустить достойного уровня ученых для выполнения задач преподавания древней истории и древних языков (тогда остро ощущалась нехватка специалистов в этих областях знания) и подготовки обобщающих многотомных трудов по истории.

В обсуждении докладов активное участие приняли Е.В. Ляпустина и А.Л. Верлинский. Наиболее острые дискуссии вызвали современные оценки позднесоветской историографии античной истории. Признано значимым для истории науки проведение интервью у старшего поколения историков, а также сбор и систематизация архивного материала антиковедов, хранящегося в личных фондах. В небольшом заключительном слове итоги подвел С.Г. Карпюк, модератор второго дня конференции, отметивший научную значимость и актуальность представленных на конференции докладов.

Sergey G. Karpyuk,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: oxlos@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8515-9560

Artyom M. Skvortsov,

S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: artyom-skvortsov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3287-4154

С.Г. Карпюк,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

А.М. Скворцов,

к.и.н., доцент, научный сотрудник
Сектора социальных и когнитивных проблем
истории науки Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
83/2 (2023), 490–506
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/2 (2023), 490–506
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910020538-4

МАКСИМ ТИРСКИЙ. О БОЖЕСТВЕ СОКРАТА (OR. VIII–IX)

(Предисловие, перевод и комментарии Г.С. Беликова)

Биографические сведения о Максиме Тирском крайне скудны. Есть три свидетельства, содержащие информацию о его жизни. Евсевий в «Хронике» относит его расцвет ко времени 232 Олимпиады, т.е. к 149–152 гг. В словаре «Суда» сообщается, что он был в Риме во времена императора Коммода (180–192 гг.; M 173 Adler). В рукописи *Codex Parisinus* 1962 (= R) есть заглавие: «Μαξίμου Τυρίου Πλατωνικοῦ Φιλοσόφου τῶν ἐν Ρώμῃ διαλεξέων τῆς πρώτης ἐπιδημίας». Ответить на вопросы, сколько еще раз был в Риме Максим, были ли произнесены все речи в этот первый приезд, невозможно. Τύριος, засвидетельствованное во всех трех источниках, не дает нам никаких точных сведений: был ли он родом из Тира, получил там образование или получил признание, выступая перед местной публикой? Хотя некоторые исследователи пытались найти косвенные упоминания в других источниках (например, связать Максима Тирского с Кассием Максимом, которому Артемидор посвятил часть своего «Сонника»), нет доказательств, подтверждающих такого рода гипотезы¹.

Корпус сочинений Максима представляет собой 41 речь. Они дошли до нас в более чем 30 рукописях, которые все восходят к *Codex Parisinus* 1962. Речи Максима, небольшие по объему, посвящены вопросам нравственности, религии и философии. Если следовать предложенному М. Траппом примерному делению речей², основывающемуся на названиях из рукописи R, то получается, что тематика в основном обращена к этическим вопросам (27 из 41 речи посвящены этике). Шесть речей затрагивают вопросы воспитания и культурных ценностей. Другие шесть речей посвящены вопросам теологии и физики (среди них речи VIII–IX). Теории познания и психологии посвящены речи VI и X. Некоторые речи образуют циклы. Иногда цикл раскрывает объемную тему, которая требует более одной речи. К таким циклам относятся интересующие нас речи VIII–IX, посвященные божеству Сократа, XVII–XXI о любовном искусстве Сократа,

¹ Более подробный обзор свидетельств о Максиме дан в статье Campos Daroca, Lópes Cruces 2005, 324–348.

² Trapp 1997b, 1947.

XXIX—XXXII о вопросе добродетели и наслаждения. Также есть циклы, которые состоят из διόσοι λόγοι, где защищаются противоположные тезисы. XV речь доказывает превосходство деятельного образа жизни, а XVI — созерцательного. Речи XXIII—XXIV посвящены воину и земледельцу — кто из них полезнее для города. XXXIX—XL рассматривают тему ступеней блага — есть ли они (XXXIX) или нет (XL).

Максим Тирский принадлежит к эпохе второй софистики, периоду в греческой литературе, который получил свое название благодаря сочинению Флавия Филострата «Жизнеописания софистов». Согласно Филострату, в истории софистики выделяется два этапа: первая софистика (Горгий, Критий, Протагор и т.д.) и вторая софистика, которая берет начало с Эсхина (Phil. *VS* 481, 505). Есть все основания относить Максима к той группе философов-риторов, о которых Филострат говорит в I книге: «В былые времена софистами именовали не только тех, кто повсеместно прославился красноречием, но в равной мере и любомудров, ежели слог их отличался изяществом, так что надобно сперва сказать о сих последних, раз уж, не будучи софистами, они слыли и назывались таковыми» (Phil. *VS* 484; пер. Е.Г. Рабинович).

Филострат не упоминает Максима, но много говорит о Дионе Хрисостоме и Фаворине из Арелата (*VS* 487—492), сочинения которых по форме и содержанию напоминают речи Максима. Не будет поэтому опрометчивым предположить, что Филострат отнес бы Максима именно к этой группе, если бы упоминал его сочинения.

Максима Тирского также принято относить к средним платоникам. Термин «средний платонизм» появился около века назад: Карл Прехтер обозначил им период от закрытия платоновской Академии в Афинах в 88 г. до н.э. до Аммония Саккаса, учителя Плотина (III в. н.э.)³. Как пишет Ю.А. Шичалин, «по основной философской установке средний платонизм противопоставлен предшествующему скептическому периоду как догматизм (начиная с Антиоха Аскалонского), институционально не связанный с Академией и развивающийся в ряде центров (Александрия, Рим, Афины, Херонея, Смирна, Апамея)». Максим Тирский — представитель популярного платонизма, развившегося во II в. н.э., «который опирается на две школьные тенденции: составление учебников платонизма (Апулей, Алкиной) и комментирование текстов Платона (Альбин, Анонимный комментарий к платоновскому “Теэтету”»⁴.

Нет строгих критериев, по которым того или иного философа относят к «средним платоникам», поэтому Дж. Диллон в книге «Middle Platonists» причисляет к ним немало философов, в том числе, например, и Нумения из Апамеи, которого принято относить к неопифагорейцам⁵. О том, следует ли относить Максима к платоникам, вопросов не возникало, так как в рукописи R (*Parisinus Graecus* 1962) он обозначен как πλατωνικός φιλόσοφος. Сомнения высказывались скорее относительно чистоты его платонизма: некоторые исследователи считали его эклектиком⁶. В объемной вступительной статье к недавно вышедшему изданию «О молитве» М. Трапп и Р. Хирш-Луипольд показали, что Максима не следует называть эклектиком вслед за Сури и Кониарисом, но скорее вслед за Диллоном — платоником, свободно использовавшим доступные ему философские тексты⁷.

Божество Сократа, которому посвящены речи VIII—IX, вызывало особый интерес в I—II вв.⁸ Свидетельством тому служат сочинения Плутарха, Апулея и Максима

³ Ueberweg, Praechter 1920, 536—568.

⁴ Shichalin 2008, 698.

⁵ Dillon 1996.

⁶ Soury 1942, 7; Koniaris 1983, 232—243.

⁷ Hirsch-Luipold, Trapp 2019, 20—25.

⁸ Речи VIII—IX озаглавлены в рукописи «Τί τὸ δαιμόνιον Σωκράτους α'» и «Ἐπὶ τοῦ Σωκράτους δαιμονίου β'». В русской традиции нет единства в переводе слов δαίμων и δαιμόνιον. В русских переводах Платона и Ксенофонта для δαίμων используются слова «гений» (С.К. Апт

Тирского, посвященные этому явлению. В период с IV в. до н.э. вплоть до I–II вв. н.э. наибольший интерес вызывает личность самого Сократа, его учение, образ жизни, несправедливое обвинение и смерть⁹. Божество Сократа не вызывает особого интереса у писателей. Если и встречаются какие-либо упоминания, то они интерпретируются в рамках традиционной мантики¹⁰.

На этом фоне возникают сочинения Плутарха, Апулея и Максима Тирского, в которых, очевидно, меняется объект внимания. Новая тенденция заключается в том, что основной интерес уделяется способности Сократа слышать божество. При сравнении этих текстов становится ясно, что этот интерес связан с развитием демонологии в среднем платонизме. Если Плутарх по большей части говорит об уникальности Сократа и его способности слышать даймонов, то Максим Тирский и Апулей делают основной упор на демонологию. Феномен Сократа для Максима — повод для рассуждения о даймонах¹¹.

У этих авторов даимон уже не отличается от божества (δαίμόνιον), в то время как Платон и Ксенофонт их разделяют. В текстах Платона эти темы рассматриваются в разных контекстах и никогда не пересекаются (δαίμόνιον: *Apol.* 31d, 40a–c; *Euthyd.* 272e; *Phaedr.* 242c; δαίμονες: *Symp.* 201d–203a; *Resp.* 617d–e, 620d–e; *Phaed.* 107d–e; *Leg.* IV, 713d–e; *Crat.* 397e–398c; *Pol.* 271c–274d; *Tim.* 90a–b). Для Ксенофонта божество Сократа — это разновидность мантики (Хен. *Mem.* I. 1. 3–4). Такое утверждение должно было послужить доказательством невиновности Сократа: он не вводит новых богов, но остается в рамках полисной религиозности. Важную роль в развитии учения о божестве Сократа и включении его в демонологию сыграли диалоги «Феаг» и «Алкивиад I», что показал в своей статье М. Джойал, проанализировав лексику этих диалогов¹². Нет никаких точных указаний, когда произошло это слияние, но предположение О. Жигона, что Ксенократ, разрабатывая учение о даймонах, включил также в систему δαίμόνιον Сократа, кажется вполне вероятным¹³.

А. Тимотин в фундаментальной монографии, посвященной платоновской демонологии, выделяет три основных пункта, связанных с даймоном Сократа, которые интересовали писателей I–II вв.: язык даймонов (способы общения с человеком на примере Сократа), мантика и связь с оракулами, типология даймонов¹⁴.

Способ общения божества с человеком — ключевая тема диалога Плутарха «О демоне Сократа». Максим, напротив, не сосредотачивает внимание на личности Сократа и его особенной способности, но использует как повод начать говорить о демонологии.

Связь даймонов с мантикой и оракулами, восходящая к речи Диотимы из диалога «Пир» (201d–212c), подробно рассматривается в первых трех главах VIII речи. Главная мысль, которая встречается и у Максима, и у Апулея, ясно сформулирована в диалоге Плутарха: «Божество лишь изредка и с немногими вступает в непосредственное

в «Пире», А.Н. Егунов в «Государстве», С.Я. Шейнман-Топштейн в «Политике»), «демон» (С.С. Аверинцев в «Тимее», Т.В. Васильева в «Кратиле»), «даимон» (А.Н. Егунов в «Законах»). В переводе δαίμονιον также нет единства: С.М. Соловьев в «Апологии» использует «гений», С.И. Соболевский в «Воспоминаниях о Сократе» — «божественный голос» или «божественное знамение», Я.М. Боровский перевел название диалога Плутарха «Περὶ τοῦ Σωκράτους δαίμονιον» как «О демоне Сократа». Чтобы избежать ненужных религиозных коннотаций или путаницы, δαίμων будет переводиться нами как «даимон», а δαίμόνιον как «божество».

⁹ Рецензии Сократа и сократического диалога от Платона до Прокла посвящен недавно вышедший объемный сборник “Socrates and the Socratic Dialog” (Stavrou, Moore 2017).

¹⁰ Традиция, связанная с Сократом и его божеством, хорошо рассмотрена в статьях Ф. Оффманна (Hoffmann 1985–1986; 1986–1987; 1987–1988).

¹¹ Этот композиционный прием — переход от частного к общему — подробно рассмотрен в статье Belikov 2020, 987–998.

¹² Joyal 1995, 39–56.

¹³ Gigon 1994, 164.

¹⁴ Timotin 2012, 244.

общение, а остальному множеству подает знаки, на которых основана так называемая мантика» (*De gen. Socr.* XX. 593D; пер. Я.М. Боровского). Максим пишет, что δαίμονιον проявляет себя в Сократе так же, как и в Дельфах, Додоне, Кларосе, Ксанфе. Жрецы этих святилищ ежедневно общаются с божеством (VIII. 1). Во II в. н.э. некоторые древние оракулы пришли в упадок либо были малоизвестны. Это дает возможность автору сделать объемный энциклопедический экскурс в историю пещеры Трофония и оракула на Авернском озере (VIII. 2). Этот экскурс, с одной стороны, показывает образованность автора, а с другой стороны, иллюстрирует идею, что не всегда нужны жрецы (как в Дельфах или Кларосе), но иногда люди сами слышат пророчества даймонов.

О природе даймонов Максим говорит в двух речах по-разному. В VIII речи сказано, что даймоны — это посредники между людьми и богами, которые соединяют две несоединимые природы (VIII. 8). Дальше Максим говорит, что даймоны сопричастны природе человека и бога. Даймоны помогают людям, являются им и дают им то, что люди вынуждены просить у богов (VIII. 8). Последний абзац вызывает некоторые трудности. Даймоны получают в удел тела выдающихся философов. Остается неясным, может ли обычный человек получить даймона или это привилегия богоизбранных людей (Сократ, Платон, Пифагор).

В IX речи рассуждение о природе даймонов ведется посредством метода Аристотеля. Бог — бесстрастный и бессмертный (κατὰ τὸ ἀπαθὲς καὶ ἀθάνατον), даймоны — бессмертные и страстные (κατὰ τὸ ἀθάνατον καὶ ἐμπαθές), люди — смертные и страстные (κατὰ τὸ ἐμπαθὲς καὶ θνητόν), животные — неразумные и способные к восприятию (κατὰ τὸ ἄλογον καὶ αἰσθητικόν), растения — одушевленные, но не способные к восприятию (κατὰ τὸ ἐμψυχον καὶ ἀπαθές). Даймоны, следовательно, выступают в качестве среднего звена между двумя несводимыми противоположностями (между бесстрастным и бессмертным богом и страстными и смертными людьми). Даймоны — это души людей, оставившие свое тело, но продолжающие проявлять заботу о людях (IX. 6). В последней главе Максим говорит о даймонах, продолжающих заниматься теми искусствами, которыми они занимались на земле, поэтому и Асклепий сейчас продолжает лечить, Геракл — показывать свою силу, Дионис — справлять вакханалии, Амфилох — предсказывать, Диоскуры — плавать по морю, Минос — судить, Ахилл — вооружаться (IX. 7). Если попытаться свести данные двух речей, то возникают следующие противоречия. Во-первых, природа даймонов определяется по-разному: божества второго ранга — в VIII речи и души, покинувшие тела людей, — в IX. Во-вторых, неясно, можно ли соотнести отрывки VIII. 8 и IX. 6. В VIII речи даймон получает в удел тело философа или другого выдающегося человека, а в IX даймон уже выступает как бестелесное существо, помогающее хорошим людям и наказывающее несправедливых. В VIII речи упоминаются Платон, Пифагор и Сократ, а в IX — Дионис, Асклепий и Диоскуры.

Особый интерес вызывает последняя глава IX речи, где Максим в качестве аргумента приводит миф об Ахилле на Белом острове и собственное свидетельство: по его словам, он сам видел наяву Диоскуров, Геракла и Асклепия (IX. 7).

В демонологии Максима нет каких-либо оригинальных пунктов, которые бы отличали ее от школьного платонизма I—III вв. На это указывают как параллели с Апулеем, Алкиноем и Плутархом, так и отсылки к диалогам Платона, на которые опирается автор. В отличие от Апулея Максим не пытается дать систематическое изложение, но больше внимания уделяет необходимости существования даймонов как посредников между трансцендентным богом и миром людей. При рассмотрении природы даймонов используются методы Аристотеля без упоминания его имени. Это указывает на то, что методы, восходящие к перипатетической школе, активно использовались в школьном платонизме как логическая пропедевтика.

Такое, на первый взгляд, бессистемное изложение материала объясняется как жанровым своеобразием речей, так и степенью подготовленности публики. Максим

не ставит себе задачу систематически изложить платоновскую демонологию, но лишь познакомить публику с религиозно-философской темой, пользующейся популярностью в его время. С одной стороны, Максим активно использует риторические приемы, чтобы привлечь внимание слушателей, с другой стороны, он использует научные рассуждения, чтобы придать авторитет своим речам.

Рассказ об оракулах должен был произвести впечатление на слушателей, так как он демонстрирует энциклопедические познания оратора. Помимо этого, для аргументации автор использует собственный опыт (Максим сам видел даймонов), а также литературные топосы, как давние — гомеровские цитаты¹⁵, так и современные (т.е. популярные во второй софистике) — Ахилл на Белом острове¹⁶.

РЕЧЬ VIII О БОЖЕСТВЕ СОКРАТА (I)¹⁷

1. Ты удивляешься тому, что у Сократа было божество — благожелательное, дающее предсказания, всегда сопутствующее ему и почти неотделимое от его ума — у него, который был чист телом, прекрасен душой, скромнен в повседневной жизни, мыслью силен, в речах искусен, в божественном благочестив, с людьми честен. Но почему ты этому удивляешься, хотя не считаешь удивительным, что безвестная дельфийская женщина в Пифо, или феспротиец в Додоне, или ливиец в храме Амона, или иониец в Кларосе, или ликиец в Ксанфе, или беотиец в храме Исмения — каждый из них, так как каждый день пребывает с божеством, знает не только, что ему следует делать или не делать, но также способен давать пророчества остальным людям в общественных и частных делах?¹⁸ Неужели жрица в Дельфах пророчествует потому, что сидит на треножнике и наполняется божественным духом?¹⁹ Или жрец в Ионии получает пророческие способности оттого, что, зачерпнув, пьет воду из источника?²⁰ Или

¹⁵ Большое количество отсылок к Гомеру встречается в VIII. 5. Максим объясняет, что гомеровские боги, являющиеся людям, — это даймоны.

¹⁶ Подробнее о культе Ахилла на Белом острове и его популярности во второй софистике см. примечание к последней главе IX речи.

¹⁷ Перевод выполнен по изданию М. Траппа (Trapp 1994).

¹⁸ Идея о связи оракулов с даймонами была довольно распространенной: Plat. *Symp.* 202e; Arul. *De Deo Socr.* VI, 133; Plut. *De Facie* 944C—D; *De Def.* 415A. Вопрос Максима в данном случае напоминает Xen. *Apol.* 12—13. О состоянии оракулов в I—II вв. см. Levin 1989, 1599—1649.

¹⁹ Текст Максима напоминает религиозно-философские трактаты Плутарха, который, будучи сам жрецом в Дельфах, писал об упадке древних оракулов Греции. В трактате *De Pythiae oraculis*, где рассматривается вопрос, почему Пифия перестала проричать стихами, он пишет, что люди больше не спрашивают о политических событиях, восстаниях, основании новых колоний, но только о частных делах: о вступлении в брак, путешествиях, земледелии (*De pyth.* 26—28; 407C—408C). Плутарх (*Am.* 18; 763A) и Псевдо-Лонгин (*De subl.* 13. 2) пишут, что Пифия прикасается к треножнику, но не сидит на нем, как в тексте Максима. С. Левин в своей статье (Levin 1989, 1611) указывает, что образ Пифии, сидящей на треножнике, восходит к Еврипиду: *Θάσσει δὲ γυνὴ τρίποδα ζάθεον / Δελφίς, αἰείδουσι* "Ελληνι βοάς, / ὅς ἄν Ἀπόλλων κελადήσῃ (*Eur. Ion.* 91—93). Также описание, схожее с тем, которое мы находим у Максима, встречается у Страбона: *Φασι δ' εἶναι τὸ μαντεῖον ἄντρον κοῖλον κατὰ βάθος οὐ μάλ' εὐρύστομον, ἀναφέρεσθαι δ' ἐξ αὐτοῦ πνεῦμα ἐνθουσιαστικόν, ὑπερχεῖσθαι δὲ τοῦ στομίου τρίποδα ὑψηλόν, ἐφ' ὃν τὴν Πυθίαν ἀναβαίνουσαν δεχομένην τὸ πνεῦμα ἀποθεσπίζειν ἔμμετρά τε καὶ ἄμετρα* (Strab. IX. 3. 5).

²⁰ Малоазийский оракул Аполлона в Кларосе пользовался особой популярностью в I—II вв. н.э. Описание этого оракула есть в «Анналах» Тацита, так как в 18 г. н.э. этот оракул посетил Германик, приемный сын Тиберия (Tac. *Ann.* II. 54). Тацит пишет о жрецах (*sacerdos*), происходящих из избранных милетских семей, которые знают только имена и число спрашивающих, а не их вопросы, и отвечают стихами. Как и Максим, а также Плиний Старший (Plin. *NH.* II. 106. 12), Тацит пишет о пещере, куда спускается служитель, пьет воду из источника и затем дает пророчество. О популярности оракула в Кларосе см. Parke 1985, 142—170.

спящие на земле и необутые служители дуба в Додоне, как рассказывают феспротийцы, получая знания от самого дерева, могут пророчествовать?²¹

2. В святилище Трофония (это тоже оракул, посвященный герою Трофонию, расположенный в Беотии рядом с городом Лебадеей) тот, кто желает общаться с божеством, одевшись в пурпурное полотно до пят и взяв в обе руки по лепешке, спускается на спине в узкую расселину²². Затем, одно увидев, другое услышав, он возвращается наверх, сам будучи прорицателем. Где-то в Италии, в Великой Греции, при так называемом Авернском озере была вещая пещера, были также служители этой пещеры — мужи-душеводители, называемые так из-за своего занятия²³. Впрошаю-

²¹ Описывая оракул в Додоне, Максим обращается к тексту Гомера. Называя жрецов *χαμεῦναι καὶ ἀνιπτόποδες*, Максим говорит о селлах, древних служителях культа Зевса в Додоне, которые упоминаются в обращении Ахилла к Зевсу:

*Ζεῦ ἄνα Δωδωνάϊε Πελασγικὲ τηλόθι ναίων
Δωδώνης μεδέων δυσχεμέρου, ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ
σοὶ ναῖουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαεῦναι,
ἦ μὲν δὴ ποτ' ἐμὸν ἔπος ἔκλυες εὐξαμένοιο.* (Hom. II. XVI. 233–236)

Судя по ритуальным запретам, селлы, которые упоминаются также у других авторов (Soph. Tr. 1166, Call. H. IV. 286), были связаны с культом земли (Ambühl 2001, 373). Они узнавали волю Зевса по шесту листьев священного дуба. Затем служение перешло коллегии жриц, которые назывались Пелеядами (Strab. VII. 7. 12). Подробнее об оракуле Зевса в Додоне см. Parke 1967, 1–163; Prikhod'ko 1998, 139–145; Graf 1997, 726.

²² Максим подробно описывает оракул Трофония в Беотии. Этот оракул всегда пользовался популярностью и часто упоминался в литературе. Первое упоминание встречается у Геродота (Hdt. I. 46; VIII. 134). Известно, что комедию с названием «Трофоний» написали Кратин (K.-A. fr. 233–245), Кефисодор (K.-A. fr. 3–6), Алексис (K.-A. fr. 238–241), Менандр (K.-A. fr. 351–354). Большой популярностью пользовалось сочинение Дикеарха «Περὶ τῆς εἰς Τροφώνιου καταβάσεως» в двух книгах (Athen. XIII 594E, XIV 641E), в котором он подвергает критике культ Трофония. Цицерон просил Аттика прислать ему сочинение Дикеарха (Cic. Att. XIII. 31–32), а Плутарх написал трактат «Περὶ τῆς εἰς Τροφώνιου καταβάσεως» (Lampr. 181), в котором он, видимо, полемизировал с Дикеархом. Самое подробное описание культа Трофония дает Павсаний (Paus. IX. 39. 4). Человек должен был пройти подготовительные обряды в храме Доброго Демона и Доброй Тихи (τὸ δὲ οἴκημα Δαίμονος τε ἀγαθοῦ καὶ Τύχης ἱερὸν ἐστὶν ἀγαθῆς), принести жертвоприношения, омыться в реке Геркине, попить воды из двух источников: Забвения и Памяти. Перед входом в пещеру вопрошающий надевал льняной хитон, подпоясывался лентой и надевал местную обувь (ἔρχεται πρὸς τὸ μαντεῖον, χιτῶνα ἐνδεδυκὼς λινθοῦν καὶ ταῖνας τὸν χιτῶνα ἐπιζωοθεῖς καὶ ὑποδυσάμενος ἐπιχωρίας κρητῖδας). В отклике от Павсания Максим пишет о пурпурном одеянии, спускающемся до пят. Способ спуска в пещеру, довольно коротко упомянутый у Максима, подробно описывается у Павсания: «Спускающийся ложится на пол, держа в руках ячменные лепешки, замешанные на меду, и опускает вперед в щель ноги, и сам подвигается, стараясь, чтобы его колени прошли внутрь щели. Тогда остальное тело тотчас же увлекается и следует за коленями, как будто какая-то очень большая и быстрая река захватывает своим водоворотом и увлекает человека. Те, которые таким путем оказываются внутри тайного святилища, узнают будущее не одним каким-либо способом, но один его видит глазами, другой о нем слышит. Спустившимся возвращаться назад приходится тем же самым путем, через ту же скважину, ногами вперед» (пер. С.П. Кондратьева). После возвращения из пещеры жрецы сажают вопрошающего на т.н. трон Мнемосины, где он рассказывает все, что видел и слышал, поэтому Максим называет вопрошающего ὑποφῆτης αὐτάγγελος. Пещера Трофония упоминается также у Плутарха в трактате «О демоне Сократа», где рассказывается о видении Тимарха, который спрашивал оракул о природе божества Сократа (*De gen. Socr.* 21–22, 589F–592F). Пещеру Трофония упоминают также Филострат, так как туда спускался Аполлоний Тианский (*Vit. Apoll.* VIII. 19), и Лукиан, который высмеивает этот культ в нескольких своих сочинениях (*Dial. mort.* 3; *Necyom.* 22). Оракулу Трофония в Лебадее посвящена монография П. Бонншера (Bonnechere 2003).

²³ Максим описывает оракул при Авернском озере. Авернское озеро, образовавшееся в кратере и не имеющее связи с другими водоемами, находится недалеко от Путеол. Из-за его природного положения (озеро, окруженное лесами) литературные упоминания связаны с загробными представлениями или удивительными природными феноменами. Считалось, что птицы не могли летать над этим озером, так как от него исходили ядовитые пары (Lucr. VI. 744; Strab. V. 4. 5). С этой легендой связана античная этимология (ἀ + ὄρυς, Verg. *Aen.* VI. 239–40). Страбон пишет, что, после того как по приказу Агриппы был вырублен лес и прорыт канал, соединяющий Авернское и Лукринское озера, стало ясно, что все это только легенды (Strab. V. 4.5). Об оракуле, который описывает

щий, придя туда, помолившись, заклад жертвы, совершив возлияния, призывал душу кого-либо из предков или друзей. Тогда ему навстречу выходил призрак, хотя смутный и неясный, но способный говорить и предсказывать. Сказав то, ради чего его вызывали, призрак удалялся. Гомер, как мне кажется, знал это святилище, так как направил туда Одиссея, но ради поэтичности переместил его за пределы нашего моря²⁴.

3. Если все это правда, — а так оно и есть, потому что некоторые святилища остаются до сих пор такими, какими были прежде, а от других остались отчетливые следы связанных с ними почитания и посещения²⁵, удивительно, что никто не считает это странным и противоестественным и не высказывает относительно них сомнения. Напротив, доверяя преданиям, каждый приходит, чтобы получить пророчество, услышав его, верит, а поверив, исполняет, исполнив, чтит. А если человек по природе одаренный, строжайше воспитанный, истинный философ, которому благоволила судьба, удостоился от богов общения с божеством, это кажется чем-то удивительным и невероятным. Как, впрочем, и то, что божество пророчествовало только ему, а не афинянам, советующимся о бедствиях эллинов, не спартанцам, спрашивающим о военном походе; не тому, кто, намереваясь участвовать в Олимпийских играх, спрашивает о победе, не тому, кто, желая идти в суд, стремится узнать об исходе дела, не жадному до денег, — о том, сможет ли он разбогатеть. Он не пророчествовал ни об одной из тех бесполезных вещей, из-за которых люди ежедневно докучают богам²⁶. Разумеется, божество Сократа умело разъяснить и это, раз уж оно было вещим. Не правда ли, всякий врач, способный помочь себе, может помочь и другому, также и всякий плотник, сапожник или любой другой знаток какого-либо искусства или ремесла. Вот и Сократ, слышавший в душе голоса богов²⁷, обладал этой способностью в избытке, потому что благодаря общению с божеством он и свои дела содержал в порядке, и остальным, насколько нужно, помогал, не вызывая у них зависти.

Максим, известно совсем мало. Страбон пишет, что те, кто заплывал в Авернское озеро, должны были принести умиловительные жертвы подземным богам под руководством местных жрецов (καὶ εἰσέπλεόν γε πρὸς θυσάμενοι καὶ ἱλασάμενοι τοὺς καταχθονίους δαίμονας, ὄντων τῶν ὑψηλοῦμένων τὰ τοιάδε ἱερεῶν ἡρώλαβηκότων τὸν τόπον). Эфор, по свидетельству Страбона, помещал там киммерийцев, которые жили горным промыслом и подачками от людей, вопрошавших оракул. Слушатели этого оракула жили в пещерах, так как им запрещено было видеть солнечный свет (Ном. *Od.* XI. 15). Киммерийцев уничтожил какой-то царь, который разгневался из-за того, что оракул не исполнился в его пользу. Оракул был перенесен в другое место, где существует до сих пор (Strab. V. 4. 5). Как и Максим, Страбон упоминает спуск Одиссея в Аид, что указывает на распространенность мнения о том, что τέκεια Одиссея произошла на Авернском озере, при этом ни один из них не упоминает спуск Энея (*Aen.* VI. 236–263) (Strab. V. 4, 5). Из сохранившихся источников об оракуле на Авернском озере описание Максима, видимо, остается самым подробным. На это указывает Э. Норден в комментарии к VI книге «Энеиды» (Norden 1916, 200).

²⁴ Максим, как и Страбон (I. 2), пытается локализовать вход в подземное царство (Ном. *Od.* XI. 11–13). Подробнее о местоположении подземного царства см. Podossinov 2015, 45–54.

²⁵ О том, что оракулы, упомянутые выше Максимом, функционировали в его время, см. Lane Fox 1986, 168–261. Например, оракул Аполлона в Кларосе стал популярен именно в I–II вв. См. Parke 1985, 142–170.

²⁶ Похожее рассуждение о том, что Пифия более не прорицает стихами, встречается в трактате Плутарха. Один из участников диалога, Теон, говорит, что раньше люди обращались к Дельфийскому оракулу с вопросами о государственных делах, об удобном времени для предприятий, о святилищах заморских богов. «Там, где нет никакого разногласия, ничего тайного, ничего страшного, где возникают вопросы о делах малых и всем доступных, словно школьные упражнения: “жениться ли мне”, “пуститься ли в плавание”, “ссудить ли деньги”» (*De Pyth. orac.* XXVIII; пер. Л.А. Фрейберг), Теон объяснял, что на такого рода вопросы было бы неуместно отвечать гекзаметрами.

²⁷ Способность Сократа слышать голос божества в уме — ключевая тема речи Симмия в диалоге Плутарха «О демоне Сократа»: «У Сократа же ум был чист и не отягчен страстями, он лишь в ничтожной степени в силу необходимости вступал в соприкосновение с телом. Поэтому в нем сохранилась тонкая чувствительность к внешнему воздействию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое» (Plut. *De gen. Socr.* XX; 588 D–E; пер. Я.М. Боровского).

4. Кто-нибудь скажет: «Допустим, я согласен с тем, что Сократ благодаря своему безупречному поведению и природному дарованию общался с божеством, но тогда я хочу узнать, чем именно было это божество». Ответ мне сначала, друг мой, признаешь ли ты существование отдельного рода даймонов, наравне с родом богов, людей и животных? Было бы смешно спрашивать, чем является даимон Сократа, не признавая рода даймонов в целом. Например, представь, что человек, живущий на острове, никогда не видевший лошадей и не имеющий о них никакого представления, услышал бы, что у македонского царя есть некто по имени Букефал, на чем, кроме царя, никто не может ездить. Этот человек, очевидно, спросит, что такое Букефал. Едва ли собеседник сможет объяснить это никогда не видевшему лошадей.

5. Раз уж они сомневаются в божестве Сократа, неужели они и с Гомером незнакомы²⁸, который рассказывает то же самое, а именно, что Ахилл, произнося речь перед собранием воинов, разгневавшись на Агамемнона, вытащил меч для удара, но был остановлен даймоном? Даймона он называет Афиной, которая явилась разъяренному Ахиллу и,

*Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида*²⁹.

Гомер рассказывает, что та же самая Афина обращалась и к Диомеду:

*Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога и смертного мужа*³⁰.

Затем друг обращается к Телемаху, который стыдится и не решается обратиться к царю-старцу:

*Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое даимон откроет тебе благосклонный*³¹;

При этом объясняет, почему Телемах может надеяться на помощь божества:

не против

*Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан*³².

Также и в другом месте Гомер говорит:

*В мысли ему то вложила богиня державная Гера*³³,

а также здесь:

В оное время Афина Тидея великого сыну

²⁸ Обращение к авторитету Гомера было свойственно писателям, принадлежащим к эпохе второй софистики. См. Kindstrand 1973. Максим использует тексты Гомера для иллюстрации своей основной темы — демонологии. У Гомера слово δαίμων обозначает какого-то не названного по имени бога. Это слово выступает синонимом к выражению θεός τις или θεοί. См. Timotin 2012, 16–19. Когда Афина говорит Телемаху, что даимон в него многое вложит, когда Телемах будет говорить, имеется в виду как раз какой-то бог. Максим интерпретирует это место, как если бы речь шла о даимоне-покровителе, который дается каждому человеку.

²⁹ Hom. II. I. 197. Здесь и далее пер. Н. И. Гнедича. Этот отрывок упоминает также Апулей, когда говорит о том, что Сократ был способен видеть своего даймона, как Ахилл — Минерву: Hinc est illa Homerica Minerva, quae mediis coetibus Graium cohibendo Achilli intervenit. (Apol. DDS. XI. 145).

³⁰ Hom. II. V. 127–128. Слова Афины в ответ на мольбу Диомеда. Она говорит ему, что теперь он может сражаться с троянцами, но не имеет права поднимать оружие на богов, кроме Афродиты (II. V. 124–132).

³¹ Hom. Od. III. 26–27. Здесь и далее пер. В. А. Жуковского. Телемах прибывает вместе с Афиной в образе Ментора в Пилос. Афина поддерживает Телемаха, который не решается обратиться к Нестору.

³² Hom. Od. III. 27–28.

³³ Hom. II. I. 55. Речь идет об Ахилле, который решает созвать собрание ахейцев на десятый день мора, насланного Аполлоном.

*Крепость и смелость дала*³⁴,

и здесь:

*Члены героя соделала легкими, ноги и руки*³⁵.

Разве ты не видишь, сколь многие люди общаются с даймоном?

6. Не желаешь ли ты, оставив Сократа, обратиться к Гомеру и спросить его: что это значит, о величайший из поэтов? Дело в том, что даймон Сократа был единым и неизменным как в частных делах, так и в общественных. Он запретил Сократу перейти реку³⁶, отсрочил его любовное чувство к Алкивиад³⁷, когда он захотел произнести защитительную речь — воспрепятствовал, а идти на смерть — позволил. Однако у Гомера даймон не один-единственный, являющийся одному человеку, ради него одного или ради мелких дел, но он является повсюду и часто под разными именами, разными обличьями, с разными голосами. Разве ты не веришь в это хотя бы отчасти и не признаешь, что существуют Афина, Гера, Аполлон, Эрида и другие гомеровские боги? Только не думай, что я спрашиваю, считаешь ли ты Афину такой, как ее изобразил Фидий сообразно гомеровским стихам: прекрасной сероокой девой, подпоясанной эгидой, в шлеме, с копьем и щитом. Или Геру, какой Поликлет ее изваял для аргосцев: белолокотной, с предплечьями из слоновой кости, с прекрасными очами, в дивных одеждах, царицей, сидящей на троне? Или Аполлона, каким его делают художники и скульпторы: обнаженным юношей в возрасте эфеба, вооруженного луком, с ногами, поставленными одна за другой, как у бегущего. Не это я спрашиваю, потому что не считаю тебя настолько недалеким и неспособным понять значение аллегорий³⁸. Я спрашиваю, считаешь ли ты, что все эти имена и изображения намекают на некие божественные силы, которые помогают лучшим из людей во сне и наяву? Потому что если ты их не признаешь, тогда ты споришь с Гомером, отрицаешь оракулы, прорицаниям не веришь, сновидениями пренебрегаешь и Сократа оставляешь. Но если ты все-таки полагаешь все вышеназванное имеющим смысл и возможным, но сомневаешься относительно Сократа, тогда я изменю вопрос и спрошу так: ты думаешь, это Сократ не был достоин даймона, или сам даймон, в других случаях способный помогать, здесь был бессилен? Но если ты в других случаях считал его способным помочь, то и здесь признаешь и не станешь отрицать, что он покровительствовал Сократу. Если со всем этим ты согласен и Сократа считаешь достойным, то тебе следует скорее не высказывать сомнения относительно Сократа, но спросить, какова природа его даймона³⁹.

³⁴ Hom. II. V. 1–2.

³⁵ Hom. II. V. 122.

³⁶ Cp. Plat. *Phaedr.* 242b–c.

³⁷ Cp. Plat. *Alcib.* I. 103a.

³⁸ Максим критикует антропоморфные представления о богах. Статуя Афины работы Фидия, статуя Геры работы Поликлета, а также традиционное изображение Аполлона как юноши, — представления людей, основанные на тексте Гомера. Гомеровские боги — это даймоны, являющиеся людям. Максим объясняет, что гомеровские тексты — это иносказания, которые человек должен понять: μεταβάλλειν τὸ αἶνμα εἰς λόγον (VIII. 6). Тексты Гомера и изображения богов указывают на некоторые демонические силы, которые являются избранным людям во сне и наяву: συνιστάμενας τῶν ἀνθρώπων τοῖς εὐμοιροτάτοις καὶ ἡλάρ καὶ ὄναι (VIII. 6). Такого рода интерпретации гомеровских текстов получили особенное распространение в неоплатонизме. Прокл в «Комментарии к «Государству» Платона» пишет, что, когда Ахилл ругает Аполлона, он обращается не к богу Аполлону, но к нижней ступени аполлинической иерархии, а именно к даймону, который является хранителем Гектора (Pr. *Comm. in Resp.* I. 147. 7–15).

³⁹ Максим заканчивает часть своей речи, в которой доказывает существование божества Сократа, а также даймонов как отдельного рода живых существ. Он еще раз кратко повторяет свои аргументы: если кто-то отрицает существование даймонов, он отрицает возможность магии (гл. 1–3) и противоречит Гомеру (гл. 5–6).

7. Об этом я расскажу в следующий раз, а пока, отбросив это суждение, узнай то, что послужит приготовлением к моей будущей речи⁴⁰. Боги установили людям, как участникам соревнований, добродетель и порок в качестве награды. Одно — за порочную жизнь и злые умыслы, другое — за добрый ум и сильный характер, если они одерживают победу благодаря нравственному совершенству. Последним также божество стремится помочь и оказать поддержку на их жизненном пути, заботливо протягивая им руку. Одних оно спасает прощаниями, других — полетом птиц, вещими снами, приметами или знамениями во время жертвоприношений. Ибо человеческая душа не способна постичь всего силами разума, так как в этом мире она, будучи покрыта непроглядной мглой, проводит жизнь среди шума и суеты, которые не дают ей покоя⁴¹. Какой путник настолько хорош и внимателен, что на пути он сможет избежать незаметной ямы, неприметной жерди, кручины или рва? Какой кормчий настолько опытен и умел, что сможет совершить плавание, не будучи осведомлен о водоворотах, сильных течениях, буре и непогоде? Какой врач настолько искусен, что он не придет в смятение перед невиданной и неизлечимой болезнью, которая проявляется в разных симптомах, разрушая тем самым положения врачебного искусства? Какой человек настолько совершенен, что уверенно и безошибочно проживет жизнь, которая подобна телу, охваченному болезнью, плаванию вслепую, разрушенной дороге, не обратившись за помощью к богу — кормчему, врачу, проводнику?⁴² Дело в том, что, хотя добродетель прекрасна, достижима и действительна, она смешалась с порочной, неясной, полной неизвестности материей, которую люди называют случаем, вещью слепой и непредсказуемой. Случай борется и сопротивляется добродетели, порой замутняя ее, подобно тому, как облака, проникнув в эфир, скрывают лучи солнца, отчего мы не видим солнечного света, хотя само солнце остается ясным. Также и вторжение случая подавляет добродетель, которая хотя остается прекрасной, но оказывается покрытой тьмой и окруженной стеной. Тогда, разумеется, ей нужен бог — помощник, соратник и защитник⁴³.

⁴⁰ Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о природе даймонов, Максим делает краткое введение (πρότελεia), в котором излагается учение об ἀρετή и κακία как о двух противоположностях, к которым стремится человеческая душа. Вопрос о достижении ἀρετή как цели человеческой жизни рассматривается в цикле речей XXIX–XXXIII.

⁴¹ Бог помогает человеческой душе достичь добродетели через сны и знамения, так как человек сам не способен все охватить разумом. Тема взаимосвязанности человеческого разума и предсказания подробно рассматривается Максимом в речи XIII (Εἰ μαντικῆς οὐσῆς, ἔστιν τι ἐφ’ ἡμῖν). Максим начинает речь с рассказа об оракуле, который сказал афинянам, что город будет спасен благодаря «деревянными стенам». Такие вопросы, как строительство флота в войне с персами, человек способен решить, не обращаясь к божеству (XIII. 1). Пророчество должно лишь помогать человеческому разуму, когда он не способен сам просчитать будущие события. Так как человек связан с судьбой, события не зависят только от его свободной воли.

⁴² Максим обращается к сравнениям, чтобы проиллюстрировать неспособность человека достичь добродетели без помощи божества, используя свои любимые образы: морское путешествие (ср. XIII. 7), врач (ср. XIII. 4).

⁴³ Подробное рассмотрение вопроса о достижении добродетели, которому препятствует случай (τύχη). Учение о роли случая и его соотношении с судьбой, промыслом и человеческой волей Максим излагает в V речи, посвященной молитве. Он выделяет в универсуме четыре сферы: сфера промысла (πρόνοια), судьбы (εἰμαρμένη), искусства (τέχνη) и случая (τύχη). В стоицизме судьба и промысел не разделялись, поэтому в полностью детерминированном мире не оставалось места для случая (Sen. Nat. II. 45). В среднем платонизме промысел и судьба рассматривались по отдельности, тем самым допускалось существование случая и свободной воли человека. Промысел понимается как воля высшего существа, а судьба — как мировой закон. Алкиной в «Учебнике платоновской философии» объясняет, что судьба, по Платону, не предопределяет все действия людей, но лишь указывает, что при определенном действии будут закономерные последствия (Alc. Didasc. 26). Апулей определяет следующим образом сферы провидения и судьбы: «Провидение есть божья воля, хранительница благодати его, по причине каковой он и берет на себя такую обязанность; божественный закон есть рок, который исполняет неизбежные решения и начинания бога» (Apul. De Plat. I. 12; пер. Ю. А. Шичалина). В сфере судьбы, но независимо от нее функционируют

8. Бог, постоянный и недвижимый, управляет небом и его устройством. Но у него есть второстепенные бессмертные существа, называемые даймонами, которые обитают между землей и небом: слабее бога, сильнее человека, слуги богов, начальники людей, близкие к богам, заботящиеся о людях⁴⁴. Поистине, род людей из-за разрыва между смертной и бессмертной природой был бы лишен созерцания небес и общения с ними, если бы не природа даймонов, который, подобно гармонии, будучи сопричастен обоим природам, выступает посредником между человеческой слабостью и божественной красотой⁴⁵. Я думаю, это можно сравнить с тем, как варвары отделены от эллинов различием в языке, но есть переводчики, которые, услышав слова одних, переводят их другим, тем самым объединяют их и устанавливают общение. Также и род даймонов следует считать сопричастным божественной и человеческой природе⁴⁶. Они и есть те, кто обращаются к людям, являются им, сопровождая их в этой жизни и давая им то, что люди вынуждены просить у богов. Племя даймонов велико:

*Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных*⁴⁷.

Одни из них — врачеватели болезней, другие — советники сомневающих, вестники неизвестного, помощники в ремесле, спутники в путешествии. Они бывают в городах, селах, на суше и на море. Каждый из них получает в удел человеческое тело: один — Сократа, другой — Платона, а также Пифагора, Зенона и Диогена. Некоторые — грозные, другие — милосердные, одни проявляют себя в политике, другие — в военном деле. Сколько характеров людей, столько и даймонов:

*Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища*⁴⁸.

Но если ты мне укажешь на душу, полную пороков, то знай, что она лишена очаж и наставника⁴⁹.

также случай и свободная воля человека. Эта тема была достаточно популярна в среднем платонизме. См. Ps.-Plut. *De Fato* 570B–574B; Plut. *Quaest. Conv.* 740C.

⁴⁴ Человек нуждается в помощи божества, чтобы достигнуть добродетели. Максим дает краткий обзор космологии, в соответствии с которым есть высший бог, управляющий всем миром, и вторичные божества — даймоны. Теология Максима Тирского соответствует основным тенденциям среднего платонизма, которые представлены, например, в речи Апулея «О божестве Сократа». В отличие от Максима Апулей в начале своей речи дает подробный анализ космологии, выделяя три уровня божественного мира: видимые боги, т.е. планеты и неподвижные звезды (*DDS*. I. 116–II. 121; IV. 128), невидимые боги, в число которых входят 12 олимпийских богов (*DDS*. I. 116; II. 121; IV. 128), и высший бог, отец всех остальных богов, творец и владыка всего мира (*omnium rerum dominator atque auctor*). В данном отрывке Максим говорит только о верховном божестве, сразу переходя ко вторичным сущностям, т.е. даймонам. В речи XI, посвященной учению Платона о боге, Максим упоминает также видимых и невидимых богов (XI. 12).

⁴⁵ Похожее определение встречается также у Апулея в *DDS*: «Они находятся между богами и нами как по положению места, так и по нраву ума, имея общим с высшими бессмертие, с низшими — чувственность». (*DDS*. XIII. 147; здесь и далее пер. А.Е. Кузнецова). Как и Апулей (V. 129–132), Максим говорит о невозможности непосредственного общения между людьми и богами, поэтому даймоны выступают как посредники, соединяющие человеческий и божественный миры.

⁴⁶ Причастность даймонов к человеческой и божественной природе — важный пункт демонологии, которому особое внимание в своей речи уделяет также Апулей: «Итак, охватываю все определением: род демонов — существа одушевленные, дух — разумен, душа — чувствительна, тело — воздушно, время — вечно. Из пяти свойств, упомянутых мною, первые три — те же, что и наши, четвертое — их собственное, последнее — общее с бессмертными богами, от которых они отличаются, однако, чувственностью» (*DDS*. XIII. 148).

⁴⁷ Hes. *Op.* 252–253. Пер. В.В. Вересаева.

⁴⁸ Hom. *Od.* XVII. 485–486.

⁴⁹ Трудное для интерпретации место, так как неясно, говорит ли здесь Максим о личных даймонах-покровителях, которые предоставляются каждому человеку. См. Plat. *Phaed.* 107d5;

РЕЧЬ IX О БОЖЕСТВЕ СОКРАТА (II)

1. Почему бы нам не спросить самого даймона? Я это предлагаю потому, что он человеколюбив и имеет обыкновение отвечать через людей, как искусство Исмения проявляло себя через флейту⁵⁰. Давай спросим его словами Одиссея:

*Руки, богиня или смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычица пространного неба*⁵¹,

тогда нет необходимости в словах, потому что все мы знаем о тебе.

*Если же одна ты из смертных, под властью судьбины живущих*⁵²,

тогда скажи, подобен ли ты нам? Способен ли ты чувствовать, говорить как мы? Неужели ты того же рода и живешь в том же мире? Или же ты только обитаешь на земле, будучи по природе причастен высшим силам? Конечно, даймоны бестелесны (отвечать следует мне, потому что они так повелели), они не имеют костей, крови и всего того, что может разделиться, разъединиться, расплавиться или разложиться. Но что же они тогда? Сначала давай рассмотрим, какова должна быть по необходимости сущность даймонов. Бесстрастное противоположно страстному, смертное — бессмертному, неразумное — разумному, нечувствительное — чувствительному, одушевленное — неодушевленному⁵³. Все одушевленное является смешением двух элементов: бессмертное бесстрастное, бессмертное страстное, страстное смертное, неразумное чувствующее, одушевленное бесстрастное. Так природа постепенно спускается от самого возвышенного к самому низкому⁵⁴. Если ты извлечешь одну из ступеней, то разрушишь целостность природы. Так в гармонии звуков единство низких тонов с высокими создают средние. А именно, средние звуки создают переход от самых высоких нот к самым низким, который приятен и для слуха, и для исполнителя.

2. То же самое происходит и в природе как в самой совершенной гармонии. Бог бесстрастный и бессмертный, даймон бессмертный и страстный, человек страстный и смертный, животное неразумно и способно к ощущениям, растение одушевленное и бесстрастное. Сейчас мы можем не касаться остальных созданий. Так как мы рассматриваем природу даймонов, которую мы называли серединой между человеком и богом, давай узнаем, можно ли каким-либо образом устранить ее, сохранив остальное. Неужели бог бессмертен и страстен? Вовсе нет, потому что он бессмертен и бесстрастен. Возможно, человек? Он смертен

108b2—3; 113d2. О личных даймонах-покровителях пишет Апулей: «Как утверждает Платон, из этого высшего сонма демонов уделяется каждому человеку особый свидетель и страж жизни, который, никому не видимый, всегда присутствуя, судит не только дела, но даже и мысли. Когда жизнь кончается и надо возвращаться, тот, кто нам придан, тотчас хватается своего пленника и увлекает его на суд, и там, присутствуя на слушание дела, изобличает, если солгут, подтверждает, если скажут правду; и всецело по их показаниям выносятся приговор» (DDS. XVI. 155). Возможно, Максим обращается к тексту «Тимея» (90a2—с6), где говорится, что высшая часть человеческой души λογιστικόν — даймон человека. О даймонах-покровителях см. Timotin 2012, 243—322, а также статью К. Альт, посвященную этому вопросу: Alt 2000.

⁵⁰ Речь идет о фиванском флейтисте Исмении, жившем в IV в. до н.э., сыне Исмения, фиванского политического деятеля. Флейтист Исмений был также известен как собиратель гемм (Plut. Reg. et imp. apophtheg. 174F; Fort. Alex. 334B; Non posse 1095F; Plin. NH. XXXVII. 6).

⁵¹ Hom. Od. VI. 149—150. Вопрос, с которым обращается Одиссей к Навсикае.

⁵² Hom. Od. VI. 153.

⁵³ Классификация живых существ (божество, демон, человек, животное, растение) напоминает классификации Аристотеля. Ср. De an. II. 2—3; 413a—414a: «Мы утверждаем, что нечто живет и тогда, когда у него наличествует хотя бы один из следующих признаков: ум, ощущение, движение и покой в пространстве, а также движение в смысле питания, упадка и роста» (пер. П.С. Попова).

⁵⁴ Идея о строгой последовательности в природе также встречается у Аристотеля: природа переходит так постепенно от предметов бездушных к животным, что в этой непрерывности остаются незаметными и границы, и чему принадлежит промежуточное (Hist. an. VIII. 1. 588 b4). Ср. также Arist. Part. An. IV. 5. 681a.

и бесстрастен? Это неверно, потому что он смертен, но не бесстрастен. Где же найти сочетание бессмертия и страстности? Необходимо, чтобы между богом и человеком была объединяющая сущность, сильнее человека, но слабее божества, если между двумя этими крайностями должно происходить общение. Если две вещи разделены по природе, то общение между ними исключено, если только нет общей части, относящейся к обоим предметам⁵⁵.

3. Вот аналогия тому, что я хочу сказать. Мы называем огонь чем-то сухим и теплым. Теплому противоположно холодное, сухому — влажное, так что мы называем воду чем-то холодным и влажным⁵⁶. Очевидно, что невозможно превратить огонь в воду или воду в огонь, так как ни холод не может перейти в тепло, ни влажность — в сухость. Природа так усмирила их вражду: в качестве примирителя она дала им воздух, который, взяв от огня тепло, а от воды — влажность, смешал их и установил между ними общение. Таким образом, возникает переход из огня в воздух благодаря теплу и из воздуха в воду благодаря влажности. Воздух, в свою очередь, теплый и влажный, земля — сухая и холодная. Сухость противоположна влажности, как холод — теплу. Воздух никогда бы не смог перейти в землю, если бы природа не дала воду, выступающую посредницей между ними, принимая влажность от воздуха и холод от земли. Посмотри на всю систему в целом, соединив все следующим образом: так как каждый элемент состоит из двух различных качеств, то, отнимая у элемента одно качество и присоединяя его к следующему элементу, ты, с одной стороны, разделяешь наполовину элементы, а с другой стороны, их наполовину соединяешь. Таким способом противоположности, которые по природе разделены, соединяются: огонь сочетается с воздухом через тепло, воздух с водой — через влажность, вода с землей — через холод, земля с огнем — через сухость. Точно так же бог соединен с даймоном через бессмертие, даймон с человеком через страстность, человек с животным через способность к ощущениям, животное с растением через одушевленность.

4. Если хочешь, то рассмотри устройство человеческого тела. Ты увидишь, что и там природа не совершает скачков. Для сочетания разных тел ей необходимы посредники. Волос и ноготь мягче кости, тоньше сухожилий, суше, чем кровь, и жестче, чем плоть. Из этого следует, что любая вещь, в которой есть гармония и порядок, нуждается в посреднике: будь то звук, цвет, вкус, запах, ритм, фигура, чувство или речь. Раз дело обстоит так — бог бессмертен и бесстрастен, человек смертен и страстен, — тогда посредник должен быть или смертным и бесстрастным, или бессмертным и страстным. Первое невозможно, потому что смертное никогда не сможет соединиться с бесстрастием⁵⁷.

⁵⁵ Идея об общей части, соединяющей разные предметы, благодаря чему возникает непрерывность, восходит к Аристотелю: «А непрерывное есть по существу своему нечто смежное. Говорю же я о непрерывном в том случае, когда граница каждой из двух вещей, по которой они соприкасаются и которая их связывает вместе, становится одной и той же; так что ясно, что непрерывность имеется там, где естественно образуется что-то одно благодаря соприкасанию» (*Met.* XI, 1069a5; пер. А.В. Кубицкого). По отношению к демонологии учение о связующем общем элементе первым применил Ксенократ. «Ксенократ в качестве примера использовал треугольники: равносторонний он уподобил богам, неравносторонний — людям, а равнобедренный — даймонам. Потому что первый тип треугольников равен со всех сторон, второй — неравен, а третий в чем-то равен, в чем-то нет. Такова и природа даймонов, которая обладает человеческими страстями и божественной силой» (*Plut. De def.* 13. 416 C–D). Ср. также *Apul. DDS.* XIII. 147–148.

⁵⁶ Максим приводит еще один пример необходимости среднего звена, используя учение об элементах. Его рассуждения снова восходят к Аристотелю: «Итак, поскольку имеется четыре основных [свойства] и между ними возможны шесть сочетаний, противоположности же по природе своей не соединяются попарно (ведь одно и то же не может быть теплым и холодным или сухим и влажным), то ясно, что будет четыре сочетания основных свойств — теплого и сухого, горячего и влажного, холодного и влажного, холодного и сухого. Разум подсказывает, что эти сочетания сообразны с телами, которые кажутся простыми, т.е. огнем, воздухом, водой и землей» (*Arist. De gen. et corr.* II, 330a30; пер. Т.А. Миллер). См. также *Arist. De gen. et corr.* II, 330a30–330b13; 331a7–332a2.

⁵⁷ М. Трапп отмечает ошибку в рассуждениях Максима (Trapp 1997a, 80). Смертное и бесстрастное не только теоретически может существовать, но и существует — растения. Во второй главе этой речи автор относит растение к *κατὰ τὸ ἔμφυχον καὶ ἀταθές* (IX. 2).

Следовательно, остается признать, что природа даймонов страстная и бессмертная, чтобы бессмертием быть связанной с богом, а страстностью с человеком.

5. Теперь следует рассмотреть, как природа даймонов сочетает в себе страстность и бессмертие. Начать следует, конечно, с бессмертия. Все, что подвержено гибели, или изменяется, или разделяется, или плавится, или раскалывается, или ломается. Разделяется, как глина под действием воды, разбивается, как земля от плуга, плавится, как воск на солнце, раскалывается, как древесина железом, изменяется, как вода переходит в воздух, а воздух — в огонь. Стало быть, природа даймонов, если она хочет быть бессмертной, не должна разделяться, дробиться, ломаться, изменяться или раскалываться. Потому что, если что-либо из этого произойдет, бессмертия не будет. Как даимон может погибнуть, если сам он является душой, покинувшей тело?⁵⁸ Согласимся, что душа, которая, пребывая в тленном теле, не дает ему погибнуть, едва ли сама может подвергнуться разрушению⁵⁹. В этом сочетании душа — содержащее, тело — содержащее. Но если что-то другое содержит душу, а не она сама себя, тогда что это? Кто может себе представить душу души? Если ряд вещей держится одна за другую, необходимо, чтобы в конце этого ряда была вещь, держащая другую, но сама ни от чего не зависящая⁶⁰. Если это не так, то где остановится ум, стремящийся в бесконечность? Сравни это с кораблем, привязанным во время бури несколькими веревками к скале, которые, соединяясь одна с другой, держатся за скалу — крепкий и надежный оплот.

6. Такова и душа: она держит и укрепляет колеблемое и сотрясаемое тело⁶¹. Но как только прекращается дыхание и силы, связывавшие душу и тело, покидают его, тело погибает и погружается вниз, душа же, будучи самодостаточной, остается непоколебимой. И называется такая душа уже даймоном, жителем эфира, так как она переселилась туда, покинув землю. Как переселяются из варварской страны в Грецию, из незаконного, беспокойного города, управляемого тираном, в спокойный и законопослушный город, где правит царь. Это похоже, как мне кажется, на гомеровскую картину, где Гефест изображает два города на щите:

В первом, прекрасно устроенном, браки и пишества зрелись⁶²,

как и танцы, и пение, и торжества. А в другом городе войны, восстания, грабеж, ссоры, вопли, крики и стоны. То же самое можно сказать про землю и эфир. В то время как эфир — место умиротворенное, полное песен и божественных хороводов, земля полна

⁵⁸ Максим упрощает демонологию и говорит о даймонах как о душах, покинувших тело, в то время как Апулей рисует более сложную схему, выделяя души людей, которые стали даймонами, и высших даймонов, которые никогда не были в теле (Apul. *DDS*. XV–XVI. 150–155). У Плутарха даймоны фигурируют либо как никогда не бывшие в теле (*Is. et Os*. 361B), либо как души, покинувшие тело (*De gen. Socr.* 593D).

⁵⁹ Рассуждение Максима, возможно, опирается на четвертое доказательство бессмертия души в «Федоне» Платона. Сократ, беседуя с Кебетом, доказывает, что душа несовместима со смертью, как четность несовместима с нечетностью. Душа, будучи жизнью тела, не может стать противоположностью, т.е. смертью. Когда тело умирает, душа не умирает с ним, но покидает его (*Phaed.* 105c–e).

⁶⁰ Максим использует аргумент Аристотеля *regressio ad infinitum*, доказывающий неделимость души: «Следовательно, если душу делает единой нечто другое, то это другое скорее всего и было бы душой. Но тогда, в свою очередь, необходимо возникает вопрос о нем: едино ли оно или состоит из многих частей? Ведь если оно едино, то почему не допустить сразу, что и душа едина? Если же оно имеет части, то опять необходимо доискиваться, что такое то, что скрепляет его, и так далее до бесконечности» (*De an.* I. 5, 411b6–14; пер. П.С. Попова). Ван Винден показал, что аргумент *ad infinitum* во II в. н.э. уже перестал ассоциироваться непосредственно с Аристотелем и использовался представителями всех философских школ: Van Winden 1971, 98.

⁶¹ Сравнение пребывания в теле с плаванием в бурю встречается не только в других речах Максима (*Or.* XI. 7–8, 10–11; XXI. 8), но также у Платона и представителей платонической традиции (Plat. *Phaed.* 90c, 109; *Resp.* 611e; Plut. *De Gen.* 591E; *De Exil.* 607D–E; Philo *Quod Omn.* 24; *Sacr.* 13; Num. fr. 13; Porph. *Vita Plotini* 22).

⁶² Hom. *Il.* XVIII. 691.

шума, суеты и разногласия. Когда душа переселяется в эфир, покидая тело и оставляя его земле, чтобы оно разрушилось согласно закону времени, она становится даймоном. Тогда она может созерцать чистыми глазами то, что ей подобает видеть. Ей не препятствуют ни плоть, ни цвета, ни разные образы, ни туман. Она радостно созерцает саму красоту незамутненными глазами, сожалея о своей прошлой жизни, но радуясь настоящей⁶³. Она жалеет родственные души, которые до сих пор скитаются по земле, из-за своего человеколюбия хочет помочь им и направить их к истине, если они ошибаются. Бог предписал им странствовать по земле и присоединяться к людям всех ремесел и занятий, чтобы помогать достойным, защищать обиженных и наказывать преступников⁶⁴.

7. Не всякий даймон занимается каким угодно делом, но каждому предписано свое занятие. Также и в этом проявляется их страстность, из-за которой они находятся ниже божества. Дело в том, что они не захотели расстаться с тем искусством, которым они занимались на земле, поэтому и Асклепий сейчас продолжает лечить⁶⁵, и Геракл — показывать свою силу, и Дионис — справлять вакханалии, и Амфилох — предсказывать⁶⁶, и Диоскуры — плавать по морю, и Минос — судить, и Ахилл — вооружаться. Ахилл живет на острове, расположенном в Евксинском понте напротив Истра, где есть храм и жертвенники Ахилла⁶⁷. Никто не может по своему желанию высадиться на остров, кроме как для жертвоприношения. Совершив жертвоприношение, следует вернуться на корабль⁶⁸. Часто моряки видели молодого мужчину со светлыми волосами, упражняющегося с оружием. Оружие его золотое. Одни не видели его, но слышали, как он поет, другие и видели, и слышали⁶⁹. Один человек случайно уснул на острове. Ахилл разбудил его, привел к палатке и предложил обильное угощение. Патрокл был виночерпием, Ахилл играл на кифаре. По его словам, была также Фетиды и собрание других даймонов. Если верить

⁶³ Созерцание душой божественного мира напоминает описание истинной Земли в конце диалога «Федон» (Plat. *Phaed.* 110b–111c) и созерцание солнца человеком, вышедшим из пещеры (Plat. *Resp.* VII. 514a–518a).

⁶⁴ О помощи даймонов душам, остающимся в этом мире, говорит также в конце своей речи пифагореец Феанор в диалоге Плутарха «О демоне Сократа»: «Так и те (души, покинувшие тело), которые, выйдя из жизненных состязаний по своей душевной высоте, стали демонами, не совершенно презирают земные дела, речи и стремления, но в своей благосклонности к тем, кто направляется к одной с ними цели, соревнуют им, воодушевляют и ободряют их, когда видят их уже близкими к осуществлению надежды и почти касающимися меты» (Plut. *De gen. Socr.* XXIV. 593E; пер. Я.М. Боровского).

⁶⁵ На популярность культа Асклепия во II в. н.э. указывает сочинение современника Максима Элия Аристиды «Священные речи», в котором автор рассказывает о том, как Асклепий излечил его от хронической болезни в Асклепионе в Пергаме.

⁶⁶ Культ Амфилоха, сына Амфиарая, существовал в Оропе, Афинах, Спарте (Paus. I. 34. 3; III. 15. 8). В данном случае Максим скорее всего имеет в виду святилище Амфилоха в Маллосе в Киликии, которое, по свидетельствам Лукиана, было популярно во II в. н.э. (Luc. *Alex.* 29; *Philops.* 38; *Deor. conc.* 12).

⁶⁷ Речь идет о культе Ахилла Понтарха на Белом острове (о. Змеиный в Черном море). Основные сведения об этом культе черпаются из сочинений авторов II–III вв.: «Героики» Флавия Филострата, «Перипла Евксинского Понта» Арриана и IX речи Максима Тирского. Максим не рассказывает историю возникновения острова, который был создан Посейдоном по просьбе Фетиды (Flav. *Phil. Her.* 54. 5–6; Арг. *PPE.* 21. 1). Он упоминает храм и жертвенники Ахилла (IX. 7), но не говорит о птицах, которые ухаживают за этим храмом (Арг. *PPE.* 21. 2; Flav. *Phil. Her.* 54. 9).

⁶⁸ Арриан (*PPE.* 21. 2) и Филострат (*Her.* 54. 11) также сообщают, что моряки могут сходить на остров, но должны вернуться на корабль до захода солнца.

⁶⁹ У Арриана Ахилл является либо во сне, либо на корабле, помогая морякам найти удобное место для стоянки. «Ахилл, как рассказывают, является во сне одним после того, как причалит к острову, а другим — еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву на мачте или на конце реи, подобно Диоскурам; Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне» (*PPE.* 23. 1–2; пер. П.И. Прозорова).

илионским преданиям, то и Гектор пребывает на земле, появляясь на равнине бегущим и излучающим свет. Сам я не видел ни Ахилла, ни Гектора. Но зато я видел Диоскуров на корабле, яркие звезды⁷⁰, которые направили корабль, попавший в бурю. Видел я также и Асклепия, и притом не во сне⁷¹, и Геракла, притом наяву⁷².

Литература / References

- Alt, K. 2000: Der Daimon als Seelenführer: Zur Vorstellung des persönlichen Schutzgeistes bei den Griechen. *Hyperboreus* 6, 219–252.
- Ambühl, A. 2001: Selloi. In: H. Cancik, H. Schneider, J.B. Metzler (Hrsg.), *Der Neue Pauly*. Bd. 11. Stuttgart–Weimar, 373.
- Belikov, G.S. 2020: [Compositional Technique of Maximus of Tyre]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 24, 987–998.
- Беликов, Г.С. Композиционная техника Максима Тирского. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24, 987–998.
- Belikov, G.S. 2022: [The 9th Speech of Maximus of Tyre (Or. IX.7): Asclepius and Heracles]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 26, 63–71.
- Беликов, Г.С. Асклепий и Геракл в IX речи Максима Тирского (Or. IX.7). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26, 63–71.
- Bonnechere, P. 2003: *Trophonios de Lébadée: Cultes et mythes d'une cité béotienne au miroir de la mentalité antique*. Leiden.
- Campos Daroca, F.J., López Cruces, J.L. 2005: Maxime de Tyr. In: R. Goulet (ed.), *Dictionnaire des philosophes antiques publié sous la direction de Richard Goulet*. Tome IV: de Labeo à Ovidius. Paris, 324–348.
- Dillon, J. 1996: *The Middle Platonists, 80 B.C. to A.D. 220*. New York.
- Gigon, O. 1994: *Sokrates. Sein Bild in Dichtung und Geschichte*. Tübingen–Basel.
- Graf, F. 1997: Dodona, III. Orakel. In: H. Cancik, H. Schneider, J.B. Metzler (Hrsg.), *Der Neue Pauly*. Bd. 3. Stuttgart–Weimar, 726.
- Hirsch-Luipold, R., Trapp, M.B. (Hrsg.) 2019: *Ist Beten sinnvoll? Die 5. Rede von Maximus von Tyros*. Tübingen.
- Hoffmann, Ph. 1985–1986: Conférence de Philippe Hoffmann. Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire. *Annales de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses* 94, 417–436.
- Hoffmann, Ph. 1986–1987: Conférence de Philippe Hoffmann. Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire. *Annales de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses* 95, 295–305.

⁷⁰ Речь идет об огнях святого Эльма — оптическом явлении, когда во время шторма на вершине мачты появляются небольшие пучки света.

⁷¹ Обычно Асклепий является во сне, поэтому Максим считает свой случай исключительным. Более подробный анализ заключительных строк IX речи дается в статье Belikov 2022, 63–71.

⁷² Эпифании богов всегда вызывали интерес, но Максим пытается дать этим явлениям научное обоснование, основанное на платоновской демонологии. Параллели из сочинений Плутарха и Апулея показывают, что вопрос о способности видеть и слышать даймонов был важен для платоников I–II вв.: у Плутарха в диалоге «О демоне Сократа» Симмий начинает свою речь с того, что божество Сократа было не видение, а некий голос (*De gen. Socr.* XX. 588C); в речи Апулея нет сведений, о том, что Апулей сам видел даймонов, зато сказано, что Сократ мог видеть своего даймона (ApuL. *DDS.* XX. 166). Цитаты из Гомера (*Il.* I. 55; 197; V. 127–128; *Od.* III. 26–28), которые приводит Максим (явление Афины Ахиллу также упоминает и Апулей в *DDS.* XI. 145), должны были подтвердить способность некоторых людей видеть даймонов. Как и гомеровские герои, Максим, по его словам, сам видел Диоскуров, Геракла и Асклепия. Это свидетельство может показаться слишком смелым и малоубедительным, но оно хорошо вписывается в платоническую традицию. Помимо упомянутых выше мест из Плутарха и Апулея можно привести еще параллель из «Жизни Плотина» Порфирия, где рассказывается, как египетский жрец вызвал даймона—покровителя Плотина (Porph. *Vita Plotini* 10).

- Hoffmann, Ph. 1987–1988: Conférence de Philippe Hoffmann. Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire. *Annales de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses* 96, 272–281.
- Joyal, M. 1995: Tradition and Innovation in the Transformation of Socrates' Divine Sign. In: L. Ayres (ed.), *The Passionate Intellect: Essays on the Transformation of Classical Traditions presented to Professor I. G. Kidd*. New Brunswick, 39–56.
- Kindstrand, J.F. 1973: *Homer in der zweiten Sophistik: Studien zu der Homerlektüre und dem Homerbild bei Dion von Prusa, Maximus von Tyros und Ailius Aristeides*. Uppsala.
- Koniaris, G.L. 1983: On Maximus of Tyre: Zetemata (II). *Classical Antiquity* 2/2, 212–250.
- Lane Fox, R. 1986: *Pagans and Christians: In the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine*. London.
- Levin, S. 1989: The Old Greek Oracles in Decline. In: W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.18/2. Berlin–New York, 1599–1649.
- Norden, E. (ed.) 1916: *P. Vergilius Maro, Aeneis Buch VI*. Leipzig.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge (MA).
- Parke, H.W. 1985: *The Oracles of Apollo in Asia Minor*. London–New York.
- Podossinov, A.V. 2015: *Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoy epokhi* [Where Did Odysseus Travel? Geographical Concepts of the Archaic Greeks]. Moscow.
- Подосинов, А.В. *Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи*. М.
- Prikhod'ko, E.V. 1998: *Dvoynoe sokrovishche. Iskustvo proritsaniya Drevney Gretsii* [Double Treasure. The Art of Divination in Ancient Greece]. Moscow.
- Приходько, Е.В. *Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах*. М.
- Shichalin, Yu.A. 2008: [Middle Platonism]. In: M.A. Solopova (ed.), *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow, 698.
- Шичалин, Ю.А. Средний платонизм. В кн.: М.А. Солопова (ред.), *Античная философия: Энциклопедический словарь*. М., 698.
- Soury, G. 1942: *Aperçus de philosophie religieuse chez Maxime de Tyr, platonicien éclectique. La prière, la divination, le problème du mal*. Paris.
- Stavrou, A., Moore, Chr. (eds.) 2017: *Socrates and the Socratic Dialog*. Leiden.
- Timotin, A. 2012: *La démonologie platonicienne. Histoire de la notion de daimōn de Platon aux derniers néoplatoniciens*. Leiden–Boston.
- Trapp, M.B. (ed.) 1994: *Maximus Tyrius. Dissertationes*. Stuttgart–Leipzig.
- Trapp, M.B. (ed.) 1997a: *Maximus of Tyre: The Philosophical Orations*. Oxford.
- Trapp, M.B. 1997b: Philosophical Sermons: The “Dialexeis” of Maximus of Tyre. In: W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.34/3. Berlin–New York, 1945–1976.
- Ueberweg, F., Praechter, K. 1920: *Grundriss der Geschichte der Philosophie*. Teil I. *Das Altertum*. Berlin.
- Van Winden, J.C.M. 1971: *An Early Christian Philosopher Justin Martyr's Dialog with Trypho. Chapters One to Nine*. Leiden.

Grigory S. Belikov,

Faculty of History and Philology,
Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration;
Laboratory on Commentaries on Ancient Texts
of the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: grbelikoff@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3763-5101

Г.С. Беликов,

к. филол. н., доцент кафедры всеобщей
истории историко-филологического
факультета ИОН РАНХиГС;
с.н.с. Лаборатории комментирования
античных текстов ИМЛИ РАН,
Москва, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— <i>Вестник древней истории</i> . Москва
ЗРАО	— <i>Записки Императорского русского археологического общества</i> . Санкт-Петербург
ИГ	— <i>Инвентарная Книга</i> . Опись коллекции В.С. Голенищева (Отдел древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина; указывается лист рукописи или порядковый номер памятника в описи)
ИИАК	— <i>Известия императорской археологической комиссии</i> . Санкт-Петербург
НА РО
ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
ОАК	— <i>Отчет императорской археологической комиссии</i> . Санкт-Петербург
РА ИИМК
РАН	— Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Россия
AGD I. 3	— Brandt, E. (Hrsg.), <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. I. <i>Staatliche Münzsammlung München</i> . Teil 3. <i>Gemmen und Glaspasten der römischen Kaiserzeit sowie Nachträge</i> . München, 1972
AGD III	— Zazoff, P. (Hrsg.), <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. III. <i>Braunschweig, Göttingen, Kassel</i> . Wiesbaden, 1970
АНw.	— Soden, W. von. <i>Akkadisches Handwörterbuch</i> . Wiesbaden, 1965–1981
BAR 1102	— Frolova, N.A., Ireland, S., <i>The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD</i> . (BAR International Series, 1102). Oxford, 2002
CAD	— <i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago</i> . Chicago, 1956–2010
CIRB	— Struve, V.V. et al. (eds.), <i>Corpus inscriptionum regni Bosporani</i> . Moscow–Leningrad, 1965
CTN	— <i>Cuneiform Texts from Nimrud</i> . London
DOC 1	— Bellinger, A.R. <i>Anastasius I to Maurice. 491–602</i> . (Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. I). Washington, 1966
DOC 3/2	— Grierson, Ph. <i>Leo III to Nicephorus III. 717–1081</i> . Pt. 2. <i>Basil I to Nicephorus III. 867–1081</i> . (Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. III/2). Washington, 1993
DOC 4/1	— Hendy, M.F. <i>Alexius I to Michael VIII. 1081–1261</i> . Pt. 1. <i>Alexius I to Alexius V. 1081–1261</i> . (Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. IV/1). Washington, 1999
DOC 5/2	— Grierson, Ph. <i>Michael VIII to Constantine XI. 1058–1453</i> . Pt. 2. <i>Catalogue, Concordances and Indexes</i> . (Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. V/2). Washington, 1999
DOC LRC	— Grierson, Ph., Mays, M. (eds.). <i>Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius</i> . Washington, 1992
DZA	— Digitized Slip Archive (<i>Thesaurus Linguae Aegyptiae</i>)
FGrHist	— Jacoby, F. (Hrsg.), <i>Die Fragmente der griechischen Historiker</i> . Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958

-
- IOSPE — Latyshev, B. et. al. (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index.html>; дата обращения: 24.02.2023
- KAR — Ebeling, E. *Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts*. Bd. I–II. Leipzig, 1915–1923
- LGPN I — Fraser, P.M., Matthews, E. (eds.), *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. I. *The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica*. Oxford, 1987
- LIMC — *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. I–VIII, Suppl. Zürich–München–Düsseldorf, 1981–2009
- LSJ — Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
- MSL — *Materialien zum sumerischen Lexikon* (= *Materials for the Sumerian Lexicon*). Rome
- RIC 8 — Kent, J.P.C. *The Family of Constantine. A.D. 337–364*. (The Roman Imperial Coinage, 8). London, 1981
- RIC 10 — Kent, J.P.C. *The Divided Empire and the Fall of the Western Parts. AD395–491*. (The Roman Imperial Coinage, 10). London, 1994
- SNG BM I — Price, M.J. *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum. Pt.I. The Black Sea*. London, 1993
- SNG Stancomb — *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. XI. *The William Stancomb Collection of the Black Sea Region*. Oxford, 2000
- TLA — *Thesaurus Linguae Aegyptiae*. URL: <https://aew.bbaw.de/tla/index.html>; дата обращения: 10.05.2023.
- Wb. — Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богданов И. В.</i> (Санкт-Петербург) — «Конец вечности» как теологическая категория в египетской эсхатологии	257
<i>Нуруллин Р. М.</i> (Москва) — Слова Сидури: к вопросу об искусстве аккадского стихосложения	274
<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — Существовал ли ранний историк Симонид Кеосский?	298
<i>Pérez González J.</i> (Girona, Spain), <i>Lario Devesa A.</i> , <i>Remesal Rodríguez J.</i> (Barcelona, Spain) — Amphora Traceability in the Roman West: Recognition of Patterns of Commercial Connectivity in the Roman Empire through the Application of Network Science to Amphoric Epigraphy	313
<i>Ауров О. В.</i> (Москва) — Territorium: Сюжет из истории муниципального строя в городах Испании V–VII вв.	340

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М. Г.</i> (Москва / Магнитогорск), <i>Панкратова Е. Г.</i> (Санкт-Петербург), <i>Петрова Е. В.</i> (Челябинск), <i>Трейстер М. Ю.</i> (Бонн, Германия) — Античные и византийские монеты из коллекции Н. К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Часть 2. Боспор, поздняя Римская империя, Византия	367
<i>Копылов В. П.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Мерное клеймо из раскопок Елизаветовского (Елизаветинского) городища на Дону	391

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Макеева Н. В.</i> (Санкт-Петербург), <i>Анохина Е. А.</i> (Москва) — Два остракона с гимном Нильскому разливу в древнеегипетском собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина	402
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ладынин И. А.</i> (Москва) — Проблемы периодизации и принципы выделения этапов истории древности в отечественной науке XX–XXI вв. Часть 1	421
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Хрусталёв В. К.</i> (Санкт-Петербург / Псков) — C. Criste. ‘Voluntas auditorum’. Forensische Rollenbilder und emotionale Performanzen in den spätrepublikanischen ‘quaestiones’. Heidelberg, 2018	446
<i>Барышников А. Е.</i> (Нижний Новгород) — Иногда она возвращается: очередной виток дискуссии о романизации? (По поводу книги O. Belvedere, J. Bergemann. Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization. Palermo, 2021)	453
<i>Никишин В. О.</i> (Москва) — J. McNamara, V. E. Pagán (eds.). Tacitus’ Wonders: Empire and Paradox in Ancient Rome. London–New York, 2022	461

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кузнецова Е. В.</i> , <i>Монахов С. Ю.</i> , <i>Растегаева М. Н.</i> , <i>Чурекова Н. Б.</i> (Саратов) — VII Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 14–17 октября 2021 г.)	470
<i>Горнчаровский В. А.</i> , <i>Климов О. Ю.</i> (Санкт-Петербург) — Секция «Античный мир и Северное Причерноморье» II Петербургского исторического форума (Санкт-Петербург, 10–16 октября 2022 г.)	481
<i>Карпук С. Г.</i> (Москва), <i>Скворцов А. М.</i> (Санкт-Петербург) — Научная конференция «Советская древность – VIII. Древняя история и историки древности не нашего века» (Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2022 г.)	487

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Максим Тирский.</i> О божестве Сократа (<i>Or.</i> VIII–IX). Предисловие, перевод и комментарии <i>Г. С. Беликова</i> (Москва)	490
--	-----

CONTENTS

<i>I. V. Bogdanov</i> (Saint Petersburg) – ‘The End of Eternity’ as a Theological Category in the Egyptian Eschatology.....	257
<i>R. M. Nurullin</i> (Moscow) – Siduri’s Speech: Towards the Art of Akkadian Poetry.....	274
<i>I. E. Surikov</i> (Moscow) – Did the Early Historian Simonides of Ceos Ever Exist?.....	298
<i>J. Pérez González</i> (Girona, Spain), <i>A. Lario Devesa</i> , <i>J. Remesal Rodríguez</i> (Barcelona, Spain) – Amphora Traceability in the Roman West: Recognition of Patterns of Commercial Connectivity in the Roman Empire through the Application of Network Science to Amphoric Epigraphy	313
<i>O. V. Aurov</i> (Moscow) – <i>Territorium</i> : A Study in the History of the Municipal System in the Cities of Hispania, 5 th –7 th Centuries.....	340

PUBLICATIONS

<i>M. G. Abramzon</i> (Moscow / Magnitogorsk), <i>E. G. Pankratova</i> (Saint Petersburg), <i>E. V. Petrova</i> (Chelyabinsk), <i>M. Yu. Treister</i> (Bonn, Germany) – Ancient and Byzantine Coins from the N.K. Minko’s Collection (State Historical Museum of the Southern Urals). Part II. Bosphorus, Late Roman Empire, Byzantine Empire	367
<i>V. P. Kopylov</i> (Rostov-on-Don), <i>F. V. Shelov-Kovedyaev</i> (Moscow) – A Measuring Stamp from the Excavations of the Elizavetovskoye (Elizavetinskaya) Settlement on the Don River	391

IN WORLD MUSEUMS

<i>N. V. Makeeva</i> (Saint Petersburg), <i>E. A. Anokhina</i> (Moscow) – The Hymn to the Inundation of the Nile: Two Ancient Egyptian Ostraca in the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow	402
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>I. A. Ladynin</i> (Moscow) – Stages of Ancient History and the Criteria of Their Definition in Russian and Soviet Scholarship of the 20 th and 21 st Centuries. Part I	421
---	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V. K. Khrustalev</i> (Saint Petersburg / Pskov) – C. Criste. ‘Voluntas auditorum’. Forensische Rollbilder und emotionale Performanzen in den spätrepublikanischen ‘quaestiones’. Heidelberg, 2018	446
<i>A. Ye. Baryshnikov</i> (Nizhny Novgorod) – Sometimes It Comes back: Yet Another Cycle of Romanization Debate? (Notes on O. Belvedere, J. Bergemann. Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization. Palermo, 2021)	453
<i>V. O. Nikishin</i> (Moscow)– J. McNamara, V. E. Pagán (eds.). Tacitus’ Wonders: Empire and Paradox in Ancient Rome. London–New York, 2022.....	461

NEWS AND EVENTS

<i>E. V. Kuznetsova</i> , <i>S. Yu. Monakhov</i> , <i>M. N. Rastegaeva</i> , <i>N. B. Churekova</i> (Saratov) – The 7 th All-Russian Conference “Word and Artefact: Interdisciplinary Approaches to the Study of Ancient History” (Saratov, October 14–17, 2021).....	470
<i>V. A. Goroncharovskiy</i> , <i>O. Yu. Klimov</i> (Saint Petersburg) – The “Ancient World and the North Pontic Area” Section of the 2 nd Historical Forum in Saint Petersburg (Saint Petersburg, October 10–16, 2022)	481
<i>S. G. Karpyuk</i> (Moscow), <i>A. M. Skvortsov</i> (Saint Petersburg) – The Academic Conference “Soviet Antiquity – VIII. The 20 th Century History and Historians of Ancient World” (Saint Petersburg, November 24–25, 2022).....	487

SUPPLEMENT

Maximus of Tyre. About the Socrates’ <i>daimon</i> (<i>Or. VIII–IX</i>). Introduction, Translation and Commentary by <i>G. S. Belikov</i> (Moscow).....	490
---	-----